

Н 821.512.132
Ч-18

Суюнгуль Чанышева

ЗЕМЛЯ, ОМЫТАЯ СЛЕЗАМИ

И 821.512.132

Ч-18	2015/81
	5481

Чанникова С.	
Звезда, Олимпийская	
Звезда	

	2014
	90000

2015/81-5481

Суюнгуль Чанышева

Суюнгуль Чанышева с семьей

Автор книги в наши дни

Суюнгуль Чанышева

ЗЕМЛЯ, ОМЫТАЯ СЛЕЗАМИ

Алматы, 2014

821.512.132 - 50 ур. ат 1251

УДК 821 (574)

ББК 84 (Тат-рус) - 44

Ч 18

Суюнгуль Чанышева

Ч 18 Земля, омытая слезами: Роман /перевод с уйгурского/ – Алматы: ИД “МИР”. 2014. – 528 стр

ISBN 978 - 601 - 7516 - 36 - 9

В настоящей книге описываются события 1960-1980 годов XX века. Через судьбу главной героини прослеживаются сложные перипетии жизни современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Автор, рассказывая о пережитом, отображает те общественно-политические процессы, которые имели место в этот самый сложный период времени. Книга предназначена для широкого круга читателей.

H 821.512.132
Ч - 18

Ko'makchi fond

УДК 821. (574)

ББК 84 (Тат-рус) - 44

ISBN 978 - 601 - 7516 - 36 - 9

VI
347378

© Издательский дом “МИР”, 2014

2015/81	Alisher Navoiy
5481	nomidagi
	O'zbekiston

ПРЕДИСЛОВИЕ

События, описываемые в данной книге, происходят в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Это историческая родина уйгуров – Уйгурстан, или Восточный Туркестан, что подчеркивает принадлежность уйгуров к тюркскому миру на его восточных пределах. Китайцами именуемый «Синьцзян» («Новая земля»)- это один из самых плодородных районов планеты в западной части Китая и имеет площадь в 1, 8 млн. кв. км.

На наш взгляд, для читателя будет полезным иметь краткую информацию об уйгурах - об одном из крупных тюркских народов. Это- древний народ с богатейшей историей и культурой.

Центральная Азия с давних времен является не только прародиной уйгуров, но и одной из древнейших и ценнейших колыбелей мировой культуры. Именно поэтому историк Морган отмечал: «Ключ мировой культуры спрятан в (Таклимакане) Таримской долине. Когда он будет найден, станут известны и тайны мировой культуры». Некоторые исследователи указывают, что на территории Уйгурстана существуют доселе неисследованные древние пирамиды, по своим размерам превышающие размеры пирамиды Хеопса.

Предки современных уйгуров еще в давние времена создавали известные государства. Высокий уровень уйгурской культуры в период Идикутского и Караханидского государств (850-1335 годы) признан в исторической науке, известное наследие того периода вошло в золотой фонд человеческой цивилизации.

Земли Уйгурстана издавна притягивает к себе внимание ученых всего мира, здесь работали многочисленные экспедиции российских, английских, французских, немецких, японских исследователей. Были обнаружены развалины древних городов, древние захоронения, архитектурные ансамбли и огромное количество письменных

текстов, написанных на бумаге, на деревянных дощечках, на стенах. Исторические материалы, вывезенные этими экспедициями, хранятся сегодня в музеях крупнейших городов мира. Самая большая коллекция древнеуйгурских рукописей и фрагментов (Турфанское собрание) была собрана немецкими исследователями в 1902-1914 годы, она насчитывает более 8 тысяч единиц. Подобная Российская коллекция насчитывает около 4200 единиц хранения.

Уйгурская письменность была создана на основе согдийского курсивного алфавита не позднее начала первого тысячелетия нашей эры. Уйгурский алфавит состоял из 20 букв, включая 5 гласных и 15 согласных. Важным историческим открытием 1909 года стала находка в одном из буддийских храмов почти полного списка уйгурской рукописи V века «Золотой блеск» («Алтун йарук»). Эта рукопись дала ученым драгоценные исследовательские материалы.

Одним из уникальных достижений уйгуров является производство бумаги, которое началось примерно в начале II века нашей эры в Хотане, Кашгаре, Кучаре и других городах. Бумагу, в основном, изготавливали из древесной коры, из шелка, волокон конопли, хлопка, виноградной лозы. Интересно, что и в наши дни местные уйгуры-кустары Восточного Туркестана изготавливают бумагу тем же способом, что и их предки.

В Турфане было изобретено книгопечатание способом ксилографии. Возможно, не случайно большинство уйгурских письменных документов V-IX веков были найдены именно в районе Турфана. Надо сказать, что в Европе ксилография появилась только в XIV веке.

В средние века представители уйгурского народа, как носителя известной письменности, занимали ответственные посты в империи Чингизхана. Алтайские, Бешбалыкские, Турфанские, Карашарские, Кашгарские, Хотанские уйгуры проявили себя мудрыми политиками, искусными дипломатами, знающими все тонкости военного дела пол-

ководцами, известными учеными, переводчиками, поэтами, историками, каллиграфами.

Одним из многих памятников уйгурской литературы, дошедших до нас, является произведение XI века «Кутадгу Билиг». Его автор- уйгурский поэт и мыслитель Юсуф Хас Хаджиб Баласагуни считается основоположником уйгурской классической литературы. Выдающийся уйгурский ученый Махмуд Кашгари (XI век) сыграл неоценимую роль в развитии культуры тюркских народов. Его произведение «Дивани лутати ат-тюрк» является драгоценным вкладом в развитие общемировой культуры.

Оригинальной и по-своему неповторимой является культура мукамов. Мукамы- древнейшие фольклорные музыкальные произведения, ставшие самой яркой страницей в истории народа, вошедшие в его бытийный уклад и послужившие сохранению и развитию уйгурской культуры. Поэтесса и музыкант принцесса Аманнисахан (1534-1567) и учитель музыки, поэт Кидирхан Якенди за 13 лет упорядочили мукамы. Собранные мелодии, песни, напевы были систематизированы по тематике и составили 12 сборников 360 различных мелодий, для полного исполнения которых требуются 24 часа. В 2005 году ЮНЕСКО включило уйгурские 12 сборников мукамов в список нематериального культурного наследия человечества.

Талантливый уйгурский народ создал и сохранил потомкам большое количество различных творений человеческого ума, которые явились вкладом уйгурского народа в мировую цивилизацию. В этом числе особое место занимает уникальный архитектурный памятник «Мын уй», созданный на протяжении нескольких веков в период расцвета буддизма в Восточном Туркестане. Точно «гнезда каменных ос», по свидетельству русского археолога М. Березовского, разбросаны пещеры и пещерные комплексы по долинам рек и ущелий Восточного Туркестана. Начало создания пещерной культовой архитектуры относится к первому веку до нашей эры, а время завершения - к

VII-VIII векам нашей эры. Всего сохранилось 645 комнат-пещер, составляющих ансамбль «Мын уй», где на стенах культовых пещер изображена реальная жизнь уйгурского народа во всем его многообразии и красоте. Культурно-архитектурный ансамбль «Мын уй» стал олицетворением возросшего духовного и культурного мышления народа.

Одним из уникальных сооружений древних уйгуров являются кяризные колодцы. Сегодня, как и тысячи лет назад, кяризное орошение является основным источником воды для полей турфанлыков. В окрестностях Турфана сохранилось более 1000 кяризов общей протяженностью более пяти тысяч км, которые действительно достойны восхищения. «Карыси – сооружения столь же изумительные по своей громадности, сколько и по смелости замысла», с этим утверждением Г.Е.Грум-Гржимайло трудно не согласиться.

Уйгурская медицина также берет начало в глубокой древности. Китайский медицинский чиновник Ли Ши-Чжен (1518-1593) писал в отчете, что уйгурская медицина насчитывает более сотни видов лечебных трав. Знаменитый лингвист и врач Джамадин Каши читал лекции в Кашгаре о медицине, а в 1282 году составил Большой толковый словарь «Сорак» о медицинских терминах, переизданный в 1910 году в Индии. Известный ученый, поэт, лекарь Тажалли (1858-1933) вживлял искусственное ребро, лечил рак змеиным ядом. Татарский ученый Рашит Рахмати Арат в своей работе «Медицинская практика уйгуров» (Берлин, 1930 год), как и западные ученые, склоняется к тому, что акупунктура (иглотерапия) является открытием уйгуров.

Ремесла помогали уйгурам развивать торговые связи на огромнейших просторах Великого Шелкового пути. Китайский историк XIII века Хун Хао писал: «Уйгуры – искусные ювелиры, они изготавливают золотые заколки, серьги. Они мастера также, производящие шелковые ткани, парчу, атлас, ткнут кафтаны, которые очень красивы. Кла-

витоном (золотой нитью) расшивают подол одежды цветами, узорами».

Культурные ценности, созданные талантливым и трудолюбивым уйгурским народом, живут и по сей день, и переживут еще не одно поколение.

Наш народ в настоящее время испытывает огромные трудности из-за непрекращающегося геноцида. Если мировая общественность не примет срочные меры, то уйгурский народ, как таковой, может прекратить свое существование в недалеком будущем.

Однако уйгурский народ, претерпевая все ужасы насилия, запреты существующего режима, надеется на светлое будущее своей страны, имя которой Уйгурстан, а не Новая земля (Синьцзян)! На протяжении веков никакая сила не смогла и не сможет уничтожить и подавить волю уйгурского народа к жизни...

«Земля омытая слезами» описывает не вымышленные события, автор была непосредственным участником всех описанных явлений. Суюнгуль Чанышева повествует миру о событиях тех страшных дней, сама являясь очевидцем и жертвой трагедии, выпавшей на долю братского уйгурского народа. Неизвестно, какие еще испытания судьба пошлет нам, но благодаря произведению Суюнгуль мы, уйгуры, сплачиваемся, становимся сильнее, устойчивее к бедам, выпавшим на нашу долю. Мы преклоняемся перед ее смелостью показать всему миру истинное лицо китайских властей, угнетающих и уничтожающих уйгурский народ.

В заключение хочу выразить искреннюю признательность директору центра «Сэлэт» Разине Рафкатовне Сафиной, принимавшей самое горячее участие в судьбе данной книги.

Ваккас МАМЕДИНОВ,

*член правления национальной
Ассоциации уйгуров Республики Казахстан*

ТЮРЬМА

Машина повернула в узкий переулок.

– Знаешь, что это? – спросил Турди, указывая на высокую стену с массивными железными воротами.

С первого же взгляда было понятно, что это тюрьма. Высота плотных стен достигала трех метров, по углам находились смотровые башенки, на которых по двое дежурили вооруженные охранники, прохаживавшиеся с таким воинственным видом, словно они готовы были немедленно ринуться в бой.

– Надеюсь, поняла, куда ты попала? – добавил Турди.

Машина приблизилась к тюремным воротам, и громко просигналила. Черные железные ворота со скрежетом открылись внутрь двора. Открывшие их двое охранников застыли по обе стороны.

Машина остановилась прямо у ворот.

– Пойдите здесь, – сказал Турди, а сам последовал внутрь тюремного двора.

Из окна машины я увидела, как группа людей, по-видимому, из числа заключенных, работали в центре широкого двора. Они опасливо поглядывали в сторону машины и вполголоса перебрасывались короткими фразами.

Турди вернулся достаточно быстро. Он сразу же обратился ко мне:

– Выходи, мы подождем здесь. Они еще не закончили оформление документов.

Затем, повернувшись к шоферу, велел ему подъехать к дверям здания, и, выгрузив вещи, вернуться.

Вместе с Турди мы стояли у центральных тюремных ворот. Турди с показной учтивостью произнес:

– Вот, не подумала ты о своей цветущей молодости...

Я прекрасно слышала его слова, однако все мое внимание было приковано к работавшим заключенным. Находясь под палящим солнцем, они почернели от изнуряющей работы, были худы и измождены. Одежда на них была вся в заплатах, и во всем их облике была видна безысходность. Они не отрываясь, глядели на нас. Я тоже смотрела на них. «За что они здесь? Сколько времени находятся в заключении?». Мне стало жаль их, и вдруг во мне зародился интерес к судьбе каждого из работавших на тюремном дворе людей.

Вооруженные охранники тюрьмы – китайцы, а работавшие заключенные – исключительно представители местных национальностей. И такое положение – повсюду.

Дослушав разглагольствования Турди, я спросила:

– Как мы сообщим близким о том, что арестованы? Можно ли будет отправить письмо?

– Не переживай! Уже, наверное, не только семья, но и весь город в курсе!

– Так вы что, сообщили?

– Пока еще нет, но, я думаю, они уже знают! Не думаю, что весь Синьцзян, но, во всяком случае, все организации города в течение двух дней будут проводить обсуждение ваших действий.

Я бросила недоуменный взгляд на Турди.

Поймав этот взгляд, он произнес:

– Что с тобой? Удивлена?

– Нет, просто странно, что обычным действиям студентов придается такое большое значение, – горько улыбнулась я.

– Возможно, для вас это и незначительные действия, однако, на самом деле – это очень серьезно. Иначе, зачем вы здесь?! Ведь это тюрьма! Да не просто тюрьма

– а номер один во всем Автономном районе! – раздраженно произнес Турди.

– Требование независимости – не преступление! Напротив, это долг каждого человека! – резко прервала его я.

– Эти слова – уже преступление! Они означают раздел государства!

– Неужели? Я горько улыбнулась.

– Скажи – среди этих людей есть кто-то знакомый?

– Нет, я никого не знаю! – ответила я, и направилась к тюремному зданию.

Турди лишь испуганно воскликнул:

– Куда? Не создавай мне проблемы!

С этими словами он резко потянул меня за рукав.

На ступеньках, улыбаясь, стояла Сажиди.

– И Сажиди здесь? – произнесла я.

– А ты думала, что нет! – довольно усмехнулся Турди.

Сажиди, тем временем, махнув рукой, подхватила свои вещи, и скрылась в дверях тюремного здания.

– Пошли, теперь наша очередь! Ну что, боязно? – произнес Турди.

– Всем известно, что это тюрьма. И ее не стоит бояться. Просто, это школа жизни, которую предстоит пройти.

Мы направились в сторону здания. Пройдя внутреннее ворота, вошли в комнату справа. В ней находились Омаржан и пожилой китаец. При виде меня, Омаржан зло усмехнулся:

– Ну что, достигла своей цели?

– Наша цель – не тюрьма. Это ваша мечта – засадить в нее нас. Потому-то вы и рады! – ответила я, даже не глядя на Омаржана.

– Послушай, по-моему, ты еще не поняла, куда попала!? Запомни, здесь любого обломают, здесь и тигр превращается в мышь!

– Они какие-то странные. Только что с Сажидой обменивались улыбками! – вставил Турди.

Тем временем, пожилой китаец перелистал толстую тюремную книгу, и стал заполнять анкету.

После того, как формальности были завершены, Омаржан произнес:

– Мы тебя покидаем, если есть что сказать – говори сейчас. Может, есть какие-то просьбы? Потом уже нас не найдешь.

– Спасибо, но от вас я никогда ничего не попрошу!

Усмехнувшись, они вышли из помещения.

Практически следом, в комнату вошла низкорослая, похожая на заключенную, китаянка. Она обыскала меня, и затем приказала принести, сброшенные у входа в здание, мои вещи.

Только я намеревалась взять вещи, как прямо передо мной прошли с носилками два человека. Один из них был высокого роста, чернобровый, черноглазый, очень худой. Он был в выцветших галифе. Второй – среднего роста, с редкой, длинной бородой. У него были голубые глаза, и он очень походил на татарина. Высокий, тихим голосом произнес:

– Печально, что вы попали сюда, сестренка.

Эти его слова, словно бы пробудили меня ото сна. До этого, все происходящее воспринималось мной, как какая-то игра. После этих слов я поняла, что моя будущая жизнь, во всяком случае, на ближайшие годы, не сулит ничего хорошего. Мои мысли прервал голос одного из работавших заключенных: – Откур-апанди, Сагит-абзи, скорее несите лопаты.

Я поняла, что этот возглас относился к прошедшим мимо меня людям.

Взяв вещи, я вернулась в комнату. Теперь я уже осознавала, что проходят последние минуты моей спокойной, свободной жизни.

Проверив все мои вещи, низкорослая заключенная-китайка, сама взяла мой матрац и одеяло. Я же, подхватив узелок с личными вещами, последовала за ней. Часы, висевшие над дверью, показывали три часа дня. Для себя я отметила, что в тюрьму я поступила в это время суток.

Мы вошли в собственно тюремное помещение. В центре огромного зала находилась круглая площадка, от которой лучами расходились пять коридоров. Дневной свет на площадку попадал из оконца у самого потолка. У каждого коридора с автоматами наизготовку находились охранники – исключительно китайцы. Мы направились по пятому коридору, который располагался крайним справа.

Несшая мои постельные принадлежности китайка, остановилась у второй камеры справа по коридору. На дверях камеры я увидела номер 3. Она открыла ключом дверь и молча, вошла первой.

Направляясь по коридору, я предполагала, что в камере будут, по меньшей мере, двое-трое заключенных, однако, войдя внутрь, кроме темного, грязного помещения, я не увидела ничего. По углам камеры свисала густая паутина. Нары чистотой не особо отличались от пола. В камере, кроме веника, ничего не было. Тяжелый, спертый воздух перехватил дыхание. Китайка, положила матрац и одеяло на нары. Шокированная вопиющей грязью, я застыла в оцепенении, и не заметила, как китайка вышла из камеры. Лишь только услышав скрежет ключа в замочной скважине, я пришла в себя, окутанная темнотой, в которую погрузилась камера.

«Что это? Не снится ли мне все это? Когда же я проснусь?…» – эти мысли на какое-то мгновение охватили меня. Но лишь на мгновение. Очень быстро я взяла себя

в руки, и принялась мысленно убеждать себя в том, что должна здесь жить, а это значит, что я, в первую очередь, должна обустроить свое жилище... Поправив платок на голове, я решительно взяла веник, и, сметя паутину, тщательно подмела всю камеру. Затем протерла настенные полки. Одеяло, которое отец купил мне, когда я училась еще в пятом классе, расстелила на нарах. Матрац сложила к стене. На полках поместила чашку и ложку, зубную пасту, щетку, мыло, ручку и чернила.

Пыль, неизбежно возникающая во время проведения уборки, вызывала кашель и чих. Я, наверное, чихнула до сотни раз, что было услышано охранником. Он открыл железное оконце в двери камеры, через которое давали пищу, и недовольно спросил:

– Что случилось?

Видя, что непрерывно чихаю, лишь засмеялся.

Я, со своей стороны, сквозь чихания, попыталась объяснить ему:

– Пыль вызывает чихание, я не могу ничего с собой поделать!

Через некоторое время, китаец-охранник открыл это маленькое оконце. С полчаса оно было открыто, и когда пыль немного улеглась, охранник вновь закрыл его.

Я не знала, чем заняться. Посидела некоторое время, попыталась прилечь. Это навевало еще большую тоску. Вполголоса запела, прохаживалась из угла в угол по узкой камере. Ничто не помогало – тоска наваливалась все сильнее. Вдруг мой взгляд упал на стены. На них были какие-то надписи. Я, с интересом, принялась их разглядывать. Надписи были и на двери, и даже на полках. Одни из них писались от безысходности, другие – от голода, третьи – от одиночества, болезней. Мне запомнилась одна из них: «Пока горе не настигнет – человек о нем не знает, коли дух, душа большая – чело-

век не умирает». Ниже было написано имя автора этой записи – Мирза Ахмат. Увидев это имя, я вспомнила слова Аблиза, который говорил как-то: «Наши хорошие друзья – кульджинцы Мирза Ахмат и Мирзахит. Их арестовали как националистов, и отправили в лагерь для «исправления стиля». Я подумала о том, что Мирза Ахмат и Мирзахит находились в этой камере. «Где же они сейчас?». Размышляя над словами Мирза Ахмата, я увидела еще одну надпись. Эти слова были написаны Ибраем из города Чогучак. Он писал: «Есть ли в мире еще больший глупец, чем я? Я сам пришел в тюрьму. Я стучал в ворота. Требовал, чтобы меня арестовали. Два охранника, выйдя из ворот, оттолкнули меня на перекресток, а я, вновь вернулся. Наконец, им надоело, и они, действительно, меня арестовали. И вот я, по своей глупости, уже 15 месяцев, нахожусь в тюрьме...»

Я была удивлена этой надписью, но не могла найти объяснения действиям Ибрая.

Препроводившая меня в камеру китаянка говорила, что в четыре часа поведут по нужде. В пять – ужин. Я поступила в три часа, так неужели еще не прошел даже один час моего заключения? Как же медленно идет время в тюрьме. Между тем, в камере стало совсем темно. Мне казалось, что со времени ареста прошло уже семь-восемь часов. Всегда находясь среди людей, я тяжело переживала даже минуту одиночества. Если час длится так долго, то как же сидеть в камере днями, месяцами, годами? Но я старалась держаться, успокаивая себя тем, что все пройдет, все войдет в свое русло.

Я приподнялась и подошла к окну. Стекла были двойными, да, к тому же, они были покрыты слоем пыли. Даже если бы это было не так, сквозь окно виднелся лишь кусочек неба. Однако можно было понять, что солнце еще не село.

Я подошла к двери, пытаясь найти в ней хоть какую-нибудь щель или просвет. Дверь была железной, и нечего было и думать, чтобы найти или проделать в ней отверстие. Однако, я все же, нашла щелочку, сквозь которую, при большом желании, можно было увидеть кусок двери камеры напротив, и тех, кто проходил мимо камеры. Я долго присматривалась, но ничего и никого не увидела. Вновь, вернувшись, присела на нары. В камере становилось все более темно. Я себя почувствовала, словно нахожусь на кладбище. Попыталась пройти по узкой камере.

Как бы то ни было, настали долгожданные четыре часа. Снаружи послышался скрежет ключа, затем топот ног, вновь скрежет и вновь топот. Это происходило периодически и я поняла, что заключенных выводят в туалет по очереди. Мелькнула мысль, что отхожее место находится во дворе тюрьмы. Прильнув к двери камеры, попыталась различить голоса, однако, кроме скрежета ключей и размеренных шаркающих шагов, ничего не было слышно.

Наконец, настала моя очередь. Хотя я и ожидала, что сейчас откроется дверь, скрежет ключа заставил меня отпрянуть. Сердце усиленно забилося, и я, стараясь успокоиться, вышла в коридор. Как оказалось, туалет находился здесь же, в коридоре. На десять камер был один туалет. Для вывода по нужде, заключенного сопровождали четыре человека. Двое из них не были вооружены. Они заходили в камеру и производили быстрый осмотр. Двое других – вооруженные охранники, сопровождали заключенного до туалета, и затем, осмотрев туалет, препровождали его в камеру. Все четверо были исключительно китайцами по национальности.

Время вывода по нужде для всех заключенных, составляла один час.

Через час настало время ужина. В двери камеры открылось маленькое оконце, в котором появилась голова повара – китайца.

– Новенькая? У тебя есть посуда?

Его голова тут же исчезла, и вместо нее появилась довольно объемная миска с варенной красной фасолью.

Мне совершенно не хотелось есть. Тем не менее, я съела несколько ложек еды. Отстранив миску, подумала о том, что на сегодня ничего нового для меня не будет. До самого утра оконце в двери уже не откроется.

Зажгли свет. Тусклая лампа была привинчена к одному месту. Стало еще тоскливее. Вдруг, из разных камер стали доноситься звуки песен. Эти задушевные песни отчетливо давали понять, что я здесь не одна. Песни были все грустные и печальные. Начинаясь в одной камере, они, словно волны, перекатывались в другую, где звучали еще более печально. Хотя охранники, бегая от одной камеры к другой, пытались заглушить песни, однако, это им не удавалось. Довольно долго я сидела, слушая эти печальные напевы. Постепенно, они прекратились. На тюрьму и ее окрестности навалилась тишина.

Мне опять стало тревожно. Я сидела, прислонившись к стене. Я подумала о том, какие у нас были мечты и надежды, и где находимся мы теперь...

Печально я посмотрела на тусклую лампу – единственную свидетельницу моих переживаний.

Я вспомнила напутственные слова директора нашей гимназии – Ризван-апай, которая желала нам счастья и того, чтобы мы стали хорошими людьми, ибо, по ее словам, народ, люди, возлагали на нас – выпускников, большие надежды.

Это торжественное собрание, посвященное нашему выпуску, стояло у меня перед глазами, словно бы это было вчера... .

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ВЫПУСКНОЕ СОБРАНИЕ

Июнь 1957 года. Город Урумчи. Под звуки марша Восточного Туркестана, сопровождавшегося громкими аплодисментами, взволнованно поднимаюсь на сцену. В присутствии восьмисот человек, на украшенной цветами сцене клуба, директор 2-ой женской гимназии Ризван-апай, вручая выпускной диплом, с теплой улыбкой поздравила меня. Она пожелала успехов и большого счастья. Затем все учителя подходили, и солидно, за руку, поздравляли с завершением учебы. Присутствовавшие в клубе учащиеся, красивые, нарядно одетые, также подходили к выпускникам и поздравляли нас. Свидетельством радости, праздничного настроения были даже цветные гирлянды, украшавшие стены клуба.

Это были последние мгновения нашего нахождения в стенах гимназии, это были радостные и одновременно, печальные минуты выпуска.

Находясь под впечатлением происходящего, я, словно бы парила среди звезд. Мне хотелось познать все тайны мира. Мне захотелось стать поэтессой или писательницей, чтобы бороться с мировым злом посредством пера, мне хотелось прославить мой героический народ и мою прекрасную родину. Мне хотелось стать величайшим лекарем, который бы лечил от всех недугов, и даже нашел бы дорогу к бессмертию. Мне хотелось стать учителем, который бы так воспитал новое поколение, чтобы оно прославилось своими знаниями на весь мир. У меня было много желаний, великих и благородных. Однако суждено ли им сбыться, зависит от судьбы! А ее знает лишь Всевышний!

ДВИЖЕНИЕ ПО «ИСПРАВЛЕНИЮ СТИЛЯ»

Сентябрь 1957 года. Город Урумчи. Отдохнув два месяца после гимназии, я продолжила учебу в Синьцзянском медицинском институте.

На наш курс прибыли студентки из Кульджи, Чогу-чака, Алтая, и Урумчи. Всего 125 человек. Из Женской гимназии нас было шесть человек. С началом учебы, очень быстро я познакомилась со всеми, и со многими даже подружилась.

Буквально через два дня после нашего приезда, началось движение по «исправлению стиля». На общем собрании преподавателей, студентов, практикующих врачей, медицинских сестер, рабочих, партийных и руководящих работников, проходившем в актовом зале института, объявили о начале движения. Это движение касалось лишь местных национальностей. Китайцы – преподаватели, студенты и весь технический и хозяйственный состав, продолжали свою работу и учебу.

На собрании, основываясь на принципе: «пусть цветут все цветы, пусть поют все птицы!», каждый человек обязан был высказать свои критические замечания относительно партии, правительства и в целом, государства. Объявив, что согласно этим высказываниям, будут совершенствоваться государственные законы, будет меняться политика, людей разделили на большие, средние и малые группы. Поясняя, что откровенные высказывания будут способствовать улучшению жизни народа, такие критические выступления всячески приветствовались и пропагандировались.

Соответственно, учеба была приостановлена, и ежедневно проводились собрания в рамках групп. Каждый откровенно говорил о замечаемых им недостатках.

Сначала говорили об обиденных, незначительных вещах, затем углубляли и расширяли охватываемые проблемы. Постепенно перешли на обсуждение проблемы независимости Синьцзяна, права местного населения на самостоятельность, на пользование природными богатствами, и необходимости китайцам возвращаться на свою родину. В этот период, студенты нашего курса принесли текст Конституции КНР, написанный к Первому съезду КПК. В нем есть слова Мао Цзедунa о том, что «Территория Синьцзяна обширна, богата, и потому необходимо включить Синьцзян в состав Китая в качестве Союзной республики».

Обсуждение этих слов было очень бурным. Спор происходил вокруг тезиса о том, что Мао Цзедун предлагал создать Союзную республику, а на деле провозгласили Автономный район. Студенты доказывали, что между Союзной республикой и Автономным районом существует большая разница. У Союзной республики должен быть свой флаг, герб, свои законы, своя политика. Она обладает правами самоопределения. Поэтому, необходимо создать Союзную республику. Практически все студенты и руководство поддерживали эту идею. Все воодушевленно, открыто высказывались на этот счет. Те, кто не высказывал своего мнения, подвергались злой критике на страницах настенных газет, расклеенных по всему зданию института. Их критиковали как людей, выступающих против массового народного движения. Поэтому, практически все были вынуждены участвовать в этой, навязанной сверху, кампании.

Понимая, что уклониться невозможно, я также высказала прилюдно некоторые свои соображения. Я говорила о том, что в то время, когда я еще училась в Татарской начальной школе, нам давали материал, озаглавленный как «Краткая история Синьцзяна». Эта

статья была опубликована в книге для чтения для 4 класса. Сама книга была издана в 1949 году в Ташкенте. В статье отмечалось, что Синьцзян всегда был родиной уйгурского народа, и был независимым государством. Территория Китая, то есть, китайского народа, не простиралась дальше великой китайской стены. Поэтому, я сказала, что, по моему мнению, китайский народ должен вернуться на свою родину, а Синьцзян оставить своим истинным хозяевам. После приезда китайцев, на синьцзянских улицах стало небезопасно. Мирная, спокойная жизнь синьцзянцев была нарушена. Эти действия китайцев – большая беда для местного населения.

Подобные мысли стали повторяться другими студентами. Критика, действительно, набирала обороты. Практически все студенты были сторонниками создания независимой республики.

Через несколько месяцев те, кто открыто высказывал свои мысли, были обвинены в правом уклонизме, местном национализме, пособничестве «правым», и сами превратились в объект критики.

Те, кто официально был обвинен в правом уклонизме и местном национализме, в актовом зале института подвергались критике со стороны остальных студентов, преподавателей, технических работников и сотрудников. С них требовали объяснения своей позиции, но едва они начинали говорить, как их заставляли замолчать, клеветнически обвиняя во всех грехах. Наиболее резвые обвинители набрасывались на них, тыча пальцами им в лицо, и готовые, буквально, уничтожить. При этом обвинители выкрикивали лозунги, которые все присутствовавшие в зале должны были поддержать. Если же кто-то был замечен в том, что не повторил обвинительный лозунг, то уже его самого обвиняли в «со-

чувствии к преступникам», и переносили свой гнев и меры физического воздействия уже на этого человека. В зале плотной пеленой висел табачный дым, от которого щипало глаза. Те, кто не курил, вынуждены были вдыхать едкий табачный запах, вызывавший кашель. Между тем, такие собрания продолжались достаточно долго. После такого рода критики, мы выходили из зала душевно опустошенные и измученные.

Одним из наиболее пристрасно критикуемых был переводчик столовой для администрации института – Турсун Касымов. Критика его высказываний продолжалась беспрерывно в течение трех месяцев. Однажды с утра Касымова нигде не было. Он словно пропал. Все его ждали, чтобы начать критику. Те, кто отправился на его поиски, вернулись, не найдя его. Лишь через три часа, студенты-активисты, приволокли его, избитого и окровавленного. При его появлении, все обратили внимание на странную прическу. Это вызвало смех. Действительно, на голове Турсуна Касимова, в затылочной части, красовался пучок волос. На остальной части головы волосы были сострижены.

Касымов был худым, высоким, видным человеком. Со своей новой прической он стал еще более заметным. Действительно, люди не могли удержаться от смеха. Между тем, группа студентов, подталкивая его к центру зала, приступила к ежедневному ритуалу критики. Когда вопрос коснулся его неординарной прически, Турсун Касимов честно признался, что специально подстригся таким образом, чтобы его прическа напоминала прическу древних китайских императоров. По его разумению, если уйгур сделает прическу как у китайского императора, то уж, конечно же, его невозможно будет обвинить в национализме. Таким образом он надеялся избавиться от страданий, продолжавшихся вот

уже три месяца в результате движения «по исправлению стиля». Однако наиболее ретивые студенты обрушили на него еще более сильные удары...

Не избежал показательной критики и студент 2 курса Абдукерим. Во время Революции трех округов, он был врачом в составе Национальной армии. Он был одним из тех, кто приехал из Кульджи для повышения квалификации. В то время студентов старшего возраста, в свое время служивших в Национальной армии, было значительное количество.

Абдукерим был небольшого роста, плотного телосложения, угрюмым, немногословным человеком. В течение четырех дней от него требовали оклеветать начальника городской администрации города Кульджи. На пятый день стало известно, что Абдукерим, не выдержав издевательств, покончил жизнь самоубийством.

В девять часов утра всех студентов и преподавателей собрали в актовом зале института, где объявили о смерти Абдукерима. Но на этом не успокоились, и в течение двух часов «критиковали» мертвого Абдукерима, обвиняя его в немыслимых преступлениях. Затем всех нас обязали написать заметки, критикующие Абдукерима, и стенгазеты с этими заметками заполнили стены института. В завершении, мертвого человека называли классовым врагом, врагом народа, предателем, оппортунистом, правым уклонистом, нанесшим вред революции, националистом. Лишь после этого, четыре сослуживца Абдукерима по Национальной армии, на ручной тачке отвезли его к подножью «Зеленой горы», где и похоронили на мусульманском кладбище.

Возлагавший огромную надежду на учебу в институте, Абдукерим нашел свое последнее прибежище на «Зеленой горе». Да определит Аллах ему место в раю, да вырастут на его могиле цветы!

Во время этой кампании, на многих врачей, студентов, партийных и хозяйственных работников, в том числе и моих однокурсников, был надет колпак правого уклониста и националиста.

В связи с тем, что независимость Синьцзяна желали практически все студенты, невозможно было обвинить всех. Поэтому, ограничились групповой критикой. Конечно, за свои высказывания, критике подверглась и я.

ДВИЖЕНИЕ ПО ВЫПЛАВКЕ РУДЫ

В апреле 1958 года весь коллектив института в течение месяца работал по прокладке «молодежного канала». В открытой степи постоянно дули сильные ветры. В связи с тем, что мы были легко одеты, постоянно мерзли.

В июле того же года, вновь работали в поле, на покосе, в августе – полтора месяца помогали в строительстве железной дороги. В октябре нас направили на добычу железной руды. Ущелье, куда мы прибыли, находилось в ста километрах от Урумчи. По дну ущелья протекал ручей с чистой прозрачной водой. По обе стороны от него – небольшие заросли зеленого кустарника и рошица. Больше зелени не наблюдалось. Все окрестности занимали каменистые горы.

Продвигаясь по прямой, машина вдруг повернула вправо, и углубилась в горный массив. Через некоторое время она остановилась возле нескольких низеньких глинобитных домов, расположенных рядом с каменистой дорогой между двух гор.

Вскоре стало ясно, что в этих местах находятся лишь угольные шахты, которые обеспечивают коксом город-

ские заводы. Каменноугольные месторождения обозначаются штольнями номер 1, 2, и 3. Здесь же производят обжиг руды и получение кокса, отчего виден огонь, дым, и повсюду лежит обгорелый уголь. Дополняют картину люди в масках, собирающие кокс, и подвозящие уголь на повозках, запряженных ослами. Все вокруг пропитано дымом.

Нас – двадцать с лишним студентов, определили в шахту, добывать уголь. Остальные наши сокурсники отправились в горы, к месторождениям руды. Они занимались тем, что добытую руду спускали к домам, где находились мы.

В связи с тем, что столовая находилась на значительном отдалении, мы по очереди ходили за едой и обедали недалеко от нашего места работы.

Однажды настал мой черед идти за обедом. В связи с тем, что обед еще не был готов, мне пришлось подождать. В этот момент снаружи послышался какой-то шум и мужские рыдания. Выйдя из столовой, я увидела, что возле примыкающего к столовой общежития собрались пять или шесть молодых уйгуров. Я не могла и подумать, что здесь – в горах, могут быть подростки-уйгуры.

– Что случилось? Почему вы плачете? – удивленно спросила я.

Услышав мой голос, они прекратили плач и поспешно стали вытирать слезы. Затем один из них (возможно, считавшийся старшим) произнес:

– Шестеро из нас отравились угарным газом в шахте. Они все умерли. Мы все – земляки. Из одного места, – произнес он, и, не имея возможности сдержаться, вновь разрыдался.

– Откуда вы?

– Из Хотана.

– Хотана? – пораженная переспросила я. – Вы что, из Хотана приехали сюда? Зачем, для чего?

– Нас всего было пятьдесят человек. Нас по списку собрали, пообещав устроить на учебу в Урумчи. У многих родители продали последнее имущество, скотину, лишь бы мы смогли учиться. А нас, почему-то, привезли сюда. И сразу же распределили по шахтам – добывать уголь. Вот уже шесть месяцев, как мы здесь. Но еще ничего за свой труд не получили. Работаем за еду.

Я еще больше была шокирована тем, как жестоко и цинично обманули этих 17–18 летних подростков.

– Ваши родители знают о вашем нынешнем положении?

– Откуда? Если мы сами не знаем, где мы находимся. Не представляем даже, как отправить отсюда письмо. Да и вообще, возможно ли это сделать? Ведь мы не знали коварство этих китайцев, только сейчас начинаем осознавать. Мы даже не знаем, куда отправили наших остальных земляков. Вот сегодня угорели шестеро наших ребят. Мы даже не знаем, что будет с их телами. Похоронят ли?

С этими словами он с какой-то надеждой посмотрел на меня.

Мне стало жаль ребят. Захотелось хоть что-то сделать для них. Но что я могу? Я лишь пообещала им найти точный адрес этих мест, посоветовав, во что бы то ни стало, сообщить обо всем, что с ними произошло, их родителям.

К сожалению, когда я нашла адрес и номер почты этого района, их уже не было. Расспросив всех, кого только смогла, я поняла, что ребят из Хотана срочно увезли с этого места. Никто не смог сказать, даже приблизительно, куда их могли увезти. Судьба этих ребят

волновала меня еще долгое время. На протяжении многих лет я вспоминала их.

Я проработала на шахте около месяца, до того времени, как меня перебросили в группу по строительству доменных рудоплавильных печей. Необходимо было в пяти-шести местах выкопать котлованы глубиной три метра. Ширина и длина должны были составлять по два метра. Для возведения стен печи, необходимо было использовать каменисто-глиняную смесь. Для замеса глины нужна вода. Чтобы ее привезти из ручья, протекающего по дну оврага, нам выделили осла, к бокам которого были привязаны два деревянных бочонка. Мне поручили таскать воду из ручья, протекавшего ниже шахты. Китаец, ответственный за работы в шахте, посоветовал мне держаться за хвост осла. Он пояснил, что осел сам выведет меня к воде. Мне оставалось только набрать в бочонки воду при помощи ведра, которое там лежит. Осел, по привычке, сам найдет дорогу назад.

Я попросила фонарь, так как, чтобы спуститься к воде, нужно пройти по темным склонам горы, там, где расположены шахты. Однако он отказал, сославшись на то, что фонарей не хватает. При этом он повторил, что осел уже привык к тропе, и он сам выведет меня к воде.

Последовав этому совету, и не обращая никакого внимания на смешки сокурсников, я ухватила осла за хвост и вошла в шахту. Тощий осел, тем не менее, побежал, словно бы он участвовал в соревнованиях. Угнаться за ним было очень сложно. Вокруг – темень, ничего не видно. Опасаясь, что если я упущу осла, то вообще заблужусь и не смогу выйти из лона горы, я почти бежала за животным. Неожиданно, сильно ударилась головой о выступавший камень. Я почувствовала, что

из глаз у меня полетели искры. Отпустив хвост осла, я дотронулась до ушибленного места. На лбу появилась огромная шишка. Отдышавшись и придя в себя, я поняла, что осел давно скрылся из виду. Не было слышно даже его колокольчика. Ощупав стенки шахты, я поняла, что выступавшие камни были огромных размеров. Я хотела вернуться, но подумав, что меня просто засмеют, если я появлюсь без воды, без осла, да вдобавок, с огромной шишкой, я решила, пусть и на ощупь, но идти вперед. В крошечной темноте ударяясь то левым, то правым боком, я все же медленно продвигалась вперед. Вдруг, мне отчетливо послышались звуки колокольчика, и топот ослиных копыт. Сообразив, что это могут быть осла, вывозившие уголь, я испугалась, поняв, что в узкой шахте, да еще и в темноте, они могут просто затоптать меня. Я попыталась укрыться, но не могла найти места, где можно было бы спастись. Даже если я прижмусь к стенке шахты, все равно ослиное стадо зацепило бы меня. В этот момент я увидела силуэты бегущих по направлению ко мне, животных. Не зная, что предпринять, я закричала:

– Здесь человек!

Погонщик, услышав мой крик, немедленно ответил:

– Там есть углубление. Быстро залезай туда!

Ослы приближались стремительно, и я, теряясь от страха, оцарапав пальцы и больно ударяясь о камни, в последний момент смогла обнаружить углубление между двумя валунами, и укрыться там. Ослы, привыкшие к своей работе, инстинктивно чувствуя дорогу, прошли совсем рядом. Лишь когда они исчезли из виду в глубине шахты, я, поперхнувшись угольной пылью, вышла из своего убежища. В этот момент появился погонщик, светя тусклым фонарем.

– Это ты направлялась за водой?

– Да, но потеряла осла, и в темноте заблудилась.

Увидев при свете фонаря этого высокого, крупного, словно великан, человека, я испугалась. Мелькнула мысль, что и среди китайцев бывают такие рослые люди. Обычно, китайцы низкорослы, гибкие и безбородые.

– Осел ждет тебя у воды. Наполни водой бочки, и он сам найдет дорогу. Однако не набирай воду, пока стадо не вернется. Иначе, они вновь выйдут тебе навстречу.

С этими словами, он отдал мне свой фонарь, а сам пошел к выходу из шахты.

Освещая фонарем дорогу, потирая ушибленный лоб, я, напротив, направилась вглубь горы. Пройдя достаточно большое расстояния, я вышла на освещенную электролампами, просторную площадку. Именно здесь добывали уголь. Оглядевшись, я увидела больше десятка вагонеток, на которых перевозили уголь. Железнодорожная ветка тянулась к противоположному краю горы. По обе стороны от дороги, протекали бурные ручьи. Перед входом в шахту, вода накапливалась в искусственном пруду, а затем с шумом прорывалась дальше.

Рядом с прудом стоял осел, сбежавший от меня. Немного далее, примерно в пятнадцати метрах за прудом, дорога раздваивается. Одна ветка уходит прямо в шахту. Через несколько минут я увидела, как следующая партия пустых вагонеток скрылась в горе. Мне подумалось о том, что добыча полезных ископаемых, в частности, угля, поставлена здесь на широкую ногу. Я поняла, что работа кипит, и не останавливается ни на минуту.

Дождавшись, пока стадо ослов вынесет из горы к месту погрузки в вагонетки очередную порцию угля,

я наполнила водой бочонки, закрепленные на боках осла-водоноса, и направилась в обратный путь сквозь угольную гору.

Практически ежедневно к месту работы студентов на легковой машине приезжали представители руководства института вместе с молодежными лидерами. Они выступали с речами, способствующими, по их мнению, повышению производительности труда.

Спешно, кое-как мы завершили сооружение рудоплавильных кустарных печей. Посменно, круглосуточно студенты загружали в печи уголь, дробили руду. Другая часть занималась непосредственно плавкой руды. Сам процесс плавки был очень трудоемкий, и нам приходилось трудиться целыми сутками, не зная ни сна, ни отдыха. Через неделю мы все стали напоминать куриц, извалянных в золе, так как от пепла и золы печей нельзя было скрыться.

Самое обидное, – это то, что два месяца изнурительной работы пропали даром. Мало того, что было затрачено столько труда, столько средств. Нам не удалось получить ни одного килограмма железа. Труд, время, деньги – все пропало. Ответственные кадровые работники не знали, что предпринять. Все ходили расстроенные и растерянные. Недовольные студенты начинали возмущаться, правда, вполголоса и между собой.

Как-то три подружки – я, Рукия и Насиха спустились в овраг, недалеко от угольной горы. Вдруг я увидела, что в комках глины что-то блестит. Очистив рукой глину, я обнаружила большой камень, отливающий железом. Подозвав подруг, я в шутку сказала, что нашла кусок настоящей железной руды. Однако подружки отнеслись к находке серьезно. Они решили немедленно рассказать о камне руководителю работ.

Через некоторое время целая группа специалистов спустилась в овраг. Они отломили кусок камня и увезли его в город на анализ. На следующий день прибыло несколько грузовиков. Камни из оврага в большом количестве загрузили на них и увезли в город, накрыв кузова красной материей. Еще через день приехали институтские руководители, которые открыв собрание прямо на месте работ, торжественно объявили, что наш институт занял первое место среди всех учебных заведений. Это стало возможным благодаря тому, что найденная нами железная руда была наилучшего качества, с малым количеством примесей. И за это мы были награждены почетной грамотой.

А мы были рады тому, что сможем приступить к учебе, оставив эту никчемную работу.

Мы вернулись в город за два дня до начала учебы. Это произошло до Нового года. Именно к этому времени был оглашен доклад по итогам движения «по исправлению стиля». Обвиненные в «правом уклонизме» получили различные сроки заключения.

Обвиненные в правом уклонизме и национализме, в том числе Турсун Касымов, Абдурехим Зейналов, практикующие врачи, хозяйственные работники института – все, без исключения, были представителями местных национальностей. К тому же, все они были мусульманами. Это движение «по исправлению стиля» не касалось китайцев. Все это время китайские студенты продолжали учебу, китайские врачи и служащие продолжали работать. И хотя китайцев в нашем институте было большинство, никого из них не коснулись эти репрессии.

Слушая доклад, я шепнула Малике, сидевшей рядом со мной:

– Почему-то среди китайцев не выявлено ни одного

правого уклониста? Неужели этот колпак соткан исключительно для людей местных национальностей?

В докладе в качестве примера отмечалось, что такие врачи, как Аблахан, Омаров, хотя и были обвинены в правом уклонизме и национализме, не были арестованы. Другая группа врачей была обвинена в сочувствии «правым уклонистам», и отправлена в колонию по перевоспитанию.

В конце доклада отмечалось, что учеба начнется после Нового года, и наш курс, приступая к программе второго года обучения, одновременно начнет изучать китайский язык. Таким образом, на нас будет двойная нагрузка, и потому, мы должны серьезно отнестись к занятиям.

Этот доклад оставил тяжелое впечатление. Я не могла понять, в чем вина арестованных студентов и сотрудников института? Ведь они говорили правильные слова. В чем их вред? За что они должны проводить свои годы в тюрьме?

Чувствуя потребность излить кому-то свою душу, я вышла из зала вместе с Маликой, и задала ей эти вопросы.

– Мне тоже все это странно, – ответила она. Здесь есть какая-то тайна, какой-то умысел!

– Какой умысел? Я думаю, что это – один из методов подавления представителей местных национальностей. Ведь посредством «исправления стиля» были уничтожены многие наши образованные, задумывавшиеся о судьбе народа, люди...

Мы с Маликой еще долго говорили на эту тему, и вернулись в общежитие когда совершенно стемнело.

ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ

1959 год. После Нового года, наконец-то, начались занятия. В связи с тем, что подготовительный, первый год прошел в кампании «по исправлению стиля» и в физической работе по плавке руды, у нас не осталось времени на изучение китайского языка.

Поэтому, второй год обучения предстал очень сложным и трудным. Учеба осложнялась еще и тем, что преподаватели-китайцы мало заботились тем, насколько мы понимаем лекцию. Для них главное было отчитать ее. А они, естественно, читали лекции на китайском языке. Именно поэтому, мы, в целом, не понимали, о чем идет речь. Руководство института мало интересовало эта проблема.

Более того, в начале 60-х годов в институте были созданы смешанные группы. Китайские студенты обучались вместе со студентами местных национальностей. Для нас это стало еще большей проблемой, так как китайские студенты, свободно владея родным языком, требовали более углубленных лекций. Они также хотели, чтобы лекции читались быстрее. А мы, напротив, желали, чтобы лекции читались медленнее, чтобы мы могли понять и усвоить материал. В связи с тем, что в группах, на одного представителя местных национальностей приходилось по три-четыре китайца, то, как правило, преподаватели шли на уступки большинству.

Более того, в общежитиях также стали размещать смешанно китайцев и представителей местных национальностей. Мы понимали это так, что, таким образом, осуществляли контроль над представителями местных национальностей.

За каждым студентом местных национальностей закреплялись по три-четыре студента-китайца. Без их разрешения, мы не могли даже сходить в туалет. В их обязанности входило контролировать всю нашу жизнь, от еды, которую мы едим, одежды, которую носим, до того, с кем мы встречаемся. Обо всем этом они обязаны были докладывать в администрацию института. В частности, постоянно китайские студенты сообщали администрации о том, что «студенты местных национальностей по воскресениям целый день тратят на стирку белья. У девушек местных национальностей, как правило, длинные волосы, и они каждый день тратят по полчаса на расчесывание их. Студенты местных национальностей часто заходят в комнаты друг к другу. Они подолгу разговаривают между собой».

Каждые среду и субботу проводились собрания групп, где критике подвергались только студенты местных национальностей. Так, критикуя девушек за их длинные волосы, на расчесывание которых, якобы, тратится слишком много времени, китайки требовали, чтобы представительницы местных национальностей отрезали их, по примеру китайнок.

По требованию студенток-китайнок, руководство института издало инструкцию, где, в частности, говорилось: «Представительницам национальных меньшинств следует срезать волосы по примеру китайнок. Также, по примеру китайнок, следует для умывания использовать тазик, а для чистки зубов – кружку. Поэтому, все студенты обязаны купить по тазу и кружке...»

Мы были удивлены этой инструкцией, ведь в общении был проведен водопровод с холодной и горячей водой, где мы и умывались. Так зачем же нужно было умываться в тазах? Именно поэтому, это требование

подавляющим большинством студентов местных национальностей было отвергнуто.

Известно, что в 1959-1960 годах, в стране был голод. Мясо, мука, сахар, мыло, ткани..., – короче говоря, практически все товары первой необходимости, отпускались по нормам. В обиходе были талоны – карточки, и сверх нормы ничего нельзя было купить. Продовольственные магазины были пусты. Можно было просто-стоять в очереди целый день, и за огромные деньги в 50-60 юаней купить килограмм кукурузных пряников, или засахарившихся конфет, считая это огромной удачей.

Испытывая голод, люди ели траву, которая нередко вызывала тяжелые формы отравления. Ежедневно по 10-20 человек умирали в городе, не успевая добраться до больниц.

Эти годы голода невозможно забыть. Голод, естественно, не обошел стороной и наш институт. На неделю учеба была приостановлена, и все студенты отправлялись на сбор клевера и листьев карагача. Весь сбор мы относили в институтскую столовую. Клевер и листья, и были нашей едой. Их перемешивали с кукурузной мукой и готовили на пару. Полученную смесь распределяли между студентами. Сколько мы не пытались прожевать и проглотить эту еду, она буквально не лезла в горло. Поэтому, хотя в столовой и не было другой еды, мы отказались от нее, так как просто не могли это есть.

В такое трудное время, по распоряжению администрации, объединили столовые для китайских студентов и для местных национальностей. Соответственно, обеденный зал разделили на две части. Когда нас кормили клевером и травой, китайским студентам давали блюда из рыбы, свинины, даров моря, сои, крахмала.

Одновременно, открыто проводилась пропаганда о

вреде религии, о вреде национальных различий. Усиленно навязывалась идея о том, что все мы являемся представителями одной нации. Все национальные меньшинства должны во всем учиться у китайского народа. Нужно есть свинину, необходимо бороться с религиозными предрассудками. Иначе, не будет развития и прогресса. Говорилось о том, что молодежь должна возглавлять эти начинания. Следовательно, молодежь национальных меньшинств должна обедать в китайской столовой.

Был даже приказ администрации института, обязывавший членов компартии и комсомола из числа национальных меньшинств, в обязательном порядке питаться в китайской столовой. Таким образом, они должны были способствовать объединению двух столовых.

Среди студентов из числа местных национальностей, со мной в одной группе учились парень-казах по имени Бабай, а также Фатима. Так как Бабай был комсомольцем, он вынужден был питаться в китайской столовой. После того, как он в первый раз пообедал в китайской столовой, он, во время обсуждения, подсел ко мне. Я немедленно пересела.

– От тебя пахнет свининой, – резко сказала я ему.

– Не только вы, я сам брезгую себя. Кое-как добежал до своей комнаты, где меня и стошнило, – низко опустив голову, произнес Бабай.

От прежнего веселого взгляда Бабая не осталось и следа. Было видно, что он тяжело переживает свой поступок.

– Бабай, ты же видишь, что твоя вера не приняла этого.

Прошла неделя. Исхудавший, осунувшийся Бабай вновь подошел к нам. Я его не видела несколько дней,

и потому, заметив, как он исхудал, поинтересовалась его здоровьем.

– Суюнгуль, действительно, моя вера не приняла той еды. Посмотри, все мое тело покрылось язвами. Один раз заставив себя пообедать в китайской столовой, я всю неделю не мог ничего есть. Голодал. Пусть и выпроголодь, но лучше питаться в нашей столовой.

С того дня мы скрытно приносили для Бабая еду из нашей столовой. Однако, в связи с тем, что пища там все больше скудела, и ее становилось все меньше, мы – студенты местных национальностей, в знак протеста, три дня не ходили в столовую.

Главный повар национальной столовой – Турахун-устам, обратился к руководству института с тем, чтобы были приняты срочные меры. При этом он говорил, что средства на питание выделяются для китайских студентов, и студентов из числа национальных меньшинств, одинаковые, если считать применительно к каждому студенту. И ему непонятно, почему так разнятся количество и качество блюд.

Администрация пообещала решить вопрос, а Турахун-устам, испросив разрешения испечь уйгурские слоенные пирожки-самсы, которые готовятся в земляной печи, сам пришел к студентам, и пригласил их прекратить протест и спуститься в столовую.

После этого, студенты из числа местных национальностей, гурьбой побежали в столовую.

Изголодавшиеся студенты съедали по несколько самсы. Однако, в связи с тем, что начинка этих самсы состояла из того же клевера, студенты выковыривали его, и съедали лишь тесто.

Удивительно, но в тот день впервые появились представители парткома института.

– Как самса, вкусная? – наигранно интересовался один из них.

Увидев, что студенты выковыривали клевер, он возмутился этим. Однако, студенты в ответ предлагали ему самому попробовать съесть хотя бы одну клеверную самсу.

Представитель попытался было пристыдить студентов тем, что так негоже обращаться с едой, однако Аблеким, взяв со стола самсу, протянул ее представителю парткома.

– Попробуй сам! Этот протухший клевер не будут есть и свиньи. А ведь мы же – люди!

Эти слова Аблекима поддержали все студенты.

Почувствовав эту поддержку, Аблеким добавил:

– Ты появился здесь, узнав, что испекли самсы! Где же ты был раньше? И вообще, ответь на вопрос: деньги на питание выделяются всем студентам одинаковые?

– Да, конечно, одинаковые!

– Тогда почему нам не дают мяса, масла, овощей?

Представитель не зная, что ответить, замялся. Затем, немного оправившись, он пробормотал:

– Это вина тех ваших представителей, кто отвечает за столовую.

– Но почему партком не контролирует ситуацию? Ведь это ваша обязанность! – послышались возгласы студентов.

Вскоре, все стали расходиться. Когда мы – четверо подружек: я, Малика, Шамшижамал и Турниса, весело переговариваясь, направились к общежитию, нас догнал все тот же представитель парткома.

– Вы такие красивые, да и платья у вас нарядные! – улыбаясь, произнес он. – Должно быть, вы – счастливые!

С этими словами, представитель парткома озорно подмигнул нам.

– Смотрит, как голодный волк! – шепнула Шамшижамал, вызвав у нас смех.

Представитель парткома, не расслышав ее слова, тем не менее, рассмеялся вместе с нами.

– Да, вы – счастливые. Такая нарядная у вас одежда. А раньше вы ходили как оборванцы! Нечего было одевать!

– Где ты видел, чтобы мы ходили как оборвыши? – возмутилась я.

Не успел он произнести и слова, как Шамшижамал воскликнула:

– Вы только послушайте его! Я-то думала, что это он комплементами раскидывается, а он, оказывается, брызжет ядовитой слюной! Представитель парткома, а пытается унижить нас!

Представитель парткома, не зная, что ответить, стремительно пошел вперед.

Между тем, в связи с недостаточностью и плохим качеством еды в столовой для местных национальностей, многие из наших студентов стали питаться в китайской столовой. Видя это, партком института поручил старостам курсов составлять списки студентов для их перевода в китайскую столовую.

Староста нашего курса – Ахмад Тохти подходил к каждому из нас. Некоторые, считая, что все равно столовые объединят, боясь, что их обвинят в саботаже, записывались.

Другие выжидали, что будет дальше. Положение было сложное. Ведь если питаться в китайской столовой, это означало, что ты отказываешься от своей национальности, от своей идентичности. Ведь мы – мусульмане, и нам нельзя ни при каких обстоятельствах, есть свинину. Поэтому, я решила лучше умереть с голоду, чем писаться в китайской столовой. Встав с места, я твердо произнесла:

– Я категорически против! Мы – мусульмане, и если мы потеряем свою национальную и религиозную идентичность, в кого мы превратимся? Подумайте хорошенько, но я, повторяю – категорически против! Даже если я останусь одна! Если они закроют столовую, пусть дадут деньги за питание, я найду какой-то выход, но китайскую еду есть не буду! Подруги мои, подумайте хорошо. Это не простой, не бытовой вопрос! Если мы сейчас сдадимся, то в дальнейшем, горько пожалеем! Я готова все претерпеть, но я никогда не соглашусь...!

После этим слов, наступила тишина. Ее нарушила Малика.

– Я тоже! – произнесла она.

Следом раздалась другие голоса.

– И я!

– И я тоже!

Мою позицию поддержали Шамшижамал, Турниса, Халима. К ним присоединились и остальные.

Последним отверг посещение китайской столовой староста нашего курса Ахмад Тохти. Свою подпись он поставил в самом низу списка.

– Вы первыми выступили против. Эту позицию я доведу до остальных студентов. Среди них есть и те, кто был вынужден записаться. Возможно, они передумают, – сказал Ахмад Тохти и вышел из комнаты.

Через час он вернулся.

– Мы победили. Нас поддержали все студенты. Даже многие из тех, кто питался в китайской столовой.

– А Бабай? Он присоединился к нам, – не выдержав, спросила я.

– Да, и он тоже. Мы победили! Я вернулся, чтобы сообщить вам об этом.

Ахмад Тохти вновь ушел. А мы остались, удовлетворенные тем, что китайская столовая, и столовая, в ко-

торой обедали студенты-мусульмане, не будут объединены.

Мы радовались, однако ситуация осложнялась с каждым днем. Участились стычки между нами и китайскими студентами, нередко переходящие в драку. О каком бы вопросе не шла речь, обозначилось четкое противостояние между китайцами и представителями местных национальностей, которых официально называли национальными меньшинствами. Однако теперь уже мы не подчинялись им полностью, как это было еще совсем недавно.

Раньше, когда приходили наши друзья из других институтов, китайские студенты бесцеремонно выгоняли их из общежитий. Не только наши знакомые и друзья не могли войти, но и мы не имели права провести их в общежитие. Мы вынуждены были выходить в фойе, либо во двор, чтобы пообщаться с ними. Более того, если мы разговаривали с друзьями на своих национальных языках, подходили китайцы и требовали, чтобы мы общались исключительно на китайском языке. В случае неповиновения, об этом докладывалось руководству института. Дело даже доходило до того, что подобные факты рассматривались на общем собрании студентов.

Однако такое положение дел стало постепенно меняться. Теперь уже студенты-националы воспротивились тому, что китайские студенты стирали, мылись прямо в комнатах. Были случаи, когда тазики с мокрым бельем оставались в комнатах. Студенты местных национальностей резко воспротивились этому, настаивая на том, что существует специальное место для мытья, стирки и так далее.

Действительно, здание медицинского института, построенное еще советскими специалистами, было осна-

щено всем необходимым. Аудитории были светлыми, современными. То же самое можно было сказать и об общежитиях. На каждом этаже находились туалеты, душ, комнаты для стирки и сушки белья. Постоянно была горячая и холодная вода. Умывальная комната была оснащена двадцатью умывальниками.

Несмотря на все это, китайские студенты умывались в комнатах общежития, которые пропахли сыростью и мыльным запахом.

В самый разгар такого противостояния, партком института не только возложил всю вину на студентов местных национальностей, но спровоцировал еще один потенциальный конфликт, целью которого было усилить контроль над студентами местных национальностей.

Речь шла о том, чтобы обсудить вопрос относительно того, что лучше – вести совместное обучение студентов, либо раздельное.

Практически все студенты нашего курса высказались за раздельное обучение. Мы даже выпустили стенгазету, посвященную этой теме, где все студенты поставили свои подписи. Саму стенгазету вывесили в фойе, у входа в общежитие с тем, чтобы все вошедшие могли прочесть ее.

Естественно, очень скоро об этом стало известно администрации института, представители которой практически в полном составе пришли взглянуть на стенгазету. Очень скоро партийный и комсомольский комитеты созвали совещание, посвященное обсуждению этого вопроса.

В основном выступлении говорилось о том, что позиция, изложенная в стенгазете, полностью ошибочна. Это позиция выгодна лишь местным националистам. Поэтому, необходимо найти организаторов.

Однако, члены партии и комсомольские вожаки из числа представителей местных национальностей активно возражали, подчеркивая правильность позиции, изложенной на страницах стенгазеты. Они настаивали на том, что это не националистическая позиция, а мнение практически всех студентов из числа национальных меньшинств. Поэтому, не надо их обвинять в несуществующих грехах.

Такая позиция придавала уверенности в своей правоте студентам, толпившимся за пределами зала заседания, но слышавших выступления руководителей.

Не найдя аргументов в пользу своей позиции, партком института решил передать этот вопрос на рассмотрение студенческих групп. Таким образом, партком рассчитывал добиться принятия решения о совместном обучении, так как в каждой группе из пятнадцати студентов лишь один или двое были представителями местных национальностей.

Однако вновь не все пошло по их плану. Студенты местных национальностей наотрез отказались обсуждать этот вопрос в группах, настаивая на том, что его следует решать исключительно в администрации института. Партком попытался оказать на них давление, однако, студенты местных национальностей не сдавались, и в результате, даже покинули собрание.

Администрация института и китайские студенты находились в состоянии растерянности.

На следующее утро студенты местных национальностей пришли в малый зал администрации института. Там мы потребовали от ректора и секретаря парткома утвердить раздельное обучение. При этом, на конкретных фактах мы показали пользу раздельного обучения, и соответственно, вред совместного.

Ректор выступил против нашей позиции, охарактеризовав ее лишь как мнение местных националистов и контрреволюционеров. Кроме того, он потребовал, чтобы студенты успокоились и разошлись. Следует сказать, что в этот момент, группа казахских студентов во главе с Нусратом, согласились со словами руководителя института, и выступили против нас. Однако их выступления были голословны, и они не привели ни одного факта, доказывавшего вред раздельного обучения. Вместо фактов, они опустились до ругани, клеветы, и ложных обвинений.

Естественно, на все эти дни учеба была приостановлена. Не имея возможности доказать свою позицию в открытой дискуссии, руководство института пригласило крупных чиновников. Так, из Управления общественной безопасности прибыл Анвар Жакулин, из Управления образования – Анвар Ханбаба. Кроме того, пригласили также секретаря парткома Автономного района Чу Данви и еще одного начальника уйгурской национальности.

Однако и их приезд не испугал студентов. Напротив, они стали еще более уверенными в своей правоте. Давление лишь укрепило их позицию.

Что касается китайских студентов, то они призывали противостоять местным националистам, и, отложив в сторону дискуссию, скорее продолжить учебу. Все эти мысли они отразили в своей стенной газете.

Вместе с тем, студенты других курсов продолжали учиться. Протестовал только наш курс. Потому что, только наш курс, в качестве эксперимента, объединили в совместные группы вместе с китайскими студентами. Старшие курсы обучались раздельно, и эти инициативы по совместному обучению начинались с нас.

Для того чтобы грамотно противостоять оказываемому давлению, мы каждый вечер тайно собирались и обсуждали тактику нашего поведения.

Как-то вечером студенты разделились на три группы, и провели раздельное обсуждение. Одна группа собралась в кабинете биологии. На встрече были и китайские студенты. Пояснив преподавателю, что мы хотим дополнительно позаниматься биологией, на самом деле, эта группа, на китайском языке, обсуждала наболевший вопрос.

Вторая группа, куда входила и я, собралась в кабинете анатомии. Четверых девушек мы поставили на дежурство. Саадат стояла у входных дверей здания. Хурниса – у лестницы первого этажа. Улхипа – на лестничной клетке. Наконец, Шамшижамал стояла у дверей кабинета. Мы обсуждали множество вопросов, начиная с того, как себя вести во время переговоров, на чем сконцентрироваться, и кончая тем, что, ни в коем случае, не уступать давлению и стоять на своем до конца.

Только мы приступили к обсуждению этих вопросов, как стоявшие на посту сообщили, что к кабинету приближаются две студентки: казашка Карима Жалдыбай и уйгурка Нурниса Юсуп. Моментально мы склонились над книгами, делая вид, что усиленно занимаемся.

Вскоре выяснилось, что они направились в сторону приемной администрации института, что вынудило нас поспешить завершить собрание.

Малика, Ахмад Тохти, Халима и я, поспешно вышли и направились в небольшую столовую для врачей, надеясь там продолжить обсуждение. Проходя через Отделение внутренних болезней, мы, сквозь окна увидели группу спешащих людей. Распахнув пальто и плащи, быстрым шагом направлялись Анвар Жакулин, Анвар

Ханбаба, Чу Данви, Гопур Рехим, секретарь парткома института, Нусрат, Карима Жалдыбай и Нурниса Юсуп. Они почти бежали, обгоняя друг друга.

Нам стало смешно при виде этой процессии. Вместе с тем, мы понимали, что было бы не до смеха, если бы они застали нас за обсуждением. Тем не менее, мы были рады, что вовремя сумели распознать их действия, и покинуть кабинет анатомии.

Позже мы узнали, что войдя в кабинет, чиновники и их приспешники обнаружили лишь семь или восемь студентов, усиленно склонившихся над книгами. На недовольные расспросы о тех, кто участвовал в собрании, студенты недоуменно отвечали, что слышат о собрании впервые.

Укоризненно взглянув на Кариму Жалдыбай и Нурнису Юсуп, группа во главе с Анваром Жакулиным сочла своим долгом еще раз предупредить студентов о недопустимости тайных собраний, и вынуждена была удалиться.

Стремясь навязать нам мнение о том, что наш протест обусловлен тем, что за нами стоит член какой-то организации, либо что это влияние самой организации, представители властей пытались оказывать на студентов серьезное давление. Однако и это ни к чему не привело, так как студенты действительно считали свою позицию правильной, никакой не контрреволюционной, и не связанной ни с каким движением.

Более того, обсуждение основного вопроса продолжалось. Чтобы сбить эту волну, администрация объявила о начале зимних каникул раньше положенного времени. В этой связи, я тоже поспешила домой. Там тоже произошли большие перемены.

В то время началась кампания по созданию коммун. Другими словами, народ насильно объединяли в струк-

туры по ведению совместного хозяйства. Это подразумевало отсутствие в коммунах частной собственности. Соответственно, у народа отняли весь скот и птицу, то есть лошадей, коров, овец, коз, кур, уток, гусей. Люди должны были питаться из общего котла. В связи с этим, у людей забрали даже посуду. Каждому человеку положено было иметь лишь чашку, тарелку и ложку.

Были организованы детские ясли, в которые насильно стали забирать детей. Кроме того, у людей собрали детские кровати, матрацы, одеяла, подушки, и даже ковры.

Объявив, что намереваются создавать молокозавод, у нас забрали молочный сепаратор, вёдра, тазы. У мамы конфисковали ее швейную машинку и столик. Короче говоря, приехав домой, я увидела, что наш дом стал похож на казенное общежитие.

Все было общее. Утром по норме выдавали пресный хлеб, вечером пустой суп. И естественно, никто не наедался. Часто родители отдавали даже эту скудную норму своим детям.

– Почему так ухудшилась жизнь народа? – спросила я у отца.

В то время он работал бухгалтером в коммуне. Горько улыбнувшись, он ответил:

– Такое положение повсюду. Запасов зерна не осталось. Скотину и ту забрали. Объяснили тем, что в государственных закромах ничего не осталось. Если в этом году такое, то, что нас ожидает в будущем? Может наступить голод. Уже сейчас в яслях и детских садах наблюдается нехватка молока и муки. И ситуация ухудшается. Молю Всевышнего, чтобы такого не было.

Отец посмотрел по сторонам, и продолжил:

– Коммуны высосали всю кровь народа. Но ты знаешь, сердце болит от того, что большие количества зер-

на было вывезено во внутренние китайские провинции. И это в то время, когда наши дехкане, вырастив зерно, сами умирают от голода.

Было видно, что отец произносит эти слова с нескрываемой горечью. Обычно отец был сдержан, немногословен. Он был широко эрудированным человеком. Окончив русскую гимназию, владел русским языком, говорил на арабском, китайском языках. Известный экономист, он подготовил большое количество учеников. Я многому научилась у своего отца.

Мы еще долго сидели с отцом в тот вечер. Уложив младших детей, вскоре к нам присоединилась мама.

– О чем это вы разговаривали? – спросила она.

– Да вот, хвалим коммуну, – улыбнулся отец.

– Что? Да разве можно хвалить эту напасть?! Ведь она – это коммуна, разорила нас. Эти «социалистические преобразования» просто лишили нас жилья. Кроме обычного китайского разбоя, просто не о чем и говорить.

– Это коснулось не только нас. Весь народ страдает. Будем вместе со всеми! – постарался успокоить маму отец.

– Действительно, было бы здоровье и спокойствие, остальное образуется, – соглашалась мама.

Мама, как, наверное, и все мамы, была доброй, открытой, трудолюбивой, искренней женщиной.

В это трудное время, мама во всем старалась помочь отцу. Она шила одежду для коммуны, одновременно занимаясь воспитанием детей.

К осени жизнь людей заметно ухудшилась. Многие начали питаться травой, что привело к заболеваниям, и даже к случаям смерти.

Большинство детей, насильно забранных в ясли, умерло от голода. В живых осталось только два ребен-

ка, которые оказались детьми воспитателя и директора яслей.

Среди умерших была и моя сестренка. Двое выживших детей, по прошествии нескольких месяцев, в результате эпидемии инфекционной болезни, также скончались.

Эти «годы освобождения» навсегда сохранятся в памяти людей.

ЯНВАРЬ 1961-ГОДА. ПЕРИОД КАНИКУЛ

Проведя десять дней дома, я вернулась в институт. Во время каникул, студенты продолжали писать заявления с просьбами о необходимости «раздельного обучения». Однако администрация института отвергала все эти предложения. Более того, в адрес студентов посыпались угрозы отчисления в случае, если они будут настаивать на «раздельном обучении».

В результате бурных обсуждений, студенты нашего факультета пришли к необходимости выбрать «меньшее зло», и чтобы вообще не быть отчисленными, решили попытаться, оставшись, отстаивать свою точку зрения.

Однако еще до начала учебы, администрация через нашего преподавателя Абдушукура и старосту курса Ахмада Тохти, довела до студентов то, что, если до 22 февраля все студенты не начнут учебу, будет проведено общеинститутское собрание, и на наиболее яростных противников «совместного обучения» будут заведены дела.

Преподаватель посоветовал нам начать занятия. Он говорил, что позиция студентов нашего института всколыхнула весь Синьцзян. Многие люди вдохновились нашей позицией.

Выслушав преподавателя, мы, обсудив положения, решили приступить к учебе.

Этот факт несказанно обрадовал китайских студентов. Однако особенно печальным было то, что некоторые наши студенты, испугавшись возможных последствий, письменно раскаялись в своей позиции и просили прощения. Более того, они дошли до того, что в своих заявлениях, отправленных администрации института, они осуждали нас за нашу позицию.

Между тем, противостояние продолжалась. В 1960-1961 годы на всей территории Синьцзяна начался голод. Не выполнив планов по сдаче зерна, многие коммуны и районы сдавали государству даже то зерно, которое было необходимо для питания населения. Вследствие того, что эти запасы сдавались государству, многие люди были обречены на голодную смерть.

Конфискованное зерно, тем временем, вагонами, непрерывным потоком, отправлялось во внутренние китайские провинции.

Малика, вернувшись с каникул, рассказывала:

– Только из города Кульджи было вывезено зерна, которого хватило бы на обеспечение всего населения Синьцзяна на протяжении двенадцати лет. Если столько зерна производят в Кульдже, то какое количество зерновых выращивается по всему Синьцзяну? Обеспечивая внутренние китайские провинции зерном, мясом, маслом, скотом, другим сырьем и полезными ископаемыми, Восточный Туркестан сам все более скудеет и нищает.

Такое положение все более огорчало нас. Мы задумывались о будущем народа Восточного Туркестана, и все более возмущались позицией наших руководителей. Они прогибались перед китайским центральным правительством, довольные уже тем, что получали зва-

ния «кадровых руководителей высшего звена». Имея соответствующее материальное обеспечение, они сразу становились «слепыми», «глухими», и ничего непонимающими. Таким образом, они превратились в марионеток, а вся реальная власть перешла в руки китайцев.

Если наши руководители находились в таком положении, то не могло и быть речи высказываться о судьбе народа Восточного Туркестана.

Мы – студенты, естественно спорили, возмущались, но ничего поделать не могли.

Будучи студентами-медиками, мы воочию видели людей, которые умирали от голода, от болезней, вызванных хроническим недоеданием.

При виде этих людей, мы подпадали под такой психологический пресс, что заболели сами.

ИЮНЬ 1961 ГОДА

Лунный свет освещал все вокруг, и от этого вечер был прекрасен. Деревья вокруг здания института шелетели листьями под дуновением летнего ветерка. Мягко коснувшись, ветерок дотронулся до волос.

«До чего же прекрасна природа?!» – подумала я, и, не желая возвращаться в общежитье, присела на бордюр. Я была просто счастлива от этой природной благодати.

Возвращаясь с обсуждения, Аблиз и Аблеким, увидев меня, присели рядом. Следом появилась Малика. Мы немного пошутили, а затем Аблеким, явно обиженно, заговорил о спорах, произошедших с китайскими студентами.

Малика, в свою очередь, рассказала о том, что сегодня познакомилась с пациентом, приехавшим из Карамая. Этот человек рассказал, что карамайцы живут

очень трудно. Кроме того, не прекращаются стычки китайцев с представителями местных национальностей.

Слушая все это, мы непроизвольно вновь вступили в спор о превратностях жизни, национальном неравенстве и дискриминации.

– Избавимся ли мы когда-либо от этого? – произнесла Малика.

После ее слов, я не выдержала и сказала:

– Есть только один путь избавиться от всего этого. Это добиться национальной независимости.

Меня поддержали все присутствующие. Малика осмотрелась и, понизив голос, промолвила:

– Если бы устояла Революция трех округов, было бы все по-другому! Своя Родина, свое правительство! И занятия велись бы на родном языке...

Слушая Малику, я вспомнила слова отца. Он рассказывал, что когда Национальная армия приблизилась к реке Манас, из Урумчи и со всего Синьцзяна, гоминдановцы, да и все китайцы, пустились бежать. Вместе с ними бежали даже те представители местных народов, которые были близки к гоминдановцам.

В тот период, когда китайская гоминдановская армия и китайцы бежали, а китайские коммунисты еще не пришли, народ ждал свою Национальную армию, которую надеялся восторженно встретить.

Однако вместо Национальной армии появились вооруженные до зубов, китайские коммунистические войска.

Все были в шоке. Лишь немногие понимали, в чем дело, и горестно осознавали, что избавившись от одних китайцев, попали в сети других, опять же, китайцев.

С приходом армии китайских коммунистов, рухнули надежды многих.

Естественно, возникали вопросы по поводу Национальной армии. Люди не понимали, почему она – это армия, четыре года стояла у реки Манас, и не перешла ее? На мой вопрос, отец отвечал так.

– Командующие Национальной армией были русскими. Они выполняли приказ Советского правительства. Именно поэтому они держали Национальную армию на реке Манас до того времени, пока китайские коммунисты не вступили на территорию Восточного Туркестана.

Неудовлетворенная этим ответом отца, я продолжала расспросы:

– Почему же русские выступали против независимости Восточного Туркестана? Какое им дело до Синьцзяна? Зачем они вмешиваются?

– В мире много тайн. Но запомни – каждый печется только о своих интересах. Никто не будет думать о твоих проблемах. И не следует ожидать, что кто-то принесет свободу. Необходимо надеяться только на себя. Если будешь ждать, пока кто-то протянет тебе руку, можешь оказаться растоптанным, – печально произнес отец.

Мой рассказ все слушали очень внимательно. Даже когда я замолчала, никто не прервал тишину. Лишь, по прошествии длительного времени, Аблиз сказал:

– Вот так и была ликвидирована Революция трех округов.

– Наш народ наивен, что и явилось причиной того, что он отдал свои права другим. Если бы руководители Революции и командующие были представителями нашего народа, то этот народ, безусловно, добился бы победы. К сожалению, момент для завоевания независимости был упущен, – грустно сказала Малика.

– Неизвестно, появится ли вновь такая возможность. Враг силен и многочислен, и добиться свободы без пролития крови не удастся, – произнес Аблеким.

Аблиз добавил:

– У людей сейчас и нет такого стремления к свободе, так как правительство заморочило голову идеями социализма и коммунизма. Все стремление народа к свободе завуалировали тем, что уже, якобы, «освободились», разгромив гоминдан. И потому, наш народ находится в полудреме. Прежде всего, необходимо пробудить его от спячки.

– Правда, разбудить народ сложно, ведь ему внушили, что те, кто выступает против идей социализма, виновны перед Аллахом. И потому, люди живут тем, что лишь построив коммунизм, они добьются счастья. А пока им надлежит терпеть.

Эти слова вызвали у всех нас горькую улыбку.

– Действительно, они применили хитрую тактику.

– Если так будет продолжаться, они нас уничтожат, а потому, необходимо растормошить народ! Но как это сделать? Наверное, необходимо разъяснить народу, что идеи социализма и коммунизма – это лишь орудие для достижения другой цели, – произнесла Малика.

Наш разговор принимал все более заинтересованный характер. Мы предлагали различные идеи, обсуждали их, и обретали все большую уверенность в возможности их осуществления.

– Если они внушили народу идеи социализма и коммунизма, то наша задача – объяснить народу истинное положение дел. Китайское правительство действовало очень хитро. Тех, кто занимал хоть какую-либо должность, объявили «кадровыми работниками высшего звена», и, обеспечив им материальные блага, заткнули им рты. Простых чиновников также материально стимулировав, назначили марионеточными начальниками, фактически руководя за их спинами. Простых дехкан обманули идеями всеобщего благоденствия при

коммунизме. Таким образом, вся фактическая власть оказалась в руках китайского правительства, а богатства Восточного Туркестана непрерывным потоком потекли в Китай. Настоящие хозяева богатейшей земли влачат нищенское существование. Но чтобы объяснить народу истинные причины такого положения, необходимы силы, люди, и средства. Добиться результата можно лишь в том случае, если проводить разъяснения во всех городах, организациях, повсеместно, – высказала я свое мнение.

После этих слов, Аблиз, несколько призадумавшись, промолвил:

– Мне кажется, сейчас рано действовать. Может, стоит несколько повременить?

Аблеким перебил его:

– Ждать нельзя! Китайцы в огромном количестве переселяются на нашу родину. Когда на одного местного жителя придется сто, или даже тысяча китайцев, будет поздно!

– Подождите, наверное, есть и другие люди, которые думают так же, как и мы? Мы всего лишь студенты, многого не знаем. Наверное, есть люди постарше нас, знающие жизнь лучше нас, более опытные. Вероятно, они тоже не сидят, сложа руки? Мы должны найти их, и действовать совместно. Если нам удастся найти таких людей, я первая вольюсь в их ряды.

Не успела я произнести эти слова, как Малика обняла меня, и твердым голосом сказала:

– И я тоже!

Аблеким с Аблизом мгновенно поддержали нас. Мы почувствовали себя так, словно были близкими родственниками. И от этого наша дружба лишь укрепилась.

В результате мы договорились, что будем искать единомышленников, и в случае, если найдем таких лю-

дей, сообща установим с ними контакт. Вчетвером мы сдружились с первого дня учебы. После этого разговора, общая идея нас еще больше объединила.

28 АВГУСТА 1961 ГОДА

Вернувшись с каникул, не успела я подойти к зданию института, как навстречу мне выбежала группа сокурсников.

– Радостная весть! Отныне мы будем учиться отдельно! Комнаты в общежитии, классы, питание, – все будет отдельно от китайских студентов!

Вместе со всеми, я побежала в общежитие. Я с Зайнурой и Марьям были распределены в одну комнату. Сама комната показалась мне такой чистой и просторной

– До чего же хорошо!

Практически все студенты были приятно поражены такой переменой. Ведь еще в прошлом году о раздельном обучении не могло быть и речи. Ведь мы претерпели неслыханное давление, опасаясь быть исключенными из института за это требование. А теперь – вопрос решился неожиданно! Не веря до конца свершившемуся факту, мы обратились за разъяснениями к старосте курса Ахмаду Тохти.

– О нашем прошлогоднем протесте было доложено центральному правительству в Пекине. Когда Председатель партии Мао Цзедун узнал об этом, он расспросил о подробностях у Сайпидина Азизи. Тот рассказал, что студенты местных национальностей Медицинского института требовали раздельного обучения с китайскими студентами. Решением парткома и администрации института, требование студентов было

отклонено. Услышав это, Мао Цзедун отметил, что это решение было ошибочным. Во всяком деле студенты находятся в первых рядах. И если распространится слух, что в социалистическом государстве студенты протестуют и отказываются от учебы, это будет нехорошо. Поэтому, следует удовлетворить их требования, ибо мы не хотим, чтобы авторитет социалистического государства был подорван. Именно благодаря указанию Председателя Мао Цзедуна, и было принято решение о раздельном обучении, – рассказал нам Ахмад Тохти.

– Вы шутите? – не поверила я его словам. Сама же подумала о том, что, возможно, это хитрый тактический ход.

Все заулыбались, не зная, верить ли словам Ахмада Тохти.

– Нет, я рассказал правду. Об этом я услышал от очень большого начальства! – заверял, между тем, Ахмад Тохти.

Я, все равно, ему не поверила. Не могло быть, чтобы протест студентов из далекого Медицинского института в Урумчи дошел до Центрального правительства в Пекине?

Малика, между тем, поверила словам Ахмада Тохти.

Действительно, когда через некоторое время началось обучение, оно было раздельным. Преподавание велось доступным языком. Кроме того, были организованы дополнительные занятия. Соответственно, в учебе наметился прогресс. Настроение и настрой студентов были на высоком уровне.

ИСКАНИЯ. НОЯБРЬ 1961 ГОДА

По завершении занятий, мы с Маликой направлялись к одной из аллей во дворе института, как нас окликнули Аблеким и Аблиз.

– Вы куда, девчонки?

Не дожидаясь ответа, продолжили:

– Есть ли какие либо новости?

Малика, опередив меня, ответила вопросом на вопрос:

– А что, вы встретились с кем-то? Или нашли единомышленников?

Аблеким с Аблизом переглянувшись, рассмеялись.

– Честно говоря, прошло уже больше двух месяцев. Мы по выходным не бываем в институте. По субботам посещаем институты, заводы, фабрики, словом, все те места, где у нас есть знакомые. Мы надеялись найти следы хоть какой-либо организации, однако...

– Надежды мало! – перебил Аблиза Аблеким.

– Люди, на которых мы надеялись, спят как младенцы. Они совершенно не знают историю Синьцзяна. А потому, не переживают за судьбу этой земли. Правда, после того, как мы рассказали им то, что знали сами, они как-то преобразились.

– Было видно, что они горячо любят народ и родину. Они уговорили нас остаться на выходные, и все это время мы провели в спорах. Мы кое-как успели на занятия в понедельник. К сожалению, большинство народа продолжает находиться в дремотном состоянии.

Аблеким, достав платок, и вытерев пот, появившийся у него на переносице, продолжил:

— При таком положении дел, действительно, надежды мало.

Он замолчал, и безнадежно посмотрел на нас.

— Мы тоже не бездействовали. По субботам и воскресеньям встречались со многими людьми. Разных профессий. В разговорах затрагивали различные темы нашей повседневной жизни. В конце бесед мы намекали на то, что без независимого существования мы не избавимся от проблем. Некоторые люди испуганно говорили нам, что добиться этой цели сейчас невозможно. Они советовали нам забыть об этом и жить спокойно и тихо. Мы возражали, говоря о том, что если не мы, то кто принесет нам независимость? Кому она, эта независимость, нужна кроме нас самих? Ведь никому нет дела даже о том, живы мы или нет. А нам надо думать о будущем... Нам показалось, что мы подвинули таких людей к тому, что они задумались. Мы, почувствовав это, надавили на них, говоря о том, что сейчас китайцы забирают наш скот и материальные ценности. А где гарантия, что в будущем они не позарятся на наших женщин и детей? Таким образом, они уничтожат нашу нацию. А нация безмятежно спит в объятиях дракона... Часть наших собеседников, в испуге просила оставить их в покое. Другие предостерегали нас от излишней откровенности, опасаясь за то, что мы можем навлечь на себя беду. Третьи советовали нам не вмешиваться в политику и просто продолжать свою учебу. Таким образом, мы не нашли единомышленников, тех, кого мы стремились найти.

Во время разговора подошла Нурниса Рози и увела Малику. Мы остались втроем, и разговор продолжился. Я продолжила говорить о том, что удалось сделать нам с Маликой:

— Я много думала, размышляла. Я даже представляла бесцельный облик наших единомышленников. Они мне

казались высокими, энергичными, умными, сдержанными людьми. Я пыталась найти в реальной жизни таких людей, соответствующих моим мечтаниям. К сожалению, не нашла... В результате я пришла к выводу, что мы сами должны создать организацию! Я поняла, что не надо искать каких-то сверхгероев. Создателями организации должны быть простые люди. Такие, как мы. Что вы об этом думаете?

В душе готовая на любые действия в рамках организации, я говорила искренне, осознавая, что, возможно, меня и не поймут. Тем не менее, я с нетерпением ожидала реакции на мои слова.

Аблеким, от неожиданности, растерялся. Он взглянул на Аблизу, и, не подумав, произнес:

– Нет, мы не сможем это осуществить!

Аблиз поддержал Аблекима:

– Это не дело студентов. Мы не справимся!

Я не сдавалась, и сочла нужным объяснить им суть моей идеи.

– Действительно, дело не простое и опасное. Однако, наши единомышленники – такие же простые люди, как и мы. Да ведь мы и не предполагаем с криками «ура!» вступить в вооруженную схватку. Мы должны, как вы и говорили, тайно проводить агитационную работу среди студентов различных институтов, и в первую очередь, поднять на борьбу наших сверстников. Затем мы должны вести пропаганду среди гуши народа. Когда народ пробудится от спячки, результаты будут очевидны. Безусловно, в процессе, мы познакомимся с достойными людьми, возможно, даже с достаточно серьезными руководителями. Однако мы должны помнить и о негативных моментах. Вполне возможно, что мы подвергнемся преследованию, аресту, и даже уничтожению. Но мы должны знать – рано или поздно, мы

все умрем! Так не лучше ли умереть, зная, что ты что-то сделал для народа, чем умереть рабом?!

– Да, это так! – поддержал меня Аблиз.

В разговорах мы не заметили, как подошли к общежитию. Последние шаги мы сделали молча, погруженные в свои размышления. Вместе поднялись на второй этаж. И лишь там разошлись в разные стороны. Ребята пошли в мужское крыло здания, а я направилась в свою комнату.

ДЕКАБРЬ 1961 ГОДА

После трех часов утренних занятий, нам объявили, что предоставляют четыре дня предновогодних каникул. Решив поехать домой, повидать родителей, братишек и сестренку, я собрала сумку, и после обеда, предупредив девчонок по общежитию, направилась на вокзал.

Зная, что от вокзала Урумчи в Нансан, где жили мои родители, регулярно отъезжает молоковоз, я надеялась на нем добраться до дома. Подойдя к вокзалу, я нашла небольшую конторку молочного пункта, разместившегося чуть в стороне от привокзальной площади.

Войдя в конторку, я увидела работницу-китайку.

– Скажите, сегодня в Нансан молоковоз отъезжает?

– Да, через час.

– Можно мне уехать на нем?

– Кто у тебя в Нансане? Зачем поедешь?

– Там живут мои родители. Отца зовут Салих Валиев

– Неужели? Я его знаю. Очень образованный человек. Ты здесь подожди, через час, возможно, через два, прибудет машина.

– Спасибо, я лучше подожду снаружи.

Я вышла на улицу. Было холодно, и в конторку вскоре набилось много народа.

В связи с тем, что я впервые была на вокзале, мне захотелось увидеть железнодорожные пути, да и сам паровоз с вагонами. Я приблизилась к путям, и с интересом наблюдала за движущимися составами. Только что от вокзала медленно отошел товарный поезд. Пыхтя, он направился в сторону окрестных гор.

Я прохаживалась по привокзальной площади. Вдруг послышался гул приближавшегося состава. Я повернулась в сторону приходящего поезда, и поняла, что он движется с востока, со сторону города Кумул. Пыхтя и раздувая пары, поезд напоминал огромного дракона. Состав был очень длинным. Паровоз уже прошел далеко вперед, а последний вагон все еще не показался из близлежащих гор. Я была удивлена мощи паровоза, тянувшего такое большое число вагонов. Наконец состав остановился, и одновременно открылись двери всех вагонов. Нескончаемое море людей хлынуло на привокзальную площадь в направлении автобусной остановки. Они толкались, ворчали, спотыкались, но целенаправленно шли вперед. Еще до прихода поезда, я заметила с десяток китайцев, ждавших его прибытия. Я думала, что они пришли встречать своих родственников. Оказалось, что это были специальные уполномоченные, в обязанность которых входило встречать всех пассажиров прибывшего состава! Прибывших было так много, что они не помещались в здание вокзала. Толпясь, словно муравьи, они заполнили и привокзальную площадь. Со стороны эти люди, действительно, напоминали черных муравьев, ибо одеты были в одинаковые черные одежды. На них были черные брюки и черные куртки. На головах у всех были черные кепки. Правда, на шапках у них

были повязаны шары различного цвета. Люди были с детьми. У некоторых на руках плакали младенцы, большинство же продвигалось в окружении от двух-трех до шести-семи подростков. У каждого в руках были узлы с вещами. По виду этих людей можно было предположить, что они были нищими, необразованными, познавшими нужду. Они были настолько похожи друг на друга в этой своей стандартной одежде, что я была просто поражена.

Удивительно, но словно бы это было спланировано заранее, один за другим стали прибывать автобусы. Люди, сошедшие с поезда, впритык садились в автобус, и как только переполненный автобус трогался, на его место прибывал следующий. Буквально через пятнадцать минут, только что кишашая людьми привокзальная площадь опустела.

Вокзал вновь погрузился в тишину.

Меня словно бы ударила какая-то неведомая могучая сила. Я ошарашено стояла в стороне и несколько минут не могла прийти в себя.

Тысячи людей, буквально за десять-пятнадцать минут словно бы испарились! Площадь опустела, словно бы никого на ней и не было.

Я была в шоке. Не успела я еще окончательно прийти в себя и лишь подумала о том, насколько глубоко мы находимся в летаргическом сне, как послышался гул еще одного поезда. Я подумала, что прибыл второй состав с востока. Приблизившись к железнодорожным путям, я огляделась.

На этот раз я увидела товарный состав. Он состоял из 18-20 вагонов, на каждом из которых была размещена огромная цистерна с нефтью. Этот состав, напротив, направлялся из Урумчи во внутренние китайские провинции.

Еще не выйдя из состояния одного шока, я погрузилась в другой. Через короткое время, отошел еще один товарный состав. Он был гружен скотом, бревнами, углем.

Воочию увидев эти прибывающие и отбывающие поезда, я еще раз, с сожалением, поняла, насколько глубоко спит наш народ.

Задумавшись об увиденном, я совсем забыла о молоковозе, отъезжающем в Нансан. Вбежав в конторку, я натолкнулась на удивленный взгляд работницы-китаянки:

– Как, ты не уехала? Ведь прошло уже больше часа, как машина направилась в Нансан? Что же теперь делать? Завтра машины не будет. Приходи теперь в другой день.

Делать было нечего, и я, усталая и голодная, вернулась в общежитие, когда уже начало смеркаться. Девчонки встретили меня удивленными возгласами:

– А мы думали, что ты уехала! Где ты ходила?

Я подробно рассказала им все, что увидела в этот день. Мы долго шептались, и легли спать лишь глубокой ночью.

31 ДЕКАБРЯ 1961 ГОДА

Позавтракав, мы – несколько девчонок и ребят, направились в сторону вокзала. Урумчинский вокзал находился у подножья гор, окружавших город с запада. То есть он располагался на некотором возвышении.

Увидев прибывавших в Восточный Туркестан, словно муравьи, китайцев, и непрерывным потоком вывозимые в направлении китайских городов сырье и полезные ископаемые, многие из студентов не сдерживали

ли слез. Они воспринимали увиденное как величайшее бедствие.

Нежданно к нам подошел какой-то старик.

– Вы кого-то встречаете, дети мои? – обратился он к нам.

– Нет, дедушка. В китайских городах у нас нет родственников. Просто пришли посмотреть на здание вокзала, на поезда.

Большинство студентов стояли молча, пораженные таким большим количеством прибывающих китайцев.

Старик, тем временем, вновь заговорил:

– Я здесь работаю дворником. Всю ночь поезда привозят людей. Куда они испаряются, где размещаются, непонятно! Однако, к их приезду готовы автобусы, грузовые машины. О Боже, видать местному населению не избавиться от этого китайского наплыва. Ведь они готовы проглотить нас.

Произнеся эти слова, старик заковылял к зданию вокзала.

Целый день мы провели на вокзале. Прикинув, сколько составов с людьми прибывает за сутки, мы посчитали количество вагонов, примерное число людей в вагонах. Выведя окончательные цифры, мы ужаснулись.

Если так будет продолжаться и дальше, через 30-40 лет местное население растворится в прибывающих китайцах?!

Разгоряченные, мы вступили в полемику.

– Что же делать?

– А что мы можем?

– Наверное, не мы должны этим заниматься?

– А кто же тогда?

– Если не мы, то кто же тогда? Ведь беда обрушилась на нас!

Не в силах отойти от увиденного сегодня, мы спорили до тех пор, пока не подошли к общежитию.

Визит на вокзал, и увиденное там, стало притчей во языцех, ибо мы не могли сдержаться, и рассказали всем своим сокурсникам.

Начиная с 1 февраля 1962 года, мы вышли на каникулы. Мы с Маликой решили каникулы провести в Нансане – в доме моих родителей. Накануне дня отъезда, вечером, меня нашел Аблиз.

– У тебя есть время поговорить?

– Конечно, пошли в комнату.

Аблиз поспешил за мной. Я чувствовала, что он серьезен и словно бы опасался чего-то. Мне показалось, что он хотел сказать что-то важное.

– Тебе известно, мы пытались найти единомышленников. Однако наши поиски не увенчались успехом. Я пришел к выводу, что, действительно, нам надо самим объединиться, и создать ячейку. Одновременно, будем продолжать искать единомышленников. Если найдем, объединимся с ними в единую группу. А так, если будем заниматься только поиском, мы упустим время! – произнес он.

Услышав эту радостную для меня весть, я даже не усидела на месте. Вскочив со стула, я воскликнула:

– Готова исполнять любые обязанности. Я не боюсь никаких опасностей!

Малика, присутствовавшая при разговоре, обняла меня, и сказала:

– Мы никогда не сойдем с избранного пути! Даже если придется умереть!

Аблиз взглянул на нас добрым, искренним взглядом, обнял за плечи, и продолжил:

– Мы, действительно, стали близкими друзьями, и эту дружбу не расторгнет даже смерть!

Было заметно, что на глаза Аблиза навернулись слезы. В тот вечер мы допоздна просидели втроем в комнате общежития, и с огромной надеждой говорили о предстоящих делах, о наших обязанностях, о тех трудностях, с которыми нам неизбежно придется столкнуться.

После того, как Аблиз ушел, мы с Маликой не могли уснуть и проговорили до самого утра.

С того дня мы чувствовали себя так, словно бы начали новую жизнь. Какой-то душевный подъем, энергия, надежда на перемены, сопровождали нас. И от этого мы чувствовали себя радостно и счастливо!

**СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
«ТРУДОВАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ
ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА».
5 ФЕВРАЛЯ 1962 ГОДА**

Сегодня праздник Нового года по китайскому календарю. Утром, после завтрака, Марьям уехала домой. Около 10 часов утра, Аблеким, Аблиз, Малика и я, собрались в нашей комнате общежития. Маскируясь тем, что мы, якобы, играем в шахматы, на самом деле, мы проводили тайное собрание.

На этом собрании мы рассматривали следующие вопросы:

1. Основная цель создания Организации.

Мы определили, что основной целью создания нашей организации являлось освобождение Восточного Туркестана от китайского колониального гнета, и достижения независимости. Таким образом, создание правительства Восточного Туркестана.

2. Название Организации, партийный флаг, партийная программа, организационные вопросы, и обсуждение первых шагов работы.

Таким образом, мы приступили к организационным формальностям, решив, что руководство Организацией возьмем на себя.

В результате обсуждения, мы решили первым делом наладить пропагандистскую работу в институтах, техникумах Восточного Туркестана, так как необходимо было заручиться поддержкой студентов.

Кроме того, пропаганду идей независимости необходимо было перенести на различные предприятия, заводы и фабрики, разъясняя простым рабочим и служащим, кадровым работникам, словом, как можно большему числу людей вред деятельности существующего правительства, призывая их бороться за независимость.

Одновременно, важнейшей задачей мы считали написание правдивой истории Восточного Туркестана, собирая для этого материалы исторического характера.

Вечером, в связи с китайским новым годом, были организованы массовые гуляния. Мы с Маликой решили воспользоваться этой возможностью, и уговорили всех девчонок нашего общежития пойти на танцы.

То же самое осуществили и Аблеким с Аблизом, придя на танцы с большим количеством ребят.

Гуляния проходили весело и шумно. Музыканты все больше играли национальные мелодии. Студенты танцевали радостно и задорно. Аблеким с Аблизом подходили к музыкантам, и заказывали им наиболее популярные мелодии.

Наступила полночь. Однако танцы были в самом разгаре. Мы решили воспользоваться этим для решения некоторых организационных вопросов.

Аблеким с Аблизом сделали мне знак и незаметно ушли с танцев. Немного погодя, я, вместе с Маликой, последовали за ними. Удобнее всего было собраться в нашей комнате, так как Зайнура с Марьям ушли в центр города.

Собравшись вчетвером, мы рассчитывали провести все формальности по созданию новой организации. Прикрыли дверь, и Аблеким зачитал написанный им текст клятвы. Мы все повторили слова этой клятвы, и, таким образом, стали членами организации.

В клятве, в частности, говорилось:

«Клянемся до последней капли крови следовать по пути независимости Восточного Туркестана. Мы никогда не подчинимся врагам, и не предадим друг друга. Для освобождения родины от врагов, не пожалеем и самой жизни.»

Прочитав текст клятвы, мы, громко назвав каждый свое имя, торжественно поклялись.

Затем мы сожгли написанный текст клятвы, и поздравили друг друга с созданием новой организации, и с тем, что мы стали ее членами.

После того, как ребята ушли, мы с Маликой, попив чаю, вновь отправились на танцы.

Танцы закончились только ранним утром. Поспав лишь несколько часов, я принесла имеющийся у меня учебник истории Восточного Туркестана.

В начале книги даны детские стишки, рассказы, загадки. В конце – очерк истории Восточного Туркестана. В то время, когда я училась в татарской школе, именно по этому учебнику нам преподавали историю.

Во время каникул, Аблеким и Аблиз предполагали, наряду с другими материалами, изучить и эту книгу в своем стремлении поглубже узнать историю.

Решив с Маликой провести несколько дней у нас дома, мы отправились в Нансан. Вернувшись с зим-

них каникул, мы поняли, что Аблиз с Аблекимом не нашли других материалов, и в своей пропагандистской работе использовали только учебник, который я им оставила.

Мы продолжали агитацию среди студентов, однако, больших успехов не добились. Так как, все четверо, не имели особого опыта. Поэтому, мы все чувствовали, что необходимо обсудить вновь наши планы и действия. Во время создания организации, мы решили, что «вчетвером составим ядро, к которому по цепочке будут примыкать другие члены».

Однако прошел уже месяц, а мы не смогли реально продвинуться вперед. В связи с этим, учитывая нашу неопытность, отсутствия связей с широкими слоями общества, зная лишь специфику студенческой жизни, наконец, то, что мы молоды, мы пришли к выводу, что следует численно увеличить костяк нашей организации. Причем увеличить за счет более опытных людей, более старших по возрасту, знанию жизни, авторитетнее, наконец. Выбор всех четверых, в первую очередь, пал на Ахмада Тохти. Мы думали принять его членом в организацию. Ахмаду Тохти было тридцать три года, ранее он был директором по учебной части медицинского училища. У него был жизненный и профессиональный опыт. Естественно, он был хорошо знаком с историей Революции трех округов. Другими словами, по нашему мнению, он был человеком, которому можно было доверять. Кроме того, мы учитывали, что он был старостой курса, кандидатом в члены коммунистической партии. и в то же время, его видение ситуации было близко к нашему.

Вторым кандидатом мы имели в виду Гопура. Хотя Гопур и не имел особого опыта работы в общественных структурах, он был сдержан, скромен, немногословен.

Мы решили, что Аблиз и Аблеким расскажут об организации Гопуру, а я с Маликой переговорю с Ахмадом Тохти.

В тот же день мы, под предлогом необходимости оказания нам помощи в занятиях, попросили Ахмада Тохти пройти в учебный класс. Мы знали, что супруга Ахмада Тохти – Марьям-хада, работала преподавателем в медицинском училище в городе Корла. Во время двухнедельных зимних каникул, Ахмад Тохти уезжал к жене, в Корлу. Прежде всего, мы расспросили Ахмада Тохти о супруге, затем поинтересовались жизнью жителей Корлы. Постепенно перевели разговор на политическую обстановку. В конце концов, мы заговорили с ним откровенно.

– Ахмад-ака, до каких пор мы будем бездействовать? Не настало ли время создать организацию, и перейти к конкретным действиям?

Ахмад Тохти удивленно переводил взгляд с меня на Малику. Было заметно, что он не ожидал подобных слов.

– Что мы можем втроем? Не лучше ли для нас спокойно завершить учебу? – несколько оправившись, произнес он.

Больше не говоря ни слова, мы расстались с Ахмадом Тохти, и в тот же день обо всем рассказали Аблизу и Аблекиму.

– Возможно, ваши слова заставили его призадуматься. Теперь нужно нам с ним переговорить, – сказал Аблиз.

На следующий день, выбрав удобный момент, Аблиз и Аблеким встретились с Ахмадом Тохти.

Сидя на занятиях, я получила записку. На ней было написано следующее: «Теперь нас шестеро».

После занятий, мы вчетвером: Аблеким, Аблиз, Малика и я, в связи с тем, что со дня создания нашей ор-

ганизации прошел месяц, решили принять в ее состав новых двух членов. Для этого мы согласовали время и место.

После ужина я направилась в кабинет физики. Приготовив необходимые документы, я, в ожидании других, читала свои конспекты. Первым появился Гопур. Он не знал, что я являюсь членом организации. Поэтому, он нерешительно остановился возле дверей. Я почувствовала, что он опасается меня. Решив его как-то подбодрить, я обратилась к нему:

– Проходите, Гопур, будем заниматься вместе.

– Так вы готовитесь к занятиям? – спросил Гопур, робко входя в кабинет.

– Да, повторяю сегодняшний материал.

Мы обменивались ничего не значащими фразами, когда появились остальные. При виде нас с Гопуром, Ахмад-ака вопросительно взглянул на Аблиза и Аблекима. Они, словно бы договорившись, рассмеялись.

– Не волнуйтесь, это наши люди!

Теперь уже рассмеялись мы все. Гопур стал рассказывать о том, что сначала он растерялся, и подумал, что ошибся аудиторией. Во время его рассказа, в кабинет вошла Малика.

– Это тоже наш человек!

Мы немного пошутили, затем перешли к обсуждению серьезных проблем. Выслушав точку зрения всех присутствовавших, мы убедились, что наши позиции во многом совпадают.

Настало время формальной процедуры, и мы очень скоро приняли в организацию двоих новых членов.

С того дня мы начали собираться достаточно регулярно. На этих собраниях мы заинтересованно обсуждали название организации, флаг, программу, устав. Много внимания уделили проблеме написания истории Восточного Туркестана.

1. Название партии (организации).

Исключительно много споров у нас произошло по поводу названия. Аблиз предложил название организации «Исламская партия Восточного Туркестана». Мы не нашли единства по поводу такого названия. Ибо, если будет присутствовать слово «ислам», то на нас неизбежно наклеят ярлык «панисламистов». Из-за словосочетания «Восточный Туркестан» нас обвинят в «пантюркизме». Об этом нам рассказала Малика, когда в Кульдже была разоблачена «группа Рахманова», имевшая в названии организации подобные слова. Она, в частности, говорила:

— Рахманов был нашим родственником по материнской линии. Он был энергичным, образованным, умным молодым человеком. После земельной реформы, в Кульдже появилось движение, направленное против так называемого «пантюркизма». Тогда арестам и расстрелам подверглось большое количество религиозных деятелей. Именно в то время, группу, возглавляемую Рахмановом, также обвинили в «пантюркизме». И хотя она состояла из молодых людей, их тоже уничтожили. Лишь немногие смогли укрыться, и в их числе Рахманов. Более месяца его укрывали в доме сестры. При этом, муж сестры прятал Рахманова на сеновале в огороде, примостив к стогу собачью будку. Правительственные ищейки, следившие за мужем сестры Рахманова, увидели, как он покупал в магазине папиросы. Зная, что он сам был человеком некурящим, они заподозрили его в том, что, возможно, он берет папиросы для Рахманова. Усилив наблюдение, они, в конце концов, обнаружили Рахманова, и, обвинив его в том, что он является лидером группы «пантюркистов», расстреляли. Этого китайским коммунистам показалось мало, и всех тех, кто выступал против их власти, они

голословно обвиняли в причастности к группе Рахманова, то есть к «пантюркистам», и безжалостно уничтожали. С тех пор власти усиленно насаждали мысль о том, что «пантюркисты», – это те люди, которые хотят продать Синьцзян Турции. Таким образом, они настраивали местное население против самого этого понятия «пантюркизм». Одновременно, коммунистическое правительство продолжает причислять к «пантюркистам» и исламских религиозных деятелей.

После слов Малики мы несколько призадумались по поводу выше – предложенного названия.

Следом на обсуждение было поставлено другое название:

«Уйгурская партия Восточного Туркестана». Это название отвергли все присутствовавшие. Так как это название провоцировало обвинение в «местном национализме». Кроме того, в Восточном Туркестане живут не только представители уйгурской нации. Здесь есть и многочисленные представители других тюркских национальностей. Если бы мы приняли такое название, то неизбежно вбили бы клин в межнациональное единство. Ведь слово «Туркестан» говорит о единой тюркской нации и принадлежности к исламу.

Мы перебрали еще много названий, и, в конце концов, учитывая, что народ Восточного Туркестана является трудолюбивым и работающим, остановились на названии «Трудовая народная партия Восточного Туркестана».

После того, как утвердили название партии, мы приступили к обсуждению других вопросов, требующих особого внимания.

В частности, мы осознавали, что должны очень серьезно подходить даже, казалось бы, к мелочам. Так как сам факт создания организации может сыграть

важную пропагандистскую роль. Необходимо добиться того, чтобы китайское правительство знало, что мы – «политическая партия, созданная для достижения независимости». Именно это обстоятельство позволит оказывать влияние на народные массы, и именно это позволит пробудить народ.

Следующим вопросом обсуждения было утверждение партийного флага. И здесь было много споров. В результате, мы все согласились с тем, что на флаге обязательно должны быть звезда и полумесяц. Мы решили, что эти символы будут на голубом фоне. Эскиз флага поручили изготовить мне.

Разработке программы партии мы посвятили большое количество заседаний. Естественно, много спорили. Написать текст программы поручили Ахмаду Тохти. Учитывая наши мнения, он, к очередному заседанию, предоставил нам проект вступления. В нем, в частности, разоблачалась лицемерная сущность правительства, подчеркивалась необходимость подготовки восстания на всей территории Восточного Туркестана с тем, чтобы достичь национальной независимости. Кроме того, вкратце изложена история Восточного Туркестана.

Бурное обсуждение коснулось также важнейших тем относительно целей и планов «Трудовой народной партии Восточного Туркестана». Мы приняли решение о необходимости написания подлинной истории Восточного Туркестана.

В планы дальнейшей деятельности были включены пункты относительно сбора материалов фактического характера, касающихся проблематики национальной независимости.

Сбор материалов об истории Восточного Туркестана, а также материалов, касающихся национальной неза-

висимости, поручили мне, Малике, Аблекиму и Аблизу. За сохранность архива и средств партии персонально отвечала я.

Кроме того, в планы работы были включены такие пункты, как непрекращающаяся агитация и аналитическо-изыскательская деятельность.

Приближались первомайские праздники. Необходимо было использовать их в полной мере. Посовещавшись, мы решили в праздничные дни распространить агитационные листовки, в которых бы разъяснялась суть «Трудовой народной партии Восточного Туркестана», разоблачалась бы пагубная сущность правительства, и были бы призывы к борьбе за национальную независимость. Причем, это решение было принято единогласно.

Естественно, листовки надо было изготовить типографским способом. Однако сколько бы мы ни ломали голову, решить эту проблему не могли. Так как такие копировальные машины могли приобретаться лишь крупными предприятиями, и частным лицам не продавались.

Мы подумывали использовать для написания листовок пишущую машинку. Однако, в то время, все товары были нормированы, и даже по норме, многое невозможно было найти. Более того, никто из нас не знал как пользоваться этой самой машинкой. Тем не менее, мы приняли решение купить ее. У нас в наличии было всего пятнадцать юаней. Это были наши членские взносы. На эти деньги мы и предполагали купить бумагу для листовок и саму пишущую машинку.

Таким образом, для исполнения этого решения, на следующий день мы с Маликой не пошли на занятия, а направились на поиски пишущей машинки. Мы обошли множество магазинов, но этой злосчастной машинки нигде не было.

Наконец, нам удалось ее найти, но ее продавали только по письменной просьбе из института или предприятия. Таким образом, весь день прогуляв по Урумчи в поисках пишущей машинки, мы ее так и не приобрели.

Оставалась последняя возможность – размножить листовки при помощи копировальной бумаги. Для этого мы купили коробку черной копировальной бумаги.

Мы определили место распространения листовок, определились с тем, кто и как это будет делать. Однако, изготовление этих самих листовок копированием от руки, было не самым удобным занятием.

Мы понимали, что нас было мало, материальных средств не было совсем. При такой ситуации невозможно осуществить крупные мероприятия. Исходя из этого, мы решили приостановить проведение агитации в этот праздничный первомай. Мы пришли к выводу, что лучше будет более тщательно подготовиться, собрать средства, заранее все продумать. Иными словами, мы решили провести это мероприятие на следующий год.

Одновременно, мы посчитали нужным, после праздника, расширить ряды членов нашей организации. Посоветовавшись, решили выдвигать кандидатуры. Я предложила Сажиду. После одобрения этой кандидатуры, мне поручили провести с Сажидой соответствующую беседу и подготовить ее к вступлению в организацию.

В связи с тем, что мы жили с Сажидой в одной комнате общежития, мы знали друг друга достаточно хорошо. В начале нашего знакомства, мы держались несколько настороженно, однако очень быстро сблизились. Со временем мы уже стали доверять друг другу. Я почувствовала, что ее мысли и суждения, достаточно

близки моим. Поэтому, переговорив с ней, я посчитала, что Сажидда вполне готова стать членом организации.

Однако на одном из последующих собраний было принято решение, что Сажиду будет принимать в члены организации Аблиз, а мне поручили подготовить Турнису. Гопур должен был побеседовать с Халидой, а Аблекиму поручили подготовить к вступлению Аблая.

Я выступила против того, чтобы Аблеким занимался Аблаем, так как между ними существовали проблемы. Об этом мне рассказывал сам Аблай. Однако мое мнение было отклонено.

В связи с тем, что проблема членства стояла очень остро, во время одного из обсуждений, Аблиз предложил принимать в организацию не только студентов, но и кадровых работников, представителей других профессий.

Однако это предложение было отклонено Ахмадом Тохти.

– Это будет большой ошибкой! Таким образом, мы сами разоблачим нашу организацию!

Между тем, Аблиз настаивал. Для этого он попытался обосновать свою точку зрения.

– Мы сами просто не справимся! Вот сейчас, например, в нашей больнице лечится известный писатель Алкам Ахтам. Он – земляк Вахита. Они оба из города Кульджа. Поэтому, для того, чтобы узнать его позицию, нужно попросить Вахита провести его, и переговорить с ним. Что касается самого Вахита, то он сам находится в поиске. И тем не менее, он не имеет никакого отношения к нашей организации. Именно поэтому, надо попросить Вахита. По моему, наш известный писатель – человек опытный, отличающий правду от лжи, патриот, любящий свой народ. Поэтому, поручите это дело мне!

– А что за человек председатель Иминов? – вдруг спросил Аблеким и внимательно оглядел всех нас. – Хотелось бы встретиться с этим человеком.

После этих слов, Ахмад Тохти даже вскочил со своего места.

– О чем вы думаете? В этом деле нельзя спешить! Вы вообще представляете, кто такой Иминов? Ведь, во время кульджинских событий, именно он отдал команду стрелять в народ. В чем же вина простых людей? Иминову ни в коем случае, нельзя ничего говорить! Во всяком случае, сейчас.

Ахмад Тохти рассказал некоторые вещи, связанные с Иминовым. В частности, он говорил о том, что по приказу Иминова были расстреляны безвинные женщины и дети, молодежь и сторонние наблюдатели, пришедшие к зданию правительства со своими требованиями.

– Вы знаете, сколько человек тогда погибло? Очень, очень много! Кровь текла рекой. В течение нескольких минут трупы были унесены полицейскими в здание областного парткома. Следом, полк китайских солдат смыл с площади кровь, не оставив никаких следов. Свидетели увиденного никогда не забудут это! До сегодняшнего дня еще не уточнены списки погибших. Не известно точно, кто бежал в Советский Союз, а кто был убит у здания областного парткома. А те, кто арестован и томится в тюрьме? О них никто не знает! – произнес Ахмад Тохти, не в силах сдержаться.

Аблекиму стало неудобно за свои слова. В сердцах он воскликнул:

– Будь проклят этот Иминов! Я ничего этого не знал, а ведь он – страшный человек!

– Такие как он предатели и приносят беды на голову народа, – тихо добавил Ахмад Тохти.

Мы проговорили достаточно долго, и лишь около две-

надцати часов вернулись в общежитие, находясь под глубоким впечатлением от услышанного.

Через три дня Аблиз сообщил нам, что Вахит встретился с Алкам Ахтамом. Как выяснилось, Вахит начал разговор издалека. Он заговорил об общей современной ситуации в Синьцзяне, о вреде массового переселения китайцев. В ответ, Алкам Ахтам грубо оборвал Вахита, заявив, что «Синьцзянский народ не проживет без китайского народа. Если Синьцзян отделится от Китая, то станет добычей американских империалистов. Забудьте об этом вопросе, и, довольствуясь тем, что есть, продолжайте свою учебу. В противном случае, я сообщу о вас в партком института».

Вахиту ничего не оставалось, как оставить писателя и удалиться.

Услышав эту весть, студенты, проходя всякий раз мимо палаты Алкама Ахтама, проклинали его словами «предатель», «китайский приспешник», «предатель, торгующий родиной».

До комсомольского комитета института доходили слухи о подобного рода разговорах. В связи с этим, было организовано общее собрание студентов, на котором в общей форме было сделано предупреждение. Оно, однако, не имело большого значения, так как подобные сигналы не были точными и конкретными. Разговор Вахита с Алкам Ахтамом, однако, был упомянут.

Что касается вступления в организацию Аблая, то он, после разговора с Аблекимом, дал свое согласие. Однако через несколько дней Аблай отказался.

Такое положение дел вынудило нас временно приостановить прием новых членов, так как мы резонно опасались того, что Аблай может разоблачить нашу организацию. Более того, мы решили вести наблюдение за Аблаем, стараясь предугадать его дальнейшие шаги.

Эту работу поручили мне, так как я училась с Аблаем в одной группе. Разумеется, другие также старались присматривать за ним.

Было совершенно ясно, что в случае предательства Аблая, нужно будет принимать решительные меры. Однако, зная Аблая, я была уверена, что Аблай не пойдет на такой шаг. Ибо он был нашим единомышленником. Он всегда заинтересованно говорил со мной о ситуации в обществе, о жизни народа, о китайских переселенцах. Я успокаивала всех, говоря о том, что у Аблая просто нет намерения вступить в организацию, но он не способен совершить предательство.

В начале июня, воспользовавшись тем, что моих подруг по общежитию не было, я приступила к генеральной уборке. В завершении, я поставила на стол две вазы с цветами. Они придавали комнате особый уют. Два небольших флага организации я разместила в гущу распустившихся цветов.

В тот день членом организации официально стала Турниса.

В июле в организацию вступила Сажиджа. Вскоре, неожиданно в институте было созвано общее собрание.

Собрание проходило в актовом зале института. Помимо наших студентов, присутствовали многочисленные представители из Синьцзянского университета, Института нефти, Сельскохозяйственного института имени 1 августа. Прибыли представители Академии наук. На собрании с докладом выступил председатель Управления общественной безопасности Автономного района Анвар Жакулин.

В своем выступлении он отметил, что «группа студентов-казахов из Синьцзянского университета, Сельскохозяйственного института имени 1 августа, Медицинского института, Академии наук, создали

ревизионистскую организацию. Среди них есть и кадровые работники государственных структур. Все они были задержаны, и на них имеются обличительные материалы. Среди них фигурируют: Орунбай, Алмикан, Оркунбек, Атмишбек».

Орунбай был студентом 2 курса нашего института. Алмикан был лаборантом кафедры физики. Оркунбек учился в Советском Союзе, а сейчас работал в системе Академии наук. Что касается Атмишбека, то он был студентом Сельскохозяйственного института имени 1 августа.

Их всех обвиняли в том, что они, создав группу из нескольких десятков человек, пропагандировали идею отделения Кульджи, Чугучака, Алтая, то есть, территорию трех округов и присоединения их к Советскому Союзу, с созданием казахского государства. В докладе они назывались «предателями родины», «контрреволюционерами», «предателями-националистами».

После этих слов, весь зал затаился в тревожном молчании. Люди сидели не шелохнувшись, не решаясь даже кашлянуть, не то, что сказать что-либо.

Вернувшись после доклада по своим учебным занятиям, студенты обязывались, в течение недели, подробно изучать все положения этого доклада, с направленностью на осуждение вышеназванной группы. Естественно, обычные, плановые занятия на это время были отменены.

Для большинства студентов, арест их товарищей ощущался как страшный удар. Однако на этом аресты не прекратились. Вскоре были арестованы: студент второго курса Медицинского института Камалбек, студент Синьцзянского университета Кобан, студент Горного института Какан, студент Сельскохозяйственного института имени 1 августа - Кали.

АВГУСТ

Естественно, мы провели собрание членов организации, где осуществили подробное обсуждение ситуации, связанной с арестом казахских студентов. Их обвиняли в том, что они хотели расколоть Синьцзян. Мы же считали, что все тюркские народы Синьцзяна должны объединиться и бороться за независимость Восточного Туркестана. Тюркские народы не должны делиться, им всегда необходимо держаться вместе. Иначе, их уничтожат поодиночке.

Если тюркские народы не только Восточного Туркестана, но и всего мира объединятся, только в этом случае нам никто не сможет противостоять. А разъединение приведет нас к гибели.

Постепенно мы перешли на обсуждение проблем нашей организации. Недостатков в ней было много. У нас нет опытного, настоящего лидера. Да и мы все без опыта организационной работы. Также серьезный минус - отсутствие финансовой базы.

Если бы мы захотели увеличить число членов организации, то до восьмидесяти процентов студентов нашего курса вступили бы в нее. Мы смогли бы принять до пятидесяти процентов студентов и других курсов. Однако увеличение членов организации не решало всех проблем. Так как нам нужна была руководящая сила, которая могла бы повести за собой. Поэтому мы приняли решение временно приостановить прием новых членов, усилить агитационную работу, и продолжать поиски мощной организации единомышленников.

Нам необходимо было заручиться сильной поддержкой. В этой связи мы обратились к родственнице Аблиза по имени Махира, передать письмо Зие Сама-

ди. Дело в том, что Махира переезжала в Советский Союз, и мы, обсудив ситуацию, утвердили содержание письма.

Само письмо писали трое: Ахмад Тохти, Малика и я. Основное содержание письма было следующим: «Мы - молодежь Восточного Туркестана, с целью освобождения нашей родины от китайских оккупантов, создали организацию. Однако, мы нуждаемся в опытном, знающем лидере. В этой связи мы нуждаемся в вашей помощи. Мы надеемся, что, хотя вы и находитесь далеко, сможете быть нашим советчиком и опорой. Мы просим вас, в надлежащее время, способствовать организации поддержки, как в экономической, так и в иных сферах...».

Позже мы узнали, что Махира благополучно передала это письмо Зие Самади.

Однако от Зия Самади не поступило никакого ответа. Между тем, мы ожидали весточки достаточно долго.

После событий в Кульдже в 1962 году, мы думали, что во главе волнений стояла какая-то организация, и надеялись наладить с ней связь и продолжать борьбу вместе с ней.

Наступило время летних каникул. На каникулы Ахмад Тохти, Аблеким, Аблиз, Гопур, Малика отправились в Кульджу. Они намеревались найти хоть какие-то следы кульджинской организации. Я надеялась, что хоть кто-то из них сумеет добыть какие-то сведения либо материалы об этой организации. Однако они вернулись с каникул ни с чем. Я была разочарована, и находилась в плачевном настроении.

Когда произошли Чугучакские события 1962 года, из Чугучака, бросив дома, имущество, сорок тысяч человек перешли границу и бежали в Советский Союз. Не только в Чугучаке, но и в окрестных селах вплоть до

Дорбилжина, совершенно не осталось людей. Чугучак превратился в город-призрак.

Следом последовали майские события 1962 года в Кульдже. Все это вселило трепет в сердца населения Синьцзяна. Студенты высших учебных заведений выражали свое недовольство, открыто выступая с антиправительственными лозунгами. Однако парткомы усилили давление, и блокировали выступления студентов.

В один из таких дней, во время перемены между занятиями, на стол, за которым сидел Турсун Файзулин, кто-то бросил записку следующего содержания: «Турсун, когда мы требовали отдельного обучения с китайцами, ты выступил против нас. Когда мы одержали победу и добились отдельного обучения, ты вновь поменял позицию, и, оставив китайскую группу, перешел к нам. Сейчас, когда население Чугучака бежало, почему же ты не побежал с ними?»

Турсун, увидев эту записку, стал возмущенно искать ее автора. Хотя мы и знали того, кто написал эту записку, промолчали. Напротив, мы делали вид, что ничего не знаем.

Турсун, тем временем, показал записку Анвару Жакулину, который как раз лечился в больнице при институте. Дело было в том, что Турсун был родственником жены Анвара Жакулина - Фатимы. Кроме того, Турсун докладывал Анвару Жакулину обстановку среди студентов.

Прочитав записку, Анвар Жакулин, возмутился.

– Это не просто записка, это заговор группы лиц! Это дело нельзя оставить без внимания!

В связи с этой запиской, Управление общественной безопасности направило в институт своего кадрового сотрудника, который должен был провести расследо-

вание. Его звали Омаржан. Это был высокий, чернобровый человек с золотыми фиксами на зубах.

Расследование занималось вопросами, начиная с поиска причин нашего бойкотирования занятий, и до проверки существования сильной подпольной организации. Сразу по прибытии в институт, Омаржан, подключив к работе местных сотрудников службы безопасности, приступил к поиску автора записки. Он занялся опросом практически всех студентов курса.

Выяснив, что записку написала Рукия, следователи приступили к ее полномасштабному допросу, требуя раскрыть имена членов организации. Она была изолирована от остальных студентов, и содержалась в отдельной комнате.

Рукия была болезненной девушкой. Поговаривали, что она страдала туберкулезом легких. Во время допросов, болезнь обострилась. Из Кульджи приехал ее братишка, и вместе с ним, она уехала в родной город. К несчастью, через несколько лет, в мае 1966 года, Рукия умерла.

Осознав, что с Рукией ничего не получилось, следователи все свое внимание обратили на наш курс. Они подозревали, что именно там существовала тайная организация.

Мы, соответственно, в силу возможностей, не упускали из виду ход следствия, и напоминали друг другу о необходимости быть осторожными.

Следователи проводили с нашим курсом большую часть своего времени. Они поодиночке вызывали нас на беседы, пытаясь выяснить обстановку в студенческой среде. Однако, мы, в свою очередь, практически были в курсе содержания этих бесед. Вместе с тем, увеличилось и количество информаторов. Все, что происходило на нашем курсе, слово в слово сообщали следо-

вателям такие информаторы, как Нусрат, Пида, Хабиб, Карима, Нурниса Рози, Нурниса Юсуп.

Такое положение дел, естественно, создавало трудности для деятельности нашей организации. Нам предстояло работать с предельной осторожностью.

После того как мы приняли в члены организации Сажида, мы узнали, что у нее есть хорошие знакомые, работавшие в системе Академии наук. Мы узнали, что в фондах Академии наук имеются закрытые материалы об истории Восточного Туркестана. Надеясь достать копию этого важнейшего сборника, мы поручили осуществить это Сажиде. К счастью, Сажиде удалось достать книгу. Получив книгу, вчетвером: я, Малика, Турниса, Халима, поднявшись на балкон последнего этажа общежития, принялись переписывать ее. Мы устроились там, так как это было наиболее спокойное и безопасное место.

Для того чтобы сделать копию книги, нам потребовалось две недели. Мы работали по ночам, в субботу и воскресенье - с утра до вечера. Наконец, сумели переписать всю книгу.

Мы были просто счастливы тем, что стали обладателями серьезного материала для написания полной достоверной истории Восточного Туркестана.

НОЯБРЬ 1962 ГОДА

По институту разнесся слух, что Шамшижамал беременна. В тот год администрация института постановила, что «студентам запрещено создавать семью. В случае если обнаружится беременная, автоматически из института будут исключаться как мать, так и отец ребенка». В нашем институте уже были случаи, когда это постановление выполнялось.

С первого дня обучения в институте, мы - группа студентов, крепко сдружились. В нашу компанию входили: я, Малика, Шамшижамал, Аблиз, Аблеким. Позже к нам присоединились: Халима и Турниса. Во всех ситуациях мы приходили друг другу на помощь, и стали почти что родными. Проблемы Шамшижамал мы восприняли как свои. Как только я услышала, что Шамшижамал беременна, немедленно решила переговорить с ней. Печально, и как-то виновато, она сказала:

– Это правда...

Не зная, что еще добавить, она безнадежно смотрела себе под ноги.

Ее признание ошарашило меня.

– Как же так?! Ведь теперь вас выгонят из института.

Понимая, что сейчас лучше не бередить ее душевную рану, так как она и так находилась в не самом лучшем настроении, я лишь произнесла:

– Знай, что мы рядом. В случае чего – обращайся. Мы сделаем все, что в наших силах.

Шамшижамал обняла меня и горько расплакалась. Мне не верилось, что ее могут действительно исключить из института.

В любом случае, предстояла свадьба. На удивление, она была организована директором Машиноремонтного завода, по имени Юсуп. Сам завод был приписан к тюрьме № 1, и на нем работали заключенные, приговоренные к исправлению трудом. Как оказалось, директор Юсуп был родом из Жагистая, то есть, практически, земляком Сетивалди. Более того, он пояснил, что брат Сетивалди - Тиливалди, был его другом.

Именно благодаря ходатайству директора Юсупа, удалось добиться разрешения на организацию свадьбы в институте. Соответственно, из органов юстиции была получена разрешительная справка.

Что было самым удивительным, это то, что организацию и проведение свадьбы брала на себя администрация. Таким образом, свадьбу наметили проводить через неделю.

Я, вместе с Марьям- женой Махмута из Боротолы, на день выпросили швейную машинку у одной из работниц -швей, и сами сшили свадебное платье для невесты. Большую организационную помощь оказали также Аблиз, Аблеким, другие ребята.

Таким образом, в ноябре состоялась свадьба Шамшижамал с Сетивалди.

Девичник состоялся в доме нашей сокурсницы Халиды, которая была женой преподавателя Синыцзянского университета Абдукерима. Практически все девчонки нашего курса были на девичнике. Стол был исключительно богатым, на нем было так много сладостей, что нигде было даже разместить пиалы с чаем. В тех условиях было совсем не просто организовать такой роскошный стол. Девичник прошел красиво. В конце вечера, мы от души поблагодарили Халиду и ее родителей.

Свадебный вечер прошел в административном зале. Я была дружкой невесты, а Аблеким - дружкой жениха. На свадьбе были все наши сокурсники. Половину огромного зала занимали кадровые административные работники, вторую половину- студенты. На многочисленных столах, расположенных в центре зала, были сервированы различные закуски. По центру стола - бутылки со спиртными напитками. Сама свадьба прошла очень хорошо. Бесперывно играла красивая музыка. По ходу свадьбы, гости много танцевали. Вместе с тем, почему-то, обстановка была несколько натянутой. Было такое впечатление, что мы- студенты, находимся под микроскопом. Нам казалось, что кадровые работ-

ники очень внимательно рассматривают каждого из нас, словно бы мы находимся под наблюдением.

Свадебное торжество продолжалось довольно долго. Далеко за полночь мы проводили молодых в дом к Юсупу-ака. Освободив на время дом, Юсуп-ака с семьей ушел к родным.

Когда я, Малика и Аблиз, вышли из дома, другие уже разошлись. Не прекращаясь, шел крупный снег. Мы втроем пешком направились в общежитие. Расстояние было значительным, тем более, мы шли не спеша. По моим расчетам, до общежития мы дойдем как минимум, через два часа.

Не спеша шагая по свежему снегу, я размышляла о том, почему администрация приняла такое активное участие в проведении этой свадьбы.

Мои мысли прервал Аблиз:

– Интересно получилось! Свадьба прошла в зале администрации! Половину зала составили кадровые административные работники!

– По-моему, прикрываясь Сетивалди, они разыскивают нас, – предположила я.

– Возможно! Сделав из Сетивалди наживку, всех нас хотят поймать в сети!

В этих словах Аблиза я почувствовала если не страх, то какую-то опаску. Он, тем временем, словно бы вспомнив что-то, продолжил:

– Так они что, подозревают нас? Строят какую-то хитроумную уловку?! Надо быть предельно осторожными!

– Я тоже так думаю! Может быть, они что-то почувствовали? – тихо произнесла Малика.

– Не думаю. Мне кажется, здесь речь идет только о Шамшижамал и Сетивалди. Конечно, Сетивалди будет им обязан за организацию свадьбы, а следовательно, и

за то, что их не исключают из института. Возможно, они забудут о нас. А потому, в общем, ситуация не очень хорошая для нас! – возразила я.

Наступила тишина, и лишь плотный снег хрустел под нашими ногами.

– Нет, о нас они не знают! Если бы знали, не устраивали бы такую пышную свадьбу, а, следуя устоявшимся правилам, просто исключили бы их из института. Они просто всех нас вычислили бы следом за ними! – добавила я, нарушив тишину.

– Если мы сами сохраним тайну, никто о нас не узнает! – произнесла Малика.

– Дело как раз-то в этом... – задумчиво сказал Аблиз. Он хотел что-то добавить, но я перебила его:

– Надеюсь, вы, выпив спиртного, не проболтались?

– Нет, конечно, – еще более задумчиво ответил Аблиз.

– Мы должны быть очень осторожны. Все должны думать, что мы – просто сокурсники. Шамшижамал и Сетивалди практически о нас ничего не знают. Поэтому, с этой стороны мы можем ничего не опасаться.

– До самого окончания учебы мы должны соблюдать бдительность. Затем нам будет легче, ведь мы вольемся в общество.

Таким образом, обсуждая ситуацию, мы не заметили, как подошли к зданию общежития.

12 ДЕКАБРЯ

Семья Малики решила уехать в Союз. Всю ночь мы провели в разговорах у нее дома.

Отъезд Малики расстроил всех нас. Особенно сильно переживала это я, так как я была исключительно близка с ней. Ведь мы были близкими подругами с того

самого дня, как поступили в институт. Мы подолгу говорили с ней на разные темы, отношение к которым у нас во многом совпадало. С отъездом Малики я чувствовала себя крайне неуютно. В ночь перед ее отъездом мы переговаривали, казалось бы, обо всем. Когда речь коснулась нашей организации, я сказала:

– Ты уезжаешь далеко, но, тем не менее, ты не одна. С тобой твои родители, твои близкие. Я прошу тебя, после того, как вы устроитесь на новом месте, найди возможность встретиться с Зия Самади. Расскажи ему о нас, о том, чем мы занимаемся. Постарайся понять его видение ситуации. Если он сочтет нужным помочь нам, это было бы большим успехом. Ты бы проводила работу там, а мы - здесь! Таким образом, мы бы дополняли друг друга. Ты прекрасно знаешь сегодняшнее положение дел, достаточно сложную ситуацию. На нас оказывают все большее давление. И еще неизвестно, чем все это закончится? Даже в переписке нам надо быть осторожными. Поэтому, когда речь будет идти о нашей организации, я буду использовать кодовые слова «горный цветок».

Малика была согласна с моими словами. Я это поняла сразу, видя, как она молча кивнула головой. Мы втроем: Аблиз, Малика и я, еще долго говорили о делах.

Наступило утро, и Малике надо было трогаться в дальнюю дорогу. Мы вчетвером: я, Халима, Турниса, и Аблиз, проводили Малику до аэропорта. С печалью в сердце мы попрощались. Со слезами на глазах я смотрела вслед улетающей Малике до тех пор, пока самолет не скрылся в небе.

– Пойдемте, пока автобус не ушел, – произнес Аблиз, выведя меня из состояния оцепенения.

Придя в институт, мы узнали, что группа не в меру активных студентов во главе с Нусратом занялась на-

шим поиском, распространяя клеветнические разговоры против нас.

После обеда я решила не ходить на занятия, и немного поспать. Только я прилегла, как в комнату вошел встревоженный Аблеким, и бесцеремонно присев на край кровати, спросил:

– Ну что, нормально сходили?

В его голосе чувствовалось какое-то нервное напряжение.

– Что случилось, Аблеким? Не болеешь? – поинтересовалась я.

– Действительно, что с тобой? – загалдели другие девчонки.

– Нет, нет, ничего... – быстро ответил он, и сразу же вышел из комнаты.

Не поняв странного поведения Аблекима, я уже готовилась повторно заснуть, как вдруг вошел Аблиз. Он тоже был в напряжении, однако, старался не подавать вида. Он лишь намекнул мне, что следует переговорить, и вышел. Выждав некоторое время, я вышла следом за ним.

Войдя в комнату ребят, я увидела, что на кровати лежит Сетивади. Рядом сидели Аблиз и Аблеким. Видя их состояние, я пошутила:

– Вы что, как обкуренные? Что за вид?

Однако им было не до шуток. По их рассказам, сегодня на джипе приезжали сотрудники Управления общественной безопасности. Они увезли с собой Сетивади, и подвергли его допросу. Они добивались разоблачения тайной организации, называя при этом имена Ахмада Тохти, Аблиза, Аблекима, мое, и некоторых других девчонок нашего курса. В конце допроса, следователи предупредили Сетивади ни о чем нам не рассказывать.

Я, молча, слушала ребят, понимая, что сотрудники Управления общественной безопасности серьезно взялись за нас.

По-видимому, допрос Сетивалди велся с пристрастием. Во всяком случае, по его виду и настрою было ясно, что он сильно перепугался. Вместе с тем, я понимала, что Сетивалди, по сути, ничего не знает о нашей организации. Он лишь в курсе наших протестов по поводу совместного обучения, в курсе того, что мы, в свое время, бойкотировали учебу.

Пытаясь его успокоить, я произнесла:

– Не переживайте! Если они хотят проверять, пусть проверяют. Мы не сделали ничего плохого. Мы даже оказались правы в том, что выступали против совместного обучения. Ведь, в конце концов, мы добились того, чтобы обучение было раздельным!

Немного помолчав, я обратилась к Сетивалди уже со своими вопросами:

– А вообще, чего они добивались от тебя? Какого разоблачения относительно нас?

После этих слов, все посмотрели на Сетивалди.

Он, немного помедлив, ответил:

– Они называли ваши имена, и требовали рассказать все, что я о вас знаю. Чем вы занимаетесь? С кем общаетесь? Каковы ваши характеры?

После этих слов нас всех, вероятно, посетила одна и та же мысль относительно того, почему они заинтересовались именно нами?

С того самого дня, Сетивалди еще неоднократно вызывался в Управление общественной безопасности, где от него настойчиво требовали разоблачительной информации относительно нас.

Помимо того, что студентов вызывали в Управление, частенько, сотрудники этого ведомства сами приезжа-

ли в институт, и проводили беседы со студентами. Уже стало печальной традицией, когда один автомобиль из Управления отъезжал от здания института, ему на смену приезжал другой.

Между тем, я была уверена, что среди нас нет никого, кто мог бы выдать нас. Моя уверенность зиждилась на том, что все мы поклялись. А клятву никак нельзя нарушить!

Тем не менее, я предполагала, что Сетивалди мог вызвать подозрения в отношении нас. Он мог, во время допроса, ляпнуть что-либо, что могло насторожить следователей.

Наступили зимние каникулы. Сетивалди вместе с Шамшижамал уехали в Жагистай. На попутных машинах и подводах, они, через несколько дней достигли родного селения. Еще через несколько дней Шамшижамал родила сына. Его называли Дилшад. Сетивалди, сразу после каникул, вернулся. Шамшижамал же оставалась с ребенком еще целый месяц. Затем, оставив сына свекрови, она также вернулась к занятиям.

В тоже время, я с Турнисой на каникулы съездили в Нансан.

По возвращении, мы были распределены для прохождения медицинской практики по разным больницам.

Аблиз, Сетивалди, Марьям и Махмут были направлены в больницу №2. Аблекима направили в Военный госпиталь. Меня, Гопура, Турнису, и Ахмада Тохти оставили в больнице при Медицинском институте.

Началась практика. Мы были заняты тем, что выполняли предписания учебной программы, в то время как следовали, еще более интенсивно занимались своей работой, проверяя личные дела студентов.

Однако наиболее активными оказались студенты-информаторы, которые буквально не выходили из кабинетов следователей.

В один из таких дней, Аблиз пришел ко мне.

– Суюнгуль, похоже, среди нас завелся предатель. Надо быть предельно осторожными. Мы должны быть осторожны даже в отношении близких друзей. Неизвестно кто, но кто-то сообщает о нас, так как следователи все более интересуются именно нами. Пока еще относительно тихо, мы понаблюдаем за развитием ситуации. Но в случае явной угрозы, все материалы нужно будет уничтожить.

– Хорошо, я так и сделаю, – ответила я. Пораженная услышанным, я смотрела под ноги, не веря, что кто-то из нашей группы может оказаться предателем.

После ухода Аблиза, я призадумалась. Уничтожение материалов означало ликвидацию организации. Поэтому, я посчитала верным немного подождать. Мне казалось, что ситуация выправится, и мы сможем, через какое-то время, продолжить свою деятельность. А потому, я не сожгла материалы, а спрятала их в надежном месте.

В ту же ночь, я увидела сон. Мне приснилось, что в огромной песчаной пустыне я высаживаю камыш. Камышинок уже было достаточно много, – целое поле, как вдруг откуда-то появился следователь, занимавшийся нами. Это был тот самый Омаржан с золотыми зубами-фиксами. Он подошел к началу поля, сорвал камышинку, пожевал ее и выплюнул. Внезапно все поле охватило пламя. Омаржан же стоял, важно и довольно поглядывая на меня.

В ужасе я проснулась. Поняв, что это всего лишь сон, я, тем не менее, была обеспокоена, хотя и старалась внушить себе, что никто из следователей не

знает о нашей организации, и все еще войдет в свою колею.

Тем не менее, посчитав, что «береженного Бог бережет», я собрала все материалы, связанные с организацией, а именно: заявления, бумаги, журнал, книгу, и сожгла их.

В числе этих материалов было несколько номеров журнала «Шарк хакикати (Правда Востока)», а также письма.

• Ситуация обострялась, и это было видно по Аблекиму. Ежедневно, до начала практики, и после ее окончания, он неизменно приходил ко мне и справлялся о моих делах. Даже если мы уже спали, он через дверь перекидывался парой слов, и лишь затем уходил.

• Поначалу я была несколько удивлена такими его действиями, однако, зная его непоседливый характер, я объясняла себе это тем, что Аблеким несколько испугался обостряющейся ситуации.

Иногда Аблеким вызывал меня в коридор, и шепотом говорил:

– Суюнгуль, судя по всему, за нами могут прийти! Если меня арестуют, а вас не тронут, будете меня искать?

– Аблеким, к чему такие слова? Или есть основания для таких переживаний?

– Нет, пока ничего конкретного. Однако, ситуация сложная. Я слышал, что следователи занимаются исключительно нами. Если так будет продолжаться, то они, наверняка, найдут какую-то зацепку. Нельзя попадаться в поле их зрения. К сожалению, я думаю, что мы уже стали объектом их внимания. А потому, я настроен пессимистично.

После этих слов, и я заволновалась. Однако, стараясь не подавать виду, произнесла:

– Аблеким, надо надеяться на лучшее. Стараться держать себя в руках. Если только среди нас нет предателя, они не смогут ничего доказать! У них нет никаких фактов. Если даже они и обвинят нас в чем-то противоправном, без доказательств они ничего нам не смогут сделать!

Аблеким молча слушал меня. Я, тем временем, продолжала:

– Если мы будем молчать, они не добьются ничего! Но я переживаю за вас.

Аблеким часто, при Халиме и Турнисе, показательно демонстрировал свою храбрость, подражая киношным героям. Он картинно высоко поднимал голову и шагал твердым шагом.

– Если меня арестуют, я буду идти такой вот походкой! А если меня будут бить и пытаться, я ничего не буду отвечать! Даже если меня бросят в сырую тюрьму, я буду смотреть на звезды и петь «Интернационал»! – говорил он.

Эти две наивные девчонки – Халима и Турниса, всерьез воспринимали его слова, и их глаза наполнялись слезами.

– Если меня арестуют, вы будете меня навещать?

– Конечно, как бы нам самим не было тяжело, мы обязательно будем навещать вас! – отвечали девчонки.

Слыша эти разговоры, я говорила:

– Случайте, не будьте дурами! Аблеким плохо шутит! Аблеким, между тем, продолжал:

– Если будете меня навещать, приносите только папиросы и мыло.

– Аблеким, вы почему так говорите? Ведь ничего не ясно, почему вас должны арестовать? – не выдерживала я, подозревая, что за шутками он прячет возможное реальное развитие событий.

– А разве не могут меня арестовать как одного из инициаторов бойкота учебы? – отвечал Аблеким уже серьезно.

Такое его поведение наблюдалось ежедневно уже на протяжении многих дней. Нам даже подумалось, что таким своим поведением он может сам вызвать подозрение следователей.

После отъезда Малики прошло не так много времени, и я получила письмо от другого бывшего сокурсника-Ри́зы, который также уехал в Советский Союз. В письме Риза говорил о том, что узнал о нас от Малики. Он отмечал, что в Союзе они стараются держаться вместе, и мечтают о новой, счастливой жизни. Кроме того, он говорил, что, хотя нас и разделяют значительные расстояния, душой и помыслами мы рядом. Важнейшим моментом письма было то, что они там, в Союзе, намеревались создать свою организацию, и совместно с нами, координируя наши действия, работать на благо народа.

Прочитав письмо, я почувствовала прилив сил. Я не могла не прочитать это письмо членам нашей организации. Аблеким и Аблиз не скрывали радости, так как они также восприняли новости, изложенные в письме, как появление силы, способной поддержать нас в нашей борьбе.

– Риза – смелый парень! Когда он был еще здесь, я замечал, что наши взгляды совпадают! – сказал Аблиз.

– Он очень дальновидный! – добавила я. – Когда мы работали на строительстве железной дороги в Саяпуле, он просил меня работать кое-как, так как предвидел, что, с завершением строительства и приходом поездов, в Синьцзян придет большая беда!

Ахмад Тохти несколько охладил наш пыл. Он вернул нас к реальности, когда в институте работали следо-

ватели уровня Автономного района. Поэтому, по его словам, не следовало терять бдительности. А значит, не следовало и отвечать на письмо Ризы. Кроме того, необходимо как-то сообщить Малике и Ризе, чтобы и они воздержались от написания следующих писем. По мнению Ахмада Тохти, если следователи обнаружат корреспонденцию из Союза, да еще с таким содержанием, то возникнут серьезные проблемы.

После слов Ахмада Тохти, Аблеким вспомнил, что во время праздничных мероприятий и танцев, в институт приходил начальник отдела контроля корреспонденции Центрального почтамта. По-дружески он рассказал ребятам, что во многих письмах написаны такие вещи, о которых лучше помалкивать. Кроме того, он предупредил, что до настоящего момента, он лично, ставил на такие письма цензурную печать с отметкой «проверено». Однако не было никакой гарантии, что подобное письмо не попадет в руки другого чиновника.

Завершил «почтовую» тему Аблиз. Он сказал, что получил сведения о том, что письмо, написанное нами в адрес Зия Самади, было вручено в Советском Союзе лично ему в руки. Однако никакого ответа от него не последовало.

30 МАРТА

Потянулись грустные и серые дни. Как-то, занимаясь на кафедре «Болезней легких», я увидела, как вошел Ахмад Тохти. Он подошел ко мне, положил передо мной согнутый листок бумаги, и произнес:

– Прочитай это письмо до линии загиба!

Я взяла лист, а Ахмад Тохти тотчас же вышел.

Письмо было написано супругой Ахмада Тохти – Марьям. В нем были такие строки:

«...Ахмад, я уже столько лет жду тебя! Пойми, это так нелегко! Мы уже давно женаты, а семьи у нас словно бы и нет. Я пошла на эти жертвы сознательно. Я терпела, мечтая лишь о том, чтобы ты закончил учебу, получил специальность. Я считала дни, и была безмерно счастлива тому, что скоро ты получишь диплом.

Однако недавно до меня дошли слухи, что следователь из Управления общественной безопасности прибыл в Кульджу, и собрал целую папку материалов о тебе. При этом он провел беседы с твоими друзьями и знакомыми.

Кроме того, говорят, что следователи побывали и в Жагистае, где составили досье на твоих сокурсников.

Как это понимать? Услышав это, я почувствовала себя плохо! Почему ты не задумываешься о будущем? Ведь у меня, кроме тебя, никого нет! Я тревожусь и переживаю за тебя...»

Дочитав письмо до того места, где был загиб, я сложила его. На душе у меня было скверно. Я поняла, что мы недооценили работников Управления. Оказывается, они не сидели сложа руки, а собирали материалы против нас в наших родных городах и селениях. Совершенно ясно, что если бы они не имели серьезного повода, то не занимались бы такой хлопотной работой.

Вошел Ахмад Тохти.

– Ну что, прочитала?

– Да, по видимому, мы под подозрением. Но почему? Может быть, действительно, предатель находится среди нас?

– Я тоже так думаю.

Он понизил голос, и продолжил:

– Здесь нельзя говорить. Пошли в общежитие, там переговорим.

Мы покинули кафедру и направились в общежитие. Уже там, Ахмад Тохти заговорил:

– Я думаю, мы сейчас должны прервать отношения между собой. Временно не общайся с Аблизом, Аблекимом и Голпуром. Следователи не отстанут, но не надо давать им лишний повод для подозрений. Если тебя арестуют, это будет большая беда. Мужчинам тяжело, а девушке - тем более! Кроме того, тяжело будет твоим родителям. Они возлагают на тебя большие надежды. Делают все, чтобы ты выучилась. А следователям - все равно! Они не посмотрят, что ты - девушка. Поэтому, надо быть готовыми ко всему. Быть крайне осторожными. В письме это открыто написано. Скажи Аблекиму – пусть переселяется в Военный госпиталь, туда, где он проходит практику. Аблиза предупреди, чтобы не появлялся рядом с тобой. В крайнем случае, общайтесь в безопасном месте, чтобы не быть на виду. Теперь уже совершенно ясно, что за нами следят. Я переживаю за тебя, Суюнгуль. Ведь ты, все-таки, девушка...

В тот же день я сообщила Аблекиму о необходимости переехать в Военный госпиталь. Он немедленно последовал моему совету.

Письмо жены Ахмада Тохти еще много дней вызывало у меня чувство тревоги. Тем не менее, я старалась успокоить себя, внушая мысль о том, что мы, по сути, ничего не сделали! Ведь мы не вооружались, никого не убили, мы лишь намеревались добиться независимости мирными средствами! Ведь требование суверенитета и независимости - не преступление! Ведь каждый человек вправе добиваться свободы и независимости!

Одновременно меня мучила и другая мысль относительно того, что кто-то нас предал. Иначе бы не было таких проблем. Я мучилась поиском ответа на вопрос о

предателе, но не могла и предположить- кто бы это мог быть?!

Сначала мои подозрения пали на Сетивалди. Ведь узнав, что Шамшижамал беременна, работники Управления общественной безопасности организовали им свадьбу, способствовав тому, что их не исключили из института. После этого, Сетивалди практически каждый день стал появляться в кабинете у следователя. Проверка наших дел началась именно с этого момента. Однако Сетивалди ничего не знал о нашей организации, а потому, ничего не мог и сообщить следственным органам. Тогда как же мы стали объектом их внимания?

Сетивалди, Аблеким и Аблиз были родом из Жагистая. Они вместе учились в одной школе, и дружили с раннего детства. В то время, когда стоял вопрос о возможности приема Сетивалди в нашу организацию, и Аблиз, и Аблеким высказали желание дать Сетивалди положительную рекомендацию.

Мне подумалось, что, возможно, Аблеким или Аблиз, невзначай что-то рассказали Сетивалди об организации, а он, во время допроса рассказал об этом следователям. Но это было лишь предположением.

Аблеким, послушав моего совета, переехал из нашего общежития. Однако, появляясь в институте, он продолжал навещать меня.

Почему-то, во время своего последнего визита, он не захотел встретиться со мной.

Раньше Аблеким встречался с Хадичой - девушкой из города Чугучак. Однако в последнее время их свидания прекратились. У нее была дурная натура- стравливать студентов между собой. Кроме того, она была замечена в том, что докладывала в партком о том, что происходило в студенческой среде. До меня дошли слу-

хи, что в последний раз, Аблеким вновь встретился с ней.

Для меня это было странным. Я стала думать о том, что, Аблеким может невольно рассказать ей что-то о нашей организации. С другой стороны, я подумала, что, Аблеким, таким образом, маскируется, отводит от себя возможные подозрения. Однако, тут же я отгоняла от себя эту мысль, считая, что кто-кто, но Аблеким не способен на предательство.

10 АПРЕЛЯ

Сидя в отделении «Внутренних болезней», я заполняла историю болезни назначенного мне пациента. Вдруг зазвонил телефон. В зале, кроме меня, никого не было. Мгновение помедлив, я решила не брать трубку телефона, и продолжала заниматься своим делом. Через некоторое время вбежала дежурная сестра.

– Что-то долго звенит! – воскликнула она, и сняла трубку. – Хорошо, хорошо! – ответила она, и, положив трубку, удаляясь, проворчала:

– О Боже! Что там еще случилось? Всех представителей местных национальностей требуют собраться в столовой ректората.

Вскоре, все врачи, сестры не китайской национальности, сняв свои белые халаты, направились в то крыло здания, где находилась администрация института. Через несколько минут они все вернулись. Та же дежурная сестра-уйгурка, надевая халат, сказала:

– Знаешь для чего собирали? С понедельника все учебные занятия и работа отменяются. Весь коллектив и студенты будут присутствовать на политзанятиях. Нам будут читать лекции о каких-то организациях,

что ли?! Кому это пришло в голову? Нагоняют на людей страх!

Она бросила на меня печальный взгляд, и добавила: – Смотри, не говори никому, что это я тебе сказала!

Повернувшись, она взялась за дверную ручку, чтобы направиться в комнату медицинских сестер.

Как только я услышала эти слова, мое сердце сжалось. Я оцепенела. Если бы никто не сообщил об организации, об этом слове даже бы не упомянули. Значит, действительно, кто-то предал нас. Но кто? А может, в институте есть и другая организация?

Я мысленно перебрала всех своих единомышленников. Но не могла представить, кто бы мог оказаться предателем. «Но, если, все же, предатель проявится, как следует поступать? Что делать? Может быть бежать?» Мне захотелось поделиться этой мыслью с кем-нибудь. Но с кем? Да и если нас предали, то уже и не убежишь...

Я почувствовала себя сиротой, оставленной на произвол судьбы. Тем не менее, старалась успокоить саму себя, внушая себе мысли о том, что, возможно, эти лекции касаются совсем другой организации. Кроме того, не первый раз уже прекращали учебу и организовывали политзанятия. Да и невозможно разоблачить нашу организацию, так как в ее составе сплошь мужественные, сильные молодые люди. Они не способны на такую низость, как предательство.

Я все больше начинала злиться на саму себя за то, что поддаюсь панике, и не осознав происходящего, начинаю подозревать своих товарищей.

Размышляя таким образом, я и не заметила, что пришло время обеда. К моему приходу в столовую, выяснилось, что студенты уже пообедали. Я пошла в общежитие, но и там никого не было. Просидев одна в

своей комнате, я дождалась времени моего дежурства, и вновь вернулась в здание института.

Я ничего не могла делать, не могла сосредоточиться. Однако я чувствовала, что приближаются тяжелые дни.

Утром на завтрак я опять никого не застала, и пошла в больницу. Ближе к обеду, вернувшись в общежитие, увидела там Шамшижамал и Турнису, которые о чем то сосредоточенно беседовали. При моем появлении, Шамшижамал сказала:

– Суюнгуль, звонил Сетивалди. Он хотел предупредить меня, что в институте намечается проведение политзанятий. Он не знал, что нам уже объявили об этом.

Я ответила, что тоже знаю об этой новости.

После ужина привезли тех студентов, которые проходили практику в других больницах. Все они были какие-то потерянные и напуганные. А потому выдвигали самые невероятные предположения относительно происходящего.

Одно было совершенно ясно: студенты растеряли былую веселость, они словно бы предчувствовали скорое расставание.

Вместе с другими, в общежитие появился Аблеким. Это был не тот энергичный молодой человек, которого мы знали. Перед нами стоял скромный парень. На меня он взглянул лишь мельком. Казалось, он подчеркнуто сторонился даже старых друзей. Во всяком случае, он не подошел к Аблизу и Сетивалди, а обменивался шутками с группой студентов-казахов, стоявших особняком.

Я объясняла такое поведение Аблекима как способ маскировки, и в принципе, соглашалась с ним.

Когда стемнело, большинство сокурсников покинули общежитие. Остались лишь Аблиз и Сетивалди. Они сидели, грустно потупив глаза.

– Услышав сегодняшнюю новость, мы с Аблизом даже

попрощались. Положение очень серьезное. Наверное, в этот раз мы не выкрутимся. Особо трудно, по видимому, придется Аблизу, – печально произнес Сетивалди.

Большинство студентов предполагало, что проблемы начнутся у организаторов бойкота занятий. Мы же были почти уверены, что раскрыта наша организация. И здесь последствия могли быть значительно серьезнее.

Переживая за ребят, которых, в случае раскрытия организации, непременно арестуют, я совершенно не думала о себе, хотя была таким же полноправным ее членом.

13 АПРЕЛЯ

Сегодня состоялось общее собрание студентов-националов и преподавателей института. Всех студентов местных национальностей собрали в малом зале административного здания. Основной доклад делал ректор института Баудун. Критическая часть доклада, охватывавшая большую его часть, касалась отношения студентов к Мао Цзедуну и курсу партии. Докладчик подчеркивал наличие среди студентов сторонников советского ревизионизма и антипартийных идей. Ректор Баудун, в частности, говорил о том, что некоторые студенты на стены своих комнат наклеивают фотографию Хрущева, предварительно вырезав ее из общеизвестного снимка, на котором запечатлены Мао Цзедун и Хрущев. Другие студенты, небольшие гипсовые бюсты Мао Цзедуна поворачивали лицом к стене, выражая, таким образом, неуважение к вождю.

Говоря подобные вещи, ректор Баудун поглядывал в нашу сторону, как бы подчеркивая, что его слова обращены именно к нам.

Как назло, мы все сидели в одном углу зала заседаний.

15 АПРЕЛЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня официально начались политзанятия. Студенты местных национальностей нашего курса были разделены на две группы. В первую группу, в числе других, попали Аблеким, Аблай, Шамшижамал, Турниса, Гопур, Халима. Во второй группе оказались: я, Аблиз, Ахмад-ака, Сетивалди.

Руководили политзанятиями специально прибывшие из Управления общественной безопасности Турди Или, Юсуп, Омаржан. К ним добавились члены студенческого совета Гозжан, Гопур Рахим, некоторые кадровые работники больницы при институте.

Вскоре стало ясно, что все эти министерские представители прибыли специально для проведения политзанятий на нашем курсе. Да и вообще, эти политзанятия были организованы, в основном, из-за нашего курса.

Постоянно к институтскому комплексу прибывали министерские машины, привозя и увозя уполномоченных.

С началом политзанятий, студентов заставляли высказываться о полученных от доклада впечатлениях. Кроме того, спрашивали о видении ситуации в прошлом, и на сегодняшний день. После того, как высказалось некоторое количество студентов, возглавлявший политзанятия кадровый работник, обратился к нам.

– Суюнгуль, почему вы молчите?

– Мне надо подумать, – ответила я.

Кадровый работник, словно бы не услышав мои слова, продолжал:

– Аблиз, говорите вы! Ахмад Тохти, мы слушаем вас!

– Хорошо, – ответил Аблиз, и начал высказывать свою точку зрения на современную ситуацию.

Следом Ахмад-ака несколько часов говорил о доктрине «Трех единств». Из всех выступавших, никто не мог так политически грамотно и полно изложить современные установки партии.

Политзанятия набирали обороты, превратившись в, своего рода, экзамен. Беспрерывно сыпались вопросы, на которые нужно было немедленно отвечать. Причем, их задавали попеременно. Сначала спросили Аблекима, затем задали вопрос Аблаю, Турнисе, Гопуру, Вахиту, Сетиваади. Последний вопрос задали Сажиде.

Согласно приказу администрации института, во время политзанятий у центральных ворот выставили охрану. Никто из студентов, без специального разрешения, не имел права покидать комплекс институтских зданий. Точно также, никто из посторонних не имел права войти в здание института.

Время от времени, собирали наиболее лояльных студентов, и читали им специальные лекции.

Видя это, я чувствовала, что тучи все больше сгущаются. Однако мне об этом не хотелось думать.

Как только подъезжала очередная министерская машина, Сетиваади, не выдерживая, шептал:

– Смотри, смотри, долго же их не было!

Студенты, близкие к ректорату, в такие минуты пристально наблюдали за нами.

С первого дня политзанятий, отношение ко мне со стороны Турнисы, резко изменилось. Она старалась избегать всякого общения со мной, на мои вопросы отвечала односложно и грубо. И вообще, я заметила резкую перемену в ней. У нее пропал аппетит, и даже сон.

Мне показалось это странным, так как мы с Турнисой были подругами, ничего не скрывали друг от друга, часто делились сокровенными мыслями. И потому, по-

ведение Турнисы действовало на меня гнетуще. Я чувствовала себя обделенной, отвергнутой.

Специфической чертой этих политзанятий было то, что в отличие от предыдущих многочисленных подобных мероприятий, все проходило достаточно цивилизованно. Обычно, во время политучебы, студентов выводили в центр зала, нередко подвергали побоям, требовали признаний вины.

В этот раз, большинство сокурсников выражали нам свою моральную поддержку. Во время перемены, многие подходили и советовали не отчаиваться, а после перерыва, предлагали место рядом с собой, тем самым, также выражая солидарность.

16 АПРЕЛЯ

На второй день политзанятий, Аблизу устроили настоящий экзамен.

— Что ты понял в результате занятий? Изменились ли твои идейные приоритеты?

В течение часа, Аблиз был вынужден говорить о концепции «Трех единств».

В тот же день, выделили целую группу лояльных, активных студентов, распределили их среди нас с тем, чтобы они проводили с нами дополнительные занятия.

Сидя в своей комнате в общежитии уже после официальных занятий, во время отдыха, я услышала, как в дверь постучали. Как оказалось, это был муж Марьям, по имени Махмут. Вызвав меня в коридор, он виноватым голосом сказал:

— Суюнгуль, партком, зная, что мы с вами близко знакомы, направил переговорить к вам. Вы не обижайтесь, но они просили добиться от вас признания.

Сегодня состоялось собрание активных, лояльных студентов. Был разговор о том, что среди студентов действует реакционная подпольная организация. Я не поверил своим ушам, но говорили, что и вы есть в этой организации. Скажите, это правда? Честно говоря, я, Суюнгуль, не хотел бы видеть вас исключенной из института. Я, по правде сказать, не знаю, что делать.

Стараясь держаться непринужденно, я улыбнулась:

— Нет, Махмут, никакой организации нет. Это они так думают. Мы тоже не хотим отделяться от наших сокурсников, ведь за время учебы мы сблизились, стали почти родными. А вам, Махмут, большое спасибо за участие.

17 АПРЕЛЯ

Сегодня последний день политучебы. Он проходил значительно более активно, чем предыдущие. Кадровые работники сменяли друг друга, высказываясь все более жестко.

— Это ваш последний шанс, последняя возможность выйти на широкую дорогу! Подумайте хорошенько, чтобы не жалеть потом. Но не думайте, что мы ничего не знаем. Мы знаем все, и хотим лишь, чтобы вы, воспользовавшись этой возможностью, осознав свои ошибки, продолжили учебу и благополучно закончили институт.

Говоря эти слова, они все время поглядывали в нашу сторону. Однако мы держались так, словно не имеем к этому никакого отношения. Мы старались быть естественными, обменивались шутками, стараясь не вызывать никаких подозрений.

После обеда зайдя в общежитие, я увидела Турнису, которая сидела на своей кровати, трясаясь, словно в лихорадке. На ней не было лица.

Увидев меня, она словно бы преобразилась:

– Суюнгуль, заходи скорее!

Мне подумалось, что она болеет, такой был у нее печальный вид.

– Что случилось, Турниса? Заболела?

– Нет, Суюнгуль, - произнесла она тихо. – Наша организация раскрыта. Меня, на протяжении трех дней, допрашивали по поводу нее. Я все отрицала, но они подробно мне рассказали о всех собраниях организации, на которых я участвовала, о времени этих собраний, о людях, которые присутствовали на них. Я оказалась в безвыходном положении. Они стали расспрашивать меня об Аблекиме, Аблизе, Ахмаде Тохти. Я отвечала, что ничего о них не знаю. Мне приказали ничего не говорить тебе, но я, несмотря на угрозы, решилась. И вот, ты знаешь все.

Произнеся эти слова, Турниса разрыдалась.

Я постаралась, как могла в этой ситуации, успокоить ее. Понимая, что опасность совсем близко, я достала свой ежедневник, куда записывала важнейшие события своей жизни, и написанный в 1959 году рассказ под названием «Сон». Передав все это Турнисе, я попросила зашить их под подкладку плаща, и выбросить в общественную уборную, находившуюся за институтским магазином.

Турниса, уже через несколько минут пошла к магазину.

Тем временем, я достала портрет Ахметжана Касими и передала его Шамшижамал.

– Пусть это будет памятью обо мне. Глядя на этот портрет, ты будешь вспоминать меня!

Со словами благодарности, Шамшижамал бережно взяла портрет.

Видя мои приготовления, девчонки загадели:

– Суюнгуль, почему ты так поступаешь? Не думай о плохом!

Мы обнялись, не в силах сдержать слезы...

Сопереживание подруг подняло мне настроение, однако, время перерыва закончилось, и нам следовало идти на политучебу.

Мы сидели рядом с Марьям. Соседнее место мы оставили Аблизу.

С началом политзанятий вошел тот самый Омаржан-следователь. Он поставил стул таким образом, чтобы мы с Аблизом были у него на виду.

На клочке бумаги я написала записку, и передала ее Аблизу. В ней я написала: «Горный цветок сломался на ветру».

Прочитав записку, Аблиз сразу же ответил: «Не выдержал стебель или корень?».

Мгновение подумав, я написала: – «По-моему, у горного цветка не выдержал корень».

– «Напиши яснее!»

– «Они допросили Турнису» – написала я, вкратце изложив наш разговор с Турнисой.

– «А кто главный виновник?»

– «Не знаю! Что теперь делать?»

За все время этой нашей переписки, следовательно Омаржан не сводил с нас глаз. Видя это, я была готова ко всему. Я была настроена даже на то, что в случае, если он потребует записку, я намеревалась проглотить ее.

Между тем, следовательно начал говорить:

– Длившиеся в течение трех дней политзанятия прошли неплохо. Их политическое значение будет су-

щественным. Мы смогли воплотить в жизнь дела, которые не могли осуществить на протяжении многих лет. Говоря откровенно, была разоблачена реакционная организация, действовавшая в ваших рядах. Членам этой организации мы предоставили, на протяжении этих трех дней, возможность исправиться и выйти на правильный путь. Однако они, думая, что об их деятельности ничего не известно, до последнего момента продолжают стоять на своей ошибочной позиции. Но мы знаем все! Более того, проявляя жалость к отдельным лицам, мы провели с ними индивидуальные политзанятия. Мы думали, что они ошибаются по молодости. Но они не осознали этого. Между тем, со многими из них мы еще не вели беседу. Некоторые же, получают политические уроки уже сегодня, здесь. Поэтому, пока еще есть возможность, используйте ее. Знайте, что партия не стремится уничтожить вас. Тем более, вы так молоды. Однако не забывайте, что с политическими врагами мы поступаем сурово...

Омаржан продолжал говорить в таком ключе еще достаточно долго. На протяжении всей своей пространной речи, он неотрывно глядел на Аблиза и меня. Однако ни Аблиз, ни я, не подавали виду, что его речь хоть как-то касается нас.

Во время ужина, Омаржан зашел в общежитие.

– К семи часам вам следует быть в столовой, – произнес он.

Я попросила Шамшижамал позвать Аблиза. Когда она вышла, я попросила Марьям, Халиму и других девушек, после прихода Аблиза, подождать в коридоре, пока мы с ним не переговорим.

С приходом Аблиза, дождавшись, пока Шамшижамал осталась с наружной стороны дверей, я заговорила:

– Аблиз, меня вызывают на допрос. Что делать?

– Подождите, я посоветуюсь с остальными! – произнес он, и стремглав выбежал из комнаты.

Вернулся он очень скоро.

– Суюнгуль, я переговорил со всеми. Мы решили, что если организация раскрыта, то упираться нет смысла. Сейчас наша цель – постараться выгородить хоть кого-нибудь. Еще настанет наше время. Без жертв нет победы. Благодаря Аллаху, наш народ добьется независимости! Обидно только за то, что фактически, мы не успели еще ничего сделать, а организация уже оказалась раскрытой, – произнес Аблиз со слезами на глазах.

Я и здесь постаралась успокоить его:

– Аблиз, это только наши первые шаги. На этом борьба не закончится. Если Аллах захочет, мы продолжим ее. Будущие поколения пойдут по нашим следам, и добьются поставленной цели. То, что нас разоблачили, еще не означает поражения. Возможно, это победа, так как наш арест явится толчком для народа Восточного Туркестана к активизации борьбы за независимость!

Опасаясь, что придут следователи, Аблиз поднялся, и с огромной добротой и нежностью попрощался со мной.

Не успел Аблиз уйти, как Шамшижамал, заглянув в комнату, произнесла:

– Омаржан идет!

Буквально следом в комнату вошел Омаржан.

– Пойдемте, вас ждут!

Молча, я последовала за ним. В ректорате сидели семь человек. Все из администрации института и Управления общественной безопасности. В основном китайцы. Из уйгуров были председатель студенческого совета Гопур, и Рахим.

Я присела на указанный мне стул.

Первым вопросы начал задавать начальник отдела из управления общественной безопасности.

– Вы, Суюнгуль? – спросил он с еле заметной улыбкой.

Стараясь держаться спокойно, я ответила утвердительно.

– Какие вы извлекли уроки из проведенных политзанятий? – резко произнес другой военный. – Расскажите!

Как и все остальные, я ответила о теории «Трех единств».

– Что, вы узнали только об этом? Неужели в вас не произошло изменение идеологических воззрений? Мы прекрасно изучили вас, и надеялись, что вы признаете допущенные ошибки! Не пытайтесь обмануть нас. Вы должны осознать ту доброжелательность, с которой партия относится к вам. И признать ошибки. Подумайте о своем будущем! – продолжил он.

– Что я должна признать?

– Так ты еще не знаешь, что должна признать? Не прикидывайся! Расскажи все о созданной тайной организации. Тебе все равно не удастся ничего скрыть! Все уже признались! – повысив голос, произнес начальник отдела контрразведки.

– Если все уже признались, зачем вы расспрашиваете меня?

– Так ты считаешь, что совершила благое дело?

– Нет, я не совершила ничего хорошего, впрочем, как и ничего плохого.

– О чем ты говоришь?

– Вы считаете, что мы совершили что-то плохое, а мы считаем, что ничего плохого не совершали. Мы никого не убили, не призывали к восстанию. Мы лишь желали независимости!

– Что ты несешь? И это нам ты говоришь о независимости? Запомни, Синьцзян – неотъемлемая часть Китая! – воскликнул Омаржан.

Присутствующие китайцы с нетерпением ждали перевода моих слов. Наконец, начальник отдела контрразведки, произнес:

– Синьцзян – китайская земля. Есть ли у тебя факты, свидетельствующие об обратном?

– Конечно, сама история – это и есть факт!

– Что за история?

– История Восточного Туркестана.

– Эту историю писали такие же реакционеры, как и ты. Синьцзян с незапамятных времен был частью Китая. И в будущем останется такой частью. Никакая сила не способна оторвать Синьцзян от Китая. Знаешь, чем кончат такие ревизионисты, как ты? Партия их не боится. Они лишь подрубают сук, на котором сидят! – переходя на крик, воскликнул военный.

Было ясно, что гнев нарастал.

– На кого вы опираетесь? Где они? – громко спросил незнакомый мне китаец.

– Ни на кого!

– Неужели? Твои товарищи уже обо всем рассказали. Мы лишь хотим прояснить твою позицию!

– Кто вам рассказал, он, наверное, знает. А я ни о чем таком даже и не слышала.

– Действительно не знаешь? Не думай, что тебе удастся скрыть что-то. Подумай хорошенько! Мы, учитывая то, что ты студентка, что ты – девушка, не применяем тех мер, которые применили бы, если бы на твоём месте оказался служащий или рабочий. Уже давно бы арестовали его. Такую политику партия применяет не ко всем. Запомни: у нас мало времени, у нас много работы. А потому, вы должны подумать о том, насколько лояльно к вам относится партия, и не оттягивая, сдать все материалы относящиеся к организации, – вновь вступил в разговор Омаржан. – Зав-

тра утром сдайте мне все материалы, касающиеся организации. После этого срока не рассчитывайте на снисходительность.

Присутствовавшие встали и я вышла из комнаты. Следом за мной начали выходить и те, кто задавал мне вопросы.

Когда я пришла в общежитие, политзанятия еще не закончились. Оставшись одна в комнате, я задумалась над произошедшим. Основная проблема заключалась в материалах организации. Я была уверена, что ни за что не отдам их. Теперь мне предстояло надежно спрятать их. Ведь моя прямая обязанность заключалась в том, чтобы они не попали в руки врагов. Даже если я умру - не передам их им. Я должна это выполнить. Я подумала о том, чтобы пойти домой, и спрятать материалы. Однако сразу же отвергла эту мысль, осознав, что за мной могли следить. А что, если пойти ночью? Но тогда может оказаться поздно. Автобусы ходят до 10 часов. Кроме того, если я ночью отлучусь из общежития, это вызовет подозрения.

Что же делать? Пока я размышляла, политзанятия закончились, и студенты стали расходиться по своим комнатам.

Войдя в комнату, Шамшижамал, практически с порога произнесла:

– На сегодняшнем занятии Аблеким рассказал об организации.

Следом вошел Аблиз:

– Ну что, о чем расспрашивали?

Я рассказала все, как было.

– Так кто же предал? Ведь они практически обо всем знают. И еще настаивают на том, что за нами кто-то стоит. Возможно, нас предал Ахмад-ака? – предположил Аблиз.

– Как бы то ни было, следует ожидать дальнейшего развития событий, – только и смогла ответить я.

Аблиз лишь молча склонил голову.

Видя его состояние, я продолжила:

– Но ведь мы не совершили никакого преступления. Не выступили с оружием в руках, никого не убили. Не призывали к восстанию!

– Действительно, нам не следует так сильно переживать. В худшем случае нас возьмут на особый учет, – ответил Аблиз.

– Да, мы действительно, ничего не успели сделать. Я переживаю только за это. Если бы мы совершили что-то полезное, я была бы готова на все, – произнесла я с грустью.

– Мы не смогли осуществить задуманное! Ну что ж! Поживем -увидим, как будут развиваться события дальше. Не переживайте, Аллах не оставит нас! – произнес Аблиз, и попрощавшись, вышел из комнаты.

18 АПРЕЛЯ

Утром, после завтрака, все было как обычно. Я взяла свой халат, книги, и направилась в клинику. Когда я спускалась по лестнице общежития, меня догнал Камил и незаметно сунув мне в ладонь записку, со словами «будь осторожна», побежал дальше.

Немедленно я пошла в туалет, где и раскрыла зажатый в ладони листок. В записке было написано:

«Суюнгуль, мы и не предполагали, что вы на этом пути. Наше уважение к вам безмерно возросло. Ваша сила воли восхищает нас».

Эти слова тронули меня до глубины души. Я ощутила прилив сил. На глазах у меня появились слезы. Не же-

лая, чтобы эта записка попала в чужие руки, я ее тут же порвала.

Подходя к клинике, я увидела Ахмад-аку. Он казался спокойным. Вошел в учебный кабинет, положил книги. Надел халат, открыл историю болезни пациента. Он собирался что-то написать, но увидев меня, произнес:

– О чем вас вчера спрашивали?

– Так вы не в курсе? Разве Аблиз вам не рассказал? – удивилась я.

– Нет, я ни о чем не слышал.

– После того, как об организации заговорили на собрании, Аблиз предложил не скрываться, а выступать открыто. По мнению Аблиза, нас разоблачила Турниса.

Ахмад-ака тяжело вздохнул, и как-то потеряно произнес:

– Что же теперь делать? По видимому, нас предали Гопур и Турниса.

Было видно, что Ахмад-ака сильно переживал. Он стал каким-то серым. Вид у него был болезненным и печальным.

Во время утреннего доклада перед обходом больных, ко мне подошел врач-китаец, и произнес:

– Вас просят выйти.

Я поспешила к выходу, и увидела Зубайру.

– Омаржан ждет тебя в общежитии, – сообщила она.

Уверенная в том, что Омаржан пришел за материалами, я, раздумывая о том, как мне поступить, направилась в общежитие. Твердо решив, что не отдам материалы ни в коем случае, я, рядом со своей комнатой увидела ожидавшего меня Омаржана.

– Сдайте мне все материалы организации! – жестко произнес он.

– Но их здесь нет. Они у меня дома, в городе.

– Что за дом у вас в городе?

– Дом моего дяди. Там в сундуке, среди моих вещей все материалы.

– В таком случае, мы сейчас пойдем туда вместе.

Не зная, что предпринять, я молча кивнула. Мы направились к автобусной остановке.

– В каком районе находится ваш дом? – оторвал меня от тяжелых мыслей Омаржан.

– Выше библиотеки агентства Синьхуа, рядом с Русским клубом.

В этот момент мимо нас проехала машина Управления общественной безопасности. Она въехала во двор института, но вскоре выехала назад.

– Эта машина нашего управления. Поедем на ней! – произнес Омаржан и попытался остановить машину. Я молилась, чтобы машина не остановилась. Так и произошло. После того, как машина проехала мимо, Омаржан с сожалением сказал:

– Вероятно, новый водитель. Не узнал он меня. Что ж, поедем на автобусе.

Не зная, что предпринять, чтобы сохранить материалы, я продумывала всевозможные варианты поведения. Наконец, остановилась на том, что по приезде в дом, я поведу Омаржана в сарай, в котором находился погреб глубиной в три метра. Я подумывала столкнуть Омаржана в этот погреб, и пока он будет выбирать-ся студа, уничтожить все материалы организации. А дальше – будь что будет!

Тем временем автобус подъехал к библиотеке агентства Синьхуа. Выйдя из автобуса, Омаржан спросил:

– Так где же ваш дом?

– Вон тот.

– Я постою здесь, а вы принесите материалы.

Я обрадовалась такому повороту событий. Я надеялась запереться на крючок и не открывать дверь, пока не сожгу все материалы.

Войдя во двор, я побежала к дому. На дверях висел огромный замок. Я обрадовано вздохнула, повернулась, и прямо перед собой увидела улыбающегося Омаржана. Мне и самой стало весело.

– Что, нет никого? Куда же все ушли?

– Одна из родственниц намеревалась переехать в Союз. Наверное, ушли ее провожать.

– Спросите у соседей, может быть, оставили ключи?

Я выбежала к соседям. Зайнус-апай была занята машинной вышивкой.

Она оставила работу и пригласила меня пройти в комнату.

– Я пришла к тете, а ее нет. Вы не знаете, куда она ушла, – спросила я, поздоровавшись.

– Они ушли на собрание жильцов. Скоро должны вернуться.

Выйдя от соседки, я сказала Омаржану, что тетя уехала провожать свою сестренку. И вернется только вечером.

Было только десять часов утра. Омаржан посмотрел на часы, и предположил, что, возможно, дядя вернется к обеду. Поэтому, следует немного подождать.

– Нет, дядя обедает на работе. Он вернется не раньше пяти часов вечера, – возразила я.

Омаржан задумался, а потом произнес:

– Хорошо, вернемся к пяти часам.

Вернувшись в общежитие, я переоделась, взяла деньги и ключ от дома. Затем пошла в клинику.

Время перевалило за одиннадцать. Все мои мысли были о том, чтобы успеть как можно быстрее уничтожить все материалы, касающиеся организации. Мне надо было сделать это как можно быстрее, так как Омаржан знал адрес дома дяди, и мог сам, раньше меня, обнаружить материалы. Я рассчитывала направиться домой во время обеденного перерыва.

Мои мысли прервала наш преподаватель:

– Поступил пациент. Ты должна определить его диагноз, назначить лечение, и грамотно описать историю его болезни. Это будет твоим экзаменом.

Я вынуждена была направиться в палату к больной. Ею оказалась молодая китаянка. Расспрашивая ее о болезни, я не могла сосредоточиться, думая о материалах организации. К тому же больная говорила шепотом, и я не могла уловить суть сказанного ею. Однако было видно, что болезнь была серьезной. Я посмотрела на часы. До полудня оставалось двадцать минут, а я, все еще не поставила диагноз. Наконец, взяв себя в руки, я определила диагноз больной. У нее была острая почечная недостаточность.

– Вы полежите, а я дам поручение медицинским сестрам, какое необходимо проводить лечение, – сказала я и вышла из палаты.

Было уже без десяти минут двенадцать. Расписав лечение и дав поручение медсестре, я стремглав, через отделение внутренних болезней, через детское отделение, вышла на улицу. На мое счастье, у дверей института стоял автобус. Подбежав, я вскочила в него. Как на зло, на одном из сидений сидел тот незнакомый мне китаец, который присутствовал при моем допросе. Я сидела не шелохнувшись. Мне казалось, что сейчас он подсядет ко мне. Я старалась даже не смотреть в ту сторону, где он сидел. Автобус тронулся, и мне стало немного легче. Тем не менее, страх не покидал меня. К моему удивлению, через несколько остановок, китаец вышел. Я обозналась! Это был не тот следователь, который присутствовал при допросе.

Еще через несколько остановок, автобус встал на остановку. Водитель объявил, что автобус будет стоять 15 минут. Мне хотелось кричать. Я готова была выйти и

толкать автобус. Мне казалось, что он никогда уже не тронется.

Сидя в автобусе, я увидела в окно, как в направлении города проехала утренняя машина, принадлежавшая Управлению общественной безопасности. Мне подумалось, что она направилась к дому дяди. Я засомневалась - ехать ли мне дальше, или вернуться? Ведь если они найдут материалы к моему приходу, это может осложнить дело.

Наконец, автобус тронулся. Как только он подъехал к нашей остановке, я стремглав бросилась к дому. Как я и предполагала, возле дома стояла черная машина.

Проходя мимо нее, я заглянула в окошко. В машине никого не было. Войдя во двор, я увидела тетю, которая совершала омовение, готовясь к намазу. Увидев меня, она обрадовалась.

– Доченька, проходи в дом! – радостно произнесла тетя.

– В доме кто -то есть?

– Нет, а что, – кто-то хотел прийти?

– Нет, просто я хотела взять кое-какие свои вещи. Если кто-то придет, не открывайте входную дверь, тетя, – сказала я и направилась к сараю.

Тетя, намереваясь набрать угля, последовала за мной.

Достав спрятанные в сарае материалы, я занесла их в дом и сожгла в печке. Огню были преданы: Программа, текст клятвы, История Восточного Туркестана, переписанные мной, Маликой и Турнисой. Мне было тяжело, ведь за пять минут сгорели наши надежды. Однако, я была по своему рада, что эти материалы не достались врагам. Флаг Восточного Туркестана я решила сохранить, а потому, оторвав его от древка, само полотно спрятала на себе. В бутылку втиснула стихи Аблекима

и Абдулазиза Махсума, запечатала ее и закопала в конце двора.

Осуществив все это, я поспешила уйти, пока работники Управления не вошли в дом. Тетя, занятая углем, даже не обратила внимания на мои действия.

– Что, уже уходишь? – произнесла она. – Оставайся обедать.

– Нет, я спешу. Сегодня к пяти часам я еще приду. Не одна. Тетя, я прошу не говорить никому, что я сейчас была здесь. Если кто-то спросит, скажите, что я, оказывается, приходила утром. Об этом вам сказали соседи. Но то, что я приходила сейчас, не говорите никому.

С этими словами я вышла из тетиного дома. Машина все еще стояла на своем месте. Я была рада, что сумела осуществить задуманное. Теперь мне предстояло вернуться в общежитие так, чтобы меня никто не увидел. Я побежала к автобусной остановке. Для прохожих это было удивительно, ибо не в наших культурных традициях, когда девушка бежит посреди дня! Тем не менее, я не обращала ни на кого внимания. Добежав до остановки, я заняла очередь, и чтобы быть менее заметной, сказала женщине, стоявшей впереди меня, что мне надо зайти в магазин. На самом деле, я лишь решила подождать автобус не на открытой остановке, где меня могли увидеть, а в закрытом магазинчике. Продавщица предложила мне купить басму для покраски бровей, но я отказалась. К счастью, подошел автобус, и я вбежала в него. Уже сидя в автобусе, я заметила, что машина Управления на большой скорости направилась по направлению к институту.

Я подумала, что работники Управления не смогли найти нужные материалы, либо не нашли ключа от сундука, в котором, как я им сказала, хранились мате-

риалы, и потому возвращались в институт, чтобы взять у меня ключ.

Я же, минуя остановку у общежития, вышла на следующей, находящейся у самого института. Надев халат, который я спрятала под лестницей, и взяв книги, я, уже было направилась в сторону общежития, как мне навстречу выскочил Нусрат.

– Ты где ходишь? Все заискались тебя!

– А что такое? Я была в лаборатории. Обследовала новую больную. Да и что случилось то? – ответила я с улыбкой.

– И вправду! Там мы не были. Везде искали, а в лабораторию пойти не догадались.

– Если бы я знала, что вы меня ищете, я бы раньше вернулась. А так, я в лаборатории засиделась. И то – есть захотела! А так бы еще дольше просидела.

Я поднялась в свою комнату. Там была Шамшижамал. Увидев меня, она воскликнула:

– Суюнгуль, ты где пропадала? Все нормально? Ничего не случилось?

Я вкратце рассказала ей все. Она обняла меня и запричитала:

– Тебе не было страшно? Ты поступила так, как героини из фильмов. Я так переживала за тебя. Боялась, что тебя арестуют. До сих пор не могу прийти в себя!

В коридоре послышались шаги. Мы замолчали. Шамшижамал вытерла слезы. Я принялась за суп, который принесли для меня подруги. Честно говоря, я сильно проголодалась.

Постучавшись, в комнату вошел Нусрат.

– Тебя вызывают. Говорят, чтобы не забыла ключи! – пробурчал он.

Подмигнув Шамшижамал, я вышла вслед за Нусратом.

– Они ждут тебя у ворот, – добавил он уже в коридоре.

Подходя к институтским воротам, я увидела все ту же большую черную машину. Когда я приблизилась к ней, дверь открылась. Я села. В машине находилось шесть незнакомых мне китайцев. Они не произнесли ни слова. Я тоже молчала. Не спрашивая ни о чем, шофер повел машину к дому дяди.

Мы все вместе вышли из машины. Также молча, все двинулись в дом.

Только мы вошли во двор, как нам навстречу вышла группа людей во главе с Омаржаном. Я была спокойна. Единственно, что я переживала за тетю. Именно поэтому, я улыбаясь, поздоровалась с ней. Ответив на мое приветствие, тетя, как мы и договаривались, произнесла:

– Утром, когда ты приходила, меня не было.

Мгновение помолчав, тетя добавила:

– Что случилось, доченька?

Не сдержавшись, она расплакалась.

Мне было тяжело видеть слезы тети, но я сдержавшись, промолчала. Пройдя к своей комнате, я открыла дверь. Десяток мужчин буквально ворвались в нее. Я отдала им флаг, книжку и кипу копировальной бумаги.

– И это все? А где остальные материалы? Где официальный флаг организации? – нервно спросил Омаржан.

– Еще два месяца назад я все сожгла. Ничего не осталось. Это все, что было. Эта книга – учебник еще со времен моей учебы в школе. Это купленная в магазине копировальная бумага. А это – флаг! – стараясь сдерживаться, ответила я.

После этого, все вдруг заговорили разом.

– Ты же говорила, что существовало два флага. А где второй? – спросил один из китайцев.

Другой отдал приказ на обыск. Весь дом буквально перевернули в поисках материалов. Я переживала лишь за то, чтобы они не нашли бутылку со стихами Абдулазиза Махсума.

Час обыска не выявил ничего. В результате, они вынуждены были ретироваться. Забрав книгу и флаг, мы вышли из дома и человек пятнадцать – не меньше, втиснулись в огромную черную машину. У дверей дома осталось несколько человек. Я подумала, что это представители квартальной администрации.

Подъехав к зданию Управления, все вышли, прихватив сумку с конфискованными материалами. В машине осталась я одна. Вскоре, они вышли и машина направилась к административному зданию института. Я опять осталась, а сопровождавшие меня люди вышли. И тут я увидела выходившую из здания Зайнуру.

Зайнура совсем недавно вышла замуж за Мирата, родители которого были советскими гражданами, так как в свое время они вынуждены были покинуть родину. В связи с тем, что Зайнура вышла замуж вне существующих законов (за иностранного гражданина), ее отчислили из института. И вот теперь она оформляла документы на выезд в Советский Союз. Узнав об этом, я ей передала адрес Малики.

– Если найдешь Малику, Расскажи ей все. Но, пусть она не ищет контакта с нами. Ситуация здесь не очень хорошая. Поэтому, ей не стоит рисковать, – предупредила я Зайнуру.

Следует сказать, что больше я ее никогда не видела.

Весь вечер я находилась в общежитии. Вдруг в комнату вошла, проходившая вместе с нами практику Жин Хуа.

– Что то сегодня тебя не было видно, – промолвила она. – На занятиях Ахмад Тохти потерял сознание. Кое

как два врача привели его в чувство. По видимому, он серьезно заболел.

Мне подумалось, что Ахмад-ака сильно переживает происходящее. А еще мне подумалось, что не он предал нас. Хотя раньше я думала, что это он. Но, тогда кто же?

19 АПРЕЛЯ

Утром следующего дня мне сообщили, что переводят для продолжения практики в Первое отделение внутренних болезней.

Я собирала книги, когда вошел Ахмад-ака. Вид у него был удручающий. Он поинтересовался тем, что я делаю, и когда я объяснив ему, уже было начала спускаться по лестнице, он догнал меня.

– Хотел попросить вас, в случае моего ареста, опустить письмо в почтовый ящик. Письмо для Марьям, – сказал он. Затем, немного помедлив, добавил:

– Вы ведь – девушка, может вас и не тронут.

– Хорошо, если дадите письмо, я его отправлю

– Подождите меня, я сейчас же напишу, – обрадовался Ахмад-ака и побежал в учебный класс.

Я прождала некоторое время. Ахмад-ака не появился. Зато появилась незнакомая врач-китаянка, и велела мне следовать за ней в отделение внутренних болезней. Я подумала, что уже всем известно о нашем деле, и, скорее всего, нас поставили на учет, и теперь будут контролировать каждый наш шаг.

В этот день получить письмо так и не удалось. После обеда, когда я изучала историю болезни одного из пациентов, мне сообщили, что меня вызывают в администрацию института.

В приемной до этого я была всего один раз. Большое, чистое помещение было устелено коврами. Вдоль стен размещались кресла. Когда я вошла, в комнате уже было практически все руководство института. Кроме того, присутствовали два незнакомых мне китайца, и женщина-переводчица.

Я села в кресло, на которое мне указали. Первым заговорил ректор:

– На правах ректора, я считаю всех студентов своими подопечными, можно сказать, своими детьми. Поэтому, я и пригласил тебя на дружескую беседу. Ты – молода, у тебя вся жизнь впереди. Вместе с тем, ты уже вступила на ошибочный путь. А ведь у тебя есть родители, есть братья и сестры. Почему ты не думаешь о них? Мы – здесь присутствующие, хотим предостеречь тебя от дальнейших ошибочных действий. Пойми, что такие как Аблиз – классовые враги. Ведь Аблиз – выходец из помещичьей среды. Он – подстрекатель, настоящий враг. Но за это от поплатится, он будет сурово наказан.

Я подумала, что Аблиза, наверное, уже арестовали. Ректор, тем временем, продолжил:

– Чтобы ты знала, в прошлом году была раскрыта подпольная организация. О ее существовании нам рассказала девушка по имени Олжанхан. Ты ее знаешь. В последствии, мы не только ее простили, но и предоставили ей массу льгот в учебе. Если и ты расскажешь нам, кто стоит за вашей организацией, ты тоже получишь поблажки, и даже будешь поощрена.

– Но за нами никто не стоит, – ответила я.

Присутствующие загладели, и секретарь парткома произнес:

– Не может быть, чтобы за вами никого не было. Студенты сами не могли создать такую организацию.

Подумай хорошенько. Пойми, что ты вступила на капиталистический путь, и отошла от верного пути социализма. Запомни, что мы все равно доберемся до сути, и найдем тех, кто стоит за вами.

– Я еще раз говорю вам, что за нами никого нет. Мы думаем, что народ сам должен выбрать, по какому пути ему идти, – ответила я.

Присутствующие посмотрели друг на друга, а затем ректор произнес:

– Ладно, пока иди!

20 АПРЕЛЯ

На следующий день я была без всякого настроения. Совершая обход прикрепленных больных, я старалась беседовать с ними как обычно, однако разговора не получалось.

Вдруг из коридора послышались окрики. Я поняла, что ищут меня. Намеренно не выходя из палаты, я продолжала осмотр больных. Однако, возгласы усилились я вынуждена была выйти.

Увидев меня, Омаржан и находившийся рядом с ним еще один уйгур, словно бы обрадовались.

– Где вы ходите? Мы уже заискались вас!

– Я никуда не уходила. С утра здесь.

Омаржан, переговорив с кем-то по телефону, обратился ко мне:

– Суюнгуль, сегодня вы освобождаетесь от практики. Вам дается один день, чтобы вы письменно изложили все, что вам известно об организации.

Я начала снимать медицинский халат, а Омаржан продолжил:

– Этот халат так вам идет. Вместо того, чтобы уча-

ствовать в каких-то организациях, лучше бы всерьез занялись медициной.

Я промолчала, и оставив халат в кабинете, ушла в общежитие.

В комнате никого не было. Я задумалась над тем, что же мне написать. Будучи уверенной в том, что мне не о чем писать, я, через короткое время, решила сказать об этом Омаржану.

Дверь в кабинет, где сидели работники Управления общественной безопасности, была приоткрыта, я увидела, что Омаржан живо беседует с каким-то незнакомым мне человеком. Увидев меня, Омаржан что-то произнес, и тот человек поспешно вышел из кабинета.

Повернувшись ко мне, Омаржан произнес:

– Ну что, что-то срочное?

– Просто я хотела сказать, что мне не о чем писать.

– Совсем не о чем?

– Да.

– А создание организации? Прием новых членов! Разве об этом не следует написать?

– А что об этом писать? Ведь желание обрести независимость – это не преступление! Восточный Туркестан испокон веков был независимым, и мы желали восстановления этой независимости! Разве это грех?

Омаржан оторопел от этих слов, а потом закричал:

– О чем вы говорите? Когда это Синьцзян был независимым? Синьцзян – неотъемлемая часть Китая! Кто это вам сказал, что Синьцзян – независимое государство? Что за слова вы выдумали?

– Я ничего не выдумала. А если вы не знаете, то обратитесь к истории. Я не зря вам отдала книгу. В ней все изложено исходя из фактов. Свидетель – сама история. Перед этими фактами, наше требование о восстановлении независимости – совсем не преступление! Наше

требование справедливое. Поэтому, мне не о чем писать, и не в чем раскаиваться.

– Не означает ли это, что вы, требуя независимость, создали организацию, и, таким образом, выступили против линии партии? – более спокойно произнес Омаржан.

– Тех, кто требовал у партии независимости, обвинили в правом уклонизме, национализме, и бросили в застенки. Мы знаем, что и нас ждет та же участь. Тем не менее, мы открыто выступаем за независимость, ибо мы знаем, что просить независимость у партии – это не приведет к результатам. Правильнее, на наш взгляд, открыто бороться за независимость!

Омаржан покраснел от гнева, было видно, как округлились его глаза.

– Вы пришли сюда, что бы проводить свою реакционную пропаганду? Задумайтесь! Если вы не остановитесь, вы даже не представляете, что вас ожидает впереди!

– Я уже обо всем подумала. И знаю, что от судьбы не убежишь!

– Задумайтесь, повторяю я вам. Вы – молодая девушка. Сейчас вы говорите во власти эмоций. Через пару лет вы пожалеете о своих словах, – произнес Омаржан, и мне показалось, что эти слова он произнес искренне.

– Нет, я думаю, что вы ошибаетесь. Я ни о чем не пожалею, так как я не совершила никакого преступления. Я никого не убила, никому не причинила зла. Я ничего не совершила, что бы мучило меня, ведь я лишь попыталась что-то сделать для свободы народа. Мы боролись лишь за свободу народа, за независимость нашей родины. Поэтому, я ни о чем не жалею и не пожалею. А вот вы, через десять-двадцать лет можете пожалеть,

так как вы во благо китайского правительства предадите свой народ, свою нацию. И пока вы выполняете свои обязанности, вы – хороший для китайского правительства человек. После того, как вы эти обязанности выполните, вы будете для своих хозяев худшим на свете человеком, хуже даже, чем я. Китайцы никогда не удерживали уйгуров, народ Восточного Туркестана своими силами, они всегда это делали при помощи таких людей, как вы.

– Что вы мелете? Вы читаете мне лекцию, или отчаянно боретесь за свою жизнь? – вскричал Омаржан.

– Нет, я не цепляюсь за жизнь, ибо не чувствую за собой вину. У меня нет и страха, нет и разочарования в своих действиях.

Замолчав на мгновение, я продолжила:

– Вы уйгур?

– Да, а вам до этого какое дело?

– Если вы уйгур, с какой совестью вы предадите свой народ китайцам. У вас не болит сердце от этого?

Говоря эти слова, я подумала о том, что все равно меня арестуют, так пусть я хотя бы выскажу свою точку зрения открыто. Может быть, когда-нибудь он вспомнит это...

От неожиданности, Омаржан не вымолвил ни слова. Воспользовавшись этим, я вновь повторила, что ничего писать не буду, и вышла из кабинета.

Вернувшись в свою комнату, я начала наводить порядок. Закончив уборку, я присела на край кровати, и тут услышала шаги. К моему удивлению, это был все тот же Омаржан. Я подумала, что он начнет кричать, однако, он спокойным, несколько виноватым тоном произнес:

– Суюнгуль, не вас одну мы просим написать об организации. Этого мы требуем от всех, кого подозреваем

в ее членстве. Поймите, что перед диктатурой партии ничто не устоит. Вы – молодая девушка, и если вы не думаете о себе, о своем будущем, то мы беспокоимся о вас. Не упрямытесь, напишите все, что вы знаете. Поймите, мы хотим помочь вам.

Выслушав его, я сказала:

– Хорошо, я напишу.

После этих слов Омаржан молча вышел из комнаты. А я была удивлена тем, что после моих слов в его кабинете, заметно изменилась его позиция.

Несколько часов я просидела в комнате. Наступило время обеда. В комнату стали заходить мои подруги.

– Турнису заставили писать объяснительную по поводу организации. Ты не видела ее? Она не приходила сюда? – интересовались они наперебой.

Сама Турниса появилась лишь к вечеру. Мне показалось, что она находилась в сомнении.

После ужина пришла Сажида. В 1962 году мы с Сажидой около года лежали в одной больнице. Это было связано с болезнью печени, которой заболели мы оба. Несмотря на то, что мы тесно общались в течении года, она была скрытной, и при разговорах была крайне осторожной. Тем не менее, я знала, что мы близки по духу. Сажида была активной, энергичной девушкой. А я – напротив, имела спокойный характер. Может быть поэтому, мы как бы дополняли друг друга. О новостях организации Сажида знала через Халиму.

– Я переживаю за тебя. Сегодня меня тоже обязали написать объяснительную. А как же ты? Написала? – спросила Сажида.

– Я ничего не писала. Я поняла, что они все равно не оставят меня в покое. Могут исключить из института, а могут и отправить в деревню в ссылку. В любом случае, я готова ко всему!

Сажидда подбежала ко мне, и обнимая, вся в слезах, промолвила:

– Суюнгуль, я тебя не оставляю. Всегда буду рядом!

Я поняла, что Сажидда – настоящая, верная подруга. От осознания этого, я почувствовала себя счастливым человеком.

Следом пришел Аблиз. Он рассказал, что написал объяснительную, уточнив, какие вопросы ему задавались, и как он на них отвечал. В конце своего рассказа он посоветовал мне написать в таком же ключе.

Я молчала, а Аблиз добавил:

– Вчера видел, как они уводили тебя. Что, ходили домой.

Я рассказала все, что произошло вчера, и показав ему спрятанный флаг, гордо сказала:

– Этот флаг я сохранию. В тот день, когда мы добьемся намеченной цели, он будет известен всему миру.

– Дай Аллах увидеть этот день! Если мы не доживем, то наши дети доживут! Кстати, ты мне говорила, что еще два месяца назад сожгла флаг. Почему ты соврала?

– Сказать честно – я никому не верила. Даже тебе. Ведь кто-то предал нас?!

– Неужели и мне ты не верила?

– Иногда бывают моменты, когда человек не верит даже самому себе.

21 АПРЕЛЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вчера вечером наведася сотрудник Управления общественной безопасности – Турди.

– Завтра, в воскресенье, ты не должна отлучаться в город. Теперь, без разрешения парткома, ты ограничена в передвижении.

– Но завтра у меня дежурство. Что, и в больницу нельзя?

– Нет, в больницу, в столовую идти можно. Нельзя в другие места. Это решение администрации, ты должна придерживаться его, – произнес он зло.

Шамшижамал, присутствовавшая при разговоре, расплакалась.

Я старалась успокоить ее, хотя у меня у сомой было на душе очень скверно.

На дежурстве я с тоской смотрела в окно, на солнце, птиц, свободно летающих куда хотят, людей, спешащих по своим делам. Я чувствовала, что происходят какие-то изменения, и я уже не увижу того, что видела до сегодняшнего дня.

Мои мысли перебила вбежавшая Шамшижамал:

– Как ты? Чем занимаешься? Заметила, как машина остановилась возле вашего подъезда, и страшно испугалась! Забыв обо всем, побежала к тебе! Слава Аллаху, все спокойно!

Шамшижамал вскоре ушла. На дежурство должна была заступить Турниса. А в ней были большие перемены. Она старалась избегать меня. А если и видела, то пыталась сделать вид, что не замечает. А ведь она была одной из моих ближайших подруг...

22 АПРЕЛЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК

В обед я зашла в комнату общежития. Шамшижамал была одна.

– Что, остальные еще не вернулись с обеда?

– Сегодня Нурнису Рози, Нурнису Юсуп и еще нескольких активисток пригласили в ректорат на совещание. Я спросила об этом у Турнисы, но она молчит.

Переживаю, что что-то ужасное может произойти. Знаешь, всю ночь у меня нехорошее предчувствие, оттого и не спала – произнесла Шамшижамал, и было видно, как в ее глазах заблестели слезы.

– Не переживай ты так. Все пройдет! – горько улыбнулась я.

С того времени, как нас стали подозревать в членстве в подпольной организации, я не ходила обедать в столовую. Девчонки сами посоветовали мне не мозолить лишний раз глаза начальству, и приносили еду в комнату. Сегодня, пообедав, и видя, что настроение у подруг неважное, я решила хоть чем-то занять себя, и принялась наводить в комнате порядок. Перемыла всю посуду, подмела пол.

Выходя в душевую, я заметила, что на балконе, недалеко от нашей комнаты, стоит Нурниса Рози. Она продолжала там стоять довольно долго, и когда я, завершив уборку, взяла медицинский халат, чтобы вернуться в больницу, она подбежала ко мне и в упор спросила:

– Ты куда?

– На занятия.

– Тебе велено никуда не отлучаться.

После этих слов я поняла, что, скорее всего, сегодня за мной придут. Молча я вернулась в свою комнату.

В комнате были Шамшижамал и Турниса.

– Наверное, сегодня меня арестуют, – сказала я.

Турниса молча легла на кровать. Я принялась складывать необходимые вещи. Шамшижамал никак не отреагировала, в то время как Турниса неотступно следила взглядом за моими действиями.

Не успела я собрать вещи, как в комнату вошли Гопур Рахим, Нусрат, Гозжан, Хайип, Омаржан, Нурниса Рози, два знакомых студента-китайца, и еще несколько незнакомых китайцев.

Гопур Рахим, бросив на меня взгляд, произнес:

– Начиная с сегодняшнего дня, вы находитесь в состоянии режимного наблюдения. Поясняем, что к вам приставлены Нурниса Рози, Нурниса Юсуп, и эти две девушки. Он указал на двух китайенок, вошедших последними. Вы не имеете право передвигаться одна. Все ваши перемещения должны осуществляться только в сопровождении прикрепленных лиц. Еду вам также будут приносить они. Вам понятно?

Немного помолчав, он продолжил:

– Сейчас мы проведем обыск в вашей комнате. Это решение Управления общественной безопасности. Никакие возражения не принимаются, так как вы не сдали все материалы, касающиеся организации. Вам надлежит на время обыска перейти в комнату студентов-китайенок.

– Хорошо, – сказала я и последовала за сопровождавшими меня Нурнисой Рози и двумя китайнками.

Едва мы вошли в комнату, как они тут же закрыли окна и задвинули шторы.

– Откройте окна! – воскликнула я, и подбежав к ним, сама распахнула настежь.

Все трое сопровождающих бросились за мной.

– Окна открывать нельзя! – заорали они в один голос.

– Я пока еще не в тюрьме. Когда меня арестуют, тогда я и буду молчать! – возразила я, и прислонилась спиной к подоконнику открытого окна. Дело было в том, что я не любила, когда днем было темно. Даже находясь дома, я старалась открывать шторы, чтобы свет пробивался в комнату. Даже ночью. Кроме того, комната китайенок была наполнена неприятным запахом, так как там было неубрано.

Обе студентки-китайнки подбежали ко мне и встали по обе стороны. Нурниса Рози выбежав, моментально привела Нусрата.

– Ты не имеешь права выражать недовольство и оказывать сопротивление! Немедленно отойди от окна! – вскричал он, пытаясь оттащить меня от подоконника.

– Не прикасайся ко мне! Я, пока еще, не арестованная! Ты не имеешь права применять силу! – ответила я, и повернувшись, вцепившись за подоконник, взглянула на улицу.

Нусрат отступил, однако, следом за ним вошел сотрудник Управления и громко спросил:

– Где программа организации и другие материалы?

– Их нет. Я их сожгла два месяца назад!

– Врешь! Ты их не сожгла. Где ты была в обед 18 апреля?

– В лаборатории отделения внутренних болезней, – ответила я, стараясь быть как можно спокойней.

– Опять врешь! Мы понимаем, что среди них ты самая хитрая, самая шустрая! Однако нас тебе не удастся обмануть!

Стараясь быть хладнокровной, я повторила:

– Я говорю правду. Я сожгла все два месяца назад. 18 числа я была в лаборатории. Если не верите, то проверьте по записям.

Еще немного поворчав, сотрудник управления вышел .

Уже было семь часов вечера. Завершив обыск, Гопур Рахим, ничего не обнаружив, строго произнес:

– Пока оставайся здесь. Вскоре тебе подготовят другую комнату, и ты переселишься туда.

Буквально через несколько минут он вернулся и добавил:

– Переходите в комнату Нурниси Юсуп!

После ужина, нашу группу и группу, где училась Сажида, собрали в зале заседаний администрации института. Они заседали там до 11 часов вечера. Вместе с

ними вернулась Нурниса Юсуп, которая принесла мне ужин. Однако мне есть не хотелось совсем.

– Ты почему не ешь? – спросила Нурниса Юсуп.

– Не хочу. Если есть, я бы выпила чая.

– Хорошо, я принесу чаю.

Нурниса Юсуп вышла, и буквально следом вошла Хурниса.

– Суюнгуль, почему ты так поступаешь? Почему не думаешь о будущем? Подумай, хотя бы, о родителях! Ведь ты лишаешься будущего! – зашептала она.

Я чувствовала, что она говорит искренне, от всего сердца. Тем не менее, я старалась не выдавать своих чувств, и улыбнувшись, произнесла:

– Хурниса, я нисколько не жалею, что лишаюсь будущего за будущее народа, лишаюсь свободы за свободу народа. Потому что если я хоть что-то могу сделать для народа, я уже буду чувствовать себя счастливой. Я и сейчас не чувствую себя несчастной. Единственное, о чем я жалею, что не смогу стать настоящим врачом. Но зато я прохожу жизненные университеты, я вижу много людей, я чувствую и зло и добро, и я уверена, что все трудности все-равно минуют. Если на то будет воля Аллаха, я вернусь. Пойми, что я в этой жизни хочу хоть что-то сделать на благо народа. К сожалению, я мало что успела, фактически, ничего. Однако даже если нас и арестуют, это будет хоть маленьким, но толчком к независимости нашего народа. Это поймут, и я думаю, простят мои родители, ведь, кроме меня, у них есть еще дети.

– Суюнгуль, я поражена твоими словами! Знай, что я верю в тебя, в твою стойкость. Ты преодолеешь все невзгоды! Знай также, что я – твоя верная подруга!

– Я тоже верю в тебя, – произнесла я.

Переполненные чувствами, мы обнялись.

Немного успокоившись, я спросила у Хурнисы, о чем был доклад на совещании. Кроме того, мне было интересно узнать, кого, кроме меня, взяли под надзор.

– В основном докладе больше говорили о вас. Отметили, что вы создали реакционную организацию, которая действовала против идей партии, социализма. Поэтому, всех лидеров организации, в том числе тебя, Ахмада Тохти, Аблиза, Савридина, Сажиду, взяли под надзор.

– А Аблекима не назвали?

– Нет.

По отношению к Аблекиму у меня были двойственные чувства. С одной стороны, я была рада, что его не взяли под режим. Ведь он был слабовольным, вечно всего боялся. Однако, с другой стороны, он был одним из четырех учредителей организации. И то, что он единственный не попал под контроль, было несколько странным... Тем не менее, я не подозревала его ни в чем. Напротив, я больше была рада тому, что им не заинтересовались люди из Управления.

В этот момент принесли кипяток. Сделав несколько глотков чая, я отодвинула чашку. Мне, почему-то, расхотелось пить.

Видя это, Нурниса Юсуп вскипела:

– Из-за этих нескольких глотков ты заставила оббегать несколько корпусов в поисках кипятка?!

– Не горячись, – ответила я, и вынуждено допила чай.

Мы уже готовились ко сну, когда в комнату вошли Гопур Рахим, Гозжан, Омаржан, Нусрат, Хайип и еще несколько человек.

– Мы подготовили вам другую комнату. На первом этаже. Переселяйтесь немедленно! – приказал Гопур Рахим.

Собрав свои матрацы, мы последовали на первый этаж общежития.

Как оказалось, наша комната была крайней по коридору. Она находилась напротив женского туалета. Окно в комнате было заклеено старыми газетами. В комнате было две двухъярусные кровати, и одна одиночная. Кроме того, в комнате имелось четыре стула. На двух спальных кроватях разместились четверо сопровождающих, на одиночной легла я. Было уже около часа ночи, а приставленные ко мне девушки еще не собирались спать.

– Вы почему не ложитесь? – спросила я удивленно.

– Спи! – ответила Нурниса Рози.

При этом, у моего изголовья она поставила стул. Второй стул оказался у моих ног.

– Сегодня будем дежурить мы с Пан Зи, а днем, вы с Жин Зийи, – добавила она, обращаясь к Нурнисе Юсуп.

Услышав это, я рассмеялась.

– Что такое? Почему ты смеешься?

– Я смеюсь над вашей глупостью! Двое дежурных для меня мало. Необходимо, чтобы вы все вчетвером караулили меня!

Нурниса Рози разозлилась.

– Это не твое дело. Мы действуем согласно приказа свыше.

– Если вы занимаетесь моим делом, почему же я не могу касаться ваших дел? Гасите свет!

– Приказано свет не выключать. Прикрой чем-нибудь глаза и спи, – произнесла Нурниса Рози.

Это было нелегко. При электрическом свете я не могла уснуть. Когда накрывалась с головой одеялом, мне было трудно дышать. Тем не менее, я попыталась уснуть.

Через какое-то время, по голосу я определила, что в комнату заглянул Гозжан.

– Ну что, уснула? – спросил он.

– Да, спит.

– Не сводите с нее глаз. Как бы ночью чего не натворила. Сами не спите! Выспитесь днем. В случае чего – звоните. В седьмой комнате установлен телефон. Я буду в административном корпусе.

Он продиктовал номер телефона и прикрыл дверь.

Прослушав инструкцию, сопровождавшие меня зашушукались, и я поняла, что одна из девушек села на стул, стоявший у моей головы, а другая расположилась на стуле в ногах. Две другие легли спать.

23 АПРЕЛЯ

Утром, проснувшись и умывшись, я сорвала газеты с окна и распахнула его настежь.

– Ты что это себе позволяешь? Окно заклеено по решению парткома! – произнесла Нурниси Рози и попыталась закрыть его.

– Не закрывай! – возмутилась я. – Если хочешь, иди, сообщи в партком.

Нурниси Рози вышла из комнаты. Возможно, она ходила в партком, а может и нет. Во всяком случае, после этого, конфликт с окном прекратился.

После завтрака, следовательно по особым делам Управления общественной безопасности Али Юсуп, провел довольно долгий допрос.

После обеда, меня уже допрашивали работники, отвечающие за безопасность в институте.

Иногда на допросах присутствовали большие начальники.

Ежедневно, к институту подъезжали автомобили, принадлежавшие Управлению. К расследованию привлекалось руководство института. Мы были поражены

тем, что наше, как нам казалось, незначительное дело, породило такой ажиотаж.

Из-за нас четверых, столько людей встревожено, во всех корпусах установлены военизированные посты, все находится в тревожном ожидании чего-то ужасного.

Таким образом прошла неделя. Помимо трех-четырех ежедневных допросов, продолжали требовать письменного объяснения. Писать было не о чем, и если я, за целый день, исписывала одну страницу, это уже было большим достижением.

Неизменно, объясняя свои действия, я подчеркивала, что требование независимости не является преступлением. При этом я ссылалась на работы Мао Цзедунa, Ленина, Сталина, в которых поддерживалась борьба за национальную независимость. В конце своих записей, я постоянно подчеркивала, что мы ни в чем не виноваты!

Они же упорно навязывали нам мысль, что наши действия контрреволюционны, и что мы преступники.

В таких спорах прошла целая неделя.

29 АПРЕЛЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня в институте необычное оживление. Автомобили Управления приезжали не менее семи-восемью раз.

Все руководство и активисты, в том числе Гопур Рахим, Гозжан, Омаржан, Турди, Нусрат, Хайип и другие, всего 20-30 человек, были чем-то озабочены и подчеркнуто деловиты. До обеда не было и допросов. Проходя мимо моей комнаты, они неизменно прикрывали окно. Я же, в свою очередь, вновь от-

кривала его. Я понимала, что намечается какое-то событие.

До самого обеда я не отходила от окна. Мне было странно видеть суетливость Нусрата и Хайипа. Они бегали туда-сюда, словно бы вся деятельность института зависела только от них. А ведь они были наиболее явными осведомителями, докладывающими все, что происходит в студенческой среде, непосредственно в партком. Для целой группы активистов эта их деятельность приносила удовлетворение, непонятное для нас.

После обеда, уже по привычке, я решила немного прилечь. Я уже было задремала, но услышав знакомый шум двигателя, встала и прильнула к окну. Действительно, я не ошиблась. К нашему общежитию приближались две черных машины.

– По моему, приехали за нами! – промолвила я.

– Свои предположения оставь при себе! – резко отреагировала Нурниси Рози.

Не обращая внимания на ее слова, я сказала:

– Мне надо в туалет.

– Здесь, в коридоре, или пойдем во двор?

Разумеется, мне хотелось увидеть происходящее во дворе. Поэтому, я молча пошла из общежития. Но я заметила, что уже в коридоре было какое-то необычное оживление.

Мне подумалось о том, что это последние мои минуты на свободе. Мои мысли прервал вопль Нурнисы Юсуп, которая преградила нам дорогу, не давая разрешения выходить во двор. Мне показалось, что в этот момент она возобнила себя главным надзирателем, так как держалась исключительно уверенно и властно.

Мы повернулись и приблизились к лестнице, ведущей на второй этаж. Я мельком взглянула в окно, и

увидела, как обе большие черные машины остановились возле нашего общежития. Студенты, смотревшие в окно, при виде меня, стояли как ошарашенные. Мне опять подумалось, что это последние мои минуты на свободе, что я последний раз поднимаюсь по этой лестнице.

Я буквально вбежала на второй этаж. Нурниса Рози, не успевая за мной, пыталась криком остановить меня. Она была тучная, крупная, и потому, пока она поднималась по лестнице, я уже свернула за угол коридора.

Возвращаясь, я вновь посмотрела в окно. Одна машина стояла на месте, а другой уже не было. Я подумала, что, вероятно, моих товарищей они уже забрали, оставив вторую машину для меня.

Вернувшись в комнату, я вынула из кармана халата ключ и, за ненадобностью, передала его Нурнисе Рози. Она молча взяла ключ. Я, тем временем, собрала в сумку необходимые мне вещи. В кармане у меня было 12 юаней и талон на два метра ткани. Все это я также передала Нурнисе Рози.

– Передай Халиме, – сказала я. – Пусть Халима отдаст все это моим родным. Да постарайтесь не огорчать их сверх меры.

– Не переживай! – чуть ли ни в один голос ответили Нурниса Юсуп и Нурниса Рози.

Собрав личные вещи, я хотела было свернуть матрац.

– Подожди. Постель пока не собирай! – произнесла Нурниса Юсуп. – Я сейчас узнаю!

Она вышла в коридор, но почти тот же час вернулась.

– Они уже здесь! – произнесла она.

В коридоре слышались шаги, по меньшей мере, пятидесяти человек. Отставив матрац, я взглянула на дверь. В комнату все входили и входили люди. Те, кто

не поместился, толпились в коридоре. Лица у всех были нахмурены и суровы.

Меня поразило, что взгляд моих сокурсников – Нусрата и Хайипа, был еще более суровей, чем взгляды сотрудников Управления. Казалось, что они были готовы наброситься на меня. Мне же было совершенно ясно, что они хотели использовать ситуацию себе во благо. То есть, они хотели «показать» себя перед начальством, и выторговать себе «теплое» местечко.

Я была готова к тому, что меня могут арестовать. Поэтому, я старалась держаться спокойно и с достоинством. Я чувствовала, что, как бы то ни было, я выше всех этих людей, пусть и обличенных властью. Я встретила всю эту толпу с гордо поднятой головой.

Тем временем, начальник службы безопасности института зачитал постановление Управления о моем аресте. Его суть заключалась в том, что вследствие не признания своей вины, я подвергалась аресту.

– Вам понятна суть обвинения? – спросил Турди. – Или, может быть, нужен перевод?

– Нет, мне все понятно.

Тем временем Нурниса Рози успела собрать все мои вещи.

– В таком случае, поставьте свою подпись здесь.

Взяв документ, я положила его на стол. Затем, арабской вязью написала свое имя. Ниже подписалась по-китайски, а затем еще и по-русски.

– Вы что натворили? – возмутился Турди, взяв бумагу.

– Я хотела, чтобы было понятно всем. – Ответила я, улыбаясь.

– Ну что ж, если так, то берите свои вещи! – закричал Турди, еле сдерживаясь.

Пока я брала матрац, кто-то из присутствующих начал выносить мои вещи.

– Где мое черное полупальто? – возмутилась я. – Принесите его!

– Оно осталось в твоей старой комнате. Сейчас его невозможно взять, так как дверь заперта, а все студенты на собрании, – ответила Нурниси Рози.

– Где бы оно не было, я его заберу с собой!

Четверо сопровождавших меня девушек бросились в разные стороны, и вскоре принесли мое полупальто.

Надев полупальто, застегнувшись на все пуговицы, я расправила складки, и лишь после этого, вышла из комнаты. Следом за мной двинулась и вся толпа. У дверей толпились и активисты из группы Сажиды. Было ясно, что во время нашего ареста присутствовали чуть ли не все студенты.

На всем протяжении следования были размещены сопровождающие. Они находились по всему коридору, на лестнице, у дверей, на дороге, на перекрестке, у клуба, наконец, у ворот. Вместе с тем, было и много студентов, сочувствовавших нам. Меня, например, они приветствовали, кто взглядом, а кто и словом. Это сочувствие и поддержка сокурсников придавали мне силы. В свою очередь, я попрощалась с ними взглядом. Заметив слезы на глазах многих, я благодарно улыбалась им.

Когда я уже подходила к машине, подъехала легковушка.

– Ну что, завершили? – спросил Анвар Жакулин, выходя из нее.

– Да, это последняя! – ответил Турди.

Между ними состоялся какой-то разговор.

Тем временем, подойдя к машине, я оглядела стоявших повсюду студентов. Все ждали, пока эти двое не завершат разговор. Наконец, громко, чтобы слышала и я, раздался голос:

– Сейчас все соберитесь в клубе. Анвар Жакулин проведет с вами разъяснительную беседу.

Между тем Турди подошел к большой машине, и открыв дверцу, произнес:

– Садитесь!

Я села в машину. Следом там же разместился и Турди. Нурниса Юсуп, просунув голову в окно автомобиля, пыталась внушать мне идеи марксизма -ленинизма. Турди закрыл дверцу, и машина тронулась.

Это были мои последние минуты пребывания в институте.

Сквозь окно автомобиля я смотрела на мелькавшие улицы. Турди вдруг спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Я? словно бы перехожу из одного института в другой.

– Какой такой второй институт?

– Жизненный!

– Вы какая-то странная. У вас есть парень?

– Нет!

– Вам все это нужно!? – вдруг как-то мягче произнес Турди. – Встречались бы с хорошим человеком, устроили свою жизнь. А сейчас что натворили?

Он повернулся к шоферу и уже обратился к нему:

– Езжай потише, а то еще нарвемся на них!

Шофер был пожилым китайцем. По его виду можно было понять, что он родился и вырос в Восточном Туркестане. Машинное зеркальце, расположенное перед лобовым стеклом он подправил таким образом, чтобы видеть меня. Я поняла, что он, с одной стороны, поражен моим спокойным поведением, а с другой, всем своим видом выражал сочувствие...

ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ 30 АПРЕЛЯ

На рассвете, дежурные принесли воду для умывания. Практически следом, дали завтрак. Он состоял из «травяного супа» и куска горького кукурузного хлеба. И то, и другое невозможно было есть. Однако я сразу же внушила себе, что питаться надо. Суп я глотала словно лекарство, зажмутив глаза.

В камере холодно. Надев полупальто, я кое-как убралась, и затем, с ногами взобралась на нары. В этот момент послышался стук в стенку.

– Вы кто? – услышала я мужской голос.

Я засомневалась, отвечать ли ему.

Между тем, человек за стеной спросил:

– Вы Суюнгуль?

– Откуда вы меня знаете? – удивилась я.

– Если вы дочь Салиха-абзи, то я вас знаю.

– Да, я его дочь.

– За что вы здесь?

– Меня обвинили в том, что в Медицинском институте я создала подпольную организацию. А вы кто?

– Меня зовут Мавкан.

– А вы за что сидите.

– Меня обвиняют в связях с Советским Союзом.

Мавкан-ага был нашим учителем в школе. Впоследствии он работал в Управлении просвещения. Он-коренной урумчиец, по национальности казах.

Я прильнула к стене, и слушала Мавкан-ага, делая вид, что читала газету. А он рассказывал мне тонкости тюремной жизни.

– В первой камере сидят уйгур и китаец. Им нельзя открываться, потому что их мы хорошо не знаем.

Вы в камере номер три. Я в пятой. В седьмой камере сидит генеральный секретарь кульджинской ассоциации советских граждан – уйгур Ташмухаммад. Я не запомнил имени того, кто сидит в девятой камере. В камерах напротив, ситуация такая. Во второй – переводчица советского консульства в Кульдже, татарка Сафида. В камере номер четыре – председатель ассоциации советских граждан – киргиз Султан. В камере номер шесть – заместитель председателя ассоциации советских граждан – казах Зейнулла. В восьмой камере сидят восемь человек. Их обвиняют в различных преступлениях.

Послышался скрежет открываемой двери моей камеры. Вошел надзиратель, и строго спросил:

– С кем это ты болтаешь?

– Читаю газету.

– Читай про себя!

– Хорошо, но тишина навевает тоску, поэтому я читала в голос.

– Это тебе не санаторий, это тюрьма! – прикрикнул надзиратель и удалился.

Через некоторое время вновь раздался стук Мавкана-ага.

– Вы лежите?

– Нет, сижу.

– Старайтесь не сидеть, а двигаться. И еще: все, что приносят, ешьте, пусть даже через силу. Надо питаться, иначе можете заболеть. А в тюрьме – это самое гиблое дело.

Настало время обеда. Принесли чашку кипятка и кусок пахнувшего мышами кукурузного хлеба. Помня наставления Мавкана-ага, я попыталась съесть этот хлеб, но не смогла. С тех пор, за все время пребывания в тюрьме, я не обедала.

Два часа после обеда я неизменно вышагивала по камере. Постучал Мавкан-ага:

– Сегодня в тюрьме – день допросов. Приехал Анвар Жакулин. Заключение отменили работы во дворе. Сегодня уже допрашивали тех двоих ребят, что были арестованы с вами. Сейчас допрашивают девушек. Возможно, что поведут на допрос и вас. Самое главное – ничего не бойтесь, и все отрицайте. Если признаетесь, это признание ляжет в основу вашего дела. Они вас будут пугать, но вы не называйте никаких имен. Вам могут угрожать оружием, но, повторяю, ничего не бойтесь.

Слова моего учителя вдохновляли меня, придавали мне силы. Тем не менее, я стала готовиться к предстоящему допросу, поправляя одежду, и приводя в порядок свои мысли.

Открылась дверь камеры, и двое вооруженных охранников по-китайски приказали мне выйти.

Они сопровождали меня через весь двор в комнату допросов. Я вошла, а охранники остались снаружи.

Оглядевшись, я увидела в глубине комнаты мягкое кресло, на котором, развалившись и опираясь на поручни, сидел Анвар Жакулин. Это был тучный человек. На крупном лице еле видны были щелочки глаз.

Слева, ближе к окну, за столиком, с ручкой в руках, перед стопкой каких-то бумаг, сидел Али Юсуп. Напротив находился следователь Аблиз Нияз. В углу комнаты находился стул, больше напоминавший собой пенек. Я поняла, что это место для осужденных. Молча пройдя туда, я села на этот пенек.

Присутствовавшие в комнате молча наблюдали за мной. Лишь после того, как я села, Анвар Жакулин начал допрос.

– Как тебя зовут?

- Суюнгуль.
- Национальность?
- Татарка.
- Откуда родом?
- Из Урумчи.
- Родители есть? Как их зовут?
- Есть. Отца зовут Салих Валиев.
- Ближайшие родственники? Кем тебе приходится

Заки Валиев?

– Да, родственники есть. Заки Валиев – старший брат моего отца.

- Чем он занимается?
- Работает в Управлении торговли в Шаньетине.
- За что ты попала сюда?
- Не знаю.
- Не знаешь?

Анвар Жакулин бросил на меня сверкающий взгляд. Его губы скривились, но он, сдерживаясь, продолжил:

– Не знаешь? Значит, мы тебя здесь держим без вины?! Хорошо, допустим, мы ошиблись. Зачем же вы создали реакционную организацию? Чем вы занимались? Кто входил в состав организации?

– Все, что мы делали, мы делали с мечтой о независимости. Стремление к независимости – обязанность и мечта любого человека. Кроме того, в мировой истории борьбу за независимость поддерживали Ленин, Сталин, Мао-Цзедун. Так почему же наше стремление к независимости вменяется нам как преступление?

– О чем ты говоришь? О какой независимости идет речь? Синьцзян – неотъемлемая часть Китая! Вы – контрреволюционеры, стремящиеся разрушить межнациональное единство. Вы – местные националисты! Ты вообще осознаешь, где ты находишься? Это тюрьма! Или ты думаешь своим упорством победить нас?

Или ты думаешь, что твои друзья придерживаются той же позиции, что и ты? Ошибаешься! Они все признали свою вину. Они просят прощения у партии, и ожидают снисхождения. И лишь ты не признаешь своей вины и упорствуешь. А ведь ты – враг народа, заслуживающий смерти! – закричал он.

– Кто настоящий враг народа, покажет будущее! – не выдержала я.

Анвар Жакулин преобразился. На этот раз он усмехнулся, и произнес:

– Что ж, если ты такая смелая, то испытай то, что заслужила. Мы думали, что ты по молодости ошибалась, надеялись, что ты исправишься!

Он повернулся, и приказал увести меня.

Не произнеся больше ни слова, я, в сопровождении вооруженных охранников, вернулась в свою камеру.

ПРАЗДНИК «КУРБАН ХЕЙТ» В ТЮРЬМЕ 4 МАЯ 1963 ГОДА

Сегодня “Курбан Хейт”. Об этом празднике напомнили уже дежурные по тюрьме, разносившие воду для умывания. Они тоже были заключенными, только китайцами.

– Сегодня ваш праздник, я поздравляю тебя! - сказал один из них. Немного помолчав, он добавил:

– Сегодня у вас будет праздничный обед – плов!

Умывшись, я стала перестукиваться с соседней камерой.

Почти сразу же Мавкан-ага ответил:

– Все поздравляют тебя с “Курван байрамом”!

В свою очередь, я тоже просила передать поздравления всем, кого я знаю.

Постепенно я стала привыкать к тюремным будням. В первые дни время тянулось долго. Затем, когда я составила своего рода расписание, все встало на свои места. После утренних процедур, я два часа ходила по камере. Причем, я представляла себе, что я хожу по знакомым мне местам. При этом, я считала шаги. Как минимум, мне надо было пройти три тысячи шагов. Затем приносили утреннюю еду. Потом – допросы. После обеда я старалась немного отдохнуть, но засыпала с трудом, так как вообще не привыкла спать днем. Да и темная камера навевала мне ассоциации с могилой.

В связи с тем, что сегодня праздник, по радио, на весь тюремный двор разливалась приятная музыка. Я вспомнила, как отмечала этот крупнейший праздник в прошлые годы. Еще когда я была маленькая, я с нетерпением ожидала наступления утра, когда отец, наряду со всеми мужчинами, пойдет на утренний намаз в нашу мечеть. Я радовалась тому, что была мусульманкой, мне нравилось, когда ранним утром улицы заполнялись спешащими в мечети людьми.

После утреннего, праздничного намаза, мужчины, не заходя в дома, стремились на кладбища, чтобы прочитать молитвы в память об ушедших родных.

На протяжении трех дней, не взирая на возраст, социальное положение, люди свободно ходили друг к другу в гости, и двери любого дома были открыты. Это был действительно всенародный праздник, так как все искренне поздравляли друг друга. Старшие давали подарки младшим, от чего дети радовались безгранично.

И вот теперь я вынуждена встречать “Курван байрам” в тюрьме. Конечно, мне было грустно. Но, вместе с тем, я осознавала, что и здесь есть друзья, что мы не одиночки. И потому, чувство праздника придавало мне силы, как воодушевляло меня и наличие верных друзей.

9 МАЯ 1963 ГОДА

Прошло десять дней со дня ареста. После первого допроса, последующих не последовало. На дверце полочки на стене, я соорудила что-то вроде календаря. Каждый день я отмечаю на нем дату. На свободе мы не ценим время, а здесь, каждая минута тянется словно месяц.

Стараюсь занять себя чем-нибудь, чтобы время прошло быстрее. Иногда в окошко удается увидеть работающих во дворе тюрьмы заключенных. Они строили какое-то здание. Стараюсь переговариваться через стену со своим учителем. Продолжаю выхаживать шаги по тесной камере. Как-то решила нарисовать на стене портрет девушки. Со временем, она словно бы превратилась в мою подругу. Я даже беседовала с ней. Однако, в один из дней, когда меня выводили по нужде, кто-то из охранников вошел в камеру и стер нарисованный мною портрет.

В два часа дня меня вызвали на допрос. В комнате для допросов я села на указанное мне место, и допрос начался.

- Вы подумали о деле? – спросил Али Юсуп.
- О каком?
- Как о каком? О вашем! – произнес он зло.
- Я промолчала, и Аблиз Нияз строго спросил:
- Вы знакомы с Анваром Жакулиным?
- Да, знакома.
- Вы его видели?
- Да! – удивленно ответила я.
- Где видели?
- В институте. Он приезжал много раз.
- С какой целью он приезжал в институт?

– Анвар Жакулин лечился в больнице при институте. Кроме того, он приезжал на институтские вечера вместе со своей супругой. Несколько раз он выступал с докладами перед студентами.

– Тридцатого апреля вас кто допрашивал?

– Анвар Жакулин.

– Почему же вы так грубо разговаривали с ним. Ведь он не простой человек. Он не приезжает на допросы кого бы там ни было! Он пришел, чтобы сделать вам внушение, поговорить с вами, а вы отвечали ему грубо и без всякого уважения. Судя по такому вашему поведению, за вами стоит какая-то сила, которая поддерживает и вдохновляет вас.

Немного помолчав, он продолжил:

– Кто руководитель вашей организации?

– У нас нет руководителя.

– Кто за вами стоит? Где они находятся?

– За нами никого нет!

– Говорите правду! Все ваши товарищи уже признались. Вам не удастся выкрутиться!

– Это правда, у нас нет руководителя. Если кто-то признался, значит, у него есть руководитель.

– Вы что – издеваетесь! У вас, что, разные руководители?! Вы что делаете из нас идиотов?! – не выдержав, вскричал Аблиз Нияз.

Было ясно, что им была поставлена задача добиться от меня наличие какой-то другой организации, или по крайней мере, каких-то людей, которые направляли нас.

Я еще раз твердо ответила, что нет никакой другой силы, как и нет среди нас руководителя.

– Не думайте, что все отрицая, вы избежите наказания! – закричал он.

– Избегу я наказания, не избегу, – я говорю все, как есть! А вы делайте что хотите!

Поняв, что ничего от меня не добьются, они, в очередной раз, изменили тактику. Вновь стали говорить о гуманности партии, и предлагали мне задуматься о своей судьбе.

Я стояла на своем. И вдруг они изменили тему разговора.

– В чем суть письма, которое вы написали Зие Самади?

Я была поражена этим вопросом. О письме Зие Самади мы договорились не упоминать ни в коем случае. Значит, действительно, среди нас есть предатель, если они знают о существовании этого письма. Тем не менее, я твердо сказала:

– Я не знаю ни о каком письме.

– Что вы за человек? Сами написали письмо, и сами же отвергаете факт его существования! Запомните, что таким упрямством вы лишь усугубите свое положение.

– Делайте что хотите, но я не знаю ни о каком письме.

– Если вы не знаете, то я вам напому. Сколько бы вы не скрывали, ваши товарищи рассказали о нем. Вы думаете, они что-то скрыли. Например, хотя вы и сожгли программу организации, Ахмад Тохти вновь написал ее. Хотите, я расскажу вам о том, что было написано в письме. Вы написали своему покровителю Зие Самади, чтобы он организовал вам помощь, в том числе и оружием. Не правда ли?

– Ничего такого я не помню, – произнесла я как можно спокойней.

– Не помните? А в случае нахождения оружия, как бы вы его вывезли?

– Я вообще не в курсе того, о чем вы говорите.

– Не в курсе? – вскричал Аблиз Нияз побагровев. – Это письмо писали три человека. И одна из них -это

вы! Двое других-Ахмад Тохти и Малика. Так как же вы не слышали о нем? Как же вы не понимаете, что вы лишь усложняете ситуацию? Ведь если вы упорствуете, ваши товарищи рассказали все. Мы же хотим помочь вам, хотим облегчить вашу участь. Ибо нам тяжело видеть, как вы губите свою молодую жизнь. А ведь мы знаем все. Мы даже знаем, что в случае, если Зия Самади получит ваше письмо, и решится помочь вам, то Ахмад Тохти должен был перейти границу, и посоветовавшись, должен был найти пути переправки этого оружия сюда. Ахмад Тохти в 1950-1951 годах уже бежал в Советский Союз, не правда ли? Разве он не говорил вам, что знает дорогу, и сумеет в два-три дня обернуться. Ну что, теперь вспомнили?

Я была поражена услышанным. Меня не покидала мысль о том, кто же так подробно сообщил им о наших предполагаемых действиях.

– Ну что, вспомнили? Перед фактами вы бессильны! Стараясь держаться спокойно, я ответила:

– Нет, этого я не помню. Возможно, при обсуждении этого вопроса меня не было.

– Что вы говорите? Разве было хоть одно заседание без вашего участия?

– Нет, я ни о чем таком не помню.

Оба следователя заговорили одновременно. Они теряли терпение, вновь говорили о том, что я коверкаю свою судьбу, пытались запугать меня.

– Что вы хотите от меня? – не выдержала и я. – Вся наша вина была в том, что мы мечтали о независимости. Больше у нас не было никаких целей. Вы же возвели эту мечту в принцип до такой степени, что мне даже странно!

Следователи посмотрели друг на друга, и Али Юсуп произнес:

— Так вы считаете, что не совершили никакого преступления? А ведь из-за того, что вы создали эту организацию, по всему городу проходят политзанятия, проверки политической надежности. Огромное преступление, совершенное вами, вы называете мечтой?! Даем вам последний шанс, чтобы честно рассказать обо всем!

Вернувшись в камеру, я состучалась со своим соседом по камере. Он вновь посоветовал мне ни в чем не признаваться, и главное, ничего не бояться.

18 МАЯ

После обеда меня перевели в камеру номер два, а Сафиду в мою. Здесь было посветлее. Я думаю, что основная причина моего перевода в другую камеру заключалась в том, чтобы прервать мое общение, пусть и через стенку, с моим учителем Мавканом-ага. Эта камера выходила во внутренний двор тюрьмы. Рядом со мной, в камере номер четыре находился заключенный по имени Султан. Это был спокойный, тихий человек. Впоследствии я узнала, что он умер в тюрьме.

На второй день после перехода в другую камеру, я заболела. Мое требование о вызове врача было удовлетворено. Через час врач появился в моей камере. Это был высокий худой китаец. Осмотрев меня, он сказал, что у меня проблемы с печенью. Сделал укол, и пообещал, что меня переведут на улучшенное питание. Он сообщил также, что мне необходимо пить выписанные им таблетки, и каждый день он будет делать по одному уколу. По его виду я поняла, что врач сам был заключенным.

Курс лечения продолжался пятнадцать дней. За это

время все заключенные нашего отсека всякий раз, когда меня выводили на прогулку, справлялись о моем здоровье, и проявляли заботу, которую они могли проявить в условиях, в которых находились.

22 МАЯ

Сегодня стало известно, что на 24 мая наконец-то разрешили свидание со мной маме, сестренке Закие, и Махфузе-апай – жене моего дяди. Об этом сообщил охранник, передав от них десять юаней и сложенное письмо. Прочитав его, я тут же написала ответ. Перед моими глазами предстала мама, которая все сделала для того, чтобы воспитать десять детей. Она занималась шитьем, вместе с отцом старалась дать всем нам знания.

Зажав в руке десять юаней, я почувствовала себя крайне неудобно, представив, с каким трудом они заработали эти деньги.

25 МАЯ

Сегодня меня опять вывели на допрос. Перед началом его я попросила, чтобы привезли мои вещи, так как уже больше месяца я была в одной одежде. Следовательно согласились, и я передала им ключ от сундука.

Допрос продолжался в течении двух часов. В ходе его послышался шум голосов заключенных, работавших во дворе тюрьмы. Они, по видимому, занимались высадкой цветов. Во всяком случае, наряду с перечислением названий различных цветов, я слышала и свое имя. Ведь вторая часть моего имени означает слово

«цветок». Мне стало приятно, и захотелось увидеть тех, кто говорил о цветах. К сожалению, вошли охранники и вывели меня в другую дверь.

Привезенные вещи и книги, после соответствующей проверки, заставили отнести на тюремный склад. Мне разрешили взять необходимые вещи, и вновь повели в камеру.

28 МАЯ

Прошел месяц со дня моего ареста. Я начала потихоньку осваиваться к тюремным условиям. На полученные от родителей деньги купила кое-какие необходимые предметы. Более-менее сдружилась с заключенными, занимавшимися обслуживанием. Теми, кто приносил еду, кто доставлял воду. Как-то, разговарившись с таким заключенным через дверное окошко камеры я увидела, как проносили манти. Их запах ни с чем нельзя спутать. На мой удивленный вопрос, он ответил, что в тюрьме есть заключенные, которые заказывают еду на сумму, превышавшую среднюю зарплату.

Для меня было это тем более удивительно, так как девяносто процентов заключенных составляли представители местных национальностей. А надзиратели, повара, и весь обслуживающий персонал были китайцами. Правда, следователями опять же были не китайцы.

Как-то прошел сильный дождь. Он лил так интенсивно, что потоки воды просочились сквозь оконные рамы и намочили стены. Я перебралась в относительно сухой угол. Наутро, присмотревшись, я увидела, что дождь навел чистоту: там, где он прошел, стены вроде бы посветлели. Это меня натолкнуло на мысль,

что можно просто помыть стены, и они побелеют. Ежедневно, в течение нескольких дней, я использовала часть воды, которую приносили в камеру для различных нужд, для отмывки стен. В результате, стены камеры приняли светлый оттенок, словно бы их побелили. Кроме того, я вымыла все деревянные части оконца, а также настенные полки. В результате, моя камера преобразилась.

Как-то начальник тюрьмы с группой сопровождающих, совершали обход. Войдя в мою камеру, они поразились наведенной чистотой. Я им объяснила, что просто помыла стены. Они не поверили, и даже притронулись к ним.

– Она ведь врачиха, потому и любит чистоту! – попытался съязвить один из сопровождающих начальника тюрьмы.

В этот вечер, сидя в камере, я вдруг услышала голос Сажиды. Этот голос я не могла спутать, так как Сажиды пела. Вдруг, песню подхватил какой-то заключенный совсем рядом. Я прильнула к окну и мельком увидела Сажиду, которую уводили в другой корпус тюрьмы.

Человек, который поддержал Сажиду в ее пении, был мой учитель Махмут-абзи. Я это узнала позже. А еще позже я услышала, что Махмут-абзи тяжело заболел и умер в тюрьме.

10 ИЮНЯ

Сегодня вновь был допрос. Расспросив о тюремной жизни, Али Юсуп поинтересовался тем, подумала ли я о своем преступлении. Я отвечала, что мне не о чем думать, ибо я не чувствую за собой никакой вины. Напоследок, я задала им вопрос:

– Вот вы говорите, что Синьцзян – неотъемлемая часть Китая. Если так, то значит, история Синьцзяна написана неверно?

Али Юсуп недовольно ответил:

– Действительно, Синьцзян издревле был независимым государством, однако вождь мирового социализма Ленин говорил, что «при социализме объединение с крупными государствами – исключительно правильная вещь». Поэтому, вам лучше не думать об этом, а задуматься о своей судьбе.

– О своей судьбе я все знаю.

– Возможно, но все равно, не будьте такой самоуверенной. Вы, например, не задумались над тем, почему Аблеким не был арестован. А ведь вы лучше меня знаете, что он был одним из тех, кто создавал вашу организацию. Так почему его не арестовали? Да потому, что он сдал всех вас. А партия ему за это пошла навстречу. И даже походатайствовала, чтобы его не исключили из института. Неужели вы не догадывались?

– Нет! – честно призналась я.

Мне было больно из-за предательства Аблекима. Я верила ему, и не могла осознать, как это вообще возможно – предать своих друзей...

Я не могла прийти в себя от услышанного. Али Юсуп, тем временем, продолжил:

– Я уже много лет здесь следователь. Через меня прошло много людей. Но, чтобы создать политическую организацию, – так это впервые. Более того, вы с Саждидой – первые девушки, которые являются членами этой организации. Обычно во время допросов, подсудимые пытаются свалить всю вину на другого, обеляя себя. В вашем же случае, все наоборот. Вы берете всю вину на себя. И этим вы отличаетесь от других.

5 ИЮЛЯ

Шестьдесят восьмой день моего пребывания в тюрьме. Я уже начинаю привыкать, хотя к одиночеству привыкнуть невозможно. Я даже оказалась рада влетевшей в камеру мухе. Между тем она, словно бы почувствовав, что попала в тюрьму, вскоре улетела.

Тюремная жизнь – это жизнь звуков. То и дело в разных частях огромного здания слышны крики, восклицания, причитания, всхлипывания. Достаточно часто то из одной камеры, то из другой, слышны уйгурские национальные песни. Кульджинские напевы сменялись кашгарскими. Чтобы их заглушить, надзирателей не хватало. В такие вечера все свободные сотрудники тюрьмы бежали по направлению к поющей камере. Нередко, из одиночных камер слышались суры Священного Корана.

В тюрьме случались и драки. Нередко они заканчивались тем, что охрана выводила наиболее строптивых и непокорных и надевала на них кандалы. Не все из заключенных выдерживали эти цепи, и в такие дни громкие стоны слышались всю ночь.

За время пребывания в тюрьме, мне удалось дважды увидеть Сажиду и Аблиза. Оба раза мельком. Зато я знала, что они в этой же тюрьме. Правда, в последний раз, когда Аблиз работал во дворе, нам удалось перекинуться несколькими фразами. Расспросив о здоровье, мы старались подбодрить друг друга. Тогда Аблиз сказал, что, возможно, мы больше не увидимся, так как нас, наверняка, раскидают по разным лагерям.

Через несколько дней я услышала голос, похожий на голос Ахмада Тохти. Сквозь оконце я пыталась разгля-

деть людей, работавших во дворе, однако среди них его я не увидела. Но, услышав его имя, я пригляделась. У арыка, который собирались чистить заключенные, сидел старик. Это был Ахмад Тохти. Было ясно, что он тяжело болел, так как изменился до неузнаваемости.

8 ИЮЛЯ

Сегодня китаец, занимавшийся выводом заключенных на прогулку, сообщил мне, что меня переведут в камеру к Сажиде. Этот китаец был разговорчивым, и время от времени говорил мне о происходящих в тюрьме переменах.

Действительно, через несколько часов мне приказали взять свои вещи и повели в соседний корпус.

Войдя в камеру, я увидела, что она была рассчитана на четырех человек. Однако, пока в ней никого не было. Через несколько минут вошли две китайки, и следом за ними, Сажиде. Она была одета в зеленый плащ. На голове повязан платок. Вид у нее был удручающий. Ранее, знакомый китаец предупреждал меня, что Сажиде тяжело переносит тюремные будни. Сейчас я сама убедилась в этом.

Сначала Сажиде не узнала меня. Узнав же, она разрыдалась. Я пыталась ее успокоить, но это было не просто. Похудевшая, осунувшаяся Сажиде захлеб рассказывала мне о своей тюремной жизни. Сквозь слезы она говорила о том, что заболела, что несколько раз ей разрешили свидание с родственниками. Она пересказывала, говорила то о своем братишке, который уехал в Союз, то об отце, который бросил их. Но больше всего она рассказывала о матери, которая одна воспитала детей.

Я, как могла, пыталась подбодрить Сажиду. Говорила ей, что мы сами выбрали этот путь, и теперь не имеем права свернуть с него.

Кое-как успокоив Сажиду, я предложила ей попить чаю. На тюремный столик я выложила печенье, пряники, ватрушку, которые купила в лотке, имеющимся в тюрьме.

Мы долго сидели, вспоминая прошлое, мечтая о будущем, и когда я увидела, что Сажида окончательно успокоилась, сказала:

– Не переживай! Мы теперь будем вместе. Нам будет легче.

Немного помолчав, я добавила:

– Ты знаешь, что нас предал Аблеким?

– Да, я об этом узнала на допросе.

– Знаешь, Сажида, мне не страшно, что нас разоблачили и арестовали. Мне больно, что среди нас есть предатели...

Мне вдруг на память пришли стихи татарского поэта Габдуллы Токая. Я вполголоса стала читать их Сажиде.

9 ИЮЛЯ

Уже на следующее утро, к десяти часам за нами явился сам начальник тюрьмы вместе с конвоирами. Во дворе группа заключенных китайцев уже ожидали нас с вещами. Передав вещи им, мы сами направились в тюремную контору. Нас разъединили. Мною занимался Али Юсуп, а Сажидой Аблиз Нияз.

Пока нам объявляли приговор, наши вещи погрузили в крытую грузовую машину.

Али Юсуп зачитал документ, в котором провозглашалось, что мне присуждалось три года исправительных

работ в трудовом лагере. При этом, следовательно заявил, что за совершенное мною преступление полагалось не менее пятнадцати лет. Однако, учитывая многие смягчающие обстоятельства, а именно, положительные характеристики, авторитет родителей, то, что аресту мы подвергались впервые, было решено присудить лишь три года.

На мое возмущение суровостью приговора, Али Юсуп, вопреки здравому смыслу, напротив, пытался убедить меня в том, что этот не суровый приговор стал возможным в связи с его, Али Юсупа, участием в моей судьбе. Он добавил, что нас направят на трудовые работы на авторемонтный завод, и возможно, меня определят в медсанчасть этого предприятия, так как директором завода был Моллашев, который знал нашу семью.

Нас вывели во двор, и когда мы шли к воротам тюрьмы, мне захотелось, чтобы оставшиеся заключенные знали, по сколько лет нам присудили. Я шепнула об этом Сажиде, и она в знак согласия вытянула руку с двумя растопыренными пальцами. Соответственно, я показала три пальца. Мы надеялись, что Аблизу передадут этот наш сигнал, и он будет в курсе того, сколько лет нам присудили.

В сопровождении Али Юсупа, мы сели в большую тюремную машину. Нас привезли на завод, где мы должны были отбывать наказание.

Али Юсуп сделал на входе на предприятие отметку, и мы въехали на завод.

Народу на заводском дворе было много. Они с интересом наблюдали за нами. В связи с тем, что на этом предприятии работали заключенные, все было военизировано. К нам подошла беременная китаянка и приказала следовать за ней.

Прежде всего, мы прошли медицинский осмотр. Затем, в сопровождении двух китайнок, мы вошли во внутренний двор. Там, одна из сопровождавших нас женщин произнесла уйгурское имя Махинур.

Через несколько минут с правой стороны двора убежала женщина, одетая на китайский манер. Это и была Махинур. Она была ответственной за размещение новоприбывших. Поздоровавшись, она повела нас в левую часть заводского двора, где находились жилые бараки.

Не успев удивиться количеству внутренних дворов, мы попали в деревянное помещение, где исключительно по одну сторону располагались двуспальные железные кровати. Там несколько человек, словно поджидая нас, провели тщательный обыск. Именно в этот момент появился тот самый Моллашев, о котором упоминал Али Юсуп.

Узнав, по сколько лет нам присудили, он печально покачал головой.

– Не жалеете вы ни себя, ни своих близких. А ведь они страдают, наверное, больше чем вы.

Я промолчала, и Моллашев вышел. Тем временем раздался гудок, означавший, что настало время обеда. Следовательно, рабочие должны были возвращаться из цехов.

Первой появилась молодая девушка, по виду которой можно подумать, что она из села. Приведшая нас Махинур дала ей, а заодно и себе, моментальную характеристику.

– Это Зорам, дочь мясника Хушура из города Кумул. Ей присудили два года. Ну а я – солистка Ансамбля песни и пляски. Мне дали три года.

Вчетвером мы пообедали, а затем, Зорам с Махинур вновь ушли на работу, а нас оставили освоиться и не-

много отдохнуть. Однако уже через полчаса решение было изменено, и за нами послали.

Как и все, мы работали в цеху. Между тем, на заводе было несколько цехов, и в каждом работало по несколько сот человек. В тот день объектом всеобщего внимания были мы с Сажидой. Люди из других цехов сбегались, чтобы посмотреть на нас. Очень скоро мы поняли причину такого внимания. Дело было в том, что мы прибыли из тюрьмы Управления общественной безопасности, и не были просто уголовниками, как остальные. Мы проходили по политической статье.

После работы, приняв душ, мы вновь вчетвером направились на ужин. Во время ужина, веселая Зорам вдруг заговорила:

– Оказывается, вы шпионы. Нам все время говорили, что шпионы – страшные, ужасные, а вы такие симпатичные девчонки!

– Мы не шпионки, мы студентки. Нам приписали создание политической организации, – ответила Сажид. – А вас за что отправили сюда?

Зорам с каким-то, то ли сожалением, то ли печалью, рассказала о том, что она карманная воровка. Она рано сбилась с пути, примкнула к группе воров, и попалась, когда обокрала какого-то старика.

Услышав историю Зорам, нам непременно захотелось посаушать и Махинур.

История Махинур оказалась совершенно непохожей на то, что рассказала Зорам. Махинур была артисткой Ансамбля песни и пляски в Пекине. По ее словам, в голодный 1962 год, артисты ансамбля часто посещали посольство Пакистана. Во время многочисленных приемов, там всегда подавали различные экзотические закуски. Одна из коллег Махинур по имени Гули, познакомилась с сотрудниками посольства,

и часто, правда тайком, посещала его. В посольстве ее действительно подкармливали, и со временем, она познакомилась с сотрудниками этой дипломатической миссии и свою подругу Махинур. По словам Махинур, они посещали посольство исключительно чтобы не умереть с голоду. Разумеется, они боялись, что работники Управления общественной безопасности увидят, как они заходят в здание посольства, поэтому, часто въезжали туда, спрятавшись в дипломатической машине. Случалось и оставаться в здании посольства на ночь.

Как-то Гули, ничего не сказав Махинур, уехала из Пекина. Как позже выяснилось, она направилась в Кульджу. В связи с майскими событиями 1962 года, Гули, познакомившись с молодым татаринном, переехала в Советский Союз, мечтая обосноваться в Татарстане.

Махинур продолжала посещать пакистанское посольство, пока знакомая китаянка не предупредила ее о том, что ее могут арестовать.

Махинур немедленно взяла билет на поезд и направилась в Урумчи. Однако в Урумчи ее уже встречали. Вскоре ее осудили на три года и направили на работу на этот завод.

Услышав эту невероятную историю, мы с Саждой попытались хоть как-то подбодрить Махинур.

Тронутая таким вниманием, Махинур расплакалась. Не имея сил сдерживать эмоции, она лишь благодарила судьбу за то, что она свела ее с такими замечательными девушками, которые отныне станут ее неразлучными подругами.

АРЕСТ МОЛОДЫХ АБЛИЗА И ЗУНУНА 13 ИЮЛЯ 1963 ГОДА. СУББОТА

Работая на солнце, сегодня я почувствовала, как у меня обгорели руки и ноги.

Недалеко от цеха находилось специальное помещение, где можно было попить воды. Я направилась туда, рассчитывая заодно и протереть холодной водой обгоревшие на солнце руки. Не успела я набрать воды в кружку, как вошел какой-то парень и поздоровался. Я ответила на приветствие и уже хотела было уйти, но он остановил меня словами:

— Суюнгуль, не уходите. Меня зовут Турсун. Я вас заочно хорошо знаю. Я работал шофером. Так случилось, что мне пришлось продать десять баллонов для автомобиля. За это мне дали десять лет. В тюрьме я находился вместе с Аблизом. Он много говорил о вас. Там я и видел вас. Мы сказали Аблизу, где вы находитесь сейчас. Так что, он в курсе.

Мне захотелось поговорить с Турсуном, расспросить об Аблизе. Но в это время к нам направилась целая группа молодых людей. Я поспешила уйти, но, молодые люди очень вежливо и учтиво старались подбодрить меня. Я была приятно удивлена.

Однако вдруг послышался недовольный крик начальника цеха Хади-ака. Увидев нас, он возмущенно произнес:

— С сегодняшнего дня, вам Суюнгуль, и вашей подружке Сажиде воспрещается даже приходить сюда. Воду для питья мы будем доставлять на рабочее место. И вообще, вы должны сообщать о всех ваших передвижениях.

К моей радости, люди не особо придерживались этого указания. Мне с Сажидой то и дело подкладывали то

кусок мыла, то чистое полотенце, зубную пасту и другие мелочи. Хотя в тех условиях это не было мелочью.

Обгоревшие на солнце ноги и руки я показала заводскому врачу. Им оказался осужденный китаец. Интересно, что вместе со мной отправили и Сажиду, хотя она не чувствовала себя заболевшей. Мы это поняли так, что начальник цеха боялся оставлять нас среди остальных рабочих.

Врач выписал какую-то мазь, от которой жжение лишь усилилось. И в этот момент послышались возгласы о том, что прибыли врачи. Удивленные, мы собрались на заводском дворе. Появился даже директор Моллашев. С нетерпением мы смотрели на заводские ворота, где вдруг увидели молодых, семнадцатилетних Зунуна и Аблиза. Они были студентами младшего курса.

– Зачем вы здесь? – удивленно спросила я.

Молодые люди молчали, а Моллашев с ухмылкой произнес:

– Видать соскучились по вам!

Зунун и Аблиз направились в мужской барак, а мы остались стоять на месте.

14 ИЮЛЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Утром следующего дня нас окликнул Саяй-ака – один из немногих обитателей мужского барака. Дело в том, что основную часть заключенных мужчин уже второй месяц как вывезли на строительство канала. В бараке оставались лишь больные старики да подростки.

Саяй-ака обратился к нам с просьбой успокоить вчерашних молодых ребят – Зунуна и Аблиза.

– Всю ночь они проплакали, – жаловался нам Саяй-ака. – Я был не в силах успокоить их. Может быть, вам это удастся?

Мы с Сажидой направились в мужской барак. Действительно, Зунун и Аблиз были в расстроенных чувствах. Кое как успокоив их, мы стали расспрашивать о тех прегрешениях, из-за которых они попали сюда.

– Я нарисовал на доске в аудитории корову, шипящую сочную траву на лужайке. На корове я написал Мао Цзедун, а на лужайке слово Синьцзян. Эту мою шутку раздули до уголовного дела, и мне присудили два года исправительных работ, – рассказал Аблиз. – Дело в том, что после того, как вас арестовали, по всему институту прошла чистка. Даже сняли ректора института – Бавдуна и на его место назначили жену секретаря парткома Синьцзяна – Сайфудина Азии, – Айим Азизи. Стали придирались ко всем. Вот я попал под раздачу.

– Что касается меня, – вступил в разговор Зунун, то я из фотографии, на которой были изображены Хрущев и Мао Цзедун, вырезал Мао Цзедуна, а оставшееся фото Хрущева повесил на стену в своей комнате. За это, меня, как и Аблиза, три месяца подвергали всенародному осуждению, а затем присудив три года, направили сюда. Вы, наверное, знаете, что сейчас проводится кампания «уничтожь одного – воспитай тысячу». Вот мы и попали под эту кампанию.

Услышав это, нам стало жаль молодых ребят. Но еще больше мы, вместе с ними, переживали за их родителей. Тем не менее, стараясь не подавать вид, мы с Сажидой успокаивали Аблиза и Зунуна как могли.

17 ИЮЛЯ. СРЕДА (НЕ НАЙДЕННОЕ ПИСЬМО)

Обожженная на солнце нога все еще не заживала. Все труднее мне было передвигаться. Я вынуждена была отпроситься у Хади-ака, чтобы пойти к врачу. Он не отказал, но решил отправиться вместе с нами. С нами, то есть, неизменно, меня должна была сопровождать и Сажидида.

Проходя мимо одного из цехов, мы увидели, как Турсун со своим другом, приближались к нам. Турсун обратился к Хади-ака по какому-то вопросу, а его друг, немного приотстав, заговорил с Саджидой.

Неожиданно, беседа с Хади-ака, Турсун незаметно обронил какой-то сложенный листок. Сажидида, следовавшая за ними, моментально подняла и спрятала его. Через несколько минут Турсун попрощался с Хади-аккой, и ушел.

Врач, осмотревший мою ногу, на этот раз выписал более эффективное лекарство. Боль начала проходить.

Во время обеда, мы с Сажидой в укромном месте прочитали письмо, которое таким необычным способом передал нам Турсун. Это оказалась записка от Аблиза. Он сообщал, каким образом нам можно будет общаться. Для этого мы должны будем писать письма на адрес матери Турсуна – Зайнапхан. Затем уже она должна будет переслать письмо на адрес Аблиза. Мы были рады узнать, что у Аблиза все относительно хорошо. Наша первейшая забота теперь состояла в том, чтобы не потерять адрес. Сложив письмо, я спрятала его в свой чемодан.

После обеда мы приступили к работе. И вдруг, директор завода Моллашев вызвал меня к себе. Войдя в

контору, я увидела, помимо него, еще двоих человек. Без всяких предисловий, Моллашев потребовал от меня, чтобы я отдала ему письмо, полученное сегодня от Турсуна.

– Ни о каком письме я не знаю! – отвечала я. Между тем, про себя подумала о том, как быстро донесли до начальства о том, что произошло всего несколько часов назад.

– Если ты не сознаешься, то нам все расскажет Сажида! – пригрозил Моллашев.

Он тут же вызвал Сажиду, но и она молчала, выражая недоумение по поводу письма.

– Что ж, я вынужден буду сделать обыск, – промолвил директор, и распорядился немедленно следовать в барак.

Обыск проходил обстоятельный и тщательный. Двое сотрудников совершали сам обыск, а Моллашев находился рядом. Когда стали вытаскивать нижнее белье из шкафчика, Моллашеву стала неудобно и он вышел. Один из совершавших обыск людей принялся ощупывать постель. Нам стало страшно, что если он таким же тщательным образом будет проверять и чемоданы, то может обнаружить письмо.

И тут меня осенило. Когда он, проверив матрац, отодвинул его в сторону, я спросила:

– Можно сложить постель, ведь вы ее уже проверили?

Он утвердительно кивнул, и я, воспользовавшись тем, что они проверяли вещи Сажиды, подвинула чемодан, готовя его для проверки, и незаметно скомкав лежавшее в нем письмо, сунула его в складки проверенной постели.

Никто ничего не заметил, и таким образом, хотя обыск продолжался три часа, письмо не было обнаружено.

После этого случая, меня еще долго мучило то обстоятельство, что среди нас еще так много тех, кто без всякого зазрения совести, предает нас. Ведь о случае с письмом знали лишь считанные люди. И среди них оказался предатель.

20 ИЮЛЯ. СУББОТА. КОФТА ТУРНИСЫ

Сегодня в обеденный перерыв, в сопровождении сотрудницы охраны, к нам пришла девушка. Как оказалось, это была однокурсница Сажиды. Она даже не поздоровалась с нами. Она холодно объявила, что пришла, чтобы забрать книги, которые в свое время мы брали в институте. По ее словам, ее специально направили к нам, чтобы мы отдали все книги. Собрав все книги, как Сажидины, так и мои, она обратилась ко мне со следующими словами:

– С тобой в общежитии жила Турниса. Так она просила, чтобы ты отдала ее кофту.

Я была поражена этими словами. Тем не менее, стараясь не подавать вида, я ответила:

– Хорошо. Я и сама хотела ее отдать, но не знала как? Эта кофта попала ко мне случайно. Когда привозили мои вещи, случайно захватили и ее.

С этими словами я отдала кофту, и неожиданная посетительница удалилась.

Сажида пребывала в легком шоке.

– Мы учились с ней четыре года. Можно сказать, дружили. А сейчас она даже и не поздоровалась! Правильно говорил один писатель, что некоторые друзья признают дружбу, когда тебе хорошо. А когда у тебя проблемы, их и не сыщешь! – произнесла она.

– А знаешь как обидно мне? Ведь мы с Турнисой жили в одной комнате. Делились всем. И вот теперь, из-за какой-то старой кофты она присылает человека. Я бы так никогда не поступила!

Возвращаясь с обеда, я заметила сидевшего возле барака незнакомого мужчину. На удивление, он окликнул меня по имени. Я обернулась, и он произнес:

– Суюнгуль, вы не узнаете меня? Меня зовут Ибрай. Я сидел в восьмой камере по вашему коридору.

Я взгляделась в молодого человека. Ему было около тридцати лет. Всем своим видом он напоминал моего отца. Сходство было поразительным. И тут я вспомнила, что это был тот самый парень, который сел в тюрьму по глупости. Он выпил лишнего и сам потребовал, чтобы его арестовали. Сначала его не воспринимали всерьез, а затем, действительно, заключили в камеру.

Сейчас, он, думая, что я не могу его вспомнить, вновь, в подробностях, рассказал мне свою историю.

Подошла Сажид, и как выяснилось, они с Ибраем были земляками. Оба они были из города Чугучака.

Вечером произошла еще одна встреча. На этот раз меня остановил старик-кашгарец. Как выяснилось, он тоже сидел со мной в одной тюрьме. Он рассказал, что в первой камере он находился вместе с одним китайцем. Я расспросила старика-кашгарца, за что его осудили? Он рассказал невероятную историю. Оказывается, он приехал в Кульджу из Кашгара по просьбе дочери. Она даже выслала ему денег на дорогу. Однако, когда он приехал, дочь, вследствие майских событий 1962 года, уехала в Советский Союз. Бедного старика арестовали по подозрению, что он намеревался последовать примеру дочери. Год и два месяца его продержали в тюрьме, а теперь вот дали еще два года исправительных работ. И это всего лишь за предпола-

гаемое намерение, хотя даже самого этого намерения у старика не было.

– Находясь в тюрьме, я в голос читал Священный Коран. И даже сидевший со мной неверный китаец восхищался тем, как я читаю священные строки.

Я вспомнила, что я также неоднократно слышала в тюрьме, как кто-то вслух читал Коран.

28 ИЮЛЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Нас переселили в небольшой домик, находившийся рядом с котельной. Раньше мы жили в бараке, куда через два дня должны были вернуться мужчины, работавшие на строительстве канала.

Домик оказался маленьким, но уютным. Так получилось, что мы с Сажидой перешли в него в день, когда разрешалось свидание заключенных с родственниками.

К маленькому Аблизу приехала сестра Фатима. По ее словам, мои родственники много раз пытались добиться свидания, но им всякий раз отказывали. Обосновывали это тем, что мы – члены политической организации, и за нами находятся какие-то могущественные силы. Именно поэтому, к нам и приставили Хади-аку.

Эти слова вызывали лишь горькую улыбку, так как, если бы за нами были могущественные силы, мы не находились бы в таком положении.

Через два дня вернулось несколько сот заключенных, работавших на строительстве канала. Нам с Сажидой тем более ограничили передвижение. Однако, люди сами находили нас и выражали слова сочувствия и поддержки. Самое интересное, что приходили даже молодые парни-китайцы. Они были осуждены за то, что пытались бежать из Шанхая в Гонконг. И они тоже пытались хоть чем-то помочь нам.

ССЫЛКА В ШИЙГОБИ

4 августа 1963 года, в воскресенье, я проснулась от громких голосов, раздававшихся во дворе. Девчонки сладко спали, и я не стала их будить. Выглянув, я увидела большое скопление людей. Каждый занимался своим делом. Погода была прекрасная, и настроение, применительно к обстановке, было хорошим.

Мы пили утренний чай, когда постучался молодой Аблиз.

– Сегодня пришла сестра Фатима. Вот, угощайтесь! – произнес он, и положил на столик свежие лепешки и тарелку с виноградом.

Мы были несказанно рады, так как со времени ареста не ели настоящий, домашний хлеб.

Между тем, молодой Аблиз рассказал, что моей маме вновь не разрешили свидание. Кроме того, начальство запретило даже приходить к нам кому бы то ни было из соседних барачков.

Молодой Аблиз ушел, но вскоре появился вновь. На этот раз он принес еще более печальную весть. По его словам, сегодня нас должны были отправить в ссылку. Его направил к нам Хади-ака с тем, чтобы мы собирали вещи и собирались сами.

После этого известия, Махинур расплакалась. Зорам готова была последовать ее примеру. Сажида недоуменно и растерянно глядела на меня. Не придумав ничего лучшего, я молча стала собирать вещи.

В это время с двумя сопровождающими вошел Хади-ака.

– Принято решение направить вас в Шийгоби на перевоспитание трудом! – заявил он. Собирайте вещи. Машина тронется в десять часов.

Подошедшие мужчины-заключенные помогли донести наши вещи и матрацы до грузовой машины. Мы с Сажидой молча сели в нее. Махинур и Зорам медлили, плача и прощаясь. Желая хоть как-то успокоить их, я сказала:

– Девчонки, не переживайте вы так. Ведь Шийгоби это тоже наша земля. Там такие же люди, как и мы. Если нам выпало судьбой увидеть эти края, мы должны туда отправиться.

После этих слов все одобрительно зашушукались. Махинур и Зорам сели рядом с нами и грузовик тронулся в дальний путь.

Какое-то время мы ехали молча, а затем, один из находившихся в машине мужчин, спросил:

– А вас где арестовали?

Сажида хмуро ответила:

– В медицинском институте.

– А вы знаете парня-казаха, которого арестовали там же?

– А он что, в лагере в Шийгоби?

– Его еще в прошлом году туда направили на перевоспитание. Он пытался бежать, но его поймали. Сейчас он в урумчинской тюрьме «Людюван». Мы должны были забрать его, но затем приказ изменили, и мы приехали за вами. А он, этот парень, Камал-бек, будет отправлен позже.

– А вы кто? – неожиданно спросила Сажида.

– Меня зовут Барат. Я бригадир в лагере Шийгоби. А эти двое, – пытавшиеся бежать из лагеря заключенные. Ну а те, как вы понимаете, сопровождающие охранники.

Путь нам предстоял не близкий. Старой, разбитой дорогой мы добрались до местечка Вужачу. В основном там располагались китайцы из Бинтуана – Производственно-строительного корпуса.

Машина остановилась на центральной улице поселка. Только мы спрыгнули с кузова, как подошли несколько странно одетых китайца и из ручных насосов опрыскали машину какой-то жидкостью.

– Сейчас в пустыне свирепствует эпидемия. Они принимают против нее меры, – пояснил бригадир Барат.

Дальше дорога оказалась совсем никудышной. Населенные пункты появлялись все реже. Наконец мы прибыли на место. Перед нами располагался шийгобинский отряд по перевоспитанию трудом. Мы спустились с кузова машины. Постепенно все стали разбредаться по домишкам. В центре поселения остались только мы четверо. На земле лежали наши вещи, которые, правда, нам помогли спустить вниз сопровождавшие нас мужчины.

Жара набирала силу. Нам хотелось пить. Кроме жужжащих мух вокруг никого не было. Мы огляделись. Махинур вдруг увидела колодец и предложила набрать воды в пустую баклажку.

Мы уже хотели последовать ее предложению, как вдруг, словно из -под земли появилась заспанная китаянка. Она была одета в штаны и синего цвета рубашу навыпуск. Подойдя к нам, она по-китайски скомандовала:

– Берите свои вещи и следуйте за мной.

– Смотри ка командирша! – недовольно шепнула Зорам. Однако делать было нечего, и мы последовали за китаянкой.

Пройдя несколько десятков метров, мы приблизились к невысокому кирпичному строению. Однако, почему-то мы обошли его и направились прямо в поле. Мне показалось, что мы находимся в каком-то огороде, так как вокруг бурно произрастала низкая раститель-

ность, резко контрастирующая с окружающим пустынным пейзажем.

Пройдя еще какое-то расстояние, мы очутились возле настоящей землянки. Она была вырыта таким образом, что вход в нее фактически, был на уровне земли. С какой-то опаской мы вошли внутрь. Справа находился стол, на котором были остатки пищи. Моментально рой мух буквально налетел на нас. Отбиваясь от мух, мы огляделись. Это было помещение длинной около десяти метров. По обе стороны располагались деревянные нары. На некоторых можно было увидеть пучки соломы, на других не было и этого. Лежавшие на нарах женщины были полураздеты. Многие из них спали. В землянке было темно. При нашем появлении, на нарах зашевелились просыпающиеся женщины. Некоторые громко возмущались нашим появлением. Другие молча разглядывали нас. Лишь некоторые, спросонок говорили:

– Что, вновь прибывшие? Откуда? Ложись сюда, здесь есть место.

Мы с Сажидой расположились в самом углу землянки. Оставив вещи на деревянных нарах, мы вышли наружу.

Махинур и Зорам встретили знакомую китаянку из Кумула. Она показала им место возле себя.

Вчетвером мы присели возле старой, разрушенной глинобитной стены. Женщина, что привела нас сюда, подошла и сунула каждой малюсенькую кукурузную лепешку.

Мы попросили напиться, и хотели было уже направиться к колодцу, но она не разрешила.

– Вам нельзя! Я сама принесу попить! – жестко сказала китаянка, и вернувшись в землянку, принесла две грязные кружки.

– У нас есть своя посуда, – поспешно сказала я, и принесла баклажку Махинур и свою чашку.

Китайка, взяв с собой Сажиду и Зорам, прихватив ведро, направилась к колодцу.

Напившись холодной, вкусной воды, мы продолжали сидеть, прислонившись к старой глиняной стене. Вдруг мы увидели, как из соседней землянки вышла молодая, на вид, шестнадцати-семнадцати летняя девушка. Увидев ее, мы обрадовались тому, что здесь, оказывается, есть и уйгурки. Немного погодя появилась вторая, затем третья. Все девчонки были юны и красивы. Они с интересом посматривали в нашу сторону, но, не произнеся ни слова, вновь спускались в землянку.

Между тем, из кирпичного строения, которое мы обошли при приезде, направляясь к землянкам, появилась крупная, дородная женщина. Она взглянула на нас, но сделала вид, что не заметила.

Повернувшись в сторону нашей землянки, громко крикнула:

– Ма Шийон!

Почти мгновенно появилась та, которая встретила нас, которая сходила с нами за водой.

– Ма Шийон, буди! Время послеобеденного отдыха прошло. Жара спала. Пора на работу.

Женщина-бригадир скрылась, а Ма Шийон суетливо побежала по землянкам.

Из землянки, откуда выходили молоденькие девчонки, степенно вышла красивая, статная женщина. Ей было лет сорок.

Пройдя мимо нас, она направилась напрямик к кирпичному строению, и остановившись возле дверей комнаты, где проживала бригадирша, громко спросила:

– Новеньких брать на работу?

Из-за дверей, бригадирша ответила:

– Нет, сегодня пусть отдыхают!

Разговор шел о нас, но на нас даже не взглянули. Это вызвало возмущение Сажиды. Она сразу же невзлюбила красивую, статную женщину.

Между тем, Зорам, приглядевшись к ней, произнесла:

– Я ее знаю. Это артистка Ансамбля песни и пляски из города Кумул. Ее зовут Алтунхан. Может быть вы слышали о знаменитой артистке Айнисе? Она еще выступала перед Чан Кайши, ездила с гастролями в Шанхай и Тяньцзинь. Так вот, Алтунхан была в составе ее ансамбля.

– Как же сюда попала эта известная артистка? – недоуменно спросила я.

– Вы слышали о Сеит-батуре? – продолжала Зорам. В Кумуле он известная личность. Он прославился тем, что создал организацию, которая противостояла партии. Она еще известна как «Организация Сеита». Так вот, после того, как ее раскрыли, многих в Кумуле арестовали. Алтунхан была близка с Сеитом. Скорее всего, по подозрению в членстве в запрещенной организации, ее и арестовали.

– Так она была членом организации?

– Нет, просто она была подружкой Сеит-батера. Так я слышала, находясь еще в Кумуле.

– А она не замужем? – спросила Махинур.

– Муж то у нее был. Были и дети. Но, сейчас, они все отказались от нее.

– А ты не знаешь, организация была большая? Ну, сколько человек арестовали? – поинтересовалась Сажиды.

– Я слышала, что арестовали многих. Значит, организация была многочисленной. Самого Сеит-батера в кандалах увезли в Урумчи.

В этот момент раскрылась дверь в кирпичном строении, и бригадирша строго прикрикнула:

– Вновь прибывшие, идите сюда!

Мы послушно направились к ней. Войдя в комнату, мы поняли, что одновременно с жильем, здесь находилась и контора исправительного отряда.

В комнате был стол, пара стульев. Мы столпились у стола. Женщина-бригадирша заговорила:

– Меня зовут Гулниса. Я начальник-бригадир этого отряда. По всем вопросам обращайтесь ко мне. А сейчас необходимо совершить формальности.

С этими словами она вытащила из ящичка стола анкеты, которые тут же принялась заполнять, задавая нам соответствующие вопросы. Когда очередь дошла до меня, Гулбиса удивленно спросила:

– Ты что, русская?

– Нет, я татарка.

– Не ври!

– Правда, она татарка, -вступилась за меня Сажид.

– Ну что ж. Поверю, хотя ты очень похожа на русскую. В моем отряде ты – первая татарка. А вообще, кого только здесь нет. Но таких как вы, образованных, очень мало. В основном здесь уголовные элементы. Да вы вскоре убедитесь в этом сами. Поэтому, мы вынуждены вводить жесткий режим. Вам же советую не конфликтовать. Кроме того, ценные вещи старайтесь не держать с собой. Лучше сдайте их на склад, где они надежно будут храниться.

Пока мы были на складе, обустранивались в бараке, время прошло незаметно. Девушки стали возвращаться с работы. Через какое-то время, в нашем бараке появилась Алтунхан, и громко произнесла, обращаясь больше к нам:

– Время ужина. Пойдемте, поближе познакомимся.

Мы вышли из землянки. Недалеко от нее были разостланы одеяла. Поверх них -скатерть, на которой лежали кукурузные лепешки, соевый суп, и разлитый по чашкам кипяток. По четырём сторонам этой импровизированной столовой дымились кизяки.

Мы пили чай, и познакомились друг с другом. Как выяснилось, до нас в отряде было всего четыре женщины местных национальностей. Точнее, они были уйгурками. Алтунхан, действительно, работала раньше в кумульском ансамбле. И арестовали ее, как и предполагала Зорам, за участие в организации Сеит-батура.

Так же из Кумула была и Тиллахан. Ее арестовали, обвинив в нарушении общественного порядка.

Алтунхан познакомила нас и с Хасият-молоденькой девушкой, которая тут же рассказала нам свою историю. Оказалось, что когда ей было всего пятнадцать лет, злые и коварные люди обманом и грубой силой вовлекли ее на страшный путь распутства. Постепенно, нужда заставила ее торговать своим телом.

Пораженные рассказом молодой девушки, мы некоторое время молчали. Тишину нарушила я:

– Скажите, а здесь заключенных бьют?

Алтунхан взглянула печальными глазами, и произнесла:

– Формально, бить запрещено. Но это все на бумаге. Фактически все, если только он начальник, пусть и самый никудышней, избивают заключенных. Часто без всякого повода. Для устрашения. Кроме того, здесь нельзя болеть. Если заболеешь, не разрешают оставаться в землянке, а выволакивают в поле и оставляют там на самом солнцепеке.

– С вами такое было? – спросила я.

– Пока я здесь, пока никто не болел. Но в мужской землянке такое происходило. Я сама видела.

Девушка по имени Зайнап, добавила:

— Я тоже видела. А недавно собрали всех нас и строго пояснили, что за побег полагается немедленная смерть. Говорят, до нашего приезда, какой-то парень попытался бежать, так его расстреляли на месте. Кроме того, нас предупредили, что за уклонение от работы полагается наказание в виде пребывания в яме глубиной в четыре метра.

В разговорах мы не заметили, как наступила темнота. Вдруг появилась бригадирша Гулниса, и прикрикнула на нас:

— Довольно разговоров. Уже темно, а вы еще не провели политзанятия! Алтунхан с Зайнап пусть перейдут в землянку к новоприбывшим. Алтунхан пусть возьмет над ними шефство. Политзанятия будет проводить Суюнгуль!

После этих слов мы спустились в землянку, однако, в этот вечер ни о каких политзанятиях не было и речи. Мы просто беседовали о жизни.

Ночь прошла без сна. В землянке просто невозможно было спать. Расстелив свежее постельное белье, мы рассчитывали отдохнуть как следует, однако, клопы нещадно кусали нас. Не выдержав, мы с Сажидой вышли на свежий воздух, надеясь выспаться под ясным небом. Однако, во первых, Ма Шийон сказала нам, что выходить из землянки в ночное время не положено. Кроме того, здесь нас доставали комары, что явилось еще более нестерпимой мукой. Мы вернулись в землянку, и сумели уснуть только под утро.

Нас разбудили встревоженные крики. Еще толком не разобравшись, в чем дело, мы, как и все, выбежали наружу. Невдалеке, перед нами предстала страшная картина. Какого-то человека привязали за руки к дереву, и два китайца наносили ему методические удары

палками. Истощенные крики избиваемого были слышны далеко вокруг. Как узнала Зайнап, несчастного наказывали за то, что он съел один единственный помидор.

Возмущенные женщины вполголоса проклинали мучителей, так как этот несчастный и выращивал эти помидоры.

Не выдержав этого зрелища, я вбежала в землянку. Однако крики были слышны и там. Не находя себе места, я вновь вышла. Через некоторое время наказуемый замолк. По видимому, он потерял сознание. А может быть и умер. Однако, удары продолжали сыпаться на безжизненное тело.

После завтрака мы отправились на работу. Нам разделили участки для прополки. Достаточно быстро пройдя свою полосу, я огляделась. В связи с тем, что бригадирши не было видно, заключенные группами по два-три человека, сидели на грядках. Сажиде позвала меня и я присоединилась к Махинур, Сажиде и Зорам.

Как только я подошла, они продолжили разговор, который, вероятно, начался еще до моего прихода. Речь шла о необходимости побега. Утреннее событие до того впечатлило всех, а в особенности, Сажиду, что она решила сбежать из отряда с тем, чтобы сообщить высшему руководству партии о происходящем произволе и беззаконии.

Я посчитала эту затею бесполезной, так как была уверена, что как раз-то без ведома высшего руководства здесь ничто не делается.

Зорам предложила вообще бежать во внутренний Китай, чтобы там, затерявшись, переждать какое-то время.

Мы еще поспорили некоторое время, а затем, все же, уступив напору Сажиды, решили организовать побег.

Однако, для этого нам надо было запастись одеждой и едой.

Едва мы успели выполнить работу, как на небе нависла тяжелая грозовая туча. Мы решили возвращаться, тем более наступало время обеда. Отправив от каждой землянки по два человека на кухню, остальные принялись насыпать золу на крышу землянки.

Хлынул дождь. Он лил как из ведра. Как мы не старались предохранить от намокания нашу землянку, вода все же просочилась. Да это и не удивительно, ведь дождь лил не переставая четверо суток.

На четвертый день бригадирша Гулниса, заглянув к нам, сказала:

– Прорвало плотину на водохранилище. Все мужчины уже четвертый день находятся там. Но они не справляются. Завтра с утра им на помощь отправимся и мы. Готовьтесь уже сейчас.

Зорам, услышав эти слова, предложила бежать завтра.

– Такой возможности может больше не быть! – убеждала она нас. Мы согласились, и решили на заре взять с собой все те припасы, что мы приготовили для побега.

На заре мы направились на помощь в ликвидации прорыва на водохранилище. С нами был китаец-бригадир, и четыре бывших кавалериста Национальной армии, которые выполняли функции охранников. Дорога была ужасной. Местами, разбитая проливным дождем, она была просто непроходимой. Пришлось разуться и идти босиком, так как обувь застревала в грязи. Тем не менее, к восьми часам мы прибыли на место.

Пред нами предстала неприглядная картина. Заключенные, находясь в воде, заделывали прорыв. Они были окружены вооруженными людьми, которые лишь покрикивали, да отдавали никчемные приказы.

При виде нашей колонны, все повернулись к нам. Однако, вскоре, военные окружили и нас. Бригадиру приказали организовать работу по переносу стволов и ветвей деревьев к месту прорыва. Несколько мужчин рубили деревья и кустарник, а мы перетаскивали их.

Даже здесь Сажида нашла знакомого.

– Это же Зейналов! – воскликнула она, указывая на солидного мужчину.

Зейналов также был удивлен. Он поздоровался с нами, а рядом с ним стоявший старик, принялся причитать, жалея нас.

Между тем, мы продолжали работать, и лишь после четырех часов нас повели в сопровождении двоих военных, назад.

Мы проходили возле водохранилища, и намеревались отстать от основной группы. Однако, оба охранника были начеку. Нам лишь удалось полюбоваться прекрасным окружающим видом, взглянуть на уток, плавающих на поверхности, и увидеть рыб на глубине этого искусственного озера.

Вернувшись в землянку, мы провели обязательные политзанятия. Все смертельно устали, но Зорам убедила нас, что именно эта усталость нам на руку. Мы решили бежать этой ночью, когда все будут спать.

Ночью меня разбудила Сажида. Она сказала, что Зорам вышла наверх, чтобы узнать обстановку. Через некоторое время Зорам вернулась, и мы уже собирались вставать, как вдруг проснулась Алтунхан и воскликнула:

– Что? Что такое? Кто здесь!

Оказалось, что Зорам, пытаясь разбудить меня, в темноте ошиблась. Она нечаянно разбудила Алтунхан, тем самым нарушив наши планы. Проснувшаяся Алтунхан просто не позволила бы нам это сделать.

Поняв, что все пропало, Зорам виновато произнесла:
– Это я, Зорам. Я хотела выйти по нужде, но боюсь темноты.

– Разбуди Ма Шийон! – пробурчала Алтунхан.

Мы с Сажидой накрылись одеялом, чтобы не был слышен наш смех.

ИЗБИЕНИЕ ВАНОМ САЖИДЫ

До одиннадцатого августа мы работали в поле. Затем перевели на работу по отделению зерна от колосьев. Никогда ранее не занимавшаяся этим делом, я, по незнанию, стала перемешивать деревянными вилами, которые нам дали, колосья. Между тем, оказывается, нужно было их не перемешивать, а отделять. Подбежавший китаец грубо обругал меня. Раньше я никогда не слышала таких слов. От неожиданности, я оцепенела.

Работавшая рядом Сажида не растерялась. Она бесстрашно заявила:

– Что вы раскричались?! Сначала покажите, что нужно делать, а потом орите!

Взбешенный китаец, повернувшись к Сажиде, сильно ударил ее по лицу. Кое-как устояв на ногах, Сажида мгновение стояла, закрыв ладонями лицо, а затем медленно пошла в сторону поля.

Мне было больно, словно бы ударили не Сажиду, а меня. Я уже хотела было накинуться на китайца, который, словно ничего не произошло, уже направился к другой группе работавших, но меня удержали девушки-китаянки.

– Не надо, не надо! – испуганно зашебетали они. – Вы не знаете здешних порядков. Ведь они могут избить до

полусмерти. А недавно, одного мужчину, попытавшегося оказать сопротивление, просто убили.

Сажида вернулась через час. Она не подавала виду, но я почувствовала, что ей обидно до глубины души. Между тем, работавшие с нами китайки рассказывали ужасные вещи. Например, строгому наказанию подвергались те, кто, не выдержав голода, потихоньку отправлял горсть зерна в рот. Если это замечали охранники, то бедняга подвергался избиению. При этом, китайцы, а охранниками были обычно они, обвиняли этого человека в том, что он обворовывает их-китайцев.

До обеда оставалось около часа, когда со стороны Шийгоби, представляющей собой огромную каменистую пустыню, показалась грузовая машина с людьми.

Начальник отряда распорядился, чтобы мы отправились в землянки несколько раньше положенного. Когда мы уже вернулись, обитателям нашей землянки объявили, что они переходят в другую, а свои места освобождают для вновь прибывающих заключенных. При этом уточнили, что здесь остаются Сажида, Суюнгуль и Алтунхан. Согласно приказа, мы должны были помочь новоприбывшим в проведении ежедневных политзанятий.

Пока новоприбывшие толпились у машины, остановившейся в том же месте, где в свое время оставили и нас, мы втроем привели в порядок землянку.

Основная масса женщин из последней партии оказалась без матрацев, одеял и даже сменной одежды. На наши удивленные расспросы, они отвечали, что не успели ничего взять, так как их арестовывали прямо на улице.

— Почему же ваши родные не принесли вам вещи? — удивленно спросила я.

— Мы с юга. Нас как арестовали, так сразу же перевезли на север Синыцзяна. А потому, мы оказались за сотни километров от наших домов.

Нам стало жаль их. Кое-как разместившись на нарах, они рано укладывались спать. Кое-какими одеялами поделились с ними мы. Какие-то вещи принесли девушки из других землянок.

Между тем, уже в первый вечер произошел неприятный инцидент. Новоприбывшие женщины устроили между собой скандал, превратившийся в драку. Не знаю, чего они не поделили, однако такого среди женщин я еще не видела.

Прибежавшая бригадирша с охраной, немедленно надели им наручники и увели. Как мы поняли позже, ночь дебоширки провели в яме.

Однако, не успели мы привести в порядок землянку, как вновь произошел конфликт между женщинами. На этот раз, бригадирша ограничилась тем, что продержав их несколько часов в своей конторке, ближе к обеду, отпустила.

Самым удивительным было то, что просидевшие всю ночь в яме две женщины, вернулись оттуда мирно беседуя, словно бы прошлой ночью ничего и не произошло.

Через несколько дней произошел случай. Женщина по имени Айшам Мамут, с обидой в голосе, громко жаловалась на то, что ее обделяют при распределении еды. Действительно, как мы убедились сами, ей наливали супа меньше, чем всем остальным. Никто не знал причины этого. Вдруг, у входа в землянку, Айшам Мамут потеряла сознание и упала. У нее начались судороги. Я попыталась помочь ей, но не в силах была сделать это одна. Айшам Мамут была крупной женщиной. Тем более ее начинало трясти, а другие девуш-

ки боялись подойти к ней, так как никогда не видели эпилепсию.

Мы с Сажидой еще долго переживали за нее, такую больную, вынужденную не лечиться, а испытывать страдания в этих нечеловеческих условиях исправительных работ.

В тот же вечер Зорам вновь предложила бежать.

– Чем дольше мы тянем, тем труднее нам будет! – говорила она.

– Нет, это невозможно! Везде одно и то же! Мы нигде не добьемся справедливости! – отвечала Сажида.

– Если хочешь, беги одна!

– Нет, одна я не смогу. Если бежать, то всем вместе.

Через два дня после этого разговора, меня вдруг звала к себе бригадирша.

– Суюнгуль, до меня дошли слухи, что вы собираетесь бежать! – произнесла она твердым голосом.

– Нет, у нас нет таких намерений!

– Не упорствуй. Говори как есть. Ведь мне сообщили об этом. Иначе откуда бы я знала? – Я не знаю, кто вам сказал. Но мы не собирались бежать. Да и куда мы убежим?

– Вообще-то и я так думаю! Просто мне показалось, что вы можете последовать дурному примеру. Я не советую вам этого делать!

– Да мы и сами все понимаем. То, что мы не можем понять, так это отношение к человеку, его достоинству. Ведь мы строим социализм – справедливое общество! И нас учили, что это при капитализме и фашизме нет равенства. Однако, некоторые действия охраны здесь явно напоминают фашистские.

К моему удивлению, бригадирша Гулниса не разозлилась на мои слова. Она лишь назидательно заметила.

– В чем-то ты и права. Однако, здешний контингент если не держать в такой строгости, то мы не сохраним дисциплину, и будет еще хуже. Наступит настоящий беспредел. А тебе я советую показывать пример в работе, и не задумываться о чем попало.

Вернувшись в землянку, я передала весь состоявшийся разговор Сажида.

– О побеге знали только четыре человека: ты, я, Махинур и Зорам. Значит, сообщить мог кто-то из них, – предположила Сажида.

– Бригадирша говорила лишь о возможности побега. Мне кажется, на эту мысль ее могла навести и Алтунхан, которая могла заподозрить неладное, после того, как ее по неосторожности разбудила ночью Зорам, – ответила я.

ИНТРИГИ МАХИНУР

Через неделю, по решению начальства, Сажиду назначили старшей по работе, меня – ответственной за политзанятия.

Я была рада тому, что Сажида стала пусть небольшим, но все же начальником. Во-первых, она была слаба здоровьем, а во-вторых-после прибытия в шийгоби, она испытывала чувство подавленности, и это назначение могло ее немного взбодрить и успокоить.

Вместе с тем, не всем понравилось это назначение. Даже наши подруги по несчастью- Махинур и Зорам, перестали общаться с Сажидой, выказывая явные признаки зависти.

Однажды, после вечерних политзанятий, Саадат, Хеличам и Махинур сидели вместе о чем-то шепчась. Вскоре, Саадат и Хеличам подошли к Сажиде. Все видели, как они вместе вышли из землянки.

Я пошла к Гулнисе – бригадирше, чтобы отдать ей газету, по которой проводила политзанятия. Когда я вернулась, Сажиды уже легла спать.

Вдруг в землянку ворвалась Асиям, крича о том, что Саадат и Хеличам сбежали.

– Но они только что были здесь! – произнесла Сажиды, и впопыхах одевшись, вышла.

Как только Сажиды ушла, Махинур громко, чтобы слышали все, сказала:

– Это Сажиды подбила девчонок на побег!

Сначала я была поражена этими словами. Но вскоре поняла, что Махинур все специально подстроила, чтобы самой стать старшей вместо Сажиды. Однако, не все понимали это. И хотя, уже через пять минут беглянок поймали, дело было сделано.

Через пятнадцать минут Саадат и Хеличам, улыбаясь, вернулись в землянку. Они объявили, что их отпустили, потому что они сказали всю правду. А правда заключалась, якобы, в том, что это Сажиды убедила их бежать.

Сажиды была в шоке. Она не только не говорила ничего такого, но и не думала говорить. Тем более, Саадат и Хеличам.

Между тем, Сажиду вызвали к Гулнисе-бригадирше. Как ни убеждала ее Сажиды, что она ничего не говорила Саадат и Хеличам, ей не поверили, и сняли с должности старшей по работам. Более того, ее вызывали на допрос, после которого Сажиды морально упала духом и физически почувствовала себя плохо. Короче говоря, она серьезно заболела.

Я вынуждена была пойти к лагерному врачу, который жил в маленькой комнатке за строением, где размещалась бригадирша. Этот врач-китаец по национальности, сам был из числа заключенных. Он внимательно

выслушал меня, сам пошел к бригадирше, и получив разрешение, сделал Сажиде укол.

Тем временем, Махинур, достигнув своей цели, и став старшей среди заключенных, устанавливала свои порядки. Естественно, мы с Сажидой впали в немилость. Меня, не без участия Махинур, направили на один из труднейших участков работы. Вместе с моей напарницей -китайкой Ло Шофан, мы занимались поливом. Работать надо было с 12 часов ночи до 12 часов дня. Не было возможности ни на минуту отвлечься и отдохнуть, так как вода могла залить ростки. Поэтому, мы бегали по полю, босыми ногами меся грязь.

В полдень, приходя в землянку, выжатая как лимон, я видела Сажиду, которая себя чувствовала еще хуже, и мое сердце обливалось кровью.

Такое положение длилось пятнадцать дней. Наконец, не выдержав, я вновь обратилась к врачу. Он попытался успокоить меня, сказав, что делает все, что в его силах. При этом он подчеркнул, что болезнь у Сажиды серьезная. Это болезнь нервов, и если ее не лечить как следует, она может тронуться умом. Как и обещал, доктор заходил к Сажиде несколько раз. Через два дня он радостно сообщил, что ей лучше.

Действительно, Сажиде стало лучше. Температуры, державшейся несколько дней, не было. Радостная, я отправилась на работу.

Был месяц сентябрь. От земли шел заметный холод. Мы с напарницей, хотя и старались одеваться потеплее, вынуждены были передвигаться босиком, так как работали в воде. Кроме того, мы ощущали постоянный голод. Однажды, Ло Шофан предложила:

– Суюнгул, очень хочется есть. Здесь недалеко есть бахчи. Давай я сбегая, принесу пару дынь. Никто не заметит.

– Ты что? Если поймают, накажут. Могут даже убить.

– Не поймают. Я мигом.

Мне ничего не оставалось, как согласиться, так как действительно, сильно хотелось есть.

Ло Шофан, поглядывая по сторонам, побежала в сторону бахчи. Вскоре она вернулась, держа две небольшие дыни. Бросив одну с силой оземь, она расколола ее. С жадностью мы набросились на дыню. Закопав кожурку, мы спрятали вторую дыню. Под утро съели и ее.

Впервые в жизни я согласилась на воровство. И тут же дала себе слово, что больше никогда не пойду на такое. Однако, чувство голода вроде бы пропало.

Вернувшись в землянку, я застала Сажиду в хорошем настроении. Она пыталась улыбаться, и вдруг ошарашила меня просьбой:

– Суюнгуль, очень хочется есть. Свари мне что-нибудь!

Что же я могла сварить в этих условиях. Ведь у меня не было ни продуктов, ни возможности где-то готовить!? В растерянности, я пошла к доктору, и рассказала ему все.

Он попытался помочь, написав записку Гульнисе-бригадирше. Утвердив просьбу врача, она поставила свою подпись и направила в лагерную лавку. Там мне выдали пятьсот граммов муки маленькую капусту.

Показав все это Сажиде, я пролепетала:

– Что же я могу из этого приготовить?

– Приготовь лагман.

– Лагман? Но у нас нет ни мяса, ни даже масла?

– У меня есть маленькая баночка. Еще во время учебы в институте, я хранила в ней бараний жир. Мазала его на волосы. По-моему, там немного осталось.

С опаской я взяла баночку и вышла наружу. Нужно было достать еще хоть каких-то овощей. Недалеко

от нас был огороженный участок. На нем старик-китаец по имени Ран И выращивал овощи для начальства. Приближаться к участку строго воспрещалось. Тем не менее, я решилась, и подойдя к ограде, попросила старика помочь, рассказав о просьбе Сажиды. Ран И, оглядевшись по сторонам, незаметно сунул мне в ладонь один помидор и один крупный перец.

Соорудив из кирпичей что-то наподобие очага, я в старой кострюле, на остатках бараньего жира, обжарила мелко накрошенную капусту, помидор и перец. В миске замесила тесто для лагмана.

Сажида вышла из землянки и присела рядом со мной. Было видно, что она была благодарна мне. Съев тарелку лагмана, она не переставая, расхваливала его.

ПЕЩЕРЫ ПО ДОРОГЕ НА ЛОЙ САГО 15 СЕНТЯБРЯ. ВТОРНИК

Обычно бригадирша сама выводила нас на работу. Сегодня, вопреки традиции, меня, Путам, Зулеху и Тухан она оставила. Когда все ушли, она заявила:

– Сегодня вы направитесь на работу в Лой Саго. Работайте на совесть. Мы вам доверяем, поэтому отправляем туда. Сейчас придет трактор. С собой возьмите обед.

Вскоре появился трактор. Мы взобрались в прицеп, и он медленно двинулся по бескрайней полупустыне. Ни справа, ни слева не было видно ни гор, ни рек, ни деревьев, ни озер. Унылая, голая полупустыня.

Через час такой езды, трактор вдруг повернул влево, в сторону большого оврага, пересекавшего равнину. Неожиданно появилась ватага ребятишек. Их было много -около сотни. Они бежали рядом с трактором, по

обе стороны от него. Мы были поражены появлением детей, ведь в этой пустыне, как нам казалось, не было ничего живого. Невольно мы вгляделись в овраг, и увидели, что на солнечной его стороне, прямо в глиняном берегу, вырыты многочисленные пещеры. Их было несколько сотен. Практически возле каждой пещеры находились люди. Они наблюдали за трактором, о чем-то разговаривали, ели из мисочек, смеялись. Было ясно, что они жили здесь, в этих пещерах! Среди них не было ни одного представителя местных национальностей. Все они были китайцами. Мне стало понятно, что те тысячи китайцев, которых мы видели на вокзале в Урумчи, которых организованно встречали, по всей видимости, и организованно размещали. Причем размещали в местах, где их не могли видеть посторонние глаза. По берегам рек, ручьев, озер, то есть там, где есть вода. Мне подумалось, что речка, протекающая по дну оврага, возможно, раньше была крупной рекой. Размещенные в овраге китайцы использовали ее воду в таком количестве, что она, эта река, обмелела. Ведь то, что мы видели - лишь небольшой кусочек оврага, тянувшегося на десятки километров. И можно было только представить, сколько приезжих китайцев разместили по его берегам. А сколько таких оврагов? Об этом не знает, и даже не догадывается ни один коренной житель Восточного Туркестана.

Ребятишки сопровождали трактор до тех пор, пока он не пересек овраг, проехав через речушку. До самого Лой Сагу я думала об увиденном. Приблизившись же к Лой Сагу я убедилась, что это такой же овраг, по дну которого также протекала речка. Сам каньон был прекрасен. На его берегах росли деревья, кустарники. Сентябрьская осенняя красота наложила особый отпечаток на здешнюю природу. Вокруг пели птицы. На

больших пространствах огромного оврага были высажены дыни, арбузы, тыква, кукуруза. Аромат спелых дынь распространялся далеко вокруг.

До наступления темноты мы занимались тем, что срывали арбузы и дыни, и носили их из оврага наверх. Поздно вечером, уставшие, мы вернулись. Все уже спали, но только не Сажида. Она сидела и ждала меня.

18 СЕНТЯБРЯ

Хотя погода сегодня была хорошая, осень накладывала свой грустный отпечаток на наше настроение. С утра мы занимались тем, что переносили в коромыслах навоз от конюшни на огород. Расстояние было в два километра. Мы медленно двигались вперед, по возможности, в тех местах, где нас не было видно, останавливаясь и отдыхая.

Мы уже подходили к полю, когда вдруг услышали душераздирающие крики. Девушки-китайки задрожали от страха. Я сама была поражена такими воплями. Немного пройдясь вперед, у самой кромки огорода мы увидели китайца по имени Ван, который работал техником, который, повалив женщину, избивал ее длинной, сучковатой палкой. Крики женщины невозможно было слышать. Я, было, рванулась туда, но меня удержали остальные.

– Суюнгуль, не надо. Ей ты не поможешь, но можешь загубить себя. Ведь ты -политическая. Он может просто застрелить тебя.

Они были правы. Нам ничего не оставалось, как только наблюдать эту ужасную картину. Мне было обидно за свое бессилие. Внимательно приглядевшись, мы узнали в женщине Айгуль из Кашгара. Это была

сорокалетняя красавица. А избивавший ее китаец-малограмотный, конопатый и страшный. Но он обладал властью, и считал, что может наказывать любого по своему усмотрению. Что он часто и делал, навевая страх на беззащитных женщин.

Не обращая ни на кого внимания, китаец Ван продолжал избивать Айгуль.

Девушки-китаянки засуетились. Опасаясь, что он может наброситься и на них, взяв коромысла, невзирая на болевшие плечи, они быстрым шагом направились к полю.

Вечером я предложила Айгуль обратиться к врачу. Но она отказалась. Я не решилась спросить ее о причине такого страшного избиения, ведь все ее тело было в огромных синяках и кровоподтеках. Однако она сама сказала, что Ван набросился на нее только за то, что она сбросила навоз всего в нескольких метрах от огорода.

ПРИЕЗД МАМЫ И БРАТА САЖИДЫ 20 СЕНТЯБРЯ

Утром бригадирша разделила заключенных на две группы. Большая часть должна была направиться на огород, а меньшая, куда попали и мы с Сажидой – на кукурузное поле.

Проходя через землянку, где жили мужчины, мы услышали окрик:

– Кто из вас Суюнгуль? Кто Сажиды?

Недоуменно мы повернулись к тому, кто назвал наши имена.

– Это мы! А что такое?

– Дело в том, что приезжают ваши родственники. Я их встретил в Санджи.

– А вы кто такой?

– Я шофер грузовика.

– Почему же вы их не захватили с собой?

– Я же не знал, что вы именно здесь!

– У вас нет сердца. Ведь теперь им предстоит преодолеть пешком такой огромный путь.

Шофер, вероятно, почувствовал себя неловко. Но делать было нечего. Мы пошли дальше, и вдруг перед нами пробежала курица. Прямо на дороге она снесла яичко. Радостная Сажида, подобрав яйцо, воскликнула:

– Смотри Суюнгуль! Это хороший знак.

Вокруг все засмеялись. Между тем, мы увидели какого-то старика, понуро сидевшего у края землянки. Приглядевшись, мы с трудом узнали в нем нашего сверстника Кали. Он был студентом нашего института, однако сейчас превратился в старика. Исхудавший, почерневший, он производил удручающее впечатление.

– Я слышал, что вы здесь, – тихим голосом произнес Кали. – А я вот тяжело заболел. Говорят, что отцу дали разрешение, чтобы он забрал меня.

Сажида отдала яйцо Кали, и мы печально направились дальше.

Весь день я только и думала о предстоящем приезде мамы. Мы с Сажидой не находили себе места. Однако они все не приезжали. Уже прошло время ужина, я несколько раз выбегала из землянки. Бригадирша Гулни-са распорядилась начинать ежедневные политзанятия. Через полчаса после их начала, в землянку вбежала Хасият, и с порога закричала: •

– Приехали, приехали. Небольшой караван из нескольких телег, запряженных ослами, привез несколько человек.

Нашей с Сажидой радости не было предела. Однако, другие девчонки печально говорили:

– Приехали ваши родные. А к нам невозможно добраться. Ведь мы с юга. Кашгар находится за тысячи километров отсюда.

– Не переживайте, – постаралась я успокоить их. – Несколько лет промелькнут быстро. И вы обязательно увидите своих близких. Действительно, мы из Урумчи. А оттуда до Санджи всего двести километров. А от Санджи до нас-еще около пятнадцати.

В это время в землянку вошла бригадирша, которая объявив, что к нам приехали родные, не забыла предупредить, чтобы мы не особо распространялись об условиях жизни в трудовом лагере.

Мы вышли из землянки вместе с Гулнисой-бригадиршей. За ее конторкой находилась комната, где размещались приезжавшие родственники заключенных. Мы направились туда.

Прижавшись к маме, я не могла оторваться от нее. Ведь роднее для меня не было никого. Вместе с мамой приехала сестренка Гайша.

Сажида познакомила меня со своим братом, которого звали Хаким.

– Ради счастья народа, вы пожертвовали своим личным счастьем. Ради свободы народа - своей свободой, – произнес он. – Но знайте: мы, ваши близкие, – с вами! Вы также должны знать, что вы принесли несчастье и вашим семьям. Но дело сделано, и сейчас вы должны, без всяких проблем, отсидеть срок и выйти отсюда здоровыми и неведимыми.

Гайша прижалась ко мне, и говорила о том, что все сестры и братья сильно скучают. Я расспросила об отце.

В таких разговорах прошло несколько часов. Внезапно вошла Гулниса-бригадирша, и объявила, что время свидания истекло.

Опечаленные, мы с Сажидой направились в землянку.

Утром, попрощавшись с родными, мы еще долго вспоминали этот день как сказочный сон.

15 ОКТЯБРЯ

Сегодня, вернувшись с работы, мы узнали, что нам приказано переселиться.

Поспешно собрав вещи, мы перебрались в саманное строение, находившееся недалеко от столовой, по соседству с основной конторой. В каждой комнате разместилось по пятнадцать человек. Нам с Сажидой указали на ближайший угол. Все остальные разместились на соломе вдоль стены.

Мы были рады, так как строение находилось все-таки на земле, а не под землей, как землянка. Кроме того, мы надеялись, что избавимся от насекомых, не дававших нам спать.

К несчастью, наши надежды не оправдались. Клещи были и здесь. Поэтому, нам приходилось, как и в землянке, надевать на себя все имеющиеся вещи таким образом, чтобы насекомые не проникли сквозь щелочку. На лицо надевали маску, шею обматывали полотенцем. Только после этих мер, мы засыпали.

Находя меры от клещей, мы не могли бороться с комарами. Полупустыня Шийгоби славилась ими.

Однако, не меньшей напастью была утренняя побудка. Махинур, словно бы специально, подходила к нам, спящим, и как выстрел из пушки, орала под ухо. Мы неоднократно говорили ей, что можно было бы крикнуть у входа-мы бы все равно услышали. Но она, специально, подходила к постели, и орала во весь голос. В ответ мы в полголоса проклинали ее.

Утром следующего после переезда дня, Айшам Мамут заявила, что в землянке мы забыли веник. Она побежала за ним, но вскоре вернулась:

– Девчонки! – громко произнесла она, бледная от страха. – Аллах спас нас! Сегодня ночью обрушилась наша землянка. Если бы мы остались еще на одну ночь, то оказались бы погребенными навсегда!

Испуганно, мы все стали громко благодарить Аллаха.

ТРАГЕДИЯ НАТИГУЛЬ 20 ОКТЯБРЯ

Сегодня воскресенье. Поэтому мы встали немного позже обычного. После завтрака Гулниса-бригадирша выдала одеяла и матрацы тем, у кого их не было. Девчонки, спавшие на соломе, были несказанно рады, занятые своим обустройством.

Другие о чем-то спорили. Местами этот спор переходил в потасовки. Однако, это не было чем-то удивительным. Скорее, это было обычным, повседневным делом.

Решив немного подлатать свое одеяло, я вышла из комнаты, и прислонившись к углу строения, разговаривала с Сажидой.

Вдруг мы услышали, как Айшам вполголоса напевала:

– Отец умрет, умрет когда-то,
И мать умрет, умрет когда-то.
Скитальцем можешь стать и ты,
В чужой, чужой земле, когда-то!

Айшам была худенькой женщиной. Однако характер у нее был боевой. Она смело вступала в спор даже с мужчинами.

Еще одной характерной чертой Айшам было то что она прекрасно пела старинные кашгарские песни, а также песни кульджинских уйгуров-таранчей. Я думаю, что в исполнительском мастерстве она даже превосходила знаменитую Паша Ишан. Мы все заслушались ее. Для нас она была соловьем, привносящем жизнь в тягостные, унылые просторы пустыни.

Обращаясь к нам, Айшам произнесла:

– Мне так вас жалко, девчонки! Ведь вы – врачи, а вынуждены прозябать здесь.

– Не говорите так. Мы – как все! – отвечала я.

Айшам подошла к нам, и присела рядом. Немного помолчав, она сказала:

– В 1959 году из вашего института прибыла девушка по имени Патигуль. Помню, она была очень красивой. Возможно, вы ее знали.

При этих словах, я вспомнила, как в 1959 году в институте проходила кампания по выявлению неблагонадежных. Тогда, в огромном зале собирали всех студентов, и в присутствии преподавателей и администрации, проводили критику. Мне вспомнилось, что в один из дней, после такой критики, в наручниках, в сопровождении вооруженной охраны, были увезены несколько человек. Мне запомнились двое. Один из них – студент по имени Имам. Его обвинили в правом уклонизме. Это был девятнадцатилетний парень. И еще мне запомнилась красивая девушка по имени Патигуль. Ее обвинили в воровстве. На самом деле, она взяла у подруги кофту, чтобы пойти в гости. Фактически, у студентов это было нормальным явлением, – одааживать вещи. Во всяком случае, это не должно быть поводом для ареста. Однако, Патигуль арестовали.

Когда Айшам сказала «Патигуль», я отчетливо представила себе эту девушку.

Сажидида также вспомнила ее. Она рассказала, что это были две сестры – близнецы, Патигуль и Зохра. Они родом из города Чугучака. Их отец рано овдовел, и девочек воспитывала мачеха. Зохра осталась в Чугучаке, а Патигуль уехала учиться в Урумчи.

Айшам, между тем, продолжила:

– Так вот, эта Патигуль, не выдержала здешних условий. Через год она заболела и умерла. Здесь ее и похоронили. Если доведется, я покажу ее могилу.

– А что, ее похоронили без обмывания и всех надлежащих процедур? – спросила я.

– О чем ты говоришь. Было время, когда не успевали даже просто закопать человека. Как-то, помню, из местности Саксантам пригнали шестьсот человек. Так они от голода, непосильного труда, погибали как мухи. Поверите ли, из шестисот человек, осталось в живых, где-то около восьмидесяти.

ВСТРЕЧА СО СТУДЕНТАМИ, АРЕСТОВАННЫМИ В 1962 ГОДУ 26 ОКТЯБРЯ. СУББОТА

За две недели мы не только собрали весь урожай овощей, но и рассортировали его, перенесли на склад, и по приезду машин, погрузили на них для отправки в город.

Наступали холодные дни. Бригадирша выдала нам зимнюю одежду. Она представляла собой утепленные штаны и такую же ватную куртку, сшитые по китайскому образцу. Часа два у нас ушло на то, чтобы подогнать ее под свой размер и рост.

После обеда мы с Сажидой направились к колодцу, чтобы помыть посуду. Вдруг к нам стали приближаться

четверо парней, отделившись от значительной группы людей, стоявших невдалеке от водохранилища. Подойдя, один из ребят произнес:

– Меня зовут Какан. Я учился в Синьцзянском нефтяном институте. А этот мой друг – Кобен из Синьцзянского университета. С нами также есть студент Синьцзянского сельскохозяйственного института Кали. Мы узнали про вас, так как в вашем институте учился Камалбек, который и рассказал нам о вас. Камалбек совершил побег, но его поймали. Нам жаль, что вы – еще девчонки, а уже испытали превратности судьбы. Мы специально ждали момента, чтобы познакомиться с вами. Мы вчера только вернулись с работ на строительстве канала. Поэтому, не могли подойти вчера.

При виде этих ребят – казахов, мы в душе обрадовались, так как вспомнили свои студенческие годы. Они, вероятно, мыслили в том же ключе. Во всяком случае, Кокен сказал, что отныне мы – самые близкие для них люди. Кобен, немного подумав, посоветовал нам ни на кого особо не надеяться.

28 ОКТЯБРЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня первый день зимних работ. Колонна женщин во главе с нашей бригадиршей направлялась в направлении водохранилища. То ли от того, что мы меняли форму работ, либо по какой-то другой причине, но женщины шли довольно бодро. В воздухе то и дело раздавались шутки.

Уже во время движения, Гулниса бригадирша распределила нас по парам. Необходимо было перетаскать землю к самому берегу водохранилища. Норма – два кубометра на человека. Учитывая, что таскать

нужно было на довольно значительное расстояние, нам подумалось, что не так-то просто будет справиться с этим заданием. На месте нам выдали носилки, и мы приступили к работе.

Вдруг вдаль показался отряд заключенных мужчин. Приглядевшись, мы заметили, что их сопровождала вооруженная охрана. Может быть поэтому, они шли не так, как мы. Они не то, чтобы обмениваться шутками, они шли молча, словно бы были немыми.

Прошло довольно много времени, пока мужской отряд поравнялся с нами. Мы прекратили работу, и молча наблюдали за ними в надежде найти знакомых. Вдруг Сажида произнесла:

– Смотри, Суюнгуль, вон Камалбек.

Сколько я не вглядывалась, не могла найти его в этой серой, однообразной толпе понуро идущих людей.

– Да вон же он! Вон! Справа во втором ряду.

Наконец я увидела Камалбека. Но все равно не узнавала его. Действительно, его трудно было узнать. Этот человек был изможден до такой степени, что ветхая, грязная одежда висела на нем.

Между тем, мне вспомнился Камалбек в период нашего студенчества. Тогда он был одет как с иголочки. Всегда опрятный, в хорошем костюме, начищенных туфлях, он был невозможным красавцем. При этом, он проявлял и значительную активность в общественных делах института. В частности, Камалбек был в первых рядах тех, кто критиковал неблагонадежные, по мнению руководства, элементы. Так, именно Камалбек призывал «правых националистов» сознаться во всех грехах, горячо жестикулируя перед их лицами таким образом, словно он хотел выколоть им глаза. Его боялись все студенты, а уж мы – девчонки, тем более.

И для всех было просто удивительно, когда в числе

разоблаченных членов подпольной казахской организации был и Камалбек.

Мне подумалось, что проведя какое-то время в заключении, мы тоже можем превратиться в нынешнего Камалбека. Про себя я молилась Аллаху, чтобы не допустил этого.

В этот день я устала как никогда. Все тело у меня болело. Ночью от боли я не могла заснуть. Когда под утро все таки уснула, вдруг раздался крик Махинур, возвещающий о подъеме.

Эта привычка Махинур вызывала недовольство, и даже силовые методы протеста со стороны практически всех нас. Но Махинур невозможно было переубедить, и каждое утро она вновь зычным голосом возвещала о начале очередного дня.

Одевшись, я уже собиралась всунуть ноги в теплые боты, как обнаружила, что они наполнены зерном. Я ничего не могла понять. Наконец, меня осенило. Я была почти уверена, что за ночь, полевая мышь проделала эту работу. Я сообщила девочкам, и они, радостные, посоветовали съесть неожиданное лакомство.

– Неужели вы думаете, что я буду есть пищу, побывавшую в зубах мыши? – возмутилась я.

– В таком случае, отдай еду нам! – промолвила Тажиниса.

– А ты не боишься заболеть?

– Нет.

Я молча пожала плечами, и Тажиниса вместе с Айшам выскребли все зерно из моей обуви, наскоро обмыли его водой и спокойно съели.

На следующую ночь повторилось то же самое. И так на протяжении нескольких ночей. Однажды, проснувшись, я даже увидела эту мышь. Она оказалась довольно больших размеров.

Каждое утро я отдавала содержимое моей обуви женщинам. Они были довольны, полагая, что таким образом, Аллах помогает и поддерживает нас.

Лишь после того, как выпал глубокий снег, мышь перестала появляться.

Наступили морозные дни. Работать стало просто невозможно. Все вокруг заледенело. Таскать землю стало невыносимо трудно. Мы надевали на себя все, что только возможно, и тем не менее, часто обмораживались. По вечерам, возвращаясь с работы, обращались к врачу и он раздавал для растирания обмороженных мест, обычные луковицы.

В жилом помещении так же было холодно. Правда, не было комаров и других насекомых, но была другая напасть. Так как в сутки разрешалось использовать только одно ведро угля, печь горела слабо. И, тем не менее, она была обвешана нашими мокрыми вещами, отчего в помещении стояла невыносимый запах. Отрадно было лишь то, что в сильные морозы мы работали лишь шесть часов, и у нас было значительно больше времени, чтобы выспаться.

РАССКАЗ ИМХАНАМ

Начиная с 28 декабря, в связи с наступившими сильными холодами, и по случаю Нового Года, нам дали недельный отдых. Работать все равно было невозможно, и мы, стараясь хоть как-то обустроить свою жизнь, отправились собирать дрова для печи.

Мы вышли в поле, и увидели вдали заснеженные холмики. Айшам Аюп, подойдя ближе, объяснила, что это захоронения умерших заключенных. Она указала на один из холмиков, и произнесла:

– Там покоится Патигуль.

Забыв обо всем на свете, я, выронив из рук уже собранный хворост, посмотрела в направлении холмов. Я долго стояла так, а затем, словно бы очнувшись, принялась читать суры из Корана, какие только знала.

Мне подумалось о горькой участи тех, кто лежал в сырой земле на этих холмах. Ведь для кого-то они были детьми, а для кого-то – родителями.

Вместе с тем, я подумала о том, что одному только Аллаху известно и о моей собственной судьбе.

Подошла Сажида.

– Суюнгуль, что с тобой? О чем ты так задумалась?

– Видишь те могилы. Говорят, что здесь покоятся те, кто умер в заключении.

В это время к нам подошла Айшам Аюп.

– Видите, вон тот холмик. Это и есть могила Патигуль.

Мы приблизились к могиле. Никто не мог произнести ни слова. Вспомнив несчастную Патигуль, мы присели у могилы.

Вдруг послышался окрик бригадирши Гулниси.

– Что расселись? Возвращаемся!

Взяв свои вязанки хвороста, мы поспешили назад.

После обеда я сидела и штопала вещи. Ко мне подошла Имханам, и сразу же заговорила о несчастной Патигуль, могилу которой мы видели сегодня.

– Никак не могу забыть ее. Хорошая она была девушка, – печально говорила Имханам.

Она тут же пересказала о Патигуль то, что я уже слышала от Айшам Аюп.

– Всего несколько лет назад из Саксантама в Ший-гоби было направлено более тысячи человек. Вскоре осталось около трехсот. Они все погибли от голода, – тихо произнесла Имханам, заикаясь от волнения.

Я слышала, что сама Имханам была старожилом этого лагеря. Мне рассказывали, что она попала в лагерь уже второй раз. Стараясь не обидеть ее, я спросила:

– Вы не первый раз здесь?

– Да, я отсидела три года, а затем, через год, вновь была сослана на два года.

Мне было интересно узнать, за что она подверглась аресту, однако, чтобы не расстраивать ее воспоминаниями, я замолчала.

Вероятно, Имханам почувствовала это, и сама начала рассказ.

– Первый срок я отсидела ни за что, – заговорила она.

Немного помолчав, продолжила:

– Лучше я расскажу о своей жизни с самого начала. Я уроженка Кучара. Точнее, его пригорода – Яка-Ерика. Мои родители были бедными дехканами, кормившимися своим трудом. Долгие годы я была единственным ребенком, поэтому родители души во мне не чаяли. В нашем селе не было даже школы, и я, все дни проводила на улице со своими сверстниками. Лишь когда мне исполнилось десять лет, у меня появились сестренка и братишка. До четырнадцати лет я не выполняла никакой домашнюю работу и была неприспособленным к труду, разбалованным ребенком. Родители все, что могли заработать, тратили на меня. Надо сказать, что у меня был относительный достаток, и потому, я превратилась в видную, красивую и здоровую девушку. Мои родители настолько сильно уважали друг друга, что даже не называли друг друга по именам, а неизменно обращались со словами «мать» и «отец», в том значении, что они являлись моими мамой и отцом. В то время, я не помню ни одного случая, когда бы они повышали друг на друга голос. Словом,

они жили очень дружно, в любви и согласии. Однако, когда я повзрослела, по-видимому, когда мне исполнилось пятнадцать лет, я стала замечать, что родители все чаще стали проявлять какую-то обиду по отношению друг к другу. Я не могла понять причину этого. Особенно часто это стало проявляться после прихода гостей. Едва только гости уходили, родители начинали выказывать обиду. Как-то я, забежав в дом, застала их горячо спорящими.

– Имханам еще слишком маленькая, чтобы отправлять ее так далеко! – горячась, говорил отец. – Мое сердце не выдержит этого. Не лучше ли отдать ее за кого-то, кого мы хорошо знаем здесь. Вот, например, у Кадир-ахуна есть сын – Абдулла Карим.

– Нет, он совсем не пара нашей дочери. Нужно отдать ее за моего племянника, сына моей тети – Гопуржана, – не соглашалась мама. – Она будет жить в городе, вдали от необустроенности села.

Они спорили достаточно громко, не замечая того, что я находилась совсем рядом – на пороге дома. Однако как только я вошла, они моментально замолчали.

Тетя моей мамы жила в городе Кучар. Я ее никогда не видела. В связи с тем, что они жили значительно лучше нас, то и не интересовались нами. Но мама несколько раз ездила в Кучар навестить их.

До того времени, как мне исполнилось семнадцать лет, мама отказывала всем потенциальным женихам, намереваясь выдать меня замуж за своего племянника. Готовясь к предстоящей свадьбе, в течение нескольких лет мама сшила мне необходимые платья, собрала подарок, одним словом, подготовила приданное.

Постепенно маме удалось склонить к своему решению и отца. Отец, продав единственного бычка, купил недостающее к свадьбе.

Как-то родители не спали всю ночь. Наутро, отец запряг осла, накинув ему на спину красивое одеяло. В уздечку осла привязали красочные ленты.

Мама меня принарядила, расчесала мои волосы, и велела надеть новое платье. В завершение, на мою голову была надета зеленая тюбетейка, отделанная вышивкой из бисера. Я обулась в черные, новые туфли, и была довольна тем, как я выгляжу. Всмотревшись в зеркало, я отметила для себя, что была сегодня очень красивой.

Отец помог мне сесть на осла. Один из братишек сел передо мной, второй – за мной. После этого, отец взялся за уздечку и осел послушно последовал за ним. Мама шла рядом. Такой вот процессией мы направились в Кучар.

Я поняла, что прибыла на свою свадьбу лишь тогда, когда тетя встречала нас в Кучаре со словами: – «вот и приехала моя невестка!».

Через два дня из Урумчи приехал сын моей тети. Хотя он и был намного старше меня, я этого не замечала, так как была во власти слов мамы, которая не переставала восхищаться тем, что он «жил в большом городе».

Через два дня после свадьбы, мы засобирались в Урумчи. Это все сильно переживал мой отец, у которого со дня свадьбы не просыхали глаза от слез. Видя эти слезы, стекавшие по его бороде, я страшно расстраивалась. В день прощания, отец так сильно разрыдался, что я даже сегодня не могу спокойно вспоминать об этом.

Расстроившись, Имханам, однако, взяла себя в руки, и продолжила свой рассказ.

– Я помню, что отец стоял в расстроенных чувствах до тех пор, пока мы не скрылись за поворотом. А мама,

напротив, была очень рада. Она выглядела счастливой, словно бы только что препроводила меня через райские ворота.

Имханам вновь замолчала на мгновение.

– Прибыв в Урумчи, мы разместились в комнате общежития для журналистов. Вначале я чувствовала себя в Урумчи очень даже неплохо. Гопур с уважением относился ко мне, научил готовить, одним словом, приобщил к семейной жизни. Интересно отметить, что уже на третий день к нам в гости пришли друзья Гопура. С утра он сказал, что будем готовить лагман. Сам он взялся за приготовление подливки, а меня попросил тянуть тесто. К своему стыду, я не умела тянуть тесто для лагмана. Лишь однажды я видела это у своей подруги Айшам. Помню, тогда я была страшно удивлена. В этот раз, вспоминая весь процесс приготовления теста для лагмана, я, почему-то, добавила в тесто дрожжи. В процессе варки, тесто, естественно, поднялось, и ни о каком лагмане не могло быть и речи. Гопур был поражен увиденным. Лишь после того, как я ему объяснила, что положила в тесто дрожжи, он рассмеялся. Срочно сам сделал другой замес, и с того самого дня в шутку стал называть меня «девушка, которая готовит лагман с дрожжами».

Примерно год после свадьбы мы жили хорошо и счастливо. За этот год я многому научилась. Даже сама пекла лепешки. Гопур покупал мне дорогую одежду, которую я берегла и носила аккуратно. Постепенно, из деревенской Имханам я превратилась в жительницу такого крупного и современного города как Урумчи. Красивая одежда подчеркивала и мою красоту. Часто, глядя в зеркало, я восхищалась сама собой.

Я взглянула на Имханам. Действительно, она была очень красивой. Это была высокая девушка, чернوبر-

вая брюнетка. Мне подумалось, что ее красоте не позволило раскрыться в полной мере бедность и то, что она не могла учиться.

Имханам, тем временем, продолжила:

– Как-то Гопур пришел с работы сияющий от радости. Уже на пороге он воскликнул:

– Имханам, сегодня показывают хороший фильм. Я купил тебе билет в кино!

– А вы не пойдете?

– У меня сегодня есть еще дела. Ты сходи с подругой – Хуршидой. Фильм, говорят, очень интересный. Или ты не рада?

– Нет, я рада, – смущенно произнесла я.

Как только фильм закончился, мы с Хуршидой раньше других поспешили домой. Стояла прохладная погода, и, честно говоря, мы немного замерзли. Прибежав, я стала стучать в дверь. Гопур медлил, и лишь по прошествии какого-то времени, словно бы нехотя, сказал:

– Подожди на улице. Я сейчас тоже выйду.

Я была удивлена этими словами. Не зная, что предпринять, я стояла у дверей, как вдруг ясно услышала, как Гопур требовал от кого-то поторопиться. Сразу следом я услышала и женский голос. Вне себя от злости, я принялась беспрерывно стучать в дверь. Наконец, она раскрылась. Стремглав вбежав в комнату, я увидела как на моей постели лежит полуобнаженная женщина. Вцепившись в нее от ярости, я не имея сил сдержать себя, принялась колошматить ее. Она отчаянно сопротивлялась, но я была сильнее ее, и лишь удар, обрушившийся на меня, позволил ей выбежать на улицу. Гопур, ударив меня, подбежал к окну и через него бросил убежавшей, полуобнаженной женщине ее вещи. Люди, возвращавшиеся с кино, были поражены увиденной сценой. Гопур, тем временем, начал обвинять меня во всех

грехах. Находясь в состоянии крайнего возбуждения, я, не контролируя себя, выслушивала мужа, которого надо было обвинять мне. Не сдержавшись, я схватила со стола большой кухонный нож, и кинула его в голову Гопура. Он упал как подкошенный. Вокруг его головы образовалась лужица крови, и я, не зная, что делать, выбежала на улицу с криком о том, что убила человека. Приехавшие вскоре врачи и милиция сделали свое дело. Гопура увезли, а меня арестовали. При этом, сотрудники милиции предупредили меня, что в случае смерти Гопура, меня также ожидает смертная казнь. Поэтому, мне необходимо молиться, чтобы он не умер. В этом случае, у меня есть шанс на снисхождение. В общей камере было более десяти женщин. Ночью, некоторые из них безмятежно спали. Другие, вздрагивали каждый раз, когда раздавался даже маленький шорох. Некоторые вполголоса о чем-то разговаривали. Сначала я даже не могла найти себе места, так тесно было в камере. Наконец, какая-то пожилая женщина позвала меня, и подвинувшись, указала на место у самого порога камеры. Присев рядом с ней, я расплакалась. Она попыталась успокоить меня, и ей это удалось. Расположившись калачиком рядом с этой незнакомой женщиной, я почувствовала себя так, словно бы нахожусь в объятиях мамы. Тем не менее, уснуть я не смогла. Я вновь вспомнила те бесконечные разговоры родителей, когда они решали мою судьбу. Я вспоминала каждое слово, произнесенное там – дома, когда они решили отдать меня в жены Гопуру. Вспомнив наивность мамы, которая думала, что я буду счастлива в городе, слезы отца, когда он, оставив меня в этом самом городе, уезжал, я невольно разрыдалась вновь. Мне захотелось вернуться в родное село, к своим родителям. Но, это было невозможно. С грустью думая об этом, я

не заметила, как задремала. Мне показалось, что я спала недолго, не более получаса. Однако, за это время я увидела во сне родное село. Вроде бы мы с подружками находимся на берегу реки. Вдруг, мы соскальзываем в реку, и вода уносит меня. Я не могла понять, утонула ли я, или нет. Я стала кричать, и одновременно услышала, как отец принялся звать меня. Проснувшись, я не могла понять, где я нахожусь. Наконец, осознав, я что в тюрьме, почувствовала, что страшная тоска овладевает мною. Под утро я опять ненадолго уснула. Утром, осознавая свое положение, вновь расплакалась.

– Успокойся, доченька, – заговорила женщина, предоставившая мне место, – в жизни бывает всякое. Нужно только перетерпеть. Вот эти девушки находятся в таком же положении, что и ты. Они арестованы без всякой вины.

Услышав, что говорят о них, несколько девушек подошли к нам. Одна из них печально произнесла:

– Тетушка Патам для нас словно родная мать. Мы тоже поначалу боялись всего. Но она успокоила нас, научила не терять присутствие духа.

После этих слов я поняла, что не одна. Девушки же, стали расспрашивать о том, как меня зовут, и почему я здесь?

После моего рассказа, тетюшка Патам произнесла:

– Доченька, ты-то хоть попала сюда, отстаивая свое право. А мы так вообще ни за что. Мне вот – шестьдесят три года. Уже два года прошло, как умер мой муж. Кроме трехкомнатной квартиры, оставшейся от мужа, у меня ничего не было. Пенсию я получала в размере 15 юаней. Естественно, этого не хватало, и я решила две комнаты в своей трехкомнатной квартире сдавать в аренду. Ну, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Квартирантом у меня был наш начальник наше-

го микрорайона по имени Асихан с семьей. Он жил уже год, но заплатил только за первые три месяца. Сначала я просила заплатить, однако видя, что он не намерен этого делать, потребовала его освободить жилое помещение, так как намеревалась взять другого, более добросовестного квартиранта. Но, через два дня, ночью, в квартиру ворвался Асихан в сопровождении двух сотрудников милиции. Обвинив меня в том, что я – сторонница капитализма, и потому, сдаю частное жилье в аренду, тем более, по завышенной цене, в ту же ночь арестовали меня и посадили в тюрьму. Через неделю мне сообщили, что все мои скудные пожитки Асихан перевез моей сестренке, а сам переписал мою квартиру на свое имя.

Тетушка Патам замолчала, а потом горько добавила:

– Мне-то шестьдесят три года. Но, вы-то – молодые девушки! Вам-то за что такая напасть?!

Тетушка Патамхан посмотрела на красивую, нежную девушку, сидевшую недалеко от меня, и вздохнув, продолжила, обращаясь явно ко мне:

– Посмотри, доченька, на эту красавицу. Ведь она способно осчастливить любого молодца. А как распорядилась судьба? В квартале, где она жила, рос парень по имени Обулкасим. Он был разбалованным, дерзким ребенком. И этому способствовало то, что его мать занимала определенную должность в местной системе управления. Она была страшной интриганкой, все свое время посвящая тому, чтобы делать гадости людям. Потому-то и ее сын, этот самый Обулкасим, считал, что ему позволено все. А эта девушка – Дилбар, была влюблена в парня, по имени Махмут. Он закончил учебу в институте, и намеревался увезти Дильбар в Турфан, куда направлялся по распределению. Однако Обулкасим решил воспрепятствовать этому, так как надеял-

ся овладеть Дильбар, ведь он, по своему, был влюблен в нее. Получив отказ девушки, Обулкасим решил, что она не должна достаться никому. Он вознамеривался убить Махмута, Дильбар, и даже себя. Встревоженная этим, его мать – Хавахан выбрала другой вариант решения проблемы. Используя свои связи, она по надуманному предлогу, обвинив Дильбар в том, что она воровка, упрятала ее в тюрьму. Отец Дильбар – Хошухун не нашел защиты, так как никто и слушать не стал бедного, старого человека.

Едва только тетушка Патам произнесла эти слова, как дверь камеры со скрежетом открылась, и на пороге появилась надзирательница-китаянка. Она бросила одеяло, и еще какой-то сверток. Мы подумали, что, возможно, сейчас введут нового заключенного, однако, китаянка громко произнесла:

- Кто из вас Имханам?
- Это мое имя, – ответила я.
- Твоя постель!

Услышав эти слова, я поняла, что моим надеждам на скорое освобождение не суждено было сбыться.

Видя, что я расстроилась, тетушка Патам произнесла:

- Доченька, располагайся здесь, рядом со мной.

Настало время завтрака. Надзирательница строго сказала:

– Ешьте быстрее. Затем, соберите свои вещи, и будьте наготове.

Всем стало ясно, что нас намеревались переводить куда-то в другое место. Все недоуменно молчали, и лишь тетушка Патам грустно произнесла:

– Видать, по домам нас не отпустят. Да облегчит Всевышний наши муки.

Невольно, из глаз девчонок потекли слезы. Вместе со всеми рыдала и я.

Нас вывезли в лагерь. Кроме огней, освящающих кусок непроглядной пустыни Гоби, ничего не было видно. Нас распределили по разным баракам. Мне место показали две молоденькие девчушки. Пробравшись сквозь темноту и вздыхая спертый воздух, я невольно вновь расплакалась. Вдруг, появилась какая-то женщина, которая строго глядя на меня, прикрикнула:

– Что разревелась? Или ты думала, что здесь тебя ждут с распростертыми объятиями твои родные. Нет, это место, которое заставит тебя тысячу раз пожалеть о том, что ты сюда попала.

Удивительно, но ее слова, не испугали меня, а напротив, придали мне сил.

Через два месяца меня вызвали в контору лагеря. Там меня ждал какой-то незнакомый мужчина. Он холодно протянул мне лист бумаги, и на мой недоуменный взгляд произнес слова, которые больно ранили меня.

– Это документ о разводе. Ты должна расписаться! – не терпящем возражения тоном произнес он.

– К-к-как о разводе? – удивилась я, начиная заикаться.

После того, как Гопур сильно ударил меня, я, в моменты волнения, начинала заикаться.

Человек, принесший бумагу, холодно сказал:

– Повторяю, это – документ о расторжении вашего брака. Отказываться нельзя. Подпиши здесь.

– Но я неграмотная.

Он, казалось, был готов к этому. Уверенным жестом он вынул из портфеля коробочку, раскрыл ее, и я увидела в ней красную, влажную, мягкую пористую губку.

– Обмакни палец и приложи его вот сюда!

Сложив бумагу с моим отпечатком, и спрятав коробочку, он назидательно произнес:

– Исправляйся хорошо. В этом случае, через два-три года тебя отпустят. А если нет, то останешься здесь на десять лет, а может, и еще дольше.

Не слушая его, я встала и направилась к двери.

– Ты куда? Я еще не договорил! – вскричал он.

Но мне было уже все равно. Все мои надежды рухнули. Ведь этот человек даже не представлял, насколько тяжело провести несколько лет в лагере. И дело было не в непосильной работе. Больше всего я страдала от голода. Пустая похлебка не могла даже заглушить это чувство. За два месяца пребывания в лагере, я ни разу не попробовала мяса, либо еды, где была бы хоть капля жира. К пустому супу давали лишь кусок пресного просяного хлеба.

Имханам замолчала и тяжело вздохнула.

– Длинными, холодными днями, работая на рытье канала, я часто вспоминала Гопура. Ведь мы прожили больше года. И, казалось, все было хорошо. Да ведь и вина, послужившая нашему разводу, была его. И, кроме того, мы ведь были родственниками. Как бы то ни было, я надеялась, что он вытащит меня из этого ада. Теперь, после прихода этого человека, моя надежда рухнула. Несколько дней я болела, а затем, немного придя в себя, решила на отчаянный шаг. Я задумала бежать. С этого самого дня, я ожидала лишь удобного случая, так как мысль о побеге казалась мне единственной, способной помочь мне выжить. Через две недели, ночью, я, выйдя из барака, направилась в сторону пустыни. Беспрепятственно я отдалилась от лагеря, который, фактически, не особо и охранялся, так как далеко вокруг раскинулась лишь бескрайняя пустыня. Я шла всю ночь, и лишь к утру наткнулась на какой-то заброшенный сарайчик. Обессилено упав на соломенный пол, я уснула. Меня разбудил суровый окрик. Открыв

глаза, я увидела перед собой людей. Это было два китайца, которые приказали мне следовать в направлении строений, видневшихся вдали. Сначала я попыталась уговорить их отпустить меня, но, оглядевшись, поняла, что это было бесполезно. Дело было в том, что я, к своему удивлению и ужасу, увидела, что прошагав всю ночь, я вернулась опять к лагерю. Я не могла осознать, как такое могло произойти, однако, это было так.

Имханам опять замолчала. Я не перебивала ее.

– За три года пребывания в лагере, я двадцать восемь раз пыталась бежать. Но это мне не удалось. Тем временем, лагерная жизнь все более ужесточалась. Люди умирали от голода и холода десятками. Многие из тех, кто был переправлен в лагерь вместе со мной, умерли. Не избежала этой участи и тетушка Патам. Она скончалась через полгода после ареста. Ее смерть сильнейшей болью сказала на всех нас.

Я не оставляла попыток вырваться из этого ада. Когда, в очередной раз, я решила бежать, была готова на все. Несмотря на крайнюю истощенность, я все же направилась подальше от лагеря. Я шла до тех пор, пока не выбилась из сил. Я не помнила как опустилась на землю, как у меня сомкнулись глаза. Но я отчетливо помню, что очнулась я от запаха еды. Едва приоткрыв глаза, я, к своему изумлению, увидела совсем рядом засаленную тряпицу, в которую было завернуто то, что я не видела долгое время. Развернув тряпицу, я обнаружила кусок вареного мяса, два блинчика, два яйца и несколько лепешек. Не помня себя, я с жадностью набросилась на еду. Лишь после этого, я окончательно пришла в себя, и могла осознавать, где я находилась. Однако я не могла понять, откуда появилось эта еда здесь – в бескрайней пустыне. Вокруг никого не было, и мне подумалось, что какой-то одинокий путник сжа-

лился на умирающей, и отставил этот сверток. А может, он упал с проходившего редкого каравана? Я была уверена, что это произошло по воле Аллаха, и молила его, чтобы Аллах помог тому, кто помог мне. Пока я лежала в степи, не в силах продолжить движение, меня обнаружили охранники и вновь вернули в лагерь.

Имханам замолчала. Молчала и я. Наконец, она продолжила:

– Через месяц я ослабела настолько, что не только не могла и думать о побеге, но даже слегла и не могла выходить на работу. В один из таких дней, нас в бараке осталось шестеро девушек, чувствовавших себя очень плохо. Нам всем хотелось есть, но, так как еды не было никакой, мы решили хотя бы, попить кипятка. Одевшись потеплее, я вышла из барака. Высоко в небе летела стая журавлей. Я с завистью смотрела на них, ведь они, в отличие от нас, были свободны. Держа в руках кастрюльку, я направилась к колодцу. Вдруг, я, словно бы ощутила какой-то толчок. Мой взгляд упал на дорогу. Вдали, у конюшни, я увидела какого-то человека, ведущего под уздцы осла. Присмотревшись, я подумала о том, что этот одинокий путник похож на моего отца. Я присмотрелась. И я узнала отца. По-видимому, он тоже увидел меня. Мы бросились навстречу друг другу. Не в силах сдержать слезы, я упала в объятия отца. Мы долго стояли посреди дороги, пока бригадирша не завела нас в барак.

В очередной раз замолчав, вновь переживая прошедшее, Имханам продолжила свой рассказ.

– При виде условий, в которых мы находились, отец не смог сдержать слез. Естественно, навзрыд плакали все девушки и женщины, находившиеся в бараке. Отец привез вареного мяса, лепешек, а также слоенной самсы, испеченной в тандыре. Девушки вскипятили чай,

и мы все сели обедать. Девушки давно уже не видели такой еды, и потому, сидели, еле сдерживаясь. Заметив это, отец призвал их не стесняться.

– Вы все мои дочери. Не стесняйтесь. Ешьте, все домашнее, все свежее.

Хотя отец старался сдерживаться, я видела, как слезы не перестают течь из его глаз.

После того, как мы поели, отец рассказал о том, что мама и братишки чувствуют себя хорошо. Еще он сказал, что о моем аресте и ссылке узнал совсем недавно. И то, от случайных людей, так как моя тетя и, одновременно, свекровь, скрывала все от моих родителей. Когда же они пришли к ней с расспросами, она обвинила меня в том, что я хотела убить ее сына, то есть Гопура.

Имханам в очередной раз замолчала. Я тоже сидела молча, внимательно ожидая продолжения.

– По словам отца, он искал меня два месяца. Где только он не побывал. Посетил многие лагеря по перевоспитанию. Был и на пересылочных пунктах. И наконец, сумел найти меня. Вечером, когда возвратился с работы основной отряд, мой отец был поражен тем, что заключенные ели на ужин. От жалости, он порывался в своем мешке, и, хотя я шепнула ему, чтобы он не делал этого, он, все же отдал им оставшиеся лепешки. Отец жил с нами почти всю неделю. Он надеялся увести меня, однако, не смог договориться с начальником лагеря.

Еще через четыре месяца был получено распоряжение, что кроме правых уклонистов и националистов, все остальные ссыльные освобождаются из лагеря по перевоспитанию. Нам дали дневное довольствие и вывезли из лагеря. Так как у меня никого не было в городе, я снимала комнатку вместе с лагерной подружкой

по имени Хайриниса. Она была очень ловкой и энергичной. В дни, когда у нас совершенно не было средств к существованию, она исчезала из дома и буквально через несколько часов приходила с деньгами. На мои недоуменные вопросы она не давала толковых ответов...

Имханам посмотрела на меня, и я заметила что-то виноватое в ее взгляде.

– Комната, которую мы снимали, находилась недалеко от парка. Мы часто гуляли в нем, сидели на лавочке. Как-то, в один из таких вечеров, мимо нас прошел парень. Он остановился, а потом вдруг сел на лавочку напротив. Хайриниса сразу же сообразила, что парень хочет познакомиться. Действительно, через некоторое время он заговорил, и выяснилось, что он родом из Токсуна. Военный. Служил в конном полку Уйгурской Национальной армии. Зовут его Омар. Мы разговорились, и Омар признался, что я ему понравилась, и он хотел бы, если я не возражаю, увести меня в свой родной Токсун. Конечно, я согласилась, хотя уже и имела горький опыт замужества.

Имханам вновь замолчала, и я поняла, что ей тяжело было вспоминать. Однако она все же продолжила.

– Родители Омара были прекрасными людьми. Они души не чаяли во мне. Даже не начинали завтракать без меня. Омар любил меня сильно, и я думала, что, наконец-то, обрела счастье. Вскоре, родители Омара навестили моих родителей, и сообщили, что теперь я – их невестка. Однако, случилось непредвиденное. Как-то я, случайно, на токсунском базаре я встретила молодого человека по имени Керам, который был в ссылке вместе с нами. Мы разговорились, я рассказала ему о своей жизни, и по-традиции, пригласила в дом. К моему удивлению, он согласился. А я не знала, как пред-

ставить его моей нынешней семье. И я решилась на обман. Когда мы вошли во двор, я сказала, что это мой брат. Родители Омара, да и сам он, встретили Керама приветливо. На правах брата он жил вместе с нами. Почти две недели, из-за тесноты, Керам даже спал в нашей комнате. По утрам Омар уходил на работу, а мы с Керамом оставались одни.

Я удивленно посмотрела на Имханама, и она, видимо, стыдясь этого взгляда, низко опустила голову. Однако, продолжила говорить.

— Через две недели Керам уговорил меня оставить Омара и уйти с ним. Он даже намеревался развести меня официально, о чем сообщил Омару. По его словам, он намеревался повести меня в Пекин, Шанхай, Тяньцзинь вместо того, чтобы прозябать в Токсуне. Поддавшись на его уговоры, я согласилась на развод. На суд пришел не только Омар, но и его родители. Они попытались отговорить меня от опрометчивого поступка, но я поддалась влиянию Керама и ничего не могла с собой поделать. В результате, мы с Керамом уехали в направлении Аксу, а бедный Омар вместе со своими родителями, остались стоять посредине улицы у здания суда.

Керам был карманником. Всю дорогу до Аксу, он занимался тем, что воровал деньги у попутчиков. В городах промышлял на базарах. К несчастью, я не могла его осуждать. Более того, как-то на ночлеге в Кучаре, я не удержалась, и украла часы у одной женщины, оказавшейся со мной в одной комнате. Меня поймали, и присудили мне два года. Так вот я второй раз попала в лагерь. Практически сразу же задержали и Керама.

Имханама замолчала. На этот раз молчание продолжалось довольно долго. Наконец, она посмотрела на меня, и тихо произнесла.

– Как я жалею о том, что произошло, – сказала Имханам с горькой улыбкой. – Мало того, что я навлекла позор на своих родителей, я предала любившего меня Омара, сделала несчастными его таких добрых отца и мать.

ОБМОРОЖЕННЫЕ ПОГИ АЙШАМ 31 ДЕКАБРЯ. СУББОТА

После ужина мы навели порядок в нашей комнате. Дело в том, что женщины часто спорили, ругались, и во время таких стычек разбрасывались всем, что ни попадется под руки. Вот и сегодня, ссору учинили Саадат и Айгуль.

Однако их ссора ничего не значила по сравнению со скандалом, разразившемся в соседнем строении, где жила и Айшам. Именно ее крики мы слышали спустя всего через несколько минут после того, как утихомирились наши дебоширки.

Никто не знал, из-за чего начался конфликт, однако вскоре стало ясно, что Айшам последними словами обозвала бригадиршу Гульнису. Та в ответ материла ее так, что невозможно было слушать.

Айшам выбежала на мороз, причем она была не то, что раздета, но разута. Она побежала в сторону водохранилища, и многие подумали, что она была готова свести счеты с жизнью.

Как выяснилось позже, бригадирша Гулниса заподозрила Айшам в связи со своим мужем. Действительно, Айшам и ей подобные заигрывали с мужчинами, но насколько далеко это заходило, никто не знал.

Сегодня же, Айшам решила на такой отчаянный поступок, вероятно полагая, что бригадирша Гулни-

са немедленно пошлет людей, чтобы отвратить ее от беды.

Людей действительно послали, но когда двое конных охранника привезли Айшам, обе ее ноги были сильно обморожены. Лагерный врач делал все возможное, чтобы облегчить страдания несчастной Айшам. И лишь благодаря его знаниям, Айшам не лишилась ног. Однако три месяца она не могла ходить, и после этого, еще с полгода передвигалась с помощью костылей.

Между тем, муж бригадирши Гулнисы, узнав о происшествии, в котором, по слухам, был замешан и он, возмутился.

Это был порядочный мужчина, бывший офицер Национальной Армии Восточно-Туркестанской Республики. Он дорожил своей семьей, и, наверное, не меньше дорожил честью офицера Национальной Армии, чтобы пойти на такую связь. Он приводил в пример порядочных, достойных девушек, упомянув Сажиду и меня, и как нам показалось, с некоторой неприязнью говорил о тех девицах, которые сами липнут к мужчинам.

21 МАРТА. СУББОТА

В свои права вступала весна. Хотя холода еще окончательно не отступили, чувствовалось, что в природе назревают изменения. От этого у меня наблюдался какой-то душевный подъем.

Начиная с февраля, мы занимались тем, что перетаскивали навоз на поля. Работа была тяжелая, так как конюшня находилась на приличном расстоянии. Тем не менее, сегодня я выполнила норму раньше обычного.

Вернувшись в комнату, где мы жили, я вдруг за слабо горевшей печкой увидела Тажинису, которая, сидя на корточках, беззвучно плакала.

– Что случилось? – встревожилась я.

– Знаешь, Суюнгуль, я вспомнила своих детей, и мне стало так тоскливо на душе.

– Как, у тебя есть дети? Я не знала!

– У меня их одиннадцать!

– Как одиннадцать: – не поверила я.

Действительно, в это было трудно поверить, так как Тажиниса была еще совсем молодой женщиной.

– Знаешь, Суюнгуль. У меня, почему-то, рождаются двойняшки. Так было четыре раза. А последний раз, так вообще, родилась тройня.

Пораженная этими словами, я спросила:

– И где же они? С отцом?

– Видишь ли, у них разные отцы. Я рожала, и оставляла детей в роддоме. Вот такая я непутевая.

Тажиниса виновато посмотрела на меня, и немного помолчав, добавила:

– Но я одумалась. Освободившись, я обязательно найду всех своих детей.

– Как же ты их найдешь?

– Найду. У них у всех есть характерное родимое пятно на спине.

Я не знала, что сказать. Рассказ Тажинисы настолько потряс меня, что я потеряла дар речи. Мне только стало бесконечно жаль таких как Тажиниса матерей. И все-таки, я в душе успокоилась, так как поняла, что окончательно материнское чувство даже у таких как она, не было окончательно утеряно.

ВРЕМЯ УБОРКИ УРОЖАЯ 25 ИЮНЯ 1964 ГОДА. ЧЕТВЕРГ.

Наступила летняя жара. Она была невыносимой. Поэтому, мы работали с четырех часов после полудня до десяти часов вечера. В основном, до сегодняшнего дня занимались созданием борозд по краям полей. Нормой для каждого было 200 метров.

С сегодняшнего дня нам объявили, что перекинут нас на жатву урожая. Нас перевезли на расстояние в пятнадцать километров. В чистом поле находились высокие, просторные строения. Они были светлыми и чистыми. Единственно, что там не было окон и дверей.

Едва мы разместились, как все заключенных выстроили в поле, и начальник всего лагеря объявил задачу. Он не забыл отметить, что норма выполнима, и те, кто ее перевыполнит, получит дополнительный паек. Соответственно, у того, кто не выполнит норму, этот паек будет урезан.

После общего сбора, нам дали время отдохнуть. Айшам Аюп, подойдя ко мне, сказала:

– А ты знаешь, что это место раньше было центром регионального управления лагерей. В этих местах проходил ссылку известный писатель Зия Самади. Я, правда, не знаю, он был правым уклонистом, или националистом, но он был здесь. Правда, я слышала, что в связи с тем, что он был писателем, ему предоставили послабления в работе.

Я ожидала чего угодно, но то, что Зия Самади находился здесь – для меня было новостью.

После ужина, мы пораньше легли спать. Правда, девушки, вероятно от того, что не могли уснуть на новом месте, еще немного пошутили на тему комаров, волков,

и даже сказочных джинов, которые, в связи с отсутствием окон и дверей, могли их украсть.

Вскоре, однако, мы уснули, и проснулись от резкого крика, возвещающего о подъеме, в два часа ночи. Недовольно поднимаясь, мы, тем не менее, вынуждены были отправиться в поле.

Норма была не такой уж маленькой. Несколько часов я работала со всеми. Затем, ко мне подошла бригадирша Гүлниса, и поручила мне приносить для работающих, питьевую кипяченую воду.

– Ты крепкая, да к тому же и ответственная! Ты справишься! – сказала она твердым голосом.

В мои обязанности входило беспрерывно в ведрах на коромысле приносить в поле воду. В связи с тем, что расстояние от кухни, где кипятили воду, до поля было значительным, мне эта работа показалась еще более тяжелой, чем жатва. Однако делать было нечего, и я старалась сделать как можно больше ходок, чтобы вода досталась всем. Сначала у меня не получалось. Вода в ведрах расплескивалась. Одновременно, я слышала недовольные окрики женщин, требующих воду. Постепенно, я приловчилась, и к концу дня уже приносила воду, не расплескав ни капли.

В обеденный перерыв, дополнительно к обычному пайку, всем дали еще и отварной картофель. Я поела кое-как, так как, почему-то, не было аппетита. Не дожидаясь окончания обеда, я вновь поспешила за водой.

Вечером мы все выбились из сил. К тому же, нам показалось, что сегодня жара была просто невыносимой.

Вернувшись с поля, я, посмотрев на девчонок, произнесла:

– Сегодня то уж мы будем спать крепко. Все устали до невозможности.

Сажида с трудом повернула голову, и ответила:

– Четырнадцать часов работы в поле – это не шутки.

– В первый день, действительно, трудно. Постепенно привыкнем, – сказала я.

Произнеся эти слова, я сама еле доковыляла до постели. У меня болели руки и ноги. Тем не менее, мы целый месяц работали на жатве, и лишь по ее завершении, вернулись в Шийгоби.

3 АВГУСТА

Вернувшись с жатвы, мы были разделены на две группы. Одну направили сажать осенние овощи, а другую, куда попала и я, следовать за комбайном, и собирая в огромные алюминиевые миски зерно, грузить его на машины.

Мы вчетвером, еле успевали за двигавшемся комбайном. Летняя жара, тяжелая работа, да, к тому же, пыль, были невыносимы.

Савриниса, в отчаянии, даже воскликнула:

– Как я жалею, что вообще появилась на этом свете!

Я взглянула на нее, и вроде не к месту, рассмеялась. Это произошло непроизвольно, просто вид у нее был очень уж смешным. Пот перемешался с пылью, и лицо Савринисы было причудливо измазано. Она, взглянув на меня, также рассмеялась.

Однако мы должны были продолжать работать. Савриниса, с трудом поднимая тяжелую миску, споткнулась, и упала. Она поранила ногу, и ушла в санчасть.

Через некоторое время мы отправились на обед. Напротив меня сидела Турахан. Внезапно, она стала громко возмущаться:

– Кто взял мой хлеб?

Все были в недоумении. Никто не признавался. Я думаю, никто даже и не намеревался брать чужой паек. Между тем, Турахан не унималась.

Сажид, сидевшая рядом, произнесла:

– Никто не брал твоего хлеба. Ты, наверное, не заметила, как сама его съела.

Турахан призадумалась, а потом тихо произнесла:

– Вроде бы, я и не ела...

Она помолчала, а потом вышла, полушепотом произнеся:

– Работаем как проклятые, могли бы, хотя бы, кормить получше...

Таким образом, мучаясь, мы проработали двадцать дней. Эта работа завершилась лишь после того, как вереница грузовиков увезла собранное нами зерно в Урумчи. Мы печально смотрели вслед груженным машинам, понимая, что в Урумчи наше зерно погрузят в товарные вагоны, и отправят во внутренние китайские провинции.

ИЗЛОЖЕНИЕ БЫВШИХ ЧЛЕНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 24 АВГУСТА

Меня с Ян Зи направили мыть зерно. Каждое утро мы переносили к колодцу десять емкостей по сто килограммов каждая. В наши обязанности входило перемыть это зерно, просушить его, и, после обеда, на ручных тачках отвести его на склад. Затем следовало подготовить следующую партию на следующий день.

Сегодня утром я везла на тачке зерно к колодцу. Вдруг на горизонте показалась грузовая машина. Ког-

да она приблизилась, я увидела, что на кузове расположились вооруженные китайцы. Я почувствовала что-то неладное. Китайянка Ян Зи также была удивлена.

Через некоторое время все стало ясно. Китайские солдаты заменяли собой бывших членов Национальной Армии Восточно-Туркестанской Республики. Я знала, что они не были расформированы, и входили отдельной структурой в состав армии страны. А теперь, их расформировывали. Мы поняли это, когда члены Национальной армии проходили мимо нас и прощались.

Мне было ясно, что Китайская армия заменяла Национальную армию. А члены Национальной армии подверглись репрессиям. Значит, народ Восточного Туркестана остался без своей армии. А нация без армии превращается в рабов, ибо она оккупируется чужой армией. То есть, шаг за шагом, мы все больше становимся зависимыми.

Такому же низложению подвергся и муж бригадирши Гулисы. Ему платили тридцать юаней за ту же черную работу, что выполняли заключенные.

Мне подумалось, что если защитники народа унижены до такой степени, то что должен испытывать сам народ?!

ТРАГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ИСМАИЛА

27 СЕНТЯБРЯ

Бригадирша направила нас – восемь девушек, на другой конец поля, чтобы грузить свеклу на телеги.

Только мы отошли от нашего жилища, как на дороге появились три телеги. Возчик первой же телеги остановил лошадь перед нами. Мы сели в телегу. Возчик, которого звали Исмаил, практически сразу же стал уго-

щать нас дынями. Девчонки не отказывались. Напротив, они даже не стали ждать, пока Исмаил разрежет дыни на дольки. Они просто разломали дыню.

Я отказалась, и это удивило Исмаила.

– Суюнгуль, вы довольствуетесь тем, чем вас здесь кормят?! Я восхищен вашей выдержкой!

Перед нами лежало огромное поле. Группы мужчин занимались сбором сахарной свеклы.

Лошадь остановилась в том месте, где кучами лежала собранная свекла.

Едва мы сошли с телеги, как Айшам Мамут произнесла:

– Суюнгуль, посмотри туда.

Я повернула голову в сторону группы мужчин. Они спешно, озираясь по сторонам, ели сахарную свеклу.

Исмаил печально объяснил:

– Они голодают. Им не хватает того скудного пайка, что дают здесь.

Внезапно мы услышали задорный куплет популярной песенки. Приглядевшись, я узнала в поющем человеке Хейтам Калака, которого знала по ремонтному заводу.

Моментально, мужчины вскочили с места, и поспешно стали закапывать кожуру свеклы. Приближалось начальство, и песенка была, своего рода, условным сигналом.

Мы работали, улыбаясь увиденному. Исмаил, тем временем, сказал:

– Они так просто не выдают своих. Не то, что женщины.

Приблизилось начальство, и мы работали, даже не пытаясь разговаривать друг с другом.

До обеда мы успели загрузить пять телег. Когда мы грузили шестую, Исмаил вдруг спросил:

– Суюнгуль, вы знаете что означают слова «Уч талак».

– В детстве я слышала, что эти слова означают что-то нехорошее. Мне всегда внушали, что не нужно ни слушать, ни произносить их.

– А вот для меня эти слова стали роковыми, – грустно произнес Исмаил. Он помолчал, а затем рассказал нам свою историю.

Оказывается, Исмаил был военным. Он неплохо справлялся со своими обязанностями. Был даже допущен к военным секретам. Служил он хорошо, и пользовался определенным уважением. Однако, работа была нервная, и нередко он приходил домой в не самом хорошем настроении. К тому же, его начала попрекать жена. Одним словом, дело дошло до развода.

Однажды, не выдержав упреков жены, которая заявила, что подает на развод, Исмаил произнес эти слова. А для мусульман слова «Уч Талак» и означают фактический разрыв семейных уз. И хотя Исмаил и не был уж таким религиозным человеком, и не придал своим словам серьезного значения, его жена решила по другому. Она собрала вещи и ушла к своим родителям.

Исмаил, в надежде помириться, направился за женой. Однако теща ответила за всех. Она категорически отказалась от всякого примирения. Более того, бывшая жена Исмаила написала его начальству письмо, в котором раскрыла некоторые секретные данные, о которых рассказал ей Исмаил много времени тому назад. Короче говоря, благодаря коварству жены, Исмаила за разглашение военной тайны, осудили на два года.

Выслушав рассказ Исмаила, мы были подавлены, так как не могли себе и представить, что эти два слова «Уч Талак» стали причиной того, что человека осудили на два года.

Однако самое страшное произошло после обеда. Никто не знает почему, но лошадь Исмаила вдруг, словно взбесившись, понесла. Как ни старался Исмаил, стоя на телеге, остановить лошадь, ему это не удавалось. И в этот момент, прямо на дорогу, фактически под колеса телеги, выбежал малолетний ребенок одного из начальников-китайцев.

Не зная, что предпринять, Исмаил натянул вожжи, стараясь повернуть голову лошади, и надеясь, что, таким образом, она сойдет с дороги. Ему это начинало удаваться, но, вдруг, он не удержался на ногах, и упав с телеги, попал под ее колеса. Его какое-то расстояние волочило по земле, пока телега не остановилось.

Подбежавшие люди видели, что Исмаил лежал без сознания. Врачи определили у него повреждение позвоночника и паралич. Ему нужен был специальный уход, но даже приехавший брат не мог его обеспечить. А ведь он был еще так молод.

ПРИБЫТИЕ КОМИССИИ. 25 СЕНТЯБРЯ

Сегодня стояла прекрасная погода. Бригадирша оставила в лагере десять девушек, и назначив меня старшей, приказала перемыть все постельные принадлежности заключенных-мужчин.

Нам выделили тазы, мыло, сбросили в кучу матрацы, простыни и наволочки. На них было невозможно смотреть. Оказывается, раньше они были белого цвета. Судя по их теперешнему виду, об этом можно было только догадываться.

Работая не покладая рук, до обеда мы не только справились со стиркой, но приступили к штопке рваных мест.

Бригадирша удивилась нашей расторопности. Она даже похвалила меня, отметив, правда, что у меня не наблюдаются изменения в моей идеологии.

– Что вы, я меняюсь в лучшую сторону! – заверила я ее. Про себя же подумала о том, что изменить мои взгляды им никогда не удастся.

Мы уже грузили матрацы, когда пришли люди и вызвали Сажиду. Я переживала за нее, но вскоре Сажиди вернулась. Она принесла новость о том, что в лагерь приехала комиссия.

Как выяснилось, начальству поступило много жалоб на условия жизни в лагере. В основном, они касались того, что в лагере постоянно происходили избиения заключенных.

В результате расследования, комиссия, проверив заявления, осуществила некоторые перестановки. Наиболее одиозные надзиратели, те, кто больше всех занимался рукоприкладством, были сняты со своих должностей. Безусловно, мы были рады этому. Однако, как нам удалось узнать, их просто переместили в другие места заключения.

Тем не менее, комиссия распорядилась несколько улучшить содержание заключенных. В частности, в рацион питания включили хлеб из белой муки.

Показательно, но именно в период прибытия комиссии, Саадат и Хеличам, в свое время ложно обвинившие Сажиду в подстрекательстве к побегу, сами пришли к нам и признались в том, что их всему этому научила Махинур, чтобы занять место Сажиды.

ПЕРЕЕЗД МУЖСКОГО ОТРЯДА. 4 ОКТЯБРЯ

Утром было довольно прохладно. Умываясь, я вдруг увидела, как к лагерю приближаются пять грузовиков. Они были порожние, и я, и представить не могла, для чего они прибывают сюда.

Вскоре, однако, все выяснилось. Мехрибан, отправившись на кухню за завтраком, сообщила все подробности. Оказывается, машины прибыли за всеми мужчинами. Их отправляли в специализированный лагерь по перевоспитанию трудом (лаогай).

Услышав эту новость, все пали духом. Многие думали, что там, куда их переселяли, будет лучше. Ведь всем казалось, что более гиблого места, чем наш лагерь, не может быть.

Однако та же всезнающая Мехрибан утверждала, что по поводу переселения женщин нет никаких новостей. Она сказала, что переселят всех, кроме женского отряда, и части отряда кадровых работников.

Между тем, в расположении мужчин лагеря творилось неопишемое движение. Однако вскоре оно прекратилось. Мужчин рассадили по грузовикам с вооруженной охраной. Как обычно, солдатами были исключительно китайцы.

Последними отправилась машина с семейными кадровыми работниками.

Вскоре машины тронулись, а мы остались на краю пустыни. Мне стало грустно, ибо я, больше всего на свете люблю людей. Люблю общения, просто присутствия людей. Но вот когда все уезжают, а остаются очень немногие, то сердце охватывает необъяснимая тоска.

ПОИМКА КАБАНА

20 декабря было очень холодно. Работать на морозе было невыносимо. Тем не менее, у нас не было выбора. Мы работали на берегу водохранилища, поднимая насыпь на его берегу. Отсюда была видна вся окрестность.

Вскоре мы заметили приближающуюся точку. Приглядевшись, можно было увидеть на человеке форму. Мне подумалось, что, возможно, это муж нашей бригадирши Гулнисы. Ведь он был офицером Национальной армии.

Внезапно, мои мысли переключились на саму Гулнису. Ведь она, можно сказать, наравне с нами отбывала заключение. Даже больше того! У нас у всех когда-нибудь закончится срок, а она останется здесь. Было даже как-то странно осознавать, что человек сам может выбрать такую профессию...

Тем временем, человек, прошедший по дороге, оказался почтальоном. Девчонки заговорили на тему писем, поддевая друг друга тем, что некоторым никто никогда не напишет письма. Естественно, словесные перепалки переросли в потасовку, которую тут же пресекла бригадирша. Хотя хоть какая-то польза от этой потасовки была: девчонки немного согрелись.

Еще через какое-то время мимо нас проехал грузовик. Сидевшие в кузове люди, съезжившись, внимательно посмотрели на нас. Впрочем, мы тоже не оставили их без внимания.

Бригадирша подгоняла нас, и, тем не менее, мы умудрялись и работать, и перекинуться словами, и оглядываться по сторонам.

Вдруг Айшам Аюп, указывая на точку в глубоком снегу, воскликнула:

– Бригадир, вон бежит кабан!

Моментально все приостановили работу. Я была удивлена, так как не думала, что здесь могут водиться кабаны.

Не обращая внимания на бригадиршу Гулнису, которая призывала продолжить работу, Айшам Аюп намерилась поймать кабана. Она бросила кирку, которой долбила промерзшую землю, и бросилась по глубокому снегу в направлении животного. Большинство женщин побежали за ней. Я тоже намеревалась последовать их примеру, но меня остановил строгий взгляд бригадирши Гулнисы.

Тем временем, более двадцати женщин-заключенных бежали по полю. Они громко переговаривались, утопали в снегу, но, не отступали и продвигались все дальше и дальше.

Бригадирша смотрела встревоженным взглядом. Было видно, что она опасается группового побега.

Тем временем, женщины стали загонять кабана к кромке водохранилища. Выбежавшие на шум мужчины из вольнонаемных, занимавшиеся обеспечением лагеря всем необходимым, дубинками забили животное.

Женщины возвращались, и только тогда бригадирша произнесла:

– Я боялась, что они сбегут.

– Куда бежать в такие морозы? – произнесла я.

– Не скажи! Несколько лет назад, под предлогом помки зайца, сбежало несколько человек. До сих пор не всех нашли.

Возвращаясь к лагерю, мы узнали новость. Оказывается, в грузовике, проехавшем мимо нас, были новые заключенные. Как выяснилось, это были две студентки. Одной дали три года, второй – два.

Мне подумалось, что, возможно, они из Медицинского института.

Мы успели лишь поздороваться. Однако, после ужина, разговорились. Девушки были из Урумчи. Одна из них, которую звали Зохра Аат, начала рассказывать о своей семье, об отце, который был достаточно зажиточным коммерсантом, как вдруг вошла Мехрибан и сообщила, что Зохру Аамат вызывает бригадирша.

ПЕРЕЕЗД ЖЕНСКОГО ОТРЯДА В ШАБАХУ. 23 ФЕВРАЛЯ

На заре все сладко спали. Вдруг раздался громогласный клич. Хотя все уже привыкли к нему, вполголоса ругали Махинур. Медленно поднимаясь с теплой постели, мы были удивлены другим. А именно тем, что в это утро вместе с Махинур появилась бригадирша Гулниса.

Не давая нам времени на удивление, она произнесла:

– До завтрака вы должны собрать свои вещи, постель, и быть готовыми к отъезду.

– А куда мы едем?

– Там узнаете.

Гулниса не захотела вдаваться в подробности, но уже сам факт переезда обрадовал женщин. Мы достаточно быстро собрались, и уже к половине девятого были готовы.

За нами приехало два трактора с прицепами. Как разместившись в них, мы тронулись навстречу новой неизвестности. Уже отъехав на приличное расстояние от нашего лагеря, мы, если и не с сожалением, но с некоторой грустью оглядывались на это место, которое, после отъезда людей, представляло собой жалкое зрелище.

Трактор двигался медленно. Иногда приходилось толкать его, так как он буксовал и сходил с дороги. Тем не менее, мы были в бодром настроении, так как нам казалось, что нас везут в более благоустроенное место, чем лагерь, расположенный под открытым небом.

Второй трактор, следовавший за нами, отставал.

Ближе к вечеру нас привезли к какому-то забору. Трактор въехал во внутренний двор и мы ужаснулись. Мы попали в пространство, окруженное пятиметровой стеной. По углам находились вооруженные автоматами охранники. В глуби двора находилось шесть бараков. Три из них располагались справа, три – слева. Мы невольно выстроились в ряд. Только сейчас мы осознали, что из лагеря в пустыне, но под открытым небом, мы попали в лагерь, который находился за забором, да еще и усиленно охранялся.

Через некоторое время нас распределили по баракам. Три барака выделили для заключенных-китайцев, три – для представителей местных национальностей.

В бараке, куда попала я, в два ряда находились нары. Между ними был такой узкий проход, что двоим невозможно было разойтись. Длина барака составляла пятнадцать метров. Ширина – пять. Туда разместили сорок человек. Кое-как расположившись на нарах, многие, так как сильно устали, сразу же уснули.

Мне не спалось. Пролежав несколько часов, я, услышав шум трактора. Было уже далеко за полночь. Сёв на нарах, через некоторое время я увидела входящих женщин со второго, отставшего трактора.

Зохра Амат обессиленная присела на край нар. Было видно, что дорога измучила ее. Как, впрочем, и всех остальных.

– Что так поздно? – спросила я.

– Трактор сломался. Ждали, пока его починят, – безразлично ответила она, осмотревшись.

Уставшие женщины спали. Пока прибывшие со вторым трактором размещались, из кухни принесли небольшие кукурузные лепешки, которые раздали новопривывшим. Поужинав этими лепешками, все улеглись спать.

ШАБАХУ

24 февраля, с утра вооружившись кетменями и лопатами, мы отправились на работу.

Мы шли по дороге, по обеим сторонам которой были высажены деревья. Справа находился магазин, и рядом с ним – медицинская часть.

Слева – контора заведения, и за ним – жилые помещения для членов семьи начальствующего состава. Чуть в отдалении был разбит сад из молодых деревьев.

Мы шли по этой дороге несколько километров. Затем свернули направо, и уже по узкой, проселочной дороге направились к строящемуся каналу. Мужчины уже работали, нам предстояло присоединиться к ним.

Русло нового канала предполагалось вырыть глубиной в три, а шириной в четыре метра. Нам определили ежедневную норму в четыре кубометра земли на каждую заключенную. Дело осложнялось тем, что земля была влажная, и к лопатам то и дело прилипали куски земли. Нам пришлось работать по двое. Одна копает землю, а другая, находясь на дне канала, соскребает с ее лопаты прилипший кусок влажной земли.

Работа была тяжелой, и мы, возвращаясь, кое как передвигали ноги.

На строительстве канала мы проработали целый месяц.

РОЖДЕНИЕ ЖЕЛНЦА. 28 ФЕВРАЛЯ

Всю беременность Жамиля провела в заключении. Она, наравне со всеми, ходила на работу, стараясь не выдавать своего положения. Лишь когда до родов оставалась неделя, Жамиля вынуждена была поступить в больницу в Санджи.

В последний день строительства канала, когда мы все возвратились с работы, то увидели вернувшуюся Жамилю. У нее на руках был младенец. Он был настолько красивым, что мы все буквально защебетали.

Жамиля была высокой, статной, молчаливой женщиной. По слухам, ее арестовали во время кампании по «исправлению стиля». Однако, деталей никто не знал.

Когда ее арестовали, она уже два месяца как была беременной.

При виде ребенка, Турниса сразу же спросила:

– Мальчик или девочка?

– Мальчик, – ответила счастливая Жамиля.

– Надо сообщить отцу ребенка. Возможно, он придет, поможет вам. Ведь тебе, в этих условиях, трудно будет одной.

– Отец ребенка знает. Он находится здесь, в мужской части тюрьмы. Его зовут Исмаил. Он передал для сына мыло, полотенце.

– Бедняга, у него, наверное, больше ничего и нет, – тихо произнесла Зилейха.

– Ты уже дала сыну имя? – поинтересовалась я.

– Пока нет.

– Так давай назовем его Тюрьма? – серьезно предложила Амина.

Сажиди резко возразила:

– В чем же его вина? Ведь он не выбирал место рождения. Нет, это имя не подойдет.

– А может, назовем его Тарим. Ведь это великая река нашей родины?! – предложила Халчам.

Каждая предлагала свои варианты. Зорам, например, сказала, что имя ребенка должно быть созвучно имени отца. Поэтому, раз отца зовут Исмаил, то сына следует назвать Исраил.

Тут возразила я. Мне показалось правильным, что вместо имени, созвучного с не испытывавшим никаких трудностей, отцом, следует назвать мальчика именем, близким к имени матери, девять месяцев выносившим его в таких условиях. Поэтому, я предложила назвать ребенка Желилом. Все-таки, это близко к Жамиле.

Жамиля согласилась, и мы стали называть ребенка Желилом. Естественно, имя мы ему дали без всяких традиционных мусульманских процедур.

Мальчик был, действительно, очень красивым. Мы все просто в нем души не чаяли. Именно поэтому, не сговариваясь, мы сшили ему одежду. Махинур, например, сшила рубашечку и штанишки, а я связала жилет.

Единственное, что всех нас огорчало, так это то, что в связи со скудным пайком, у Жамили отсутствовало молоко. Желил не переставая, плакал. Однако, вскоре мы нашли выход из создавшегося положения. Мы посоветовали Жамиле кормить сына пережеванной кукурузной лепешкой.

Наевшись тюремной еды, мальчишка успокаивался и сладко засыпал.

НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ ЖЕЛИЛ. 11 МАРТА

За Желилом присматривали все, кто по той или иной причине не выходил на работу. Сегодня, приболев, с разрешения врача, в бараке остались я и Сажида.

Между тем, очень скоро мы пожалели, что заболели. Дело в том, что Желил плакал не переставая. Что только мы не делали: и брали его на руки, и пели ему колыбельные, – все было без толку.

Мы понимали, что Желил плакал из-за того, что был голоден. Разумеется, мы все, как могли, помогали Жамиле. Например, мы с Сажидой отдавали часть своего пайка. Тем не менее, это не был эффективный выход из создавшегося положения.

Так получилось, что именно сегодня в наш барак пришло большое начальство. Увидев ребенка, да еще и плачущего не переставая, проверяющий начальник строго спросил:

– Что это за ребенок?

Понимая, что отмолчаться нельзя, я ответила, как есть:

– Это ребенок одной заключенной. Она на работе, а мы, – те, кто болен, присматриваем за ним.

– Но почему он все время плачет?

– Наверное, от голода. У его матери нет молока.

– А что, на ребенка не выделяется паек?

Проверяющий посмотрел на начальника тюрьмы, и тот, промямлив, что он все выяснит, немедленно удалился.

Между тем, проверяющий продолжал:

– Партия выделяет паек всем своим гражданам. Поэтому, этот ребенок также должен быть зарегистрирован и пользоваться всеми правами.

Для порядка еще постояв несколько минут, проверяющие вышли из барака.

Моментально, тюремное начальство засуетилось. Прибежали бригадиры. Появилась заведующая тюремной столовой Малика Ахмедова. (Раньше она работала диктором на урумчинском радио). Она сообщила, что Желила поставили на довольствие в тюремной столовой, и отныне, его мать будет получать два пайка-на себя и на сына. Она похвалила нас с Сажидой за то, что мы решились рассказать правду о мальчике проверяющему начальству.

Малика была красивой женщиной средних лет. Своей внешностью и обходительностью она резко отличалась от остальных женщин.

СТЫЧКА МЕЖДУ КИТАЙЦАМИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МЕСТНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ. 13 МАРТА

Дождь перешел в снег. Такая погода вызывала дополнительную усталость.

Направившиеся в столовую девчонки вдруг выбежали оттуда, позабыв об усталости. Послышались недовольные возгласы, и даже угрожающие крики.

Как выяснилось, причиной такого переполоха стало то, что повар использовал ножи, весы, топор, при помощи которых готовил для нас пищу, одновременно, для рубки, разделки, и взвешивания свинины.

– Они не просто осквернили нашу еду, они оскорбили нашу религию! – возмущалась больше всех Турахан.
– Мы не можем оставить это просто так!

Она побежала в столовую. Следом за ней туда устре-

мились, фактически, все заключенные местных национальностей. Сажида, хотела было устремиться за ними, но я ее остановила. Ведь у нас – политическая статья, и нас могли обвинить в организации беспорядков.

Тем временем, конфликт разразился. Заключенные местных национальностей, не ограничившись тем, что выкинули и другие кухонные принадлежности, соприкасавшиеся со свининой, выволокли работавшую на кухне китаянку и избили ее.

Заключенные-китаянки, вооружившись чем придется, выкрикивали страшные угрозы. Стали вооружаться и националы.

Конфликт назревал. Прибежавшие бригадиры не могли справиться с взбунтовавшими заключенными.

И когда уже казалось, что столкновение неизбежно, караульный вооруженный китаец выпустил в воздух очередь из автомата.

Только эта мера немного успокоила обе стороны. Воспользовавшись этим, бригадирша Гулниса и бригадирша китайского отряда Лай Ю, пригрозив, что зачинщиков беспорядков предадут суду, сумели загнать бунтующих в бараки.

Через полчаса после этого события, меня вызвали к бригадирше. Я подумала, что сейчас всю вину возложат на меня. Однако когда я вошла в контору, обрадовалась.

Дело было в том, что ко мне на свидание приехали мама и младшая сестренка.

Бригадирша предупредила, что у нас есть полчаса. Сама она присутствовала все время свидания.

Расспросив про здоровье, мама вдруг произнесла:

– Доченька, почему ты не исправляешься?

– Что ты, мама, я исправляюсь.

– Нет, ты, оказывается, не рассказываешь начальству о том, что происходит среди заключенных.

– Но я же не стукачка.

– Ты не понимаешь! Это не стукачество. Просто мы должны знать всю их вину! – вмешалась в разговор бригадирша Гулниса.

– Но вся их вина прописана в их деле. За это они и сидят!

– Вот видите! – произнесла бригадирша Гулниса, обращаясь к маме. – Суюнгуль работающая, она дисциплинирована. Единственный ее большой недостаток – она не исправляется идеологически.

Мама посмотрела на меня так испуганно и участливо, что я пообещала ей исправиться.

Затем разговор перешел на более близкие нам темы. Я расспросила об отце, братьях и сестрах.

Мама рассказала о тех трудностях, с какими они с сестренкой прибыли сюда. Дело в том, что из Санджи, фактически, не было никакого транспорта. До тюрьмы нужно было добираться пешком. Им еще повезло, так как попутный грузовик подобрал их на полпути.

Пока мама рассказывала о превратностях поездки, сестренка София, прижавшись ко мне, выказывала тем самым свои сестринские чувства.

Полчаса пролетели как мгновение. Бригадирша Гулниса заявила, что свидание заканчивается. Она добавила, что маму и сестренку разместят на ночлег, а утром с попутным грузовиком отправят назад.

Расстроенная краткосрочностью встречи с родными, я забрала принесенные ими гостинцы и побрела в барак.

15 МАРТА

Уже третий день, как мы работали на ремонте дороги. Носилками таскали землю, и засыпали ею выбоины на дорожном полотне. В течение недели нам следовало залатать наш участок.

Работали нервно. После инцидента со свининой, отношение между заключенными были натянуты. То и дело, вспыхивали стычки. Вот и сейчас, едва наступило время обеденного перерыва, как Турниса повздорила с Ван Шопин. Очень быстро в конфликт было вовлечено большинство заключенных.

Мы с Сажидой, и еще несколько девушек, решили не ввязываться в драку. Тем не менее, именно к нам подошел один из бригадиров, по имени Барат, и зло произнес:

– Жаль, что я не взял свое табельное оружие. Застрелил бы вас двоих на месте, и дело с концом.

– Но причем здесь мы? – произнесла Сажида недоуменно.

– А кто же виноват, как не вы? Ведь это вы – главные подстрекатели!

Как мы не пытались объяснить этому человеку, что мы не имеем никакого отношения к конфликту, он не желал даже слушать нас.

Тем временем, подбежали бригадиры, и разняли дерущихся.

Заключенные – представительницы местных национальностей, отряхиваясь, подошли к нам. Уловив суть нашего разговора, они также попытались объяснить Барату, что мы с Сажидой не организаторы стычки.

– Ведь вы тоже мусульманин. Почему же вы допу-

скаете такое безобразие? Ведь они не уважают нашу религию.

— Почему такое неравенство. Китайским заключенным дают свинину, а нас кормят неизвестно чем, но мяса в еде точно нет.

Девчонки еще долго говорили, однако, Барату было все равно. Он не изменил своего мнения, и напоследок опять повторил свои слова, что, если бы у него при себе было оружие, он не задумываясь, застрелил бы нас с Сажидой.

Между тем, ночью, уже в бараке, вновь произошла драка. Я проснулась от какого-то шума. Разбудив Сажиду, мы на ощупь вышли из помещения. На ощупь, так как вырубил генератор, и вокруг стояла крошечная темнота.

Как узнали мы позже, сама драка и началась из-за этой темноты. Во сне, кто-то задел кого-то рукой. Та подумала, что ее бьют, и ответила. Так как было темно, спросонья никто ничего не мог видеть, а значит и объяснить.

На шум, раздававшийся из барака, с фонарями прибежало начальство. Следом за ними и мы вошли в барак. Там стоял ужасный беспорядок. При свете фонарей, мы пробрались на свои места. Кое-как расстелив постель, легли. Уже после того, как начальство, обругав заключенных страшными словами, но не найдя зачинщиков, ушло, тихонько вошла в барак Жамиля, которая одной из первых, уже в самом начале драки, подхватив сына, выбежала из помещения.

ВСТРЕЧА СО СТАРЫМ ЗНАКОМЫМ ОТЦА МА ЖИНТАНОМ. 26 МАРТА

Нас с Патам отправили на мукомольный завод. Завязывая горлышко мешка, наполненного мукой, я вдруг ощутила на себе взгляд высокого мужчины, похожего на китайца. Он внимательно вглядывался в меня, словно мы были знакомы.

Улучив момент, когда охраны не было поблизости, он подошел ко мне, и спросил:

– Скажите, как зовут вашего отца?

Немного удивленная, я все же ответила:

– Салих. Из Урумчи.

– Значит я не ошибся! – радостно ответил тот человек. – Вы очень похожи на своего отца. Меня зовут Ма Жинтан. Я дунганин. Мое мусульманское имя Мажит. Я работал вместе с вашим отцом много лет назад. Как он сейчас?

– Спасибо, с ним все в порядке.

– Мы работали вместе в городе Карашаре. Туда нас обоих направили с тем, чтобы мы основали Торгово-производственное предприятие. Оно должно было заниматься выпуском товаров местного производства. Ваш отец блестяще справился с поставленной задачей. Под его руководством было налажено производство, продукция которого экспортировалась в Советский Союз.

Ма Жинтан немного помолчал, а потом продолжил:

– Затем, правда, вашего отца направили в Кашгар, чтобы он и там создал подобное предприятие. А уже на готовое производство в Карашаре назначили китайца. В Кашгаре вскоре он также сумел наладить производ-

ство. И опять, отправив вашего отца В Чугучак, налаженное им предприятие передали в руки китайца. После этого, я уже не видел вашего отца. Наши пути разминулись.

– Отец рассказывал о вас, – сказала я. – Он еще говорил, что вы ходили на охоту вместе. У отца еще была огромная собака.

– Да, да, дочка. Ваш отец любил охотиться.

Ма Жинтан опять помолчал, и добавил:

– Вот ведь судьба. С вашим отцом я работал много лет назад, и хотя его я уже больше не видел, довелось встретиться с его дочкой.

После этого случая, Ма Жинтан навещал меня еще несколько раз. К несчастью, через два месяца, за ним приехали четверо вооруженных людей. На Ма Жинтана надели наручники, и увезли в неизвестном направлении.

Уже позже, при встрече с отцом, я рассказала ему о судьбе Ма Жинтана. Отец, услышав мои слова, был сильно расстроен.

АРЕСТ АРТИСТКИ МАРШУ 24 АПРЕЛЯ

Стояла середина весны. Погода была прекрасная. На небе ни единого облачка. Нас отправили в поле, на прополку. Работа была тяжелая, но нам не давали ни минуты отдохнуть. Бригадирша все время стояла над головой и не уставая, требовала работать еще быстрее. Так продолжалось до обеда. После обеда стало легче, так как бригадирша ушла кормить своего малолетнего ребенка.

Тут, естественно, мы расслабились, ибо за нами дол-

жен был теперь приглядывать бригадир мужской бригады, которая работала в отдалении.

Мы разлеглись на траве, на обочине поля, предполагая, в случае появления бригадира, сделать вид, что только что присели отдохнуть.

Бригадир не заставил себя долго ждать. Появившись, он, естественно, потребовал приступить к работе. При этом он добавил:

– Доставили известную артистку Марпу. Теперь вы не заскучаете.

Действительно, услышав эту новость, мы все засуетились. Марпу все мы видели в кинолентах. Она была популярна, и ее арест был большой неожиданностью. Некоторые из нас жалели ее, другие, напротив, были рады тому, что не только мы – простые смертные, но и известные люди познают жизнь в бараке.

Однако все мы с нетерпением ждали возвращения в барак, чтобы самим убедиться в том, что Марпу, действительно, арестована.

Марпу сидела рядом со встроеной в стену печью. Всем своим видом она показывала, что является женщиной из высшего общества. Передо мной сидела действительно она – та женщина, образы героинь которой я помнила по художественным фильмам.

Мы уже готовились ко сну, когда Марпу подошла к нам с Сажидой.

– Слава Богу, что вы здесь. Не знаю, что бы я делала здесь без вас! – произнесла она, как мне показалось, несколько наигранно. – Сколько же было разговоров о вас и вашей организации! В нашей организации также много говорили о вас.

Услышав ее слова, мы с Сажидой переглянулись. Оказывается, были еще, кроме нашей, другие организации?!

– Так вы были членом подпольной организации? – спросила я с интересом.

– Да, я входила в организацию, которую возглавляли Откур Апанди, и Хажи Якуп. Когда ее раскрыли, меня осудили на три года и привезли сюда.

Я промолчала, но засомневалась в искренности слов Марпу. Ведь я видела Откура Апанди в тюрьме Управления общественной безопасности. И если он находился в тюрьме, то что это за подпольная организация? Или он руководил ею из тюрьмы?

Мои мысли высказала Сажид:

– Мы видели Откура Апанди в тюрьме. Это тот Откур Апанди?

– Да, да, тот самый. Это была созданная им организация. После его ареста, ею руководил Хажи Якуп. А вскоре из тюрьмы вышел и Откур Апанди.

– И что, их тоже арестовали?

– Нет, арестовали только меня.

– Но если они тоже члены подпольной организации, то почему вас – женщину арестовали, а их – руководителей, нет? – спросила я прямо.

– Ведь логично было бы, если бы арестовали и их! – поддержала меня Сажид.

– Не знаю, – задумчиво ответила Марпу.

Я поняла, что разговор не следовало продолжать. Просто надо было быть начеку.

Марпу, между тем, сказала:

– Хажи Якуп очень хороший человек. Он прекрасно знает историю Синьцзяна.

– О Хажи Якупе я слышала, что он женился на бывшей жене Лутпуалы Маталлипа. Ее звали Нурниса. Я слышала также, что Лутпуллу Муталлипа предала именно она, – вынуждена была я поддержать разговор.

– Да, это так. В картине именно я играла роль Нур-

нисы. Там Нурниси предает своего мужа. Однако, после того, как фильм уже был снят, Нурниси написала жалобу в ЦК. В своем письме она указывала, что у нее есть сын от Лутпуллы Муталлипа, и такая трактовка его судьбы наносит непоправимый урон ее авторитету и будущему ее сына. После этого, сократили многие места картины. В окончательной редакции, Лутпуллу Муталлипа предает его друг Баки.

Я вспомнила фильм, и перед моими глазами предстал образ Марпу. Она действительно, и в кино, и в жизни была статной, красивой женщиной. Даже голос у нее был каким-то грудным и приятным.

25 АПРЕЛЯ

Мы работали в поле. Подошла звеньевая Турниси и вдруг заинтересовалась:

– За какое преступление сюда попала Марпу?

– Она нам сказала, что была членом подпольной организации.

– Какой организации?! Врет она все. Не верьте ей!

Я была удивлена тому, что Турниси так откровенно высказала свое мнение по отношению к Марпу. Дело в том, что Турниси, сама будучи обвиненной в преступлении, активно встала на путь исправления. Имелось в виду, что она сотрудничала с тюремным руководством. Потому и стала звеньевой. На этой должности она была строга, так как хотела еще больше выслужиться.

Я вспомнила, что когда мы находились в городской тюрьме, часто приходила мать Турниси. В отличие от своей дочери, это была сердобольная женщина. Она упрекала свою дочь за излишнюю строгость. Нам же она искренне сочувствовала, и иной раз скрытно при-

носила нам домашние тандырные лепешки. Многие из заключенных видели в этой женщины прообраз своих матерей...

Именно поэтому я удивилась, что Турниса так разоткровенничалась. Между тем, она продолжила:

– Хотя Марпу и доставили сюда, ее сопроводительные документы пока еще не пришли. Если я что-то узнаю, то сообщу вам.

Турниса ушла, а я подумала о тех уйгурках, которые являлись бригадирами и звеньевыми в отряде заключенных. Как бы то ни было, но бригадирши китаянки нередко распускали руки, били заключенных. Этого я никогда не замечала у начальников-уйгурок.

Мне вспомнился недавний разговор с нашей бригадиршей Гулнисой. Она была чем-то взволнована, и поэтому, проклинала в полголоса свою работу. Я спросила ее:

– Если вам это в тягость, почему вы выбрали эту профессию?

Гулниса как-то странно посмотрела на меня, и ответила:

– А ты думаешь, я ее выбирала? Я училась в институте в городе Аксу. Пришли представители университета города Сиань, и отобрали, как нам сказали, самых способных уйгурок, чтобы учиться там. На юридическом факультете. В число отправленных попала и я. Мне думалось, что я буду работать в системе правосудия – прокурором или судьей. А меня направили сюда. Что только я не делала, чтобы не ехать! Не получилось.

– А сколько вы получаете? – спросила я, подумав, что возможно, за эту работу хорошо платят.

– Шестьдесят юаней в месяц.

Я еще больше удивилась, так как это были не такие уж большие деньги.

Через два дня Турниса передала нам шокирующую новость.

– Марпу не состояла ни в какой организации. Тем более, подпольной! Она обманула вас!

КОНЕЦ СРОКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ САЖИДЫ. 29 АПРЕЛЯ. ЧЕТВЕРГ

Сегодня после ужина, мы решили отметить окончание срока заключения Сажиды. Как известно, ее осудили на два года.

Мы вскипятили чай. У Зохры Амат было немного масла, я добавила муки и отдала кусок сахара, который хранила специально для этого дня. Уговорив работников кухни, мы сварили халву.

Все поздравляли Сажиду. Примерно через полчаса, ее вызвали в администрацию лагеря, где оформили документально ее освобождение.

Сажиды была счастлива. Да и все мы были рады за нее. Единственное, меня несколько смутил увиденный два дня назад сон.

Мне приснилось, что мы с Сажидой, одетые в национальные одежды, выходим из тюрьмы. Однако, осмотревшись по сторонам, мы увидели, что вокруг зловещая темнота. Вооруженные солдаты хватают безоружных людей и ведут их в тюремный двор. Сама тюрьма окружена высокой стеной, по углам которой, на вышках, расположены пулеметы. Солдаты хватали всех встречающихся на их пути. Повсюду раздавались крики и стоны детей, женщин, стариков. Одновременно, из ворот тюрьмы выезжали крытые грузовики, которые увозили арестованных в неизвестном направлении. Видя это, мы с Сажидой спрятались за огром-

ный камень, лежавший невдалеке. Неожиданно, к нам неслышно подошел какой-то седобородый старец. В темноте не было видно, есть ли на нем чалма. Однако я заметила, что он, вроде бы, появился из-за соседнего валуна.

– Откуда вы, дети мои? – спросил он.

– Мы вышли из тюрьмы. Я отсидела три года, а Сажида два. Испугавшись, что арестовывают всех, мы спрятались здесь.

Сажида обратилась к старцу:

– Вы не знаете, что происходит? Всех арестовывают, убивают!

– Наступили тяжелые времена, дети мои. Пока все не успокоится, нам надо сидеть здесь. Иначе пропадем, – произнес старец.

Он немного помолчал, а потом, шепотом произнес:

– Так значит, вы вышли из тюрьмы?

При этом он достал откуда-то большую книгу.

– Что это за книга, дедушка? – спросила Сажида.

Я подумала, что это история Восточного Туркестана, или что-то в этом роде.

– Это книга гадания! – произнес старец. – При ее помощи я расскажу вам о будущем.

Он принялся что-то шептать, и наконец, открыв книгу на нужной странице, произнес:

– Не думайте, что срок ваш ограничится двумя-тремя годами. Вы можете освободиться через десять лет. И то, не полностью.

В это время нас обнаружили солдаты, и стали надевать наручники. Старец исчез. Я не могла понять, кто это был. Запястье от наручников болело, и от этой боли я проснулась.

Как оказалось, во сне я подвернула руку и она затекла.

Об увиденном я рассказала Сажиде. Она страшно испугалась.

– Не дай Аллах, чтобы твой сон сбылся! Так долго тянулись эти два года, а десять – просто невозможно! – прошептала она.

– Не обращай внимания. Ведь это всего лишь сон – постаралась успокоить ее я.

Сажиде разрешили съездить в Урумчи к сестре, однако окончательно было решено ее отпустить только после поступления всех документов. Нередко это растягивалось на несколько месяцев.

ОТПРАВКА НА ПОСЕЛЕНИЕ В МЕСТНОСТЬ КАРА-КИЛЧИН, РАЙОНА МАРАЛБЕНИ, КАШГАРСКОЙ ОБЛАСТИ.

13 марта, мы, как обычно, были готовы отправиться на работу. Однако, ворота тюрьмы не открывались. Прошло уже пятнадцать минут, но команды не было.

Нам никогда не хотелось оставаться в тюрьме. Гораздо лучше было, хотя работа и была тяжелая, находиться в поле. В самой же тюрьме мы чувствовали себя как в клетке. Даже в те дни, когда нас не выводили на работу.

Поэтому, видя, что отправка на работу задерживается, мы строили различные предположения. Практически все были уверены в том, что ожидаются какие-то новости.

Только через час появилась бригадирша Гулниса. Она дала команду, и мы все построились в ряды, готовые отправиться на работу. У нас в руках были инструменты. То есть все, как обычно.

Однако, бригадирша Гулниса повела себя необычно. Она развернула лист бумаги и принялась называть имена.

Я внимательно слушала, предполагая, что сейчас назовут и меня... Айгуль, Тажиниса, Нурия, Мария, Айшам Аюп, Манам, Халчам, Айшам Мамут. Бригадирша Гулниса перешла уже на список заключенных-китайцев.

Между тем, бригадирша Гулниса объявила:

– Те, кого я назвала, должны в течении получаса собрать вещи и быть готовыми к отъезду. Машины сейчас подъедут, и вы направитесь на поселение в местность Кара-килчин района Маралбеши Кашгарской области. Там есть трудовой лагерь «Новая жизнь», где вы и будете жить.

Вместе с ними уезжал и наш любимец – Желил. Дело в том, что Жамиля должна была оставить его у своих родителей – в городе Кучар.

Не обошлось без инцидентов. Зорам Хошур также попала в списки, хотя срок ее заключения уже закончился два месяца ранее. Ее не освобождали, так как не пришли официальные бумаги. В недоумении она обратилась к бригадирше Гулнисе. Однако та только пожала плечами.

Через полчаса объявили отправку. С тяжелым сердцем мы прощались. Внесенные в списки брали свои пожитки и направились к грузовикам.

Мы же оставались у огромных страшных ворот тюрьмы, и плача, провожали отъезжающих.

ПИСЬМО, ПРИШЕДШЕЕ ИЗ КАРА-КИЛЧИНА. 26 ИЮЛЯ

Сегодня после работы произошла стычка. Марпу вздорила с Турахан. Марпу вела себя так, словно бы она находится на сцене. Мне она показалась такой смешной, что я невольно заулыбалась.

Не выдержав напора со стороны Турахан, Марпу ретировалась. Немного успокоившись, она подошла ко мне.

– Ты почему смеялась, Суюнгуль?

– Представила, что ты – на сцене. Словно бы играешь роль. А вообще, из-за чего вы поссорились?

– Да я сама ничего не поняла! Ты ведь знаешь, что мы – северяне, жители Кульджи, Урумчи, к близким людям обращаемся на «ты». А, оказывается, у южан, это считается дурным тоном. Они привыкли обращаться на «вы». Саадат, Халчам, Патам, – они все из Кашгара, и других южных городов. К тому же они старше меня по возрасту. Вот они и обиделись. Одним словом, словесная перепалка переросла в стычку.

Только успокоилась Марпу, как характер стала показывать Айгуль. Она была какой-то нервной, беспричинно кричала на всех, искала ссоры.

Мы с Сажидой, как могли, успокоили ее.

Видя это, Марпу удивлялась:

– Знаешь, Суюнгуль, все вас так уважают. Вы находите общий язык со всеми.

В это время в барак вбежала Турахан.

– Девчонки, из Кара-килчина пришло письмо. На имя Айгуль. Ее старшая сестра Зорам Хошур, а также Турниса, оказывается, вышли замуж за китайцев. Остальные, живут все вместе... Как же они так? Чем выходить за китайцев, лучше бы они умерли...

– А как себя чувствует Айгуль? – спросила Амина.

– Как как? Она ведь родная сестра Зорам Хошур. Ей присудили три года, а отсидела она только год. Конечно переживает за сестру. Не переставая плачет...

ОТЪЕЗД САЖИДЫ. 20 СЕНТЯБРЯ

Сегодня Сажиди вернулась из поездки к сестре. Когда, после работы, я вошла в барак, она уже была там.

Мы долго беседовали. Сажиди рассказала все, что она узнала об Аблизе Савридине и Ахмад Тохти.

Аблизу Савридина осудили на девятнадцать лет лагерей по трудовому перевоспитанию. Такие лагеря располагались в бассейне реки Тарим.

Через год группа молодых людей организовали побег. Они добрались аж до Алтая, то есть, с юга сумели бежать аж до севера. Однако там их и поймали.

Аблиз, бежавший с ними, не пошел на север, а нашел убежище в какой-то семье на окраине таримской пустыни. Он помогал хозяину пасти овец. К несчастью, через год у него случился сердечный приступ. Ему было так плохо, что думали, что он умрет.

Однако, утром ему стало легче, и он сам, добровольно вернулся в места заключения. По слухам, сейчас он работает фельдшером в лагерной больнице.

Что касается Ахмада Тохти, то ему дали тринадцать лет.

Все это Сажиди узнала друга мужа ее сестры.

Я была огорчена тем, что и Аблизу и Ахмада Тохти осудили на такие большие сроки.

Сажиди, тем временем, беспокоилась больше о нас. Честно говоря, я сама переживала не меньше ее.

Мы проговорили весь вечер. А наутро Сажиди должна была уехать. Причем, по ее словам, ее будут сопровождать до дома.

– Судя по тому, что нас, даже после окончания срока заключения, сопровождают, твой сон оказывается вещим, – грустно сказала Сажиди.

– Нет, не может быть. Просто, наверное, такой порядок! – попыталась успокоить ее я, хотя сама не верила своим словам.

Наутро вместе с Сажидой, в сопровождении лагерной охраны, уехали Камалбек, Кокан, Кобен.

АРЕСТ СОПСУН. 15 НОЯБРЯ

Возвращаясь с работы, мы увидели на тюремной площади большое число новоприбывших заключенных. Как выяснилось, их перевели из тюрьмы Дадамту.

Пока мы поужинали, новоприбывших распределили по баракам. Разместившись, они прослушали инструкции бригадирши Гулнисы, и начали потихоньку знакомиться, вживаясь в новые условия.

Первой с нами познакомилась симпатичная кульджинская уйгурка по имени Рукия.

– Какое красивое у вас имя! – произнесла она.

За меня ответила Зохра:

– Это татарское имя.

– Так вы татарка? У нас в Дадамту была татарка. Ее обвинили в правом уклонизме и приговорили к двенадцати годам заключения.

Среди новоприбывших были представительницы многих национальностей. Нас поразила своей обособленностью, нелюдимостью казашка по имени Махи-

ра. Она еще долго держалась одна, не сближаясь даже с соседями по нарам.

Однако, больше всего, нас всех до глубины души тронула история монголки по имени Сопсун.

Она рассказала, что ее отец был крупным землевладельцем в Боротоле. В традициях монголов владеть пастбищами, ибо они – потомственные скотоводы. Поэтому отец Сопсун, трудясь всю жизнь, вкладывал средства исключительно в землю.

По словам Сопсун, как-то вечером из Урумчи приехал ее брат. Он работал в редакции одной из газет. Приехав, он сообщил отцу, что скоро будет земельная реформа. Будут отбирать излишки земли. Поэтому, необходимо уже сейчас добровольно отдать всю землю в пользу государства, в пользу партии. Иначе, могут быть страшные последствия.

Брат Сопсун уехал в ту же ночь. А наутро, ее отец направился уговаривать своих братьев. Они – четыре брата, владели достаточно обширными угодьями.

Однако, братья не согласились с отцом Сопсун. Они, вообще, посчитали его сумасшедшим.

Отец Сопсун, тщетно пытаясь убедить своих братьев, сам поступил так, как его просил его собственный сын. Он немедленно передал всю свою землю, все свое имущество, государству.

За этот поступок его хвалили, ставили в пример. Однако близкие ему люди – родные братья, не понимали его.

Не прошло и двух месяцев, как земельная реформа, действительно, началась. Началась экспроприация земли у богатых землевладельцев. Трех братьев отца Сопсун расстреляли как классовых врагов, конфисковав все их имущество. Самого отца Сопсун оставили в живых, учтя то, что он добровольно передал все наде-

лы. Однако, его все равно взяли под режим общественного контроля.

Самой Сопсун тогда было семнадцать лет. Она была красивой, умной девушкой. Многие молодые монголы не сводили с нее глаз. Однако, внезапно пришли свататься от некрасивого, бестолкового, тридцатилетнего сына одинокой женщины.

Сваты поставили перед отцом условие: либо он отдаст дочь замуж, либо его обвинят в том, что он не желает породниться с представителями беднейшего, пролетарского класса.

Отец Сопсун попросил время подумать, но на семейном совете высказал явное нежелание выдавать дочь за этого обдадую.

Понимая всю тяжесть ситуации, Сопсун решилась на отчаянный шаг: она решила выйти замуж за этого «представителя пролетариата».

Хотя они оба не любили друг друга, прожили семь лет. У них был сын.

Однако всякому терпению приходит конец. И хотя мать ее мужа и уговаривала Сопсун попытаться полюбить ее сына, она уже не могла больше терпеть.

В это время из Шанхая в Боротолу прибыла большая группа китайских переселенцев. С одним из этих китайцев Сопсун и закрутила роман. Естественно, очень скоро об этом узнали все, и в первую очередь, родные ее мужа.

Обвинив Сопсун в том, что она унизила пролетарского юношу, ее арестовали и в наручниках увели. Тем не менее, многие соседи смотрели на нее сочувственно. Вручив справку о разводе, Сопсун осудили на три года.

По ее словам, она еще легко отделалась. Ведь три года пройдут, а жить с нелюбимым всю жизнь было невыносимо.

– А где ваш сын? – спросила я, когда Сопсун закончила свой рассказ.

– Остался с отцом. Я все время думаю о нем. Он очень похож на меня. Я без него не могу. Вы, наверное, понимаете меня?

Конечно же, мы понимали Сопсун.

Слушая Сопсун, я вспомнила слова Аблиза Савирдина, сказанные несколько лет тому назад. Он тогда рассказывал, как в детстве, когда еще учился в начальных классах школы, учеников организованно повели на городскую площадь, на показательный суд.

– Ребята старших классов тогда говорили, что будут судить моего отца. Услышав это, я побежал к отцу, – рассказывал Аблиз. Но не добежал, так как на площади было много народа. Отца обвинили в том, что он помещик и эксплуататор. Его расстреляли, но я этого не видел, так как потерял сознание. Очнулся я уже дома. Отца на телеге уже привезли домой. Я вновь потерял сознание. Второй раз очнулся только после того, как отца похоронили.

Мы с Маликой слушали тогда этот рассказ Аблиза со слезами на глазах. А он, в порыве гнева промолвил, что будет мстить за отца.

Об этих его словах меня много раз спрашивали на допросах. Естественно, я все отрицала. Сейчас я думаю, что, возможно, Аблизу дали эти девятнадцать лет, в том числе, и за эти слова. Ну и конечно потому, что у него эксплуататорское, помещичье происхождение.

БЕГСТВО БРАТЬЕВ. 6 ДЕКАБРЯ

Обессиленная, вернулась я с работы. Хотела немного полежать, но передумала. Умывшись, немного пришла в себя. Сегодня все были какими-то вымотанными.

После ужина, решив немного привести в порядок свои вещи, я, набрав кипяток в алюминиевую кружку, принялась ею гладить стиральное белье.

Неожиданно, в нашем бараке появилась Мехрибан. Раньше Мехрибан находилась вместе с нами. По окончании срока ее заключения, она вышла замуж за Исраила, и осталась работать в лагере подсобной рабочей. Так как Исраил тоже работал при лагере, им, недалеко от конюшни, выделили небольшой домик.

Сейчас Мехрибан вся цвела. Было видно, что она счастлива со своим Исраилом. Она и не скрывала этого.

– Недавно мы съездили в Санджи и получили свидетельство о браке, – радостно произнесла она. – Мой Исраил такой – такой хороший!

Внезапно появилась бригадирша Лай Ю, и Мехрибан поспешно удалилась.

Ее супруга Исраила я знала достаточно давно. Мы познакомились, когда наш отряд выводили на работу на конюшню. Это был симпатичный, видный парень. Он и еще несколько ребят жили в то время в строении рядом с лагерем. Исраил уже тогда освободился, но остался вольнонаемным рабочим. Меня это страшно удивляло, и как-то я спросила:

– Почему вы остались здесь? Ведь срок вашего заключения уже завершился.

– Мне спокойнее оставаться здесь. Ибо только здесь я могу ощущать себя относительно свободным.

На мой недоуменный взгляд, Израил ответил следующим рассказом:

– Я родился в одном из сел недалеко от Кашгара. Нас было четверо братьев: Ибрагим, Исхак, Исмаил, Израил. Мы росли здоровыми, умными, красивыми детьми. Во время земельной реформы, нашего отца объявили помещиком. Вы прекрасно знаете, что это означает в период классовой борьбы. Мало того, что у нас все конфисковали, но еще и заставляли нещадно работать целыми днями за кусок хлеба. Мы не жаловались, и мужественно терпели все превратности судьбы. Наши мучители же, с каждым днем придумывали все более изощренные методы унижения. Так, они запрягали нас – четверых братьев, вместе с отцом в телегу, и заставляли выезжать в поле. При этом в телегу садились все члены руководства коммуны. Мы, словно тягловые лошади, должны были везти их за несколько километров, и привозить обратно.

Израил замолчал. Было видно, что он сильно переживает произошедшее с ним и его семьей. Вздохнув, он продолжил:

– Представьте наше состояние. Невиновные ни в чем, мало того, что мы потеряли все наше имущество, но еще и подвергаемся таким унижениям. Наш дом не просыхал от слез отчаяния и безысходности. Однажды, отец собрал всех нас и с печалью в голосе сказал, чтобы мы – четверо братьев, оставили родные места и бежали. Он сказал, что иначе всех нас убьют. Даже если бы он и не говорил этого, было ясно, что легко из этой ситуации нам не вырваться. Мама завернула нам в узелок остатки имевшейся в доме скудной еды, и мы – четверо братьев, ночью, бежали куда глаза глядят. При этом мы направились в разные стороны, резонно полагая, что, таким образом, нас труднее будет обнаружить.

Исраил вновь замолчал. Справившись с волнением, он продолжил:

– В Урумчи я не мог найти работу. Чтобы не пропасть с голоду, встал на путь воровства. Однако, вскоре меня поймали, и как вора осудили на два года. Мой срок закончился, и я остался здесь, опасаясь возвращаться домой.

– Вам чтонибудь известно о судьбе братьев, родителей?

– Нет, братьев, как вы понимаете, я больше не видел. А родителям давать о себе весточку опасно. Они не знают, что я здесь. Часто по ночам думаю об отце, маме. Ведь они отправили нас, а сами оказались в тяжелой ситуации. Если Аллах захочет, я все равно, когда-нибудь, найду их.

СТРАДАНИЯ ХАЖАР-БУВИ. 17 МАРТА

Сегодня я почувствовала себя не очень хорошо. Поэтому, я отпросилась, и осталась в бараке. Кроме меня там находилась Хажар-Буви.

Это была больная женщина, которая, фактически, не поднималась с постели. Со дня приезда из Дардам-ту, она не разу не выходила на работу.

Помимо физических страданий, было видно, что Хажар-Буви испытывает душевные страдания. Совершенно ясно было, что она пережила страшное потрясение.

– Как вы себя чувствуете? Что говорят врачи? – спросила я ее.

– Говорят, что у меня какая-то женская болезнь. Однако, никакие лекарства не помогают. Я думаю, что это от стресса...

Она замолчала и тяжело вздохнула.

Мне захотелось узнать, что же с ней произошло, но я не решалась спросить.

Словно бы почувствовав мое состояние, Хажар-Буви сама начала свой печальный рассказ.

– Я была единственной дочерью. Через два года после моего замужества, моя мама вновь забеременела. Она родила сына – моего братишку, но от родов умерла. Таким образом, я воспитала своего братишку как собственного сына, тем более, у меня не было своих детей. Абдулкадыр – так звали моего братишку, вырос умным, красивым юношей. Однажды мой муж попросил его сбежать на рынок и купить табак. Я занималась домашними делами, когда соседская девушка вбежала к нам во двор. Она кричала о том, что в городе были слышны выстрелы, и говорят, что в Абдулкадыра попала пуля. Не помня себя, я выбежала на улицу и побежала к центру города. На центральной площади Кульджи, перед зданием Областного исполкома лежали люди. Вокруг рекой текла кровь. В ужасе я подбежала к человеку, напоминавшего собой моего братишку. Его лица невозможно было узнать. Присмотревшись к его одежде, я поняла, что это не был мой братишка. Я уже собиралась было бежать дальше, как человек слабым голосом произнес:

– Сестрица, возьми письмо.

Механическим жестом я взяла письмо, и побежала дальше. Не успела я сделать и нескольких шагов, как обернувшись на хрип, поняла, что этот человек умер. Оглядевшись, я увидела много людей, лежавших без движения. И в этот момент, из здания Областного исполкома строем вышло большое число солдат. Они подбирали трупы, и уносили их с площади во двор Областного исполкома. Буквально через несколько минут

площадь была очищена. Следом прошли уборщики, которые смыли с брусчатки кровь. Площадь вновь обрела вид, словно ничего и не было. Солдаты скрылись во дворе Облисполкома и прикрыли ворота. Я была поражена тому, что всего несколько минут назад лежавшие в лужах собственной крови старики и дети, подростки и женщины, словно бы испарились. Не зная что предпринять, я стала стучаться в ворота, которые только что захлопнулись. Редкие прохожие советовали мне не делать этого, так как они опасались за мою жизнь. Ведь меня просто – напросто могли убить, как убили тех, кого спрятали за этими воротами. Кто-то сказал, что здесь только убитые. Раненых отвезли в больницу. В надежде, что я найду там своего братишку, я побежала в больницу. Однако, и там я не нашла его. В больнице я случайно увидела жившего недалеко от нас человека по имени Хусаин. Узнав причину моего нахождения в больнице, он сообщил мне, что видел, как мой братишка Абдулкадыр с несколькими друзьями, на машине поехали в сторону советской границы. Надеюсь, во что бы то ни стало найти братишку, я наняла возчика и на телеге поехала следом за ним. Вскоре мы достигли Хоргоса. Мне показалось, что вся молодежь Кульджи находится здесь. Однако, как мне сказали, после кровавого инцидента в Кульдже, граница была закрыта советской стороной. Не понятно было, что делать. Назад возвращаться нельзя. Вперед не пропускают. Здесь оставаться также невозможно. Уйгурский народ вновь попал в сложнейшую ситуацию.

Хажар-Буви на мгновение замолчала, а потом продолжила:

– Через полчаса после моего прибытия к Хоргосу, едва я нашла своего братишку Абдулкадыра, со стороны Кульджи появилась огромная колонна крытых

брезентом грузовиков. Из них выскочили солдаты, и надевая наручники на людей, запикивали их в кузова машин. Предварительно людей тщательно обыскивали. Естественно, у меня они обнаружили письмо, которое попросил меня взять умерший на площади человек. Я толком не читала его. Как оказалось, это было письмо, которое было написано руководителем Кульджинской области Курбаном Гали. В нем подробно описывалась суть происходивших событий. В письме говорилось о том, что благодаря советской пропаганде, которую проводили в приграничном городе Чугучаке, в апреле 1962 года, более сорока тысяч человек, перешли границу и переселились на территорию Советского Союза. Эти люди имели советские паспорта, так как еще в период японо-китайской войны, советское правительство потребовало от китайского правительства возполнить людские потери советских граждан. Китайское правительство, якобы, предложило дать советское гражданство китайцам, однако, советское правительство потребовало предоставить списки именно людей местных национальностей. В связи с тем, что события в Чугучаке очень быстро стали известны жителям Кульджи, они, примерно через месяц, в мае, направились к зданию Кульджинского облисполкома с требованием выдать транспорт для продвижения к границе. Однако, Курбан Гали, по требованию людей написав это письмо, объяснил им, что его нужно заверить в Областном парткоме. Здание парткома находилось недалеко. Но, когда люди направились к зданию парткома, их встретили огнем. Многие погибли на месте.

Хажар-Буви вновь замолчала. Вытерев краем платка наведенные слезы, она продолжала:

– У нас, у уйгуров, есть пословица, которая гласит, что дерево рубят топором, топорнице которого также из

дерева! Точно также, приказ об убийстве нашего народа, наряду с китайцами, отдавали также и некоторые наши уйгуры.

Я с огромным напряжением ждала окончания рассказа Хажар-Буви.

Она грустно посмотрела на меня и произнесла:

– Это письмо и нашли у меня. Повторяю, я его даже толком и не читала. Короче говоря, несколько тысяч человек, заковав в наручники, на военных, крытых брезентом грузовиках, отправили в лагеря, расположенные в пустыне. А само кровавое побоище, которое произошло 29 мая 1962 года, в народе назвали Кульджинским побоищем. Я была шокирована произошедшим. Вероятно поэтому, когда на допросе меня спросили о том, откуда у меня это письмо, я, не подумав, ответила, что это письмо я получила от своего братишки Абдулкадыра. Ведь его мне передал человек, которого я перепутала с братишкой. Однако, следователи ухватились за мои слова, и избивали моего братишку, обвиняя его в том, что он был во главе тех, кто напал на здание Областного исполкома. И хотя Абдулкадыр все отрицал, его приговорили к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года. Я невзлюбила саму себя за произнесенные мною слова. Просто они вырвались механически. Однако, слово не воробей – вылетит, не поймаешь. Я не знала, как успокоить братишку, как помочь ему. Нервничая, мучаясь, я и обрела эту болезнь. Меня приговорили к трем годам работы в лаожао – лагере по исправлению трудом.

– А что стало с вашим братишкой?

– На пересылке, перед отправлением в лагерь, мне дали возможность встретиться с ним. Он находился в малюсенькой комнатке, похожей на клетку. На руках – наручники, ногах – кандалы. Следователи советовали

мне убедить его признать свою вину. Тогда, возможно, ему бы, по их словам, заменили смертную казнь. Однако, опять же, по словам следователя, он все отрицал. Говорил, что это клевета. В конце свидания, уже братишка пытался успокоить меня. Он говорил, что ничего нельзя сделать, и советовал мне позаботиться о себе.

Хажар-Буви замолчала, а я, не зная, как ей помочь, сказала:

– Надо надеяться на лучшее. Если Аллах захочет, он поможет Абдулкадыру.

Подождав, пока Хажар-Буви вытрет слезы и немного успокоится, я спросила:

– А вы не знаете, трупы убитых на площади в Кульдже выдали родственникам?

– Нет, я слышала, что власти распространили слух, что все пропавшие люди выехали в Советский Союз.

После этих слов я вспомнила то, что мне рассказывала мама, когда она осенью приезжала навестить меня. Тогда, чтобы добраться до лагеря, мама с сестренкой осталась ночевать в Санджи у женщины по имени Хадича. Собственно, Хадича посоветовала им отправиться в путь утром, так как с утра легче можно было найти машину. Мама рассказала, что у Хадичи есть сын по имени Ахметжан. Он работает одним из охранников секретного лагеря в пустыне, недалеко от Санджи. По словам Ахметжана, в лагере находится много молодых людей, принимавших участие в событиях 29 мая. Власти говорят их родственникам, что все они перешли границу и ушли в Советский Союз. На самом деле, 29 мая границу не перешел ни один человек. Убитых скрыли за воротами Кульджинского Облисполкома, а арестованных заключили в подобные лагеря.

После разговора с Хажар-Буви, я стала ежедневно интересоваться состоянием ее здоровья, так как горя-

чо полюбила ее. Через две недели, учитывая состояние здоровья, ее перевели в Кульджу под общественный надзор местных властей.

Больше я никогда не видела Хажар-Буви, но до сегодняшнего дня часто думаю о ней.

ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА МОЕГО АРЕСТА. 29 АПРЕЛЯ. ПЯТНИЦА

Сегодня исполнилось три года со дня моего ареста. Я с нетерпением ждала этого дня, но когда он наступил, особой радости не почувствовала. Мне казалось, что после освобождения меня ждут еще худшие дни.

Зато мои соседки по бараку радовались за меня. Я же думала о прошедшем сроке. Каждый день, каждое мгновение, я старалась привыкнуть к новым условиям жизни. Я старалась проанализировать судьбу тех людей, с которыми мне довелось здесь познакомиться. Многие из них, выйдя из лагерей коммуны – гунше, надеясь, что теперь обретут счастливую жизнь, сталкивались с еще большей несправедливостью. Когда я думала об этом, во мне пробуждалась ненависть к нашему марионеточному правительству.

Обладая бескрайней территорией, где имеются богатейшие залежи полезных ископаемых, благодаря которым народ Восточного Туркестана мог бы жить счастливо и богато, он, в настоящее время прозябает. Этот народ на своей земле превратился в бесправных изгоев, ибо оказался загнанным в коммуны, которые являются звеньями огромной тюремной системы. Этот народ на своей земле лишен образования, лишен всего. Со времени прихода к власти китайских коммунистов, многие люди даже не видели денежных ку-

пюр, так как все было обобществлено и выдавалось по нормам.

Опасаясь за свое благополучие, китайское правительство проводило жесткую колониальную политику. Именно поэтому, народ Восточного Туркестана оказался в тюрьме под названием «коммуна». Одновременно, полезные ископаемые Восточного Туркестана вывозились в Китай.

Думая об этом, я продолжала работать в поле. Я даже не заметила, как ко мне подошла бригадирша Гулниса.

– В последний день своего заключения ты работаешь так, словно хочешь переделать всю работу, – произнесла она с улыбкой.

Я посмотрела на нее, и тоже заулыбалась в ответ.

– Ну что, ты рада?

– Честно говоря, не очень...

После работы, в бараке, мы организовали небольшое застолье. Собрали все, что у кого было, попили чаю, разговаривали.

Ближе к отбою, в барак вошла бригадирша Гулниса и объявила, что я должна переселиться в отряд «Новая жизнь», который располагался несколько в отдалении. Там обычно находились те заключенные, срок которых истек, но пока еще не пришли на них утвержденные документы.

С этого дня я занималась поливом плодовых деревьев.

Недавно приехал брат монголки Сопсун – Сасорон, и увез ее. Я тепло попрощалась с ними. Возвращаясь в барак, встретила Салай-ака. Он сказал мне, что Исмаил тяжело болеет. У него отнялись ноги и он уже не встает с постели.

Вечером, купив в лагерном магазине печенье, я направилась навестить Исмаила. Действительно, его

положение было удручающим. Мне показалось, что Исмаил сдал как физически, так и душевно. Он еле сдерживался, но в конце концов, не сдержавшись, рыдался. Мы с Салай-ака попытались успокоить его, однако, растрогались сами.

– Я благодарен Салай-ака за то, что он смотрит за мной, как за собственным сыном, – тихим голосом произнес Исмаил. – Я молю Аллаха, чтобы у него все было хорошо. Ведь это Салай-ака приобщил меня к нашей священной религии. Ведь в моей жизни, кроме как молитв, обращенных к Аллаху, больше ничего не осталось. Трагедия таких как я заключается в том, что мы поддались пропаганде китайских коммунистов и отдалились от Ислама. Ведь целое поколение выросло в неверии.

Я довольно долго пробыла рядом с Исмаилом, стараясь хоть как-то поддержать его

К несчастью, через два месяца, Исмаил умер. Его похоронили на лагерном кладбище для заключенных.

Да простит Аллах его прегрешения! Аминь!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД КОНТРОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

1966 ГОД. 12 МАЯ. ЧЕТВЕРГ

Я проснулась от громкого крика. Было шесть часов утра. Вчера я, занимаясь поливом, легла поздно, и потому, не могла сообразить, что происходит.

Тем временем, мужчина-китаец, вновь крикнул:

– Вставай скорее! Выходи с вещами! Машина уже ждет! Сегодня ты поедешь домой!

Пока я поспешно умывалась, китаянка – моя соседка

по бараку, стала собирать мою постель. Все это происходило под звуки сигнала грузовика, стоявшего с заведенным мотором у ворот лагеря.

Ранее, я неоднократно пыталась узнать у бригадирши Гулисы, что меня ожидает после освобождения из лагеря. Но она, почему-то избегала меня. Я предполагала, что возможно, меня поставят на учет по месту жительства. Либо возьмут под «заключение общественного контроля», то есть, каждый мог шаг даже на воле, будет контролироваться.

Жалея, что мне, вероятно, не удастся попрощаться с теми, с кем довелось провести столько времени вместе, я, тем не менее, метнулась к воротам, отделявшим наши бараки, так как они находились во внутреннем дворе лагеря.

По видимому, женщины, услышав непрекращающийся автомобильный сигнал, также столпились по ту сторону закрытых ворот. Через щелочку нам удалось попрощаться, и я поспешила к грузовику.

В кузове бортового грузовика уже сидели несколько мужчин. По видимому, среди них были и работники системы управления лагерей. Китаец, который вызвал меня, также взобрался в кузов. Его звали О Ганси. Это был высокий, нескладный мужчина.

До Санджи мы доехали достаточно быстро. Всю дорогу я думала о лагере, о том, что я там провела столько времени. Дорога на Урумчи оказалась значительно более долгой. И мои мысли уже были заняты совсем другим. Я представляла встречу с родными, с моими знакомыми и студенческими друзьями. Я рисовала себе радужные картины.

Мы въехали в северные ворота города. Вскоре, грузовик остановился.

– Мы выйдем здесь! – скомандовал О Ганси.

Вместе с нами сошли еще двое мужчин, которые тут же направились по своим делам.

О Ганси, тем временем подозвал велорикшу, и велел ему погрузить вещи. Затем он обратился ко мне:

– Я договорился за пять юаней. Расплатишься на месте.

Велев велорикше следовать за нами, О Ганси направился к отдельно стоящему зданию. Им оказалось Районное управление общественной безопасности. Я была расстроена, так как подтвердилось мое предположение о том, что меня возьмут под контроль Управления общественной безопасности.

Мы вошли в здание, а велорикша остался ждать нас на улице. В первой же комнате показался какой-то китаец, который поздоровался с О Ганси. Велев мне подождать в коридоре, они скрылись за стеклянной дверью. Сквозь стекло я видела, как О Ганси вытащил из портфеля какие-то бумаги и передал их встретившему нас китайцу. Они о чем-то говорили несколько минут, и хотя я видела их, но не слышала ни одного слова.

Наконец, они оба вышли в коридор. О Ганси произнес:

– По всем вопросам обращайся теперь к этому товарищу! сказав это он, и размеренной походкой направился к выходу.

Я была в недоумении. Растерянно глядела на китайца о котором говорил О Ганси. Тем временем, он сам обратился ко мне:

– Ты сама уедешь в Нансан, или нам тебя сопровождать?

Еще больше удивившись самому этому вопросу, я ответила:

– Уеду сама. А почему вы спрашиваете?

– Потому что тебе следует незамедлительно отпра-

виться туда. Или у тебя есть знакомые в этом районе города?

– Да, есть родственники. Я поеду к ним.

– В таком случае, не теряй контакта с нами.

Я была удивлена еще больше. Если меня взяли под контроль Управления общественной безопасности, то должны были сказать об этом открыто. Еще не осознавая до конца что происходит, я вышла из здания. Велорикша ждал меня. Я велела ему направиться к библиотеке агентства Синьхуа. Сама же я рассчитывала прибыть туда на автобусе.

Вскоре мы уже были на месте. Я направилась к дому моего дяди. Велорикша с вещами следовал за мной. У входа в дом я рассчиталась с ним, и он, сгрузив вещи, удалился.

Родственники, увидев меня, несказанно обрадовались. На мое счастье, там же была мама.

Наскоро умывшись с дороги, в окружении родственников, я присела к столу. Не успели мы выпить по чашке чая, как пришли мамина сестра Марьям со своими сыновьями - Гани и Гайратом. Следом появилась супруга Аблиза Мусабаева – Рукиям с дочерью Сабахат. За ними – жена Откура Апанди – Хелича, и еще одна родственница, которую звали Салима. Все были рады моему приезду. Я и сама была счастлива.

На четвертый день мама засобиравлась домой – в Нансан. Я очень соскучилась по отцу, братьям и сестрам, и страстно желала уехать с мамой. Но, с другой стороны, у меня было какое-то тревожное предчувствие. Однако, надо было ехать.

Все мои ожидания радостных встреч с друзьями и сокурсниками, не оправдались. Никто из них не пожелал встретиться со мной.

15 МАЯ

Мы жили в пригороде Урумчи. Наш район назывался Нансан, что означало «Южная гора». Чтобы доехать до него, нужно было преодолеть великолепной красоты перевал. Снег на вершинах пиков сочетался с зелеными, майскими холмами. Мне это напоминало сказочного героя, на голове которого была белая чалма, а халат имел яркий зеленый цвет. Сидя в автобусе, я не могла налюбоваться раскинувшейся передо мной красотой. Я была уверена, что красота природы наиболее отчетливо проявляется именно в мае, когда зелень до горизонта так радует глаз.

Любуясь природой, я и не заметила, как мы приехали. Автобус остановился возле магазина.

Отец вместе с моими братишками и сестренками, стояли у ворот дома и ожидали нашего приезда. Мы горячо обнялись.

– Как ты? Как себя чувствуешь? – произнес отец, нежно глядя на меня.

Я не могла отвечать, ибо чувства переполнили меня. Три года я не видела самых родных, самых близких мне людей. И вот они рядом. Я лишь осознавала, что с ними все хорошо, что мои братишки и сестренки заметно выросли.

16 МАЯ

На следующий день после моего приезда, из города позвонили и сообщили печальную новость. Скоропостижно скончался один из наших родственников. Это был муж тети Марьям – Ахат Аблиз. Родители немед-

ленно уехали на похороны, а я осталась с братьями и сестрами.

Чем больше проходило времени, тем чаще я стала задумываться над тем, чем же мне теперь заниматься? Столько лет я училась на медика, но врачом мне не бывать! Хотя в заключении я надеялась, что смогу работать по специальности. Однако, сегодня уже ясно, что моей подпорченной биографией, я, в лучшем случае, смогу устроиться на черную, физическую работу.

Внезапно, к нам домой пришел парень-казах.

– Тебя срочно вызывают на собрание.

Стараясь держаться спокойно, я ответила:

– Хорошо, сейчас приду.

– Нет! – строго сказал он. – Ты пойдешь прямо сейчас. Меня специально послали за тобой.

Мне стало все ясно. Я надела кофту, наказала малолетним Мушарафу и Ризе не выходить никуда из дома, и последовала к месту собрания. Сопровождавший меня парень шел в четырех шагах сзади, как бы подгоняя меня.

В зале конторы коммуны народу было много. Казалось, они ждали только меня. Я поздоровалась, но не то, чтобы ответа, я не увидела даже ни одного доброго взгляда. Все сидели нахмурившись, готовые наброситься на меня. Оглядевшись, я села на свободный стул, на который мне указали.

Некоторое время сохранялась гнетущая тишина. Затем, сидевший на председательствующем месте, примерно пятидесятилетний мужчина-казах, заговорил.

– В нашу коммуну поступила ярая контрреволюционерка. Я зачитаю вам материалы ее личного дела.

При этих словах весь зал повернулся ко мне. Мне стало неловко, и я почувствовала, что краснею. Одна-

ко, стараясь не обращать ни на кого внимания, я настраивалась выслушать все то, что обо мне написано.

Тем временем, председательствующий раскрыл папку и стал зачитывать какой-то документ, на котором были видны большие красные печати.

Из его слов выходило, что я – ярая контрреволюционерка, непосредственный агент Хрущева, один из организаторов кровавых событий в Кульдже и Чугучаке, советский ревизионист, намеревавшийся бежать в Советский Союз.

Далее он провозгласил, что в связи с вышесказанным, мне предстояло находиться под постоянным контролем народных масс, и подвергаться принудительному труду с целью исправления и изменения своей позиции.

Этот «документ» был утвержден Управлением общественной безопасности Автономного района и принят к исполнению местными органами власти.

Мне предписывалось о каждом своем шаге сообщать руководству коммуны, и ни часу не находиться без дела без ведома руководства коммуны.

В заключении он добавил, что контроль должны осуществлять не отдельные люди, а все члены коммуны.

Услышав эти слова, я была поражена. Я не верила своим ушам. Как же это так? Как я могла быть агентом Хрущева, если никогда в жизни не видела его? Да ведь, когда меня арестовали, нам зачитали разницу между статусами заключенных. Так, нам объясняли, что те, кто приговаривался к лагерям по перевоспитанию трудом (лаожао) обладали всеми гражданскими правами. А те, кто приговаривался к лагерям по исправлению трудом (лаогай) лишаются на период заключения, гражданских прав. Я же, проведя три года в лагерях, то есть, исправившись, вдруг после освобождения ли-

шилась гражданских прав?! Такого не может быть. Мне подумалось, что, возможно, перепутали папки с личными делами? Я даже подумала объяснить присутствующим всю абсурдность положения, однако взглянув вокруг, убедилась, что это бесполезно.

Докладчик, тем временем, продолжал. Он зачитывал условия моего наказания. По его словам, я должна приступить к работе с завтрашнего утра. Работать должна на стройке, а в принципе, там, куда меня пошлет руководство коммуны. Мой рабочий день должен начинаться за два часа до начала рабочего дня основной бригады. Соответственно, заканчивать работу я должна на два часа позже. Обеденный перерыв сокращался на полчаса по сравнению с обеденным перерывом остальных. Я должна беспрекословно выполнять любую работу. В случае отказа, я буду подвергаться наказанию, вплоть до ареста.

Не успел он зачитать до конца свою насквозь незаконную бумажку, как я поняла, что этот режим «народного контроля» будет тяжелее трех лет отсидки в лагере.

Между тем, докладчик вошел в раж. Он предостерег сидящих в зале, что классовый враг способен на все. Он может совершать диверсии на электростанции, стройке, других объектах. Поэтому, ни на минуту нельзя упускать его из поля зрения.

Завершил он свое выступление словами:

– Классовый враг Суюнгуль пусть покинет помещение!

Его слова подхватили все присутствующие. Я вышла, стараясь сдерживаться. Лишь отдалившись он конторы, я не выдержала и расплакалась. Мне было так больно и обидно за эту клевету. Однако, по мере приближения к дому, я, чтобы не огорчить родных, попыталась взять себя в руки, и немного успокоилась.

Я поняла, почему бригадирша Гулниса избегала встреч со мной. Я не понимала другого. Ведь если даже меня и обвинять, то ведь нужно было обвинять по существу. Почему же они не написали в обвинении, что я являлась одной из основателей Восточно-Туркестанской рабочей партии с целью достижения независимости Восточного Туркестана? Почему они не написали этой правды, а придумали всякую чушь?

Я задумалась об этом. И вспомнила, что во время допроса в Медицинском институте, следователь обвинял нас в том, что мы – «местные националисты».

Тогда я ему ответила:

– Никакие мы не «местные националисты». Мы просто хотели, чтобы все народы Восточного Туркестана жили в мире и согласии. Мы – тюркские народы. Мы желали лишь независимости Восточного Туркестана.

Следователь был китайцем. Услышав эти мои слова, он в бешенстве воскликнул:

– Независимый Синьцзян нужен только уйгурам. Тебе-то какая польза?

– Нет, независимый Восточный Туркестан нужен всем проживающим здесь народам.

Услышав это, китаец нервно стал прохаживаться туда-сюда. Затем, на протяжении целого часа он пытался внушить мне, что это мое видение крайне ошибочно. Оно никогда не будет реализовано, так как это – всего лишь мечты.

Сейчас, возвращаясь с собрания, где меня обвинили непонятно в чем, я поняла, что власти не могли предъявить мне настоящего обвинения, то есть сказать, что я создала организацию, чтобы добиваться независимости Восточного Туркестана. Ведь, в этом случае, они бы невольно пропагандировали идеи Восточного Туркестана.

Приближаясь к дому, я думала о том, как болезненно воспримут эту новость мои родители. Однако скрыть от них ничего было нельзя. Поэтому, решив держаться спокойно, что, возможно, несколько успокоит моих родных, я вошла в дом.

Мои остальные братишки и сестренки уже вернулись со школы. Увидев меня, София спросила:

– Зачем тебя вызывали на собрание?

– Мне нашли работу. Я буду работать на стройке, – как можно спокойнее сказала я.

Было видно, что и София немного успокоилась.

– Давайте пить чай! – провозгласила она.

Рано утром, надев рабочую одежду, взяв лопату, я направилась к конторе. Первый день выдался очень трудным. Меня распределили на погрузку песка. Однако, помимо физической усталости, я была вымотана морально. Дело в том, что люди, словно бы видя во мне некоего монстра, пристально вглядывались в меня. И это был не один человек. Практически все, кто работал, смотрели на меня ненавидящим взглядом. Я поняла, что довольно долго мне не придется увидеть дружеского взгляда.

НАЧАЛО КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 18 МАЯ

Естественно, родители были крайне огорчены тем, что произошло со мной. Они приехали из города, когда я была на работе. Когда я вернулась на обед, мама встретила меня со слезами на глазах.

Я постаралась успокоить ее. Наскоро пообедав, я вновь направилась на работу. Примерно через час, ко мне подошли два парня-казаха. Они были народными дружинниками.

– Оставь лопату здесь и следуй в контору, на собрание! – приказали они мне.

Всю дорогу они молчали, и лишь когда мы подошли к конторе, указали мне на нескольких пожилых китайцев, сидящих прямо на земле несколько в стороне. Я поняла, что должна сесть рядом с ними. Между тем, у конторы скопилось большое количество людей. И все они внимательно наблюдали за мной.

Пожилые китайцы сидели, устремив глаза в землю. Я подумала, что это осужденные помещики или кулаки. Они были неопрятно одеты, обросшие и грязные. Когда я подошла к ним, они с какой-то опаской посмотрели на меня.

В этот момент собрание началось. Доклад был посвящен началу так называемой «культурной революции». Ее суть заключалась в борьбе против классовых врагов. Против скрытых сторонников капитализма, которые проникли в ряды партии. Одним словом, борьба за чистоту партийных рядов.

Доклад неоднократно прерывался выкриками одобрения. Лозунги с прославлением Мао Цзедунa и проклятиями в адрес его врагов, звучали громко и организовано.

Однако чувствовалось, что этот доклад вызвал неоднозначные чувства. Люди находились в состоянии страха. Мне было ясно, что нас опять вовлекают в какую-то большую игру. Я подумала, что только Аллах может спасти нас.

Вдруг раздались возгласы:

– Классовые враги должны удалиться!

Все повернулись в ту сторону, где сидели пожилые китайцы и я. Они немедленно встали и направились следом за молодым народным дружинником. Я же последовала за стариками. Мне хотелось думать, что это

сон, что сейчас я проснусь, и все пройдет. К сожалению, это был не сон.

Нас привели к подножью горы и велели работать на замесе глины для кирпичей. По-видимому, старики-китайцы уже и раньше трудились здесь.

Улучив момент, когда рядом не было никого из народных дружинников, один из стариков спросил:

– Откуда ты? Что совершила?

Я коротко рассказала ему свою историю.

– Как же ты решилась? Ведь ты – молодая девушка, и у тебя вся жизнь была впереди. А теперь у тебя нет будущего. Мы уже тринадцать лет как находимся под народным надзором. Но мы прожили свое. А ведь ты такая молодая!

Я горько улыбнулась, и сказала, что ничто не вечно в этом мире. Даст Аллах, и жизнь переменится.

После этих слов заговорил бородатый дунганин, на голове которого была небольшая черная шапочка, скрывавшая его длинные волосы.

– Я тоже мусульманин, дочка. Но, таких как мы, не любит и Аллах. Если бы любил, то забрал бы нас, избавив от этих мук.

Его поддержал семидесятилетний китаец:

– Лавма говорит правду. Зачем нам жить так долго при таком унижении. Лучше умереть.

Я постаралась как-то успокоить стариков, отвлечь их от этих печальных мыслей.

Очень скоро я почувствовала, что они прислушались ко мне, стали более общительны.

– А чья вы дочь? – спросил один из них.

– Я здешняя; дочь татарина по имени Салих Валиев.

– Я знаком с твоим отцом, дочка. Очень хороший он человек, скромный, умный, – произнес один из стариков.

Внезапно наш разговор прервался, так как кто-то увидел приближавшегося человека, одетого во все черное.

– Потихе, приближается «черная собака».

Мы замолчали, и сосредоточились на работе.

Между тем, человек в черном подошел к нам, и сходу накинудся на меня:

– Эй ты! – закричал он. – Что прохлаждаешься? Немедленно начинай месить глину ногами. Ты вообще знаешь, кто ты такая. А я знаю! Ты – классовый враг! Ты будешь делать все, что тебя обяжет диктатура пролетариата!

Я разулась и, сгорая от стыда, так как еще никогда при мужчинах не оголяла ноги, вступила в глиняную смесь. Мне хотелось, как можно быстрее, испачкать ноги глиной.

Где-то с получаса «черная собака» наблюдал за нами, не переставая ругать нас последними словами. Я, например, никогда до этого не испытывала такой стыд и унижение. Если бы это произошло в мои студенческие годы, я бы расплакалась. Но сейчас, пройдя определенную школу жизни, я смогла совладать с собой. Я понимала, что нужно просто терпеть. И я терпела.

Вечером, вернувшись домой, я не могла смотреть на родителей. На них просто невозможно было смотреть. Они так сильно переживали за меня, что я боялась, как бы они не заболели от этих переживаний.

Когда утром, в шесть часов, я пришла на работу, старики уже были там. Немедленно я вступила в холодную глиняную жижу и стала месить ее.

В восемь часов появилось больше тридцати молодых людей. Большинство из них были казахами. Их направили сюда, чтобы они из подготовленной нами глины

формовали кирпичи. Увидев меня, один из них задиристо произнес:

– По-моему, у реакционеров наблюдаются изменения! Оразан, посмотри-ка туда!

Человек, которого звали Оразан, был среднего роста, чисто побритый. На вид ему было лет тридцать. Он взглянул на меня, а потом повернувшись к обращавшемуся к нему, сказал

– А ты сам-то кто? И почему мы здесь? Мы что, в гости пришли? Ведь и мы – классовые враги. Ведь и мы – дети богатых баев. Не думаешь ли ты, что то, что выпало на долю этих реакционеров, может ожидать нас завтра?

Стоявший рядом юноша поддержал Оразана.

– Действительно, мы что, сюда пришли танцевать?!

Произнеся эти слова, он поднял руки, словно бы собирался станцевать.

Все засмеялись, а один молодой парень, вклинившись в центр, начал казахский танец.

Однако его тут же остановил средних лет человек, предупредив, что если увидит бригадир, то начнутся проблемы.

Мне стало совершенно ясно, что эти молодые люди были детьми богатых казахских баев, которые пострадали из-за большого количества скота, которым они обладали.

Молодые люди приступили к формовке кирпичей. Нам со стариками было совсем нелегко обеспечить их размятой глиной. Работа шла без перерывов.

Возвращаясь домой, я чувствовала себя совершенно разбитой. Однако, чтобы еще больше не расстраивать родителей, я, предварительно привела себя в порядок, умылась, почистила вещи и обувь, и когда зашла в дом, старалась всем своим видом показать, что у меня все в порядке.

Это сыграло свою роль, и я была счастлива, когда увидела радостно улыбающихся отца и маму. Ведь они испытывали страшные душевные мучения, видя, в каком положении оказалась я. И теперь, то, что я находилась в нормальном расположении духа, конечно же, подбадривало и их.

Вместе с тем, я осознавала, что мое положение исключительно тяжелое. Не только контролировавшие нас народные дружинники, но даже и молодые ребята, формовавшие кирпичи, относились к нам пренебрежительно. Ведь мы – классовые враги, а значит – изгои. Поэтому, они старались показать свое превосходство. Не зная, к чему придраться, они возмущались тем, что глина, то слишком густая, то слишком жидкая.

В неделю раз, а то и два раза, приходилось работать по тридцать шесть часов .

На этом месте мне пришлось работать больше месяца.

10 АВГУСТА

Я уже стала привыкать к работе. Однако, в связи с тем, что постоянно соприкасалась с мокрой глиной, пальцы рук потрескались и нещадно щипали. Мне приходилось смазывать их вазелином.

Прошло уже больше месяца, как я работала на формовке кирпичей. После этого началось строительство помещений. Для этого прибыло большое количество мастеров и женщин, занятых на подсобных работах. В основном это были женщины-казашки. Они приходили на стройку со своими детьми. И в основном, это были многодетные женщины.

Оставляя детей недалеко от строительной площадки,

женщины в течение всего дня не могли подойти к ним. Дело в том, что, несмотря на крики и плач малолетних детей, их матерям категорически запрещалось бросать работу. Ибо, в этом случае, у них сокращали продовольственные карточки.

Таким образом, женщины трудились не покладая рук. Позже я узнала, что все хозяйство было на них. После тяжелой работы на стройке, они возвращались в коммуну, и готовили ужин, стирали, убирали, не переставая приглядывать за детьми. У них было так принято, и мужчины абсолютно не помогали своим женщинам в вопросах воспитания детей.

Даже после всего этого, им не было покоя. Так как начинались собрания, присутствие на которых было обязательно. Сами организаторы таких собраний, отдохнув днем, до позднего вечера лишь только мучили народ своей болтовней.

15 АВГУСТА

Проработав тридцать шесть часов, я вымотанная, еле добралась до дома. Мне даже не хотелось есть, — моим желанием было лишь поспать несколько часов. Однако, в связи с тем, что мама уже приготовила еду, я присела к столу.

Внезапно, дверь открылась, и вошли два парня-другинника. Они так надоели мне, что я просто не хотела их видеть. Между тем, один из них сурово произнес:

— Тебя вызывает бригадир Кадыр-бек.

— Зачем?

— На работу.

— Но я только что пришла. Еще не обедала. Поем, потом пойду.

– Никто не будет ждать, пока ты будешь есть!

Отложив ложку, я надела легкую куртку и, стараясь не подавать вида, что устала и расстроена, вышла из дома.

Я всегда старалась при родных держаться спокойно и уверенно, так как знала, что они сильно переживают за меня, что они страдают из-за моего такого положения.

По дороге я думала о том, почему эти, по своей природе, простые люди, которые пасли свой скот за пятьдесят километров от Урумчи, вдруг проявляют такую жестокость? Наконец, я поняла. Я поняла, что они, таким образом, хотят увести беду от себя, от своих близких...

Бригадира мы нашли рядом с оврагом. Он там находился в окружении не менее десяти молодых ребят-казахов.

Увидев мое приближение, Кадыр-бек указал на цементную трубу большого диаметра, длиной в несколько метров. Сквозь нее была просунута длинная палка. Указав на один из концов этой палки, он произнес:

– Берись. Будешь поднимать с той стороны. А с этой возьмутся эти ребята.

Глядя на эту трубу, я была уверена, что не то, что ее, но, наверное, не смогу поднять даже вдетую в нее палку.

Тем временем, все присутствующие пристально глядели на меня.

– Я не смогу ее поднять, – сказала я.

– Как это не можешь? А преступления совершать ты можешь? – ехидно произнес Кадыр-бек.

– Это разные вещи. Там нужен ум, а здесь – грубая сила.

– Смотри, как заговорила! – улыбнулся Кадыр-бек.

Все, находившиеся в его окружении, засмеялись.

Мне было странно это видеть. Тем временем, десять молодых ребят, с трудом подняли трубу и начали переносить ее.

Через полчаса подъехала машина. За рулем сидел китаец, на голову которого была нахлобучена шапка. Кадыр-бек, обращаясь ко мне, произнес:

– Поезжай на ней в ущелье Гангу. Там подготовленные для стройки бревна. Привезите их сюда.

Молча я взобралась на кузов. У столовой коммуны мы забрали стариков-китайцев. После этого, машина медленно двинулась в сторону ущелья Гангу.

С этим ущельем у меня были связаны самые хорошие воспоминания. По обе стороны ущелья красовались горы, покрытые деревьями, кустарником, от которых невозможно было оторвать глаза.

В детстве я часто приходила сюда, гуляла вдоль ручейков, стекающих с холмов.

В связи с тем, что дорога была разбита из-за частых дождей, мы добрались до места лишь к одиннадцати часам вечера. Уже стемнело и я с наслаждением любовалась блестящими в небе звездами.

Вдруг совсем рядом раздался окрик:

– Начинайте грузить!

Я удивилась, увидев двоих дружинников. Ведь их не было в машине.

Совместно со стариками, мы около двух часов грузили лежавшие на поляне бревна. Лишь к часу ночи, нагрузив машину, взобрались на кузов.

Когда мы вернулись, вокруг была тишина. Не успели мы разгрузить машину, как один из дружинников командовал:

– Полчаса на обед, затем будем перевозить на грузовике глину.

Я заглянула домой. Все сладко спали. Не желая их тревожить, поспешила к тому месту, откуда надо будет грузить глину. Я уже двое суток находилась без сна, и у меня было только одно желание – хоть немного поспать. Как нарочно, на склоне горы, рядом с тем местом, где брали глину, лежала охалка сена. Я прилегла и моментально уснула.

Меня разбудил звук работавшего двигателя машины. С трудом оторвавшись от сна, я увидела, как старики-китайцы, с опаской, поспешно грузили глину.

Увидев меня, один из дружинников, воскликнул:

– Кто здесь?

Поспешно встав, я направилась к грузовику.

– Где ты ходила?

Стараясь быть спокойной, я ответила:

– Я пришла пораньше, и ожидая вас, уснула.

– Все ее ищут, а она разлеглась здесь.

Действительно, в ночи виднелся свет фонарей. Не говоря больше ни слова, я стала грузить глину.

Тем временем, один из дружинников сказал своему товарищу:

– Предупреди их, чтобы прекратили поиск.

Работавший рядом со мной пожилой китаец шепотом спросил:

– Ты где была? Они думали, что ты сбежала.

– Куда тут сбежишь, если везде коммунисты?

Лишь к пяти часам утра я добралась до дома. Мои сестры наперебой рассказывали о том, как дружинники искали меня. Разумеется они ворвались в дом в полной уверенности, что я нахожусь там. Они были так удивлены моим отсутствием, что своим растерянным видом вызвали смех не только у моих сестер, но и у мамы.

Конечно же, мои родные были встревожены моим отсутствием. По словам Софии, они немного успокои-

лись только после того, как прибежавший дружинник сообщил, что я нашлась.

Попив чаю и немного отдохнув, я вновь отправилась на работу. В этот день я узнала историю сына Рахили. Проезжавший на коне юноша поздоровался с работавшими женщинами. Одна из них вдруг спросила его:

– Что, сын Талдибая так и не нашелся?

– Нет, – ответил юноша и поскакал дальше.

А женщина рассказала нам о том, что жена Талдибая – Рахилия, работавшая в поле, не имела возможности находиться рядом с детьми. И ее одиннадцатилетняя дочь каждый день приводила к ней грудного ребенка, чтобы Рахилия могла покормить его. Вместе с сестрой каждый день в поле приходил и сын Рахили – шестилетний мальчик.

И вот, как-то, возвращаясь с поля, мальчик отстал от сестры, и потерялся. Где только его ни искали?! Прошло уже больше месяца, а мальчишку так и не нашли.

29 СЕНТЯБРЯ

Нам объявили, что перекидывают в другой населенный пункт. В числе десятка мужчин оказалась одна я. Больше двух часов мы ехали на грузовике по красивейшим ущельям и перевалам. Наконец, прибыли в назначенное место.

Это был совсем небольшой населенный пункт. В нем было не больше двадцати хижин. Меня разместили в маленькую мазанку. Как выяснилось, мужчины поселка ушли в горы косить траву. Женщины с детьми от двенадцати до шестнадцати лет, работали вместе с нами.

В мои обязанности входило готовить глиняно-це-

ментный раствор. Часто, поднося ведра с раствором к месту стройки, я видела, как три дружинника, обязанные присматривать за нами, от безделья начинали заставлять девчонок курить папиросы.

– Сейчас начинается Культурная революция! Кто не курит, тот не достоин ее. Того мы будем убеждать революционными методами, – запугивали они девчонок.

Те, не зная, что делать, вынуждены были приобщаться к папиросам. Однако нарывались на укоризненные возгласы матерей:

– Какой позор! Разве казахские женщины когда-то курили? Это неслыханное дело!

Между тем, дружинники продолжали запугивать девчонок, уже не стесняясь их матерей. Они утверждали, что это – веление времени, признак культуры человека.

В один из дней, пожилая казашка не выдержала:

– О чем вы говорите? Разве курение – это признак культуры. У нас, у казахских женщин, такой привычки никогда не было!

На что дружинники отвечали:

– Вы не понимаете! Одна из важнейших задач Культурной революции – избавиться от всего старого. Например, от национальной одежды. Скоро все вы должны будете одеваться одинаково – в брюки и куртки.

Пожилая казашка, не дослушав тираду, твердо сказала:

– Этому не бывать! Почёму это мы должны избавиться от нашей национальной одежды? Мы – казахи! Ими и останемся! Или вы хотите сделать нас китайцами?

– Это решение центрального правительства, и вы должны ему подчиниться! – воскликнул дружинник.

Услышав эти слова, я была поражена. Ведь если это так, то это неизбежно вызовет недовольство и стычки.

11 НОЯБРЯ

После обеда я почувствовала себя плохо. Продолжая таскать в ведрах раствор, я боялась упасть. У меня все болело. К вечеру стало совсем плохо.

Кое-как добралась я до мазанки. Меня всю трясло. Я чувствовала, что резко поднялась температура. Не помню, как уснула.

Утром, примерно в десять часов, за мной пришел молодой парень-казах. Он сообщил, что ему велели сопровождать меня к врачу.

– Я не смогу дойти, – произнесла я, зная, что врача в поселке нет, и надо будет добираться до другого населенного пункта.

– Я привел лошадей. Мы поедем на лошадях, – пояснил парень.

С трудом я взобралась на лошадь. Важнее всего для меня в этот момент было не упасть. Ведь за моими действиями наблюдало столько людей. И они не были моими друзьями. А значит, я должна была не упасть, не опозориться.

Через некоторое время мы добрались до отдельно стоящих нескольких строений. Войдя в первое же из них, я поняла, что врач находится именно здесь. Им оказался китаец средних лет. Он сидел на табурете. Рядом стоял второй. Велев мне сесть на него, врач осмотрел меня, и сразу же дал какое-то лекарство. Он спросил о том, откуда я родом, но не успела я ответить, как сопровождавший меня дружинник произнес:

– Она контрреволюционерка!

Врач лишь покачал головой, и печально сказал:

– Но она же такая молодая?

Он больше не обращался ко мне, а что-то написал на листке бумаги, и сказал моему сопровождающему:

– Она серьезно больна. Нужно освободить ее от работы хотя бы на неделю. Пусть пьет прописанные мною лекарства. Если не поправится, вновь привезите ко мне.

Сопровождавший меня парень недовольно взял протянутый лист. Я улыбнулась, а врач лишь покачал головой.

На третий день мне стало лучше, и я вышла на работу. А через неделю, мы закончили здесь стройку и вернулись к месту постоянного размещения.

ОБВИНЕНИЯ И РАЗБОЙ ПЕРИОДА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 19 НОЯБРЯ

Подходя к аккуратному забору из деревянного штакетника, я почувствовала себя спокойной и счастливой. Ведь я возвращалась домой после почти двухмесячного отсутствия. Все мои близкие были дома. Я видела, что и они безмерно рады моему приезду. Тем не менее, я заметила еле скрываемые ими растерянность и тревогу. Да и в самом нашем доме были какие-то перемены.

Однако мама меня успокаивала, уверяя, что все в порядке.

Между тем, умываясь с дороги, я все же немного приоткрыла для себя эту завесу таинственности. Наливая мне воду из кувшина, братишка Ахмад произнес:

– Здесь такое было в твое отсутствие. К нам пришли какие-то плохие люди, все в доме сломали, даже окна выбили. Папа недавно только застеклил.

– Они такие страшные! – добавила сестренка Мушараф. – Нас на холод выгнали на улицу. Я так испугалась!

– Они так ругали папу. А он молчал, – вновь заговорил Ахмад. Взяли мамин Коран в красивом футляре, и бросили на землю. Мама чуть не вцепилась в него.

Услышав это, я была в замешательстве. В этот момент раздался голос мамы, которая звала нас к столу.

За обедом я попыталась расспросить обо всем маму, но она ответила:

– Еще узнаешь, сейчас не надо расспрашивать.

Вся семья была в сборе. Девять детей сидели за одним столом. Какое это счастье – быть все вместе, рядом с родителями!

Хотя мама и не захотела говорить о произошедшем, сестренка Гайша вдруг начала говорить о том, что в начале ноября она приболела, решила пойти к врачу в Урумчи. Из Нансана в Урумчи поехали несколько человек. Прибыв в город, все были удивлены тем, что по улицам Урумчи невозможно было пройти. Все центральные улицы и площади были забиты толпами людей, несущими различные транспаранты, прославляющие Председателя Мао Цзедуня. Через громкоговорители выкрикивали лозунги о необходимости уничтожить врагов революции. В плотном окружении толпы находились те самые «враги». Их можно было увидеть еще издалека, так как на их головы были надеты огромные колпаки. Время от времени, разъяренная толпа заставляла людей в колпаках выдвигаться вперед и демонстрировать табличку, висевшую на шее. На ней было написано имя и преступление, в котором человек в колпаке обвинялся.

По словам Гайши, жители Урумчи, при виде этой неизвестно откуда прибывшей толпы демонстрантов, в страхе прятались по домам, наблюдая за огромной процессией из окон домов, либо из щелочек заборов.

Шествия не прекратились и ночью. Через установленные в центральных районах города усилители, продолжались восхваления Мао Цзедуна и избранного им пути, и одновременно, всячески охаивались контрреволюционеры и ревизионисты.

Одним словом, происходили невиданные доселе события.

Все это, по словам Гайши, происходило ежедневно. Естественно, вся жизнь в городе была парализована, и она не смогла попасть на прием к врачу. Правда два раза она все же сумела приблизиться к поликлинике, но увидев, что всех врачей вывели к зданию, надели на их головы колпаки и обвинили их в том, что они националисты, пособники партии Гоминдан, ревизионисты, связанные с границей, капиталисты и помещики, в страхе удалилась.

Естественно, больных никто не лечил, и они, больные, и в том числе Гайша, вынуждены были заниматься самолечением. По ее словам, решив возвращаться домой, она, за день до отъезда, находясь в доме дяди, увидела, как к соседу дяди – Исмаилу Мусабаеву ворвалось, по меньшей мере, пятьдесят хунвейбинов (красных охранников), которые выгнав из дома всех его обитателей, буквально разграбили его. Они выносили все имущество, оставив хозяевам лишь предметы личной гигиены, по два комплекта вещей, постельные принадлежности. Все остальное погрузили в грузовики. Естественно, кое-что исчезло в карманах молодых бандитов.

Более того, они почему-то вырвали все цветы из красивого цветника перед домом, попытались разрушить кирпичную кладку дома, вывезли из сарая весь уголь. Известно, что Исмаил Мусабаев был крупным коммерсантом. Так молодые бандиты, прежде чем забрать все

его средства, сфотографировали его самого на фоне сундука со всем его добром. Издевательствам подверглись и члены семьи Исмаила Мусабаева. В частности, дочь Айтан и супруга Мархаба-апа.

Гайша рассказала, что даже соседям Мусабаева не разрешили никуда отлучаться в течении суток. И лишь на следующий день она смогла уехать домой.

Слова Гайши дополнила еще одна моя сестренка Закия. Она также говорила об увиденном. Все те же толпы молодых людей, все те же демонстрации и митинги в центре Урумчи. Она добавила, что народ был в таком смятении, что готов был бежать куда угодно, лишь бы подальше от этой неуправляемой толпы.

По словам Закии, когда она находилась в доме у дяди, его жена Махфуза говорила о том, что круглосуточное вещание через громкоговорители расшатало ее нервы, и она чувствует, что заболевает.

Между тем, через несколько дней, хунвейбины появились и во дворе дяди. Это были совсем молодые люди, от двенадцати до семнадцати лет. Приказав всем выйти во двор и не сопротивляться, они принялись обыскивать. По словам Закии, у нее нашли продовольственные карточки и немного денег. Подросток положил все это себе в карман. Однако, тетя Махфуза твердо сказала:

– Это моя племянница. Она живет в коммуне. Приехала в Урумчи на лечение. Отдайте ей карточки.

Старший группы хунвейбинов, немного помедлив, отдал приказ, и карточки вернули.

Тем временем, всех выгнали на улицу. Шестеро детей дяди от страха принялись плакать. Не обращая внимания на них, хунвейбины разделились на две группы. Одна вошла в дом, и стала выносить все, что возможно. Вторая пошла в сад, и перерыла его. За-

тем, несколько человек разобрали полы дома, и спустились в подвал. По словам Закии, она не понимала, что они искали в подвале, однако, через несколько минут, один из хунвейбинов вылез оттуда, грязный и недовольный.

К полудню, завершив обыск, молодые бандиты направились к машинам, намереваясь грузить их награбленным. Дядя попытался остановить их, говоря, что все это заработано честным трудом и они не имеют права просто так забрать все это. Ошарашенные его энергией, хунвейбины позволили дяде вернуть некоторые вещи и часть мебели.

Как рассказывала Закия, наутро она отправилась к дяде со стороны отца. Как раз к ее приходу, там тоже проходил обыск. Моментально Закию стали расспрашивать о том, кто она такая, и также подвергли обыску. Когда дядя попытался объяснить, что Закия – дочь его братишки, они немедленно стали требовать адрес. Как только дядя вынужден был его назвать, трое хунвейбиновцев побежали по этому адресу.

– Я переживала, что теперь они разграбят и наш дом. – говорила Закия – Я сожалела, что пришла к дяде именно сегодня.

Тем временем, обыск у дяди продолжался до вечера. Хунвейбины увезли много вещей. В течение одного только дня, прибывшие из сельской местности в Урумчи хунвейбины – красные охранники, малолетние ребята, разграбили больше тысячи домов.

Сестренка продолжала рассказывать о бесчинствах хунвейбинов. В частности то, что они позакрывали все мечети, запретили соблюдать ритуалы. Поэтому, в те дни умерших хоронили без погребальной молитвы, обязательной у мусульман, без погребальных носилок. Свадьбы проходили без молитвы бракосочетания.

Все, что рассказывали сестренки, просто шокировало меня. И тут в разговор вступила мама. Она начала рассказывать о том, что одиннадцатого ноября хунвейбины пришли с обыском и к нам домой. Всех выгнали на улицу. Дети замерзли, но им не разрешали надевать теплые вещи. Хунвейбины не знали к чему придраться. Так, найдя игрушечный автомат, пытались обвинить нас в том, что мы храним оружие. Найдя в сундуке немного денег, попытались забрать их, и лишь убедившись, что эти деньги оставлены на случай смерти, вернули их. Наконец, обнаружив электрический утюг, обрадовались, посчитав, что это радио, предназначенное для прослушивания передач советских ревизионистов. Их беда была в том, что они никогда не видели утюга.

Мама рассказала, что самым страшным ударом для нее было то, что хунвейбины обнаружили спрятанный ею Священный Коран, и волоча его по земле, пытались уничтожить. Она буквально вырвала у них Книгу. Один из хунвейбинов удивился ее поступком.

– Что с того, что какая-то книга волочится по земле? – спросил он.

– Как твое имя?

– Сулайман.

– Вот ты спроси у своего отца, что значит уронить Коран. Ведь и твое имя упоминается в этой Книге.

Перерыв все в доме, но не найдя чего-то недозволенного, хунвейбины стали выкрикивать лозунги:

– Смерть ревизионисту Салиху!

– Уничтожим капиталиста, помещика и богатея Салиха Валиева! .

– Уничтожим приспешника Гоминдана!

В конце концов, они забрали мои золотые изделия, в частности, обручальное кольцо, серьги, и Коран.

После того, как они, наконец-то, ушли, мы до часу ночи наводили в доме порядок. Пришлось заклеивать окна бумагой, так как хунвейбины выбили все стекла.

После мамы вновь заговорил братишка Ахмад. Он говорил о своем испуге, о том, что страшно замерз на ноябрьском морозе. Он не мог понять, почему эти люди кричали на нашего отца, почему они разбросали наши вещи?!

Мне тоже было важно знать, почему они так страшно угрожали отцу. Спросив его самого об этом, я услышала совсем неожиданный для меня ответ.

– Некоторых из тех, кто приходил к нам, я, в свое время, учил. И вот теперь они пришли с угрозами. Я не понимаю, почему они вели себя так?!

– Мне кажется, это просто амбиции. Он мечтает занять ваше место, – предположила я.

– Возможно, я не безгрешен перед Аллахом, но людям я старался делать только добро. Поэтому, моя совесть чиста, – произнес отец.

Я почувствовала, что отец сильно переживал случившееся. Заваривая чай, мама вдруг тихо сказала:

– Наступают тяжелые времена. Как грибы после дождя, организуются все новые политические компании. Страдает все большее число людей. Это к добру не приведет.

Мы все замолчали. Это молчание прервала Закия.

– Вы знаете, в Турфане, Токсуне, под лозунгами борьбы с пережитками прошлого, собрали все тибетейки и придали их огню. Мужчин заставляют сбривать бороды, а женщин – косы. Женщин также обязывают надевать брюки.

В Турфане один из стариков возмутился этими действиями молодых хунвейбинов.

– Вы сжигаете тибетейки, но сможете ли вы сжечь то, что находится в голове?

За эти слова его обвинили в контрреволюционной деятельности и арестовали.

– Такое было и у нас! – добавила София. – Под транспарантами с восхвалениями Мао Цзедунa, хунвейбины собрали книги, в том числе и Коран, тексты народных песен, а также одежду и головные украшения казахских женщин, и все это сожгли.

Хунвейбины объявили также «пережитками прошлого» вышивку казахских девушек, которыми они занимались с десяти лет вплоть до времени выхода замуж. Все собранные предметы также были приданы огню.

У нас они забрали много вещей. В частности, мамы татарские расцвеченные сапожки, привезенные ей в свое время ее отцом из Казани. Эти вещи также сожгли.

После этих слов, мама тяжело вздохнула:

– Мне жалко только Коран. Когда его бросили в огонь, я почувствовала себя так, словно горит мое сердце...

Отец добавил, что огню были приданы русско-китайско-уйгурский словарь, который он, с большим трудом, приобрел когда-то. Были сожжены и другие словари, которые также объявили «пережитками прошлого».

ШЕСТВИЕ ЛЮДЕЙ С ДЕРЕВЯННЫМИ ДОЩЕЧКАМИ НА ШЕЯХ. 30 НОЯБРЯ

Земля покрылась снегом. Наступили морозы. Меня направили на земляные работы в конюшне, расположенной у подножия гор. Через два часа ко мне присоединились Су Ванчин и Ахмад. Они переговаривались между собой.

– По видимому, сегодня опять что-то намечается? – произнес Ахмад.

– Похоже на это! Настоящая революция разворачивается. А эти степняки такие: скажешь принести шапку, так они принесут ее вместе с головой! – ответил Су Ванчин.

– Я тоже этого опасуюсь. Не знаю, что же мне делать, – зашептал Ахмад.

– Твоя мама уехала?

– Да, я ее отправил в Ананчуй.

– А сестренка Зайнап?

– Она тоже уехала.

– Тебе уже восемнадцать лет. Теперь они могут обвинения, выдвинутые против твоего отца, перекинуть на тебя. Надеть «колпак», от которого уже не избавишься. Поэтому, если есть возможность, тебе тоже надо уехать. Переждать какое время где-то вдали. Когда наступят лучшие времена – вернешься! – посоветовал Су Ванчин.

От страха Ахмада начинало трясти. Он был дунганином, выросшим в Восточном Туркестане. В период земельной реформы, его родители пострадали, так как были объявлены помещиками. Уже прошло десять лет, как отец умер. И теперь стояла реальная опасность того, что обвинения в том, что он помещик, перекинутся на Ахмада.

Во время этого разговора, слышались провозглашаемые толпой лозунги, которые становились все более громкими. Мы стали прислушиваться к ним.

Вдруг, Ахмад подбежал к оконцу конюшни и посмотрел сквозь мутное стекло наружу.

– О Боже! – воскликнул он. На человека надели какую-то дощечку и гонят его в нашем направлении.

Он испуганно посмотрел на меня, и произнес:

– Наверное, они идут за тобой. Выйди им навстречу! Побейстрой!

Весь его вид говорил о том, что он находился в состоянии глубокого ужаса.

От его такого вида мне стало смешно.

– Почему это я должна выходить? Если они скажут, тогда выйду! – ответила я, подавляя смех.

Ахмад, тем временем, не зная куда себя девать, бросился к лошадям. Лошади всполошились.

– Не суепись ты так! – попыталась успокоить его я. – Если увидят, что ты спрятался и обнаружат, вот тогда не оберешься зла. Поэтому, держись спокойно. Попробуют арестовать, – объясни, что ты ничего не сделал плохого. Отвечай твердо и уверенно. А если будут обвинять тебя в помещичьем происхождении, скажи, что ты родился уже после «освобождения», то есть, после крушения власти партии Гоминдан, при коммунистах. А при коммунистах уже не было помещиков.

Ахмад, казалось бы, немного успокоился. Он стал безостановочно благодарить меня за мой совет.

Тем временем, тревожный шум возрастал. В щелочку в стене конюшни я видела, как толпа приближалась к нам. Вскоре отчетливо можно было разглядеть, как человек двадцать-тридцать, с деревянными табличками на шеях, подгоняемые огромной толпой, направлялись к нам.

Минут через десять, выкрикивая лозунги, толпа медленно прошла по дороге мимо конюшни. Мы настороженно наблюдали из своего укрытия. К своему ужасу, я вдруг увидела среди людей с деревянными дощечками, висящими на шее, своего отца. На дощечке были написаны его предполагаемые преступления. У меня защемило сердце. Но я ничем не могла помочь отцу.

Мой отец был светлым человеком. Он был немного-

словным, добрым, очень вежливым и обходительным. Никогда никому он не причинял зла. Напротив, старался по мере возможности, помогать людям. Он любил людей. Этими чертами характера он выделялся среди других. Все свои знания отец отдавал на благо народа.

Помню, как-то в летнюю жару, пропала вода в местной речушке. Людям приходилось ходить за водой на достаточно далекое расстояние. Отец вместе со своим братишкой Вахитом, пошли в окрестные горы, и трудились до тех пор, пока не расширили русло родника, наполнившего водой старое русло речки. По сегодняшний день люди пользовались этой водой.

Отцу также принадлежала инициатива провести электричество в наш район. Он лично привез из Кульджи и Боротолу необходимое оборудование, провода и специалистов. При его участии были сооружены также бетонные арыки вдоль улиц. Отец добился того, чтобы в наш район доставили лучших молочных коров, тонкорунных овец. Для этого он обошел многие учреждения в Урумчи. По его проекту были сооружены коровники, хозяйственные и жилые постройки. Первым в районе, отец установил сепараторы, при помощи которых изготавливали сухие молочные смеси. До последнего времени, отец был главным бухгалтером в коммуне. Кроме того, он организовал курсы молодых бухгалтеров, где обучал этой профессии представителей молодого поколения.

Вот такого человека, который ничего, кроме добра, не делал, сегодня вывели на всеобщее обозрение, повесив на шею дощечку, на которой были написаны не совершенные им преступления.

Стоявший рядом со мной Ахмад, произнес:

– Смотри, среди них есть и твой отец.

И без его слов, я чувствовала себя скверно. Я понимала, насколько тяжело было отцу испытывать такое

унижение. Вместо слов благодарности за свой труд, ему отвечали клеветой и оскорблениями.

– Что же это такое?! – в полголоса сказал Су Ванчин, – такого образованного человека, как твой отец, нет во всей коммуне. Нет, это не революция, это что-то другое! Что-то такое, от чего человеку становится страшно.

После этих слов, без смеха невозможно было смотреть на Ахмада. Он побледнел, потом покраснел, затем как-то весь съежился.

Разумеется, мне было не до смеха, но я как ни старалась, не смогла сдержать улыбки.

– Послушай, ты же мужчина! Тебя еще ни в чем не обвинили, а ты весь дрожишь. У тебя такой вид, словно бы ты согнулся под тяжестью колпака, который на тебя надели. Но ведь нет никакого колпака!

Ахмад смущенно посмотрел на меня и прошептал:

– А как ты все это терпишь? Я не могу понять. Я бы, наверное, не выдержал и одного дня. Ты сильнее многих мужчин.

Ему в ответ Су Ванчин сказал:

– Она образованная, а образованные люди все понимают правильно. Они видят истину. Поэтому, они не боятся даже смерти. Но таких людей мало.

Через два дня Су Ванчин сообщил, что прошлой ночью Ахмад сбежал.

3 ДЕКАБРЯ

Стояли холодные зимние дни. Под ясным небом было так красиво, везде плотным слоем лежал снег. Сама природа благоприятно действовала на человека.

Я уже проработала два часа, как к конюшне стали подходить практически все жители населенного пун-

кта. Дело было в том, что с началом Культурной революции, были прекращены занятия в школах, и дети также отправлялись на работу.

Дети старше девяти лет привлекались к обязательному труду. На санках, к которым были привязаны либо деревянные ящики, либо большие старые тазы, люди вывозили лошадиный промерзший навоз в поле. Расстояние от конюшни до поля составляло около двух километров.

Вместе с десятком мужчин, я должна была выковыривать промерзший навоз и грузить их в санные ящики. Это было нелегко, так как санок было не меньше сотни. Нам невозможно было поспеть за теми, кто подходил с санками. Наивные люди предгорий, проживавшие в этих местах, боясь, что их обвинят в противодействии идеям Культурной революции, работали не жалея сил. Таким как я невозможно было даже заводить с ними беседу. Поэтому, я старалась помалкивать. А они – от мала до велика, работали без усталости.

Одновременно, охранники-дружинники, через огромные громкоговорители, выкрикивали лозунги Культурной революции. Они осуждающе говорили также о тех людях в колпаках, которые противились революционным идеям.

– Ваш труд – это ваша позиция по отношению к Революции! – кричали из громкоговорителей.

Бедный народ, услышав эти слова, начинал работать еще быстрее.

Внезапно из громкоговорителя послышались слова:

– Контрреволюционерка Суюнгуль не имеет права работать вместе с народом. Поэтому, по приказу начальника отряда Кадыр-бека, ей предписано направиться на очистку женской уборной. Суюнгуль немедленно должна отправиться туда!

Эти слова больно задели меня. Однако, у меня не было выбора. Противиться, значит навредить себе. Я надела старенькое пальто, взяла лом и направилась домой.

При виде меня, мама была удивлена.

– Что случилось? Почему ты вернулась так рано?

– Кадыр-бек приказал мне чистить уборную. Сейчас пойду туда.

Было видно, что мама расстроилась. Между тем, я отхлебнув чай, который она заботливо налила в чашку, подумала о том, что, может быть, это даже и к лучшему. Я успокаивала себя тем, что, во всяком случае, надолго никто не будет стоять, ибо я буду работать одна.

Видя, что я внешне спокойна, немного успокоилась и мама. Она зашла в комнату и вскоре вынесла мне марлевую маску и перчатки.

СПОР С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ. 13 ДЕКАБРЯ

Я посмотрела в ту сторону, откуда раздавался этот режущий ухо шум. Огромная толпа в несколько сот человек, неся над головой транспаранты и портреты Мао Цзедуна, продвигались вдоль населенного пункта. Среди них были как пешие, так и конные.

Несколько в стороне от меня работавшие члены коммуны также были удивлены этой процессией.

Между тем, толпа врывалась в скудные жилища по пути своего следования, и выволакивая людей, надев им на шею деревянные дощечки, гнала перед собой.

Проходя мимо нашего дома, они направились к нему. Мне стало не по себе. Я посмотрела в сторону работавших членов коммуны и увидела, как мои сестры София

и Гайша, побросав лопаты, побежали к дому. Мне было видно, как прямо перед воротами нашего дома толпились люди и возрастал неприятный шум.

Наступала время обеда. Я тоже пошла домой. У дверей дома я увидела, как хунвейбины – эти «красные охранники» пытались навесить на шею мамы дощечку, обвиняя ее в том, что она ревизионистка, связанная с заграницей. (Дело в том, что мамина мама с сестренкой, а также три племянницы отца выехали в свое время в Советский Союз. Таких людей считали ревизионистами, так как когда испортились отношения между Китаем и Советским Союзом, китайские коммунисты обвинили советских коммунистов в том, что они извратили, изменили идеи социализма. Поэтому, тех людей, кто имел хоть какое-то отношение к Советскому Союзу, или у кого были там родственники, называли ревизионистами).

Однако мама противилась этим обвинениям, и вместе с Софией и Гайшой доказывала свою правоту, цитируя изречения из цитатника Мао Цзедунa.

Вероятно, те, кто ворвался к нам, не знали моего имени. Так как они были хунвейбинами из другого отряда. Наверное, имея в виду меня, они стали кричать: – Пусть выйдет Айгуль! Пусть выйдет Айгуль!

Услышав это имя, я, как ни в чем не бывало, пошла в дом.

Между тем, на улице страсти разгорались все жарче.

Я дала братишке Ахмаду цитатник Мао Цзедунa, где сделала закладки, касающиеся вопросов ревизионизма. Ахмад вышел на улицу, и в помощь маме и сестрам, стал цитировать те места, которые я отметила.

Спор продолжался больше часа. Наконец, доказав свою правоту, то есть, на основе цитат Мао Цзедунa, доказав, что мама не должна подвергаться каким либо

репрессиям из-за того, что ее родственники уехали, в свое время, в Советский Союз, все стали расходиться.

«Красные охранники» снимали полотна флагов и транспарантов с древков, складывали их и прятали в карманах. А те, на кого были надеты деревянные дощечки, снимали их.

Пытавшийся сделать последнюю попытку надеть на маму дощечку, один из хунвейбинов, получил такой отпор, что дощечка, выкинутая с такой силой, упала на крышу сарая.

В процессе спора мама, опираясь на цитаты Мао Цзедуна, говорила, что такие обвинительные дощечки надо надевать не на матерей, воспитывающих своих детей, а на таких вредителей как они, находящиеся внутри партии. Она говорила, что колпак впору будет именно им. Глядя прямо в глаза этим молодым людям, мама говорила:

– Прежде чем совершать революцию, вы, первым делом, должны знать ее цели, вы должны изучить политическую ситуацию. У вас таких знаний нет, и вы не вправе совершать действия, которые вы пытаетесь совершить!

Немыслимо было подвергать критике слова и высказывания Мао Цзедуна. Ибо, если кто-то даже ненароком позволил бы себе не согласиться с Мао Цзедуну, его ждала тюрьма. Поэтому, никто не возразил маме, которая обосновывала свои слова его высказываниями.

Тем не менее, наша семья находилась в состоянии тревоги. Ведь и отец, столько сделавший для людей, пострадал. Мы понимали, что в будущем все может обернуться еще хуже. Я считала, что эти беды обрушились на нашу семью из-за меня.

Прошло несколько дней. Сестренка Мушараф как-

то пошла искать пропавшего котенка. Соседские девчонки Магрипа и Махфуза, являвшиеся дочерьми сторонников «красных охранников», попытались избить Мушараф, обвиняя ее в том, что она из семьи контрреволюционеров. Бедная Мушараф, убегая от преследователей, споткнулась и упав, поломала ногу. Урумчинские доктора предписали ей лечиться. Для этого, в конце декабря мама уехала с ней в Урумчи. В доме стало как-то неуютно.

Сестренка поправилась только три месяца спустя.

1967 ГОД. ЯНВАРЬ

С наступлением Нового года, началась политическая кампания, направленная против интеллигенции. На территории Восточного Туркестана были закрыты все учебные заведения, и студентов, объявив «загнивающей интеллигенцией», направили в сельские районы. В коммунах, также следуя спущенным сверху установкам, заменили весь начальствующий состав. Теперь, первым руководителем обязан был быть представитель не интеллигенции, а наиболее бедный, наиболее простой человек. То есть, интеллигенцией должен был руководить рабочий класс. В частности, у нас главным начальником стал кузнец Нокта. Директором средней школы вместо Молдаша был назначен простой извозчик по имени Мукаш. Новые начальники были малограмотны, и до назначения добывали кусок хлеба физическим трудом.

Воспользовавшись такой сменой политических ориентиров, мы добились разрешения и отправили отца на лечение в Урумчи. В городе у нас была трехкомнатная квартира. Родители одну из комнат сдавали в аренду, что являлось большим подспорьем для них.

Отец действительно был серьезно болен. У него была астма, возникшая из-за хронической болезни бронхов. Ему было всего пятьдесят лет, поэтому, мы сильно переживали за него.

Я продолжала работать в отряде. Два месяца отряд занимался рытьем колодцев. Затем, вплоть до мая, я из под снега очищала и срезала траву с подножия горы. Все члены коммуны три месяца отдыхали. Для меня же, нашли, пусть и бесполезное, но занятие. За год я не отдыхала ни одного дня. Были дни, когда зимой работала по десять часов, летом – иногда сутками. Постепенно я стала привыкать к такой жизни. Раньше я думала, что хуже тюрьмы не может быть ничего. Сегодня я понимала, что моя теперешняя жизнь – хуже тюрьмы.

АТОМНЫЙ ВЗРЫВ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ В НАНСАХЕ В АПРЕЛЕ 1967 ГОДА

Придя с работы на обед, я застала дома маму и Махфузу – жену моего дяди. Мы были рады увидеть друг друга. Когда мы мирно обедали, вдруг раздался страшной силы взрыв. Все вокруг заходило ходуном. С потолка посыпалась штукатурка.

Моментально все выбежали на улицу. Небо заволочило серой пеленой.

Люди были в недоумении, они спрашивали друг друга о произошедшем.

– Это атомный взрыв, – произнесла я вполголоса.

– Откуда ты знаешь? – испуганно спросила тетя Махфуза.

– В институте нам объясняли признаки атомного взрыва.

– Говори тише. Если другие услышат – не оберешься беды, – шепнула мне мама.

Смок, превратившийся в пепел, падал на землю. Жена дяди засуеилась и поспешила домой. Первым же автобусом она уехала.

Сейчас мне ясно, что это были атомные испытания, производимые Китаем в Восточном Туркестане. Это – огромное бедствие, обрушившееся на наш народ. Для Китая Восточный Туркестан превратился в полигон, а люди, проживающие здесь – в подопытных животных.

Этот взрыв, прогремевший недалеко от населенного пункта Гангу, что в сорока пяти километрах от Урумчи, – лишь один из первых сигналов. Никто не знал, какие беды еще ждут нас. А в то время, этим испытаниям никто не мог противостоять.

Один Аллах знает, что будет дальше. Однако, этот атомный взрыв надолго изменил мою жизнь.

ИСТОРИЯ О ТРЕХ МАШИНАХ. 17 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА

Мы работали недалеко от начальной школы. Со стороны города приближались три крытых брезентом грузовика. Когда они проехали мимо, мне показалось, что машины пустые. Мне подумалось, что они приехали за каким-то грузом. Наверное, другие думали также. Во всяком случае, никто особо к ним и не приглядывался. Однако когда грузовики отъезжали, через задний борт я увидела, что в них сидят вооруженные военные. Машины направлялись в сторону коммуны.

Я посмотрела по сторонам, и поняла, что люди вокруг меня не заметили их.

Вскоре послышались глухие звуки выстрелов. На большой скорости машины возвращались. Стоя в кузовах, военные открыли огонь в нашу сторону. Все разбежались, пытаясь спрятаться.

После того, как грузовики исчезли из виду, люди с опаской стали выходить из своих убежищ.

Примерно через полчаса я направилась домой. Подойдя к дому, услышала рассказ сестренки Фирдавс. Она, дрожащим голосом рассказала о том, что военные кого-то искали. Когда они уехали, домой пришли хунвейбины, которые искали Садыка. Среди них были знакомые всем нам Кабдалкак, Канагат.

– Найди Садыка! – крикнули они мне говорила Фирдавс все еще не приходя в себя от страха, . – Суюнгуль, сестренка, неужели они найдут Садыка. Они грозились вернуться.

– Не беспокойся! – старалась я успокоить Фирдавс. – Садык ушел еще утром на дальнюю ферму.

Между тем, я занервничала сама. Дело в том, что если хунвейбины вернутся, то они, безусловно, перероют весь дом. И я подумала, что они могут найти мой ежедневник, куда я записывала все важные события, имевшие место в моей жизни.

Как выяснилось позже, три военные машины во главе с сыном главы коммуны – Гу Шужи, прибыли в коммуну и вывезли все документы и деньги.

Местные хунвейбины, которых возглавлял Канагат, сам пользовавшийся репутацией бандита, подумал, что военных привел Садык, так как среди приехавших был молодой парень, похожий на моего братишку.

После этого случая, мы решили переправить Садыка в Урумчи, тем более, что сильно переживали за него наши родители.

В августе Гайша и София сумели это осуществить. Позже в Урумчи уехала и София. Одной из причин это-

го была та, что жизнь ухудшилась. Шестерым из нашей семьи прекратили давать карточки. Лишь четверо продолжали получать карточки. В течение года мы питались лишь мукой и картошкой. Разумеется, нам ничего не платили за работу.

Живя в городе, родители, чтобы хоть как-то прокормиться, продали все, что можно было продать из вещей и предметов домашнего обихода. Но даже это запрещалось. Пойманных обвиняли в спекуляции.

С приездом Софии в Урумчи, положение немного улучшилось. Дело в том, что она, изменив имя на Сорайя, сумела устроиться на работу на фабрику по производству басмы. Она смогла это сделать при содействии тети Салимы. Днем София работала на фабрике, а вечерами занималась вышивкой вещей на продажу.

В это время происходило еще большее расслоение общества. Помимо хунвейбинов – «красных охранников», появилось еще одно направление молодых революционеров. Они стали называться цзиофанями. Между ними происходили частые споры, нередко перераставшие в стычки и даже столкновения. Нередко, их «идеологические» противоречия способствовали разрушению семей, так как часть членов семьи была хунвейбинами, а другая часть цзиофанями.

Недалеко от нашего дома был расположен штаб цзиофаней. Естественно, на наш район распространялись в большей степени идеи именно этого направления революционеров.

**СОБРАНИЕ БОРЬБЫ,
ИМЕВШЕЕ МЕСТО В ГОЛОВНОМ ОТРЯДЕ.
15 ИЮНЯ 1967 ГОДА**

Мы занимались складыванием кирпичей, когда подошли хунвейбины и принялись зло и внимательно приглядываться к нам.

– Что это сегодня с ними? – шепотом спросила я.

– Молчи, – ответил Ловли, – они могут и ударить.

Меня сопровождало тяжелое предчувствие. Оно не обмануло. Через полчаса хунвейбины велели нам построиться и повели в зал Головного отряда.

В зале уже было полно народа. При нашем появлении стали раздаваться угрожающие крики:

– Долой контрреволюционеров!

– Уничтожим классовых врагов!

Ситуация страха еще больше нагнеталась вооруженными хунвейбинами, прохаживающимися вдоль стен.

Вся атмосфера вражды и особенно выкрики, больно ранили меня. Я не могла понять причину их ненависти. Ведь я не делала ничего плохого. Я не причинила никому зла. Почему же они хотят уничтожить нас? Ведь это так несправедливо.

Тем временем, ко мне подошел Кабдалкак и грубо толкнул в спину.

– Что остановилась?! – закричал он. – Немедленно нагнись.

Подбегавшие еще несколько хунвейбинов заставили всех нас наклониться таким образом, чтобы пальцами рук мы касались ступней.

Кабдалкак сорвал с моей головы платок и кинул его под ноги. «Красные охранники» – сплошь малолетки, не понимая, для чего они это делают, стали топтать пла-

ток. Я себя чувствовала так, словно бы они растоптали не платок, а мою душу...

Находившаяся в зале сестренка София, не выдержав этих унижений, попыталась схватить платок из под ног разъяренной толпы. Ей это не удалось, и я видела, как ее выволокли из зала.

Снаружи послышалась какая-то возня. Практически все хунвейбины выбежали на шум.

Я поняла, что они избивают мою сестру. Вскоре, толпа вернулась в зал, и схватив меня за шиворот, поволокла наружу.

При этом, они кричали, обращаясь к простым людям, находившимся в зале:

– Люди, знайте! Стоящая перед вами контрреволюционерка Суюнгуль – предатель, которая хотела продать Синьцзян Америке, Японии, и Советскому Союзу.

При этом они больно толкали меня, требуя, чтобы я отдала им сумму, за которую продала Синьцзян.

Ударив несколько раз, они, в конце концов, отвели меня на мое прежнее место и вновь поставили в прежнюю позицию.

Я хотела поправить спадающие на лицо волосы, однако получила по руке такой удар, что мне показалось, что Кабдалкак сломал ее.

После меня переключились на Ло Йожуна, обвиняя его в помещичьем происхождении.

Следом привели какого-то человека, который был не из нашего отряда. Он пытался что-то говорить, но хунвейбины, бывшие, в основном, китайцами, перебивали его. Я не видела лица этого человека, так как стояла согнувшись, но поняла, что он говорит по-уйгурски. Не давая ему слова, его пытались обвинить в каком-то преступлении, но председатель собрания вдруг сказал:

– Подождите, дайте ему высказаться. Если вы не по-

нимаєте по-уйгурски, то зададите ему вопросы после того, как он выскажется. Говори Курбан.

Человек, которого звали Курбан, рассказал о том, что он случайно оказался на центральной площади города. Он до этого слышал, что студенты объявили голодовку и собрались на этой площади. Три дня они сидели молча, а на четвертую ночь исчезли.

– Когда я пришел на площадь, там уже никого не было. Только стояли автобусы с разбитыми стеклами, да кровавые лужи на площади.

Курбану не дали договорить.

– Что ты хочешь сказать? Кто по твоему, уничтожил студентов? – заорали хунвейбины, и заглушая все вокруг, хором стали выкрикивать революционные лозунги.

В тот день, на протяжении пяти часов мы стояли согнувшись. Ноги у меня затекли, и я не могла передвигаться.

Лишь после полудня, председатель собрания приказал увести нас. Я вышла первой, поэтому меня, фактически, не коснулись удары толпы. Те, кто шел следом, на своих спинах почувствовали весь гнев хунвейбинов.

Постоянно думая о своих братишках и сестренках, я, кое-как приведя себя в порядок, с улыбкой, напевая песенку, вошла в дом.

– Как же так? Они тебя столько мучили, а ты ведешь себя как ни в чем не бывало! – удивлялись сестренки.

– Ничего страшного. Все проходящее. Самое главное, это знать, что ничего плохого ты не совершала! Поэтому и совесть не будет мучить.

Я спросила у Софии, насколько сильно пострадала она. Сестренка рассказала, что когда ее стали избивать, она упала в арык. Это и спасло ее. Несколько человек – не хунвейбинов, отвели Софию и прибежавшую ей на

помощь Гайшу домой. При этом они говорили, что им не надо было приходить в зал, а оставаться дома.

После этого, София еще несколько дней не могла окончательно прийти в себя. Ее мучила бессонница, вызванная стрессом.

На следующий день, выйдя на работу, я заметила, что вместе с нами на замесе глины работал вчерашний незнакомый нам человек, по имени Курбан. При первой же возможности он сказал мне, что много слышал обо мне хорошего.

– У меня есть две дочери. Я мечтаю, чтобы они выросли такими же как вы, гордыми и несгибаемыми, – произнес Курбан.

Разминая глину, Курбан спросил:

– Видите того худого человека, который вчера разорвался больше всех. Сегодня он молчит, как рыба. Вы его знаете?

Я посмотрела в ту сторону, где сидел хунвейбин.

– Нет, я его тоже не знаю. Наверное, он не здешний.

Этот человек после собрания заболел. Врач, смотревший его, сказал, что у него большое сердце и ему необходима операция. Пока вызывали машину, он умер. Мне было очень жаль. Я еще раз убедилась, насколько непредсказуема наша жизнь.

29 ИЮНЯ 1967 ГОДА

Нам объявили, что отправляют на жатву. В течение получаса мы должны были собрать свои вещи, включая постель, и собраться у конторы Головного отряда.

Секретарь парткома Головного отряда Кабдал, увидев меня, закричал:

– Ты что принарядилась, словно собралась на свадь-

бу? Забыла, что ты – враг народа, контрреволюционерка, ты не имеешь права принаряжаться и наводить красоту. Ты должна выглядеть хуже окружающих!

Он подошел ко мне, и зло добавил:

– Если будешь плохо работать, последствия будут еще хуже.

Я удивленно оглядела себя. В моей одежде не было никаких изменений. Все как всегда. Я подумала, что, возможно, он имел в виду то, что моя одежда была выстирана и аккуратно заштопана.

Три часа пешком мы шли к новому месту работы. Одежду и постель несли сами. Поэтому, добравшись до барака, я выбилась из сил. Мне еще повезло, ибо в женском бараке, у самых дверей, нашлось свободное место. Для находившихся под надзором мужчин, работавших со мной, не нашлось даже места.

Оставив вещи, я направилась в столовую. Там – столпотворение, так много народу! Было ясно, что на жатву мобилизовали людей со всех отрядов.

Нас заставили построиться. Многих прилюдно ругали последними словами.

Мы ждали, пока пообедают другие и освободятся места. Когда же места освободились, выяснилось, что закончилась еда. Кое-кому перепал лишь подгоревший хлеб, другим не досталось и этого.

Такое отношение к людям больно задело меня. После этого, я вообще не ходила обедать. Мои сестры София и Гайша, приносили мне еду.

Уже вечером того же дня мы приступили к работе. Нам распределили участки, где невозможно было применить серп, так как земля была в сплошных выемках. Пришлось вырывать стебли руками.

Нам, находящимся под надзором, норма выработки была увеличена. Такую норму мы могли выполнить,

лишь приступив к работе в два часа ночи и трудясь до десяти вечера.

В течение двух месяцев мы испытывали физические и моральные тяготы, так как работа была тяжелая, а отношение к нам отвратительное.

РАБОТА В «КРАСНОМ ОВРАГЕ». 1 СЕНТЯБРЯ 1967 ГОДА

Уставшая и измотанная вернувшись пешком с поля, я услышала новость, что с завтрашнего дня меня перебрасывают на другой участок работы. Мне приказано работать на строительстве дороги в «Красном овраге».

Наутро грузовик, на котором мы тряслись два с половиной часа, прибыл на место. «Красный овраг» оправдывал свое название. Он был завален камнями красного оттенка, которые сползали с горного кряжа под воздействием ветра и дождя, и постепенно выравнивали овраг.

Нам предстояло построить дорогу вплоть до месторождения каменного угля, обнаруженного на склоне горы.

Собрав всех членов отряда, прежде всего, информировали их о политической важности данного строительства. Затем объявили, что непосредственно к работе отряд приступит с завтрашнего утра.

В связи с тем, что я находилась под надзором, мне нельзя было присутствовать во время политинформации. Поэтому, мне поручили собрать дрова для печи в столовой.

Я спустилась в овраг и начала собирать хворост. Вдруг к моим ногам скатился очередной камень с соседней горы. Взглянув в сторону горы, я вдруг увидела

невдалеке древнего седобородого старца. Я подумала, что, возможно, это видение. Иначе, зачем этому старцу находиться в местах, где нет ни одной живой души.

Тем временем, старец заговорил со мной. Он спросил о том, чья я дочь, и когда я ответила, к моему еще большему удивлению, старец сообщил, что знает моих родителей.

Я еще не осознала, что происходит, как старец подошел ко мне. Я убедилась, что это не видение. Передо мной стоял живой человек. Правда очень старый.

– Я хорошо знаю твоих родителей. Здоровы ли они?
– заговорил тем временем, старец.

Не успела я ответить, как он продолжил:

– Меня зовут Мадяр-молла. Я здесь потому, что обвинен в «религиозной деятельности, отравляющей сознание народа». Вот, направлен сюда на строительство дороги.

Мне стало жаль Мадяр-моллу. Ведь он очень стар, а работа здесь тяжелая.

Наутро мы приступили к работе. Нас распределили по группам, каждому назначили норму выработки. Мне и прибывшим со мной осужденным норму увеличили. В нашу группу вошли Мадяр-молла, Оразан, Болтай, Закария, Сарижорга, и еще с десятков казахов, обвиненных в том, что они являлись баями и владели большими отарами овец и табунами лошадей. Все они были пожилыми людьми. Им было от шестидесяти пяти до восьмидесяти лет. Поэтому, наиболее трудные, каменистые участки, оставляли нам.

Нашу группу из пятнадцати человек охраняли с десятков хунвейбинов. Они не просто стояли над душой, но и покрикивали, призывая работать быстрее. Нередко пинками подгоняли стариков. Огромные камни они заставляли переносить на себе, хотя можно было ка-

тить их. Если же кто-то не выдержав ноши, падал, то молодые хунвейбины моментально подбегали и избивали выбившегося из сил человека. Однако возражать им было невозможно.

Я тоже чувствовала слабость во всем теле. Но молила Аллаха, чтобы не упасть. На мое счастье, прозвучал сигнал к обеду. Я буквально опустилась на землю. Ко мне подошли люди, работавшие рядом.

– Что с тобой? Что случилось? – заговорили они, видя мое состояние.

Я старалась не подавать виду. Не хотела, чтобы видели мою слабость.

Пообедав и немного отдохнув, я почувствовала себя значительно лучше. После перерыва, нашу группу направили на старую, заброшенную шахту. В 1957 году, когда была развернута кампания по выплавке руды, получившая название «всем народом ухватиться за сталь», эта шахта активно разрабатывалась. Теперь мы получили задание возродить ее.

– Пока ломами и кирками добывайте уголь, а позже, часа в три, пришем людей из двух отрядов, которые будут его вывозить, – сообщили нам.

Делать было нечего, и мы обреченно вступили в шахту. Передо мной в угольную пещеру вошли два человека. Третьей оказалась я. Было темно, а нам не дали ни фонарей, ни даже свечей. Мы продвигались на ощупь, словно слепые. Шедший впереди Ли Жунин все время предупреждал нас быть осторожными, так как по краям пещеры выступали острые камни.

Я вспомнила, как несколько лет назад, когда вот так же, через пещеру возила в бочке, запряженной ослом, воду, натолкнулась и сильно поранилась о выступавший камень. Поэтому, сейчас была крайне осторожна. Чем дальше я шла, тем ниже пришлось наклоняться,

чтобы не удариться головой. Мы уже прошли достаточно далеко вглубь пещеры, как следовавшие сзади вдруг зашумели.

– Погодите, старому Мадяру плохо!

Я предложила Ли Жунину, который был старшим в нашей группе, чтобы старики не входили в пещеру, а ждали снаружи. Если здесь действительно есть уголь, то мы бы его выносили поближе к выходу из пещеры, а старики бы таскали наружу.

Старики обрадовались этому предложению. Они остались у входа, а мы пошли дальше. Постепенно, внутри пещеры вроде бы начинало светать. Мы поняли, что в другой конец была пробита лазейка для того, чтобы поступал воздух. Именно через эту дыру в скале и пробивался тусклый свет.

Ли Жунин, осмотревшись, твердым голосом произнес:

– Шахта старая. К тому же, подпорки сгнили. А это значит, она может обрушиться в любой момент.

После этих слов, все засуетились. Мы понимали, что долбить стены и добывать уголь было нельзя. Подумывали собрать угольные крошки, валявшиеся на земле, однако, их было мало, и это не решило бы проблемы.

Мы стояли в задумчивости, как вдруг снаружи, со стороны входа в пещеру, послышались голоса «красных охранников»:

– Эй, враги народа! Выходите живее, и несите с собой уголь!

Так как мы предупредили наших стариков, чтобы они не подавали голоса, а притаились у входа, то были уверены, что они не выдадут себя. Поэтому, Ли Жунин шепотом произнес:

– Не отвечайте. Пусть хунвейбины сами войдут в пещеру и увидят, в каком состоянии шахта.

В течение часа «красные охранники» кричали, требуя от нас выносить уголь. Мы же рассчитывали, что они войдут в пещеру и все увидят сами. Однако они не решились.

В результате мы вынуждены были выйти наружу. Предварительно, собрав угольную крошку в импровизированные мешки, сделанные из нашей же одежды.

На входе нас ждали не только хунвейбины, но и большое количество людей из соседних отрядов, которые намеривались отнести добытый нами уголь.

Мы объяснили им, что внутри шахты темно. Кроме того, нет инструментов для добычи угля, а то, что валялось на земле, мы собрали. Мы предложили им самим войти в пещеру и убедиться в правдивости наших слов.

Хунвейбины приказали Ли Жунину отправиться в соседний отряд, и взять там все необходимое для осуществления работ по добыче угля.

Второй приказ касался всех нас, так называемых «врагов народа». Согласно нему, мы должны были днем работать на строительстве дороги, а с вечера до полуночи добывать в шахте уголь.

5 ОКТЯБРЯ 1967 ГОДА

Строящаяся дорога была каменистой. В связи с тем, что старики не могли долбить ее, взять в руки лом пришлось мне. Работать было тяжело, да к тому же над душой стояли хунвейбины, без перерыва покрикивавшие на нас.

После обеда, мужчины, забрав свои пожитки, включая матрацы, перебрались поближе к шахте. Рядом с угольной горой находилось ветхое строение. Его очи-

стили, и на лежаке разместились старики. Остальные устроились в старой юрте, оставшейся от чабанов.

В связи с тем, что я одна была женщиной, мне пришлось возвращаться на ночлег на старое место, туда, где располагался основной отряд.

В первый же день мы увидели, что вчерашняя шахта, где мы продвигались на ощупь, обрушилась. Естественно, все благодарили Аллаха за то, что спас нас.

До полуночи мы добывали уголь. После работы, я отправилась на ночлег, в расположение основного отряда.

Мои соратники по несчастью, все, как один, переживали за меня. Ведь мне предстояло ночью, одной, найти дорогу в горах. Честно говоря, я и сама побаивалась. Однако, делать было нечего, и я тронулась в путь.

Чтобы хоть как-то подбодрить себя, я, вполголоса читала стихи моего любимого поэта Габдуллы Токая.

Каждое мгновение я обращалась к Аллаху, чтобы поддержал меня, чтобы придал мне сил.

При свете звезд я шагала по горной каменистой тропе, пока, наконец не вышла на равнину. Чтобы дойти до расположения нашего лагеря, мне потребовалось полтора часа.

У столовой меня ждал знакомый повар-дунганин. Он сказал, что моя сестренка Гайша предупредила, что я приду после полуночи. Она попросила накормить меня.

– Наконец-то пришла, дочка, – произнес дунганин. – Умойся с дороги, я пока согрею чай. Нам так хочется помочь тебе, но что мы можем?

Я была так благодарна этому человеку, так как за все пребывание здесь, я впервые услышала добрые, сердечные слова.

В юрте никто не спал. При виде меня, девчонки зашумели.

Как выяснилось, ни у кого из нас не было часов. А мне необходимо было быть на работе в четыре часа утра.

Толком и не поспав, я встала в три часа. Пока умылась, повар-дунганин приготовил чай. Однако, я, боясь опоздать, отказалась от завтрака и поспешила назад, в направлении шахты.

Дорога назад показалась мне еще более жуткой. Страх начинал одолевать мною. Еще не рассвело, и я, в добавок к страху, боялась сбиться с дороги.

Я пришла ровно к четырем. Находившиеся под надзором люди только собрались у шахты. Все, наперебой, стали расспрашивать меня. Было видно, что они искренне переживали.

Я отвечала, что не боялась. Про себя же я подумала, что я просто не имею права бояться. Ведь я была членом организации, которая добивалась независимости Восточного Туркестана. Так почему же я должна бояться какой-то темноты?

Во время утреннего инструктажа, нас предупредили, чтобы на завтрак мы спускались в столовую, прихватив с собой угля. При этом, для переноски этого самого угля не дали ничего.

– В чем хотите, в том и несите! – предупредил Кабдалкак.

Старики совсем растерялись. Мне тоже было непонятно, в чем нести уголь, однако, вскоре я нашла выход. Сняв джемпер, я вывернула его наизнанку. Положив в него несколько кусков угля, я соорудила что-то вроде узла. Взвалив его на плечи, я медленно стала двигаться в сторону столовой.

Старики, находившиеся под надзором, последовали моему примеру. Они вывернули свои чапаны, но тут я им посоветовала не набирать много угля. Ведь они

были в возрасте, и им тяжело будет поднимать его на гору, туда, где располагалась столовая.

Немного помедлив, старики согласились со мной, и вереница людей, несущих узлы с камнями, медленно поднималась по склону горы.

Я шла впереди, и уже приближалась к столовой, когда услышала шум и крики. Оглянувшись, я увидела, что Мадяр-молла не справился с ношей, споткнулся на крутом склоне, и скатился вниз.

Мы ничем не могли помочь этому восьмидесятилетнему старцу. Единственное, что я попросила начальника отряда Саду:

– Неужели нельзя освободить этого старика от таких мучений? Что, если он не будет подниматься на гору?

Саду несколько мгновений молчал, а потом крикнул:

– Эй, старик. Возвращайся назад. Жди нас там.

Я первой поднялась к столовой. И вдруг услышала музыку “Интернационала”. Мне это показалось странным. Было такое впечатление, словно бы этой музыкой приветствуют нас. В этот момент я осознала, что эта музыка – интернационал, гимн мирового пролетариата, играла каждый день! Во всяком случае, в момент, когда мы выходили из шахты, постоянно слышали ее звуки.

Больше месяца мы работали на добыче угля. Ежедневно, до полуночи находились в шахте. Затем, старики оставались в хижине, а я возвращалась к месту дислокации основного отряда. Я уже привыкла к такой жизни. Мне уже не было так страшно передвигаться по горам в крошечной тьме. Даже начальник Саду как-то сказал:

– Все поражены твоей стойкостью и упорством. Ты, оказывается, действительно ничего не боишься! Даже я это признаю.

Одиннадцатого ноября ударили морозы. После обеда Саду передал чан с объединенными костями Оразаку. В недоумении я смотрела на них. Тем временем, они набрали в ведро затхлой дождевой воды, скопившейся между камнями.

– Что вы хотите делать? – спросила я в ужасе.

– Вскипятим кости и получится бульон.

– Но ведь в воде могут быть черви?

– Вскипятим, они и сдохнут.

Соорудив что-то вроде очага, они принялись кипятить в дождевой воде обглоданные кости.

Через два часа бульон был готов. Он был какой-то мутный, но по заверениям Саду, это всплыл жир.

Все со своими чашками потянулись к очагу. Я же была просто поражена. Мне подумалось о том, что жизнь может кардинально изменить человека. Ведь передо мной сидели некогда богатейшие люди округи. А сейчас они довольствуются тем, что с наслаждением пьют бульон из оставшихся после обеда костей.

Саду предложил и мне отведать бульона, однако я вежливо отказалась.

В полночь я вновь собралась уходить на ночлег. Однако, пошел сильный снег и поднялся ветер. Тем не менее, я пошла проверенной тропой. Между тем, мокрый снег сделал дорогу непроходимой. Каждые десять шагов давались мне с такими усилиями, что мне приходилось останавливаться, и осматриваться, чтобы не сбиться с пути.

Такими темпами мне не удалось далеко отойти от расположения стариков. Они, наблюдавшие за моими тщетными попытками идти дальше, зашумели и закричали:

– Не мучай себя, дочка. Ведь мы все старики, годящиеся тебе в отцы. Да и отца твоего мы знаем. Не надо рисковать. Побереги себя. Оставайся здесь.

Я чувствовала, что все равно не смогу дойти. Вернувшись, я расположилась в углу строения. Мадяр – молла дал мне свою овечью шубейку, а Саду – безрукавку на собачьем меху. Завернувшись в них, я уснула.

Наутро, мы все увидели бегущую к нам Гайшу. Она тоже увидела меня и обрадовалась.

– Ты не пришла ночью, и мы все всполошились. Думали, с тобой что-то случилось в дороге. Направились на твои поиски. Всю ночь искали! – произнесла, успокоившись, Гайша.

Саду проворчал:

– Что вы так запаниковали? Волки, что ли, съедят твою сестру?

– Волки–ни волки, а вчера ребята из мужского отряда предлагали, вывернув одежду наизнанку и надев ее на голову, попугать Суюнгуль, – ответила ему Гайша. – Однако, мы запретили им это делать!

3 ДЕКАБРЯ

Наконец-то завершились работы по строительству дороги. Тем временем, мы продолжали трудиться на добыче угля. Только перешли на новую шахту, как получили приказ всем, кроме Саду с несколькими людьми, вернуться на старое расположение отряда.

После утреннего чая, все, пешим порядком, направились домой.

В нашем доме, где проживало десять человек, оказались только мы с Гайшой. Оказывается, все братишки и сестренки уехали в Урумчи.

Так как дома никого не было, жена кузнеца Ноктая, – Зайнап, совершила кражу, проникнув через окно. Воровкой была она, так как все видели на ее детях нашу одежду.

Соседи пытались вразумить ее, однако, Зайнап отвечала:

– Они – классовые враги, поэтому беднякам, типа нас, даже положено брать у них вещи!

Безлюдный дом показался нам неудобным. Наведя порядок, мы, вместе с зашедшей родственницей Хажия-бану, сели пить чай. Она принесла кое-какую еду, лепешки.

Пока я помылась и привела себя в порядок, было уже одиннадцать часов. Я легла спать и крепко уснула.

Проснулась я от стука в окно. Ничего не понимая, я прислушалась. Стук повторился.

– Кто это? – спросила я.

С улицы послышался голос бригадира Канагата:

– Сколько можно спать? Иди очисти от снега двор коровника. Да смотри, снег не собирай во дворе, а выноси на улицу.

Я посмотрела на часы. Было всего двенадцать.

– Ведь сейчас только полночь!

– Много не болтай!

– Пойду, когда наступит рассвет.

– До рассвета ты должна уже закончить работу!

Я подумала о том, что некоторые люди стали хуже зверей. А еще я подумала : откуда он узнал о моем возвращении? Тем не менее, я твердо решила, что выйду на работу только когда рассветет.

В четыре часа я пошла к коровнику. Огромный двор я очищала от снега до восьми часов. Я молила Аллаха о том, чтобы скорее закончились эти тяжелые дни. Ведь, фактически, мое теперешнее положение оказалось гораздо хуже, чем годы, проведенные в тюрьме.

Истосковавшись по свободе, я с завистью смотрела на первые утренние лучи, которые казались мне такими вольными и свободными.

Мысли о свободе не покидали меня ни на минуту. И тем не менее, я несвободна. Я одна во всей округе работаю на этом огромном дворе, сгребая и вынося снег, в то время как все сладко и спокойно спят.

21 МАРТА 1968 ГОДА

Шел сильный снег. Было холодно. В такие дни нужно бы сидеть дома, в тепле. Однако, об этом только приходится мечтать. В такой холод женщины и несколько мужчин занимались очисткой скотного двора от навоза.

Женщины на носилках выносили навоз, когда вдруг послышался шум и громкие голоса. Многие остановились, оглядываясь в ту сторону, где жена Умар-бека – Нуриля, чуть ли не кричала:

– Конечно, это же время контрреволюционеров!

Ее слова больно задели меня. Дело было в том, что именно меня называли здесь «контрреволюционеркой». Когда произносили это слово, то все имели в виду меня. Благодаря этому слову я стала такой популярной, словно бы они поймали самого Чан Кайши. После моего возвращения в Нансан, я стала главным объектом критики. На больших, настенных газетах постоянно печатались заметки, связанные с критикой видных государственных деятелей, где неизменно дописывали и мое имя, как последовательницы таких контрреволюционеров, как Дун Ту, У Хань, Лю Шаоци, Бурхан Шахиди, Мамтимин Иминов, Анвар Жакулин. Таким образом, я стала в Нансане фигурой, которая вызывает страх.

Одновременно, вся наша семья, естественно, была объявлена «контрреволюционной». Соответственно, все

знакомые стали сторониться нас, и опасаясь за себя, клеветали на нас. Этим занимались даже наши близкие знакомые и друзья.

Наш дом располагался на оживленной улице. Сейчас по ней никто не ходил. Я была удивлена тому обстоятельству, что превратилась в такого опасного человека. Со времени моего возвращения, я не встретила здесь ни кого, кто бы приветливо хотя бы посмотрел на меня. Поэтому, я была уверена, что слова Нурили были обращены ко мне. Я насторожилась, готовясь к самому худшему. Она, тем временем, продолжала:

– Что же это такое? Дожились, что контрреволюционерам дают премии! Бедняки остаются в стороне, а те, кто выступает против председателя Мао Цзедуна, премии получают!

Произнеся эти слова, она прошла мимо, многозначительно посмотрев на меня.

Я ничего не понимала. Спросить также было не у кого. Все боялись за себя, а потому предпочитали по-малкивать.

Так, будучи в неведении, я вернулась домой.

После обеда женщины на работу не вышли. Работали только я и два находящихся под надзором китайца.

Вдруг, подошедший Мукажан, оглядевшись по сторонам, произнес:

– Ты поняла о чем говорила та женщина?

– Нет.

– Она говорила о Рашиде – жене учителя Кибека. Десять месяцев назад она работала вместе с этими женщинами. Когда через громкоговоритель, установленный на здании коммуны стали раздаваться лозунги, передаваемые по радио, один из лозунгов поздравлял все население с завоеванной свободой! Многие из работавших женщин, не вникая в суть того, что говорят по

радио, о каком времени оно вещает, стали вторить им. Некоторые кричали «Долой Жу Зунли!», другие «Долой Лю Шаоци!», третьи «Долой Анвар-Ходжу!». А Рашида вдруг брякнула «Долой Мао Цзедун!». Разумеется, она сразу же осознала свою оплошность, да и никто, кроме рядом стоящих, не услышали ее. Конечно же, подружки решили никогда, ни при каких обстоятельствах, не рассказывать об этом. Однако, вчера вечером, в связи с китайским праздником весны выборочно вручали денежные премии в размере тридцати юаней. Рашиду выбрали и она получила премию, а Нуриля премию не получила. Поэтому, она нарушила свое слово не говорить об оплошности Рашиды и сейчас трезвонит об этом на каждом углу.

Я тоже запомнила тот апрельский день, когда провозглашались лозунги по громкоговорителю коммуны. Тогда раздавались призывы к единению, к совместной борьбе за свободу во всем мире.

Мы тогда складывали кирпичи. Работавшие рядом дети богатеев, бросив работу, радовались безмерно.

– Вы слышали? Мы стали свободны! Правительство низложено!

Мне это показалось странным. Я внимательно прислушалась, и поспешила разочаровать их:

– Не радуйтесь! Речь идет о победе над японцами во время Второй мировой войны.

Они сразу как-то поникли. Было видно, что они испугались такого открытого проявления своих чувств, антиправительственно настроенных. Я, между тем, продолжала работать, словно бы ничего и не произошло.

Они, тем временем, еще долго опасались меня, боясь, что я могу рассказать об их оплошности. Однако, видя, что я молчу, они, по-видимому, сделали для себя вывод, что я ничего не поняла.

Я была уверена, что и женщины в то время, не правильно истолковали для себя сообщение радио о свободе. И я была рада тому, что, оказывается, и у них есть эта жажда к свободе, к вольной жизни!

Через день было созвано собрание, на котором женщин подвергли критике, а Рашиде предъявили обвинение и взяли под общественный надзор со всеми вытекающими из этого положения, последствиями.

13 АПРЕЛЯ 1963 ГОДА

После обеда мне поручили принести песок. Я направилась к деревянному дому Ноктая, возле которого протекал ручей. Обычно вода прибывала только весной, а в другое время года воды там не было. Подойдя к этому руслу, я с его дна стала выкапывать нанесенный водой, песок.

Время от времени из деревянного домика выглядывала жена Мукажана (в этом доме живет семья Мукажана). Она оглядывалась по сторонам, и вновь исчезала в доме. Через некоторое время вновь проделывала то же самое. Меня это заинтересовало, но я продолжала делать свое дело. Примерно через час, она вдруг вышла из домика и быстрым шагом направилась ко мне. Присев на корточки невдалеке от меня, стала быстро говорить:

– Послушай, дочка. Завтра приедут за твоими родителями. Вчера, на собрании хунвейбинов, было принято такое решение. Им грозит серьезная опасность. Их должны повести в горы, в лагерь, находящийся там, а потом пешим порядком погнать сюда. Поэтому, нужно срочно предупредить их, чтобы они сумели скрыться. Иначе, их не просто арестуют, но могут по дороге и убить.

Произнеся это, женщина так же быстро ушла в дом, как и пришла.

Я находилась в смятении. Конечно, я понимала, что надо действовать. Однако, все мои сестры и братья, кроме сестренки Фирдавс, уехали в Урумчи. Необходимо было до вечера отправить тетку Хажия-бану и Фирдавс в город, чтобы предупредить родителей. Однако до вечера я не могу оставить работу.

Пока я раздумывала, как поступить, прибежала сама Фирдавс. Она словно бы почувствовала, что была нужна мне. Быстренько объяснив ей ситуацию, я убеждала ее поехать в Урумчи. Она была согласна, однако нужно было еще найти транспорт.

К счастью, Фирдавс сказала, что видела грузовик, приехавший недавно в коммуноу.

Фирдавс побежала договариваться с шофером, чтобы он подбросил ее и тетю до города.

Вскоре она вернулась, радостно сообщив мне, что машина тронется через полчаса, и шофер согласился взять их с собой.

Действительно, через полчаса тетя Хажия-бану и Фирдавс, укрывшись в кузове военной машины, направились в Урумчи.

Еще до наступления темноты, они благополучно добрались до города, и сообщили о сложившейся ситуации.

Собравшиеся родственники, посовещавшись, приняли решение не скрываться, а достойно встретить тех, кто придет за родителями, объяснив им, что они не имеют права так поступать.

С самого утра следующего дня они ожидали прихода хунвейбинов.

Однако те появились лишь через два дня. В десять часов толпа во главе с человеком по имени Кани, во-

шла в дом. Вместе с ними был знакомый нам казах по имени Окан.

Кани с ходу начал угрожать, и приказал отцу немедленно следовать с ним.

Отец показал ему больничную справку, где было написано, что он освобождается от работ.

Но Кани эта справка не удовлетворила, и он продолжал настаивать.

В это время в дом вошел начальник опорного пункта милиции Нуржан-ака, снимавший у нас комнату. Он был в милицейской форме, что произвело впечатление на присутствующих.

Уяснив, что происходит, он встал на защиту отца. Он говорил уверенным голосом, не давая возможности Кани даже вставить слово. Естественно, свою роль сыграла и милицейская форма Нуржана-ака. Тем более что на отце не было официальной судимости, на него не был надет «колпак» преступника.

– Кто тебя уполномочил, Окан, производить арест? – спросил Нуржан-ака.

Тот замешкался, и явно растерянно произнес:

– Нет, никто... Они меня попросили пойти вместе с ними...

– Если так, то вам здесь делать нечего! – сделал вывод Нуржан-ака.

Хунвейбины вынуждены были уйти, однако, после обеда они вернулись.

– Вы действительно больны, – оставайтесь! – заявили они отцу, – однако за остальными мы придем завтра.

– Мы поедем на автобусе. Сегодня возьмем билеты! – заверила их мама.

Вечером «красные охранники» вновь вернулись, и увидев три билета на автобус, который должен был доставить маму с детьми к ближайшему месту работы в

горах, удостоверились, что отец оставался с Софией, а мама вместе с Гайшой и Садыком намеревались уехать.

Однако едва только они ушли, мама пошла и поменяла билеты на другую дату, четырьмя днями позже. Так как хунвейбины предупредили перед уходом, что встретят маму на полпути и пересадят в свой грузовик. А это грозило тем, что они просто-напросто могли арестовать ее.

Поэтому, через четыре дня мама с детьми уехала в район «Сари Чока», и осталась в доме у Закии. Затем, было решено, что мама останется там, а Гайша и Садык рано утром перебрались в район Ганго.

Я переживала за маму. Ей нельзя было приезжать сюда, так как это было опасно. Поэтому было решено, что мама с Садыком должны были вернуться в Урумчи, а Гайша оставалась с нами.

Как мы узнали позже, грузовик с хунвейбинами три дня ждал появления мамы. Для этого они останавливали все автобусы, проверяли всех пассажиров. В результате, уехали ни с чем.

Фирдавс и Хажия-бану вновь договорившись с военной машиной, скрытно вернулись в горы.

28 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Позавчера в большом зале коммуны провели «критику» деятельности Рашиды. Ей на шею, на тонком проводе, повесили большую матерчатую сумку, из которой обычно кормят лошадей во время перехода. Сумку набили камнями.

Бедная Рашида, разумеется, пыталась оправдаться, говоря о том, что она не хотела оскорбить председателя

Мао Цзедуна. Просто эти слова вырвались у нее помимо ее воли.

На второй день «критики» взбунтовались школьники старших классов. Они говорили о том, что с идейными ошибками нужно бороться, нужно их критиковать и разоблачать, но необходимо прекратить физическое наказание. Поэтому, они потребовали снять с шеи Рашиды тяжелую сумку с камнями. В противном случае, школьники пригрозили активно включиться в процесс «критики».

Бурные споры между хунвейбинами – сторонниками физических наказаний и школьниками-старшеклассниками привели к тому, что Рашиду оставили в покое, а бурное выяснение позиций продолжалось до утра.

Рашиду на руках унес домой муж. В результате таких издевательств, у Рашиды произошел выкидыш, так как она была уже три месяца, как беременна. К счастью, у Рашиды уже был один ребенок, но теперь она больше не могла иметь детей, так как ее здоровье было серьезно подорвано.

Через несколько дней меня предупредили, что следующим объектом критики должна быть я. Об этом сообщил низкорослый Канагат, прийдя в юрту, где я жила.

Во мне было двоякое чувство. Во – первых, мне было странно, что вновь меня будут подвергать «критике». Однако я была в какой-то степени рада этому, так как на примере Рашиды видела, что у части людей уже менялось видение ситуации.

После дополнительных двух часов принудительной работы, едва я вернувшись, умылась и переоделась, как появились два «красных охранника» и увели меня на собрание.

Огромный зал коммуны был переполнен. Едва я появилась в дверях, как меня обступили наиболее рья-

ные активисты и провозглашая лозунги, намеревались толкнуть или больно ударить. Терпя удары, я прошла к президиуму, располагавшемуся рядом со сценой. В президиуме сидели начальник отряда Кажай, главный бухгалтер Салык, шофер Ахмад и несколько незнакомых хунвейбинов.

Мне указали на стул возле сцены, и приказали встать на него.

Сначала начали выкрикивать лозунги. Затем Кажай вкратце охарактеризовал суть настоящего собрания. Он отметил, что основная повестка на сегодня, – это добиться отчета о моем исправлении и в случае отрицательных результатов, подвергнуть меня суровой критике.

В связи с тем, что я уже видела ни одно такое собрание, я уже стала привыкать к ним.

Тем временем, Кажай сорвал с моей головы платок и бросил его на пол. Ближе всех ко мне сидел Нокта со своими тремя сыновьями. Платок упал прямо перед ними. (Семья Нокта, в свое время, тесно общалась с нашей семьей. Кроме того, мы жили по соседству. Жена у Нокта была русской. Ее звали Зина. Однако она говорила, что она татарка. Она даже поменяла имя на Зайнап. Часто она даже говорила, что мы близки словно родственники. После начала Культурной революции, семья Нокта отвернулась от нас, и полностью перестала общаться с нами).

Все три сына Нокта принялись плевать на мой платок, оказавшийся у их ног. Затем они стали топтать его, оставляя на нем куски обувной грязи. Такой хороший, красивый платок превратился в лохмотья.

Глядя на него, я подумала о том, что и моя цветущая молодость может также быть растоптана...

В этот момент послышался приказ, чтобы я нахло-

нилась. Через мгновение мне на шею повесили сумку с камнями, еще недавно висевшую на шее у Рашиды. Тонкая проволока, на которой держалась сумка, больно впиалась мне в шею. Тяжелые камни тянули вниз, заставляя меня нагибаться все ниже. Из всех сил я старалась не упасть со стула. Во всем теле появилась дрожь, шея сильно болела. Я не слышала слов, которые произносили мои мучители. Они, тем временем, продолжали выкрикивать лозунги.

Прошедшие полчаса показались мне полугодом. Кожа на шее начала лопаться, и кровь сочилась на кофту. Шея щипала, но я не могла дотронуться до нее. Я стиснула зубы, намереваясь стерпеть боль. Я внушала себе, что и это испытание пройдет.

Вдруг у дверей в зал послышался какой-то шум. Появившиеся «красные охранники» вызвали людей, сидевших в президиуме собрания.

Двое вошедших хунвейбина сняли сумку с камнями с моей шеи. Шея начала щипать, словно бы ее посыпали солью. Тем не менее, я старалась не показывать, что мне больно, и держалась по возможности, спокойно.

Салык подбежал ко мне и намеревался ткнуть своими пальцами мне в глаза. В последний момент мне удалось увернуться. Я испугалась, так как, похоже, он действительно хотел выколоть мне глаза.

– Наклонись! Наклонись ниже! – орал, между тем, Салык.

Я стояла на стуле, и потому, он не мог дотянуться до моего лица.

Шум в зале несколько утих, и Салык громко и отчетливо произнес:

– Скажи-ка, какой человек твой отец Салих?

Спокойно я ответила:

– Мой отец всю жизнь работал для народа, он любил

народ. Мой отец никогда никому не причинял зла, он очень порядочный и честный!

Салык возмущенно воскликнул:

– Послушайте-ка ее, как она расхваливает своего отца!

Однако, зал молчал. Салык повернулся, посмотрел на людей, и вероятно поняв, что его никто не поддерживает, молча сел на свое место.

Несколько минут сохранялась тишина. Наконец, Кажай, приподнявшись со стула, произнес:

– Твой отец Салих сотрудничал с Гоминданом. Почему ты не говоришь об этом? Отвечай!

– Во времена, когда у власти находилась партия Гоминдан, мой отец работал в Управлении торговли. Он не делал ничего плохого.

– Тех, кто работал при Гоминдане, нельзя назвать хорошими людьми!

– А если не работать, то кто прокормит таких людей? В любые времена люди должны работать.

В перепалку вступил шофер Ахмад:

– Не спорь! Кто ты такая? Ты – контрреволюционерка!

С этими словами он подбежал ко мне, стащил со стула и несколько раз ударил.

Вновь посылались лозунги. Меня вновь заставили встать на стул.

Кажай достал лист бумаги, и принялся читать написанное на нем, предупредив, что собрание должно будет утвердить текст.

– Недавно, двадцать пять «красных охранников» были в городе с целью привода родителей Суюнгуль для привлечения к общественным работам. Суюнгуль должна возместить сумму их проживания, автобусные билеты, питание, а также трехдневное доволь-

ствие всех двадцати пяти человек. Это будет четыреста юаней. Кроме того, песок, который сгребала Суюнгуль, был унесен речной водой, то есть, был нанесен ущерб работе. Поэтому, Суюнгуль должна заплатить и за песок из расчета двадцать кубометров песка на сумму в восемьдесят юаней. Таким образом, общая сумма возмещения составляет четыреста восемьдесят юаней.

Объявив, что это решение необходимо принародно утвердить, сидящие в президиуме поставили свои подписи. Среди подписантов были: командир отряда хунвейбинов Кажай, Салык, шофер Ахмад.

Мне было странно все это слышать. Хотя собирание песка и было моей обязанностью, это они должны были вовремя вывозить его. Кроме того, сумма выплаты не особенно волновала меня, так как после того, как я вышла из тюрьмы, я не получила за свой ежедневный труд ни одного юаня.

Тем временем, Салык, подписав бумагу, подошел ко мне. Стоя передо мной, он, повернувшись к залу, сказал:

– Знайте, эта контрреволюционерка никогда не сможет выйти замуж, ибо у нее нет права проводить свадьбу.

Он повернулся ко мне, и зло продолжил:

– Если ты задумаешь выйти замуж, ты никогда не получишь разрешения на свадьбу. Мы никогда не дадим тебе такого документа. Всю жизнь ты будешь одна.

После этого, он заковылял на свое место.

Его слова задели меня. Я была шокирована такой ненавистью. Ведь я, в моем положении, даже и не думала о свадьбе! Мне было обидно за мое нынешнее униженное состояние. Однако кроме как терпеть, мне ничего больше не оставалось.

Прежде чем завершить собрание, мне приказали выйти из зала. Я направлялась домой, как вдруг следом побежала ватага ребятишек, кидавших в меня камни. Слава Аллаху, практически все камни пролетели мимо меня. Ребята, по видимому, сами были удивлены этим обстоятельством. Они продолжали кидать камни, негромко ругаясь мне вслед.

Я же, отдавшись воле Аллаха, поспешила домой.

АРЕСТ РАШИДЫ 12 МАЯ

Стояла прекрасная майская погода. Запахи цветов, пение птиц, – все это придавало хорошее настроение.

И хотя красота природы радовала меня, жестокая политика китайского правительства больно ранила душу.

Сегодня весь отряд направили на строительство дороги. Меня с Мукажаном поставили на участок сбора и погрузки гравия. Как обычно, нас подгоняли нескончаемыми криками несколько «красных охранников».

Когда грузовик уезжал, мы заготавливали щебень. По приеду грузовика, этот щебень мы начинали грузить. Это было отнюдь не легкое занятие. Машина возвращалась очень быстро. Такую работу не выдерживали и многие мужчины. Однако надо было терпеть, ибо другого выхода не было.

После загрузки второй машины, Мукажан присел на обочину, сославшись на то, что у него сильно заболел желудок. Не знаю, правду ли говорил он, однако, продолжать работать он уже не мог. Я его понимала, так как в его пожилom возрасте ему действительно было тяжело. Следовательно, вся работа оказалась на мне.

Я сама удивлялась своей выносливости. Одна успе-

вала загружать грузовик. Действительно, и раньше моей трудоспособности удивлялись многие в Нансане.

Во время обеда мне захотелось пить. Я направилась к котлу у обочины дороги, в котором кипятили воду для питья. У котла находилась жена начальника головного отряда Кадыр-бека. Ее звали Забийла и именно она занималась кипячением воды.

При виде меня, она зло процедила сквозь зубы:

– Для контрреволюционеров вроде тебя, воды нет. Воды для вас не положено! Уходи!

Я, молча, повернулась и пошла прочь. В голове мелькнула мысль, что «в этом месте, наверное, собралось все зло земли».

Вечером я вернулась с работы совершенно обессиленная. В доме были Гайша и Хажия-Бану. Они были чем-то опечалены. У меня не было даже желания о чем-либо спрашивать их, ибо мне захотелось посидеть одной в тишине.

После чая, Гайша печально произнесла:

– Ты слышала, сегодня утром из города приехали какие-то люди и арестовали Рашиду. Какая-то возня наблюдается в коммуне, в Головном, да и Малом отрядах. Говорят, заготовлены огромных размеров колпаки, которые вскоре наденут на потенциальных преступников. Во всяком случае, назревает что-то нехорошее.

– Бедняга, – пожалела я Рашиду. – Да избавит ее Аллах от новых бед.

– А ведь у нее есть двухлетний ребенок. Что теперь будет с ним?! – сказала Хажия-Бану.

– Зачем они так много приготовили колпаков? Что же еще ждет нас? – испуганно и взволнованно проронила Гайша.

– Ты сама видишь, что от них можно ожидать всего, – ответила я.

17 МАЯ 1968 ГОДА

Природа так прекрасна. Вокруг синева неба. Окрестности Нансана зеленеют травой. Высокие карагачи, словно бы расправив плечи, гордо смотрят со склонов окрестных гор на равнину. Многоцветье трав и цветов поражает взор.

Сегодня меня освободили от работы по строительству дороги. Направив к горному краю, лежащему напротив конюшни, поручили заготавливать песок. Я работала там совершенно одна.

Сегодня было видно, что между коммуной и трудовым отрядом назревает что-то серьезное. Люди передвигались практически бегом. Можно было увидеть и верховых. Словно бы они хотят перевернуть мир, уж слишком громко раздавались лозунги.

На складском дворе спешно сооружали деревянную сцену. Мне подумалось, что вскоре там пройдет какое-то важное собрание. Судя по приготовлениям, намечалось большое собрание, которое будет призвано вселить в сердца людей еще больший страх и смятение, чем те, которые они испытывают сейчас. Мне подумалось, что в этой игре одну из главных ролей отводили мне. Я старалась не думать о плохом, стараясь все воспринимать спокойно, ибо все равно, все преходяще. С таким настроением я продолжала работать, хотя, почему-то, предательски дергался глаз. Все таки у меня было предчувствие чего-то нехорошего.

После обеда показались конные, которые гнали группу людей, бредущих перед ними. На всех, кто шел пешком, на головах были огромные колпаки.

Разделив на группы людей в колпаках, подвели к зданию коммуны и заставили выравнивать территорию, срезая вершушки у холмов.

Через несколько часов со стороны Головного отряда появилась огромная толпа людей, которых согнали из окрестных домов. Они несли в руках флаги и портреты Мао Цзедунa. Провозглашая лозунги, они направились в мою сторону. Во главе толпы, громче всех выкрикивая лозунги, находилась жена Салыка – Кайнижамал.

Она и раньше при виде меня, не переставая твердила фразу о том, что нужно уничтожить меня. Раньше я обижалась, так как видела ее впервые, и тем не менее, наслушалась таких слов. Потом, посчитала, что это уже вошло в привычку. А потому, перестала реагировать. Мне было понятно, что и остальные ее не поддерживают, а лишь опасаясь за себя, вынуждены участвовать во всей этой грязной акции.

Остановившись напротив меня в низине, они приказали мне взять инструмент и спуститься к ним. Пока я отряхивала одежду, поправляла волосы, повязывала платок, они находились на одном месте и без устали выкрикивали лозунги.

Тем временем, несколько человек, отделившись от толпы, направились к дому Мукажана.

Они приблизились к дому, и через несколько мгновений, буквально выволокли Мукажана, его жену и сына Шугаифа.

Пока они возвратились к основной группе, я уже спустилась вниз.

Примерно пятьдесят человек повели нас к зданию коммуны. Впереди шла я, а за мной – Шугаиф, его отец и мать.

Мне никогда не нравилось чувствовать себя ущемленной, поэтому я старалась держаться и шагать с достоинством. Однако с каждым шагом мое душевное состояние ухудшалось.

Мы приближались к людям, работавшим на холме недалеко от здания коммуны. Около сотни человек работали, опасаясь за свою жизнь. За ними надзирали около сорока хунвейбинов. Среди работавших было много незнакомых мне людей. Они работали, не имея возможности даже посмотреть друг на друга, перебраться парой фраз.

При моем приближении к ним, кто-то вырвал лом из моих рук. Кто-то другой забрал мою лопату и поспешно приступил к работе. Подумав, что они это делают от испуга, я влилась в работу, перенося землю на носилках в паре с кем-то из поднадзорных.

Вскоре под крики «уничтожим капиталистов!» и «дойлой националистов!», к нам подвели мужа моей тети по отцовской линии – Мажид-аку, и тетю Хажия-Бану.

Увидев их, я поразились, так как тетя вся дрожала от страха. Через силу я улыбнулась, намереваясь, таким образом, оказать ей хоть какую-то поддержку.

Мажид-ака также был напуган. Он растерянно смотрел по сторонам, видимо, до конца не понимая, что происходит. От волнения и страха у него покраснели не только глаза и лицо, но и шея. Ему было около семидесяти лет, и, насколько я знала, он страдал гипертонической болезнью.

Вместе с Хажия-Бану Мажид-ака приступили к работе, на носилках перенося землю.

Случайно я встретила Лю Жунна. На голове у него был бумажный колпак, свидетельствовавший о том, что он находится под усиленным надзором. Завернув полу одежды наподобие фартука, он медленно нес в нем землю.

Подойдя к нему, я горько пошутила:

– С этой короной вы похожи на императора.

– Ты ничего не понимаешь, дочка, – серьезно ответил

он. Запомни – живыми мы из этой каши не выберемся. Домой вернут наши трупы.

– Ну что вы! У страха глаза велики! Мы не умрем! – попыталась я успокоить его.

В это время к нам стал подходить один из хунвейбинов, и мы расстались.

Тем не менее, слова Лю Жунна заставили меня задуматься. Я убеждала себя, что он не прав. Я молила Аллаха спасти нас, помочь нам.

Между тем, хунвейбины продолжали подгонять запуганных, беззащитных людей. Мы работали до десяти часов вечера. Затем нам напомнили, что работа начинается с четырех часов утра. Людей разместили на ночлег в помещении Головного отряда, а также в зале здания коммуны.

В связи с тем, что нам места не хватило, нас обязали ночевать у себя, там, где мы жили раньше.

КРОВАВОЕ ПОБОИЩЕ 18 МАЯ 1968 ГОДА

Ранним утром, после трех часов, мы вышли на работу. Настроение у людей было подавленное. Почти двести человек работали молча. Были слышны только удары ломов о землю. Разумеется, «красные охранники» не забывали подгонять нас.

В шесть часов, на завтрак, мы вернулись по домам. В нашем доме были только Гайша и Фирдавс. Они сильно переживали. Фирдавс беспрерывно плакала. Я попыталась успокоить ее, говоря, что все пройдет, что ничего страшного не произойдет.

Проходя мимо зеркала, я механически подобрала волосы, и невольно залюбовалась собой. Я показала себе такой красивой!

Не успела я отойти от зеркала, как в комнату буквально вбежала Хажия-Бану:

– Иди скорее! Там человека убили, и волочат по земле. Все отправились на работу.

Голос Хажии-Бану дрожал, и она напоминала собой плачущего человека.

Накинув на себя плащ, я поспешила по направлению к коммуне. Как и говорила Хажия-Бану, я увидела, как какого-то человека волокли по земле за ногу. Мне стало страшно, и вдруг показалось, что грядут ужасные события.

Женщины ругали человека, которого волокли по земле, а некоторые даже подходили и пинали его. Громче всех был слышан голос жены Салыка – Кайнижамал. Она же чаще всех и пинала безжизненное тело.

Мне вспомнились слова Лю Жунна о том, что «мы живыми из этой каши не выберемся». Я подумала, что китайцы все знают заранее, так как они немедленно сообщают друг другу, если узнают что-то новое. Возможно, и Лю Жунну сообщили о каких-то намечаемых планах.

Я поспешила на место работы. Большинство людей уже было там. Взяв лопату, я приступила к погрузке. Со всех сторон подходили люди, и присоединялись к нам. На многих были большие, бумажные колпаки. Запуганный народ был в растерянности.

Тем временем, «красные охранники» предпринимали попытки привлечь к насильственной работе администрацию и учителей средней школы, тряся перед ними цитатниками. Однако те вступили в перепалку, и спорили приводя свои доводы.

Нам приказали оставить работу и построиться по группам. В нашу группу попали, кроме меня, – Мукажан, его жена и сын Шугаиф. За ними – дядя Мажид

**ФОТОГРАФИИ ПЕРИОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАМПАНИЙ, ИМЕВШИХ МЕСТО В КНР В ПЕРИОД,
ОПИСАННЫЙ В ДАННОЙ КНИГЕ**

и тетя Хажия-Бану. Сюда же велели пристроиться директора школы и нескольких учителей.

Мне на голову надели колпак, высотой около метра. К тому же, к колпаку прикрепили длинные, разноцветные ленты. Мне показалось, что я утонула под этим колпаком. Невозможно было узнать, кто находится за лентами, достающими землю.

Колпаки различной длины были надеты на многих людей. Внезапно, со стороны здания коммуны выбежал малолетний хунвейбин с какой-то посудиною в руке. Как оказалось, там была краска, перемешанная с сажей. Я оказалась первой, к кому он подбежал и вымазал лицо этой смесью.

Мне было больно и обидно, ведь я не чувствовала за собой никакой вины, и не заслужила таких унижений. Ведь лишь желала свободы и счастья народу. Ради этого я пожертвовала своей молодостью, и готова была отдать жизнь. Ведь я стремилась лишь пробудить таких наивных и оболваненных людей, как этот парень. Перед народом я чиста, у меня нет никакой вины! И я не заслужила того, чтобы мое лицо пачкали черной краской.

Подумав обо всем этом, о том, что ради великой, благородной цели, такие как я претерпели и преодолели немыслимые трудности, я воодушевилась, и гордо подняла голову, не обращая внимания на то, что лицо у меня измазано. Я даже поправила колпак, и отодвинула закрывавшие лицо ленты.

Вдруг страшный удар обрушился на меня. Он попал в руку, поправлявшую колпак, но был такой сильный, что я едва удержалась на ногах. Мне показалось, что рука была сломана. Сжав зубы, я постаралась успокоиться и прийти в себя. Я поняла, что хунвейбины не шутили.

Где-то сзади послышался ропот. По видимому, школьные учителя выражали недовольство тем, что их лица мажут краской. Я узнала голос учителя Галыма, который восклицал:

– Сегодня не нас, а таких как вы, проникших в партийные ряды скрытых врагов, необходимо привлекать к ответственности, и подвергать всенародной критике! Кадыр-бек, ты сам должен отвечать перед народом. Сегодня должны отчитаться о своей деятельности Кабдал, Салык!

Немедленно к нему подбежали несколько хунвейбинов, чтобы заставить замолчать. Поднялся еще больший шум.

Еще один учитель, по имени Аликан, вдруг обратился к «красным охранникам»:

– Вы ошибаетесь! Вы не правильно арестовали меня! Я всегда был на вашей стороне, по мере возможности, оказывал вам поддержку! Я – ваш человек! Зря вы меня схватили!

Он так просил, словно бы его вели на смерть. Тем не менее, один из хунвейбинов побежал за Кабдалом.

Увидев приближающегося Кабдала, Аликан вновь запричитал:

– Помогите мне, я ведь ваш человек!

Кабдал, возомнивший себя большим начальником, подражая Мао Цзедуну, степенно прошелся, а затем, еле слышно отдал приказ одному из хунвейбинов:

– Отпусти его!

Аликан, чуть не плача, принялся восхвалять Мао Цзедуну, желая ему тысячекратной жизни. Затем он побежал к протекавшему невдалеке арыку и принялся смывать краску с лица.

Все учителя с ненавистью смотрели на него. Он это почувствовал, и смыв краску, не зная, куда приткнуться, встал в самый конец колонны.

Все отряды строем направились к широкой площад у склада. Первые ряды, подходя к складу, слышали какие-то возгласы, и словно бы, удары волейбольного мяча. Мы подумали, что это группа ребят-казахов, работавших в одном из урумчинских издательств, и направленных на работу в деревню, что практиковалось в то время, играют в волейбол, так как они не находились под надзором. Мне сразу же вспомнилась поговорка: «у мышки решается судьба, а для кошки это просто игра».

Однако когда мы вступили на эту самую площад, то поняли, что ошибались.

Посреди площад в луже собственной крови лежал Мадяр-молла. Мне опять вспомнились слова старого китайца, который говорил, что «живыми мы из этой каши не выберемся.» Рядом с Мадяр-моллой толпилось до десятка хунвейбинов. Среди них были и Кажай, и Салык, и Канагат.

Увидев меня, они набросились и стали жестоко избивать. Только тут я поняла, что мы слышали не звуки игры в волейбол, а звуки кулаков и крики избиваемых.

Сбив меня с ног, они принялись пинать. Я не осознавала, что происходит. Моей единственной мыслью было то, чтобы встать и принимать удары стоя. Я знала, что если я упаду, то они могут забить меня до смерти. Поэтому, много раз я падала, сбита с ног крепким мужским ударом, но всякий раз вставала. Неизвестно куда подевался мой колпак, ленты, все мое тело было окровавленным, я уже не чувствовала боли, а удары продолжали сыпаться. При этом избивавшие меня требовали, чтобы я подчинилась Мао Цзедуну, подчинилась воле народа! Нос у меня был разбит, а затем кровь пошла и через рот.

Я не помню, сколько продолжалось избивание, однако помню как меня выволокли из этой разъяренной толпы один из руководителей нашей коммуны Омарбек, и, подведя к длинной скамейке, заставил встать на нее и наклониться.

С огромным усилием я выполнила приказ. Все тело нещадно болело. Из носа струей текла кровь. До меня доносились крики избиваемых. То, через что прошла я, выпало на долю всех, на кого был надет колпак.

После того, как меня поставили на скамейку, около десятка людей устремились ко мне, пытаясь продолжить избивание. Увидев это, Сейткан (бывший член Национальной армии, после ее роспуска отправленный нарядом со многими солдатами и офицерами в деревню), отдал команду:

– Не пускайте сюда людей!

К нему прислушались, так как Сейткан был одним из советников хунвейбинов.

Однако толпа не уступала и продолжала делать попытки прорваться на площад перед складом, хотя хунвейбины и перекрыли вход. Наивные, оболваненные люди, вооруженные ножами, пытались прорваться, чтобы по их собственным словам «отрезать нос, уши, выколоть глаза врагам народа и контрреволюционерам».

Я молила Аллаха, чтобы он не допустил того, чтобы я попала в руки этих людей. Я обращалась к Всевышнему с мольбой, что только он может защитить меня.

Вновь я услышала голос Сейткана:

– Товарищи революционеры! Прежде мы должны попросить этих контрреволюционеров, а затем уже передадим их вам. И вы вправе будете делать с ними все, что пожелаете!

Мне стало жутко. Более жестоких, более страшных людей я еще не встречала. Я подумала, что, должно

быть, они из Третьего отряда! Я непрерывно обращалась к Аллаху с мольбой о помощи.

Мне тяжело было стоять на скамейке в согнутом положении. Кроме того, время от времени ко мне подходил кто-нибудь из хунвейбинов, и обрушивал на меня удар. Я падала, но старалась тотчас же вновь встать на скамейку, так как промедление было опасно. Если бы я не встала, то меня просто могли запинать до смерти.

Через какое-то время вновь кто-то обрушивал на меня удар, и я вновь падала. Так продолжалось раз двадцать.

Наконец, меня спустили на землю и поставили рядом с другими, но в согнутую позицию.

Подростки, наводнившие площадку, лишённые всякого воспитания, бесстыдные, необразованные, у которых в руках были камча, аркан, а иногда даже и сапожное шило или щипцы, подбегали к нам и нанося удар тем, что было у них в руках, убегали. Они втыкали шило в тело согнутых людей, или использовали щипцы. Вся площадка перед складом была в крови.

Больше всех свирепствовала семья Салыка. Изготовив плетки из пучка стальной проволоки, сам Салык, его жена Кайнижамал, мать Бижамал и дети, избивали этим плетками всех тех, на кого были надеты колпаки.

Через какое-то время в себя пришел Мадяр-молла. Послышались его слабые стоны. Поняв, что он не умер, жена Салыка – Кайнижамал, словно хищная птица подбежала к нему и принялась пинать лежащего старика.

Всей этой акцией руководил китайский военный Сай Тун, возглавлявший специальную группу, созданную на уровне Автономного района. Не имея возможности помочь бедному старику, я воскликнула, обращаясь к Сай Туру:

– Перестаньте бить старика! Ведь он тоже человек!

Не обращая на меня никакого внимания, Сай Тун, напротив, громко стал подбадривать разъяренную толпу:

– Товарищи, необходимо еще больше утвердить диктатуру пролетариата! Не забывайте о классовой борьбе! Сегодняшняя ваша борьба очень правильная и своевременная! Не останавливайте ее!

После этих слов, работавшая переводчицей в коммуне женщина по имени Хадича, старалась даже перекричать Сай Туна. Взявшая в руки громкоговоритель, жена Салыка – Кайнижамал, хвастливо начала говорить в него о том, что она сломала ребро одному из контрреволюционеров, поломала руку другому. Словно взбесившись, она забежала по площадке и неистово била проводочной плеткой всех, у кого на голове был колпак.

Не вынося побоев, люди падали на землю. Вскоре, половина отнюдь не маленькой площад покрылась израненными, избитыми, и корчащимися от боли, людьми.

В этот момент кто-то с силой ударил меня в левый бок. У меня потемнело в глазах, и я, теряя сознание, упала. Осознавая, что падать нельзя, я, в полузабытьи попыталась подняться. Я еще не успела приподняться, как подбежали несколько человек и принялись пинать меня ногами. Руки и ноги не слушались меня. Мне стало страшно. Я боялась, что останусь здесь лежать навсегда. Прося Аллаха о помощи, я все же, сумела подняться. В голове был шум. В мгновение, весь сегодняшний день промелькнул передо мной. Несколько часовое стояние в согнутой позе уже само было пыткой. Жестокие избиения, продолжавшиеся на протяжении целого дня, с девяти утра до пяти вечера, были нестерпимыми. Мне показалось, что больше я не выдержу.

И в этот момент, через громкоговоритель, раздался голос Сай Туна:

– Классовых врагов приказываю увести!

Я попыталась подняться и поскорее пройти мимо разъяренной толпы, однако ноги не слушались меня. Словно бы к ним привязали огромный камень.

Я молила Аллаха, что он дал мне сил, чтобы я не упала на полпути. Ведь если бы я упала, толпа просто затоптала бы меня.

Медленно передвигая ноги, я направилась к единственному выходу с территории складской площад. И в этот момент, пять или шесть здоровых ребят набросились на меня и принялись избивать и пинать меня. Они старались сбить меня с ног. Мне показалось, что живой мне не выбраться. Может быть от этой мысли, а может и нет, но я отчаянно отбивалась от них. В конце концов, не имея сил отбиваться, я вцепилась в одежду шедшего впереди человека.

Мы медленно проходили сквозь ворота складского двора. По обе стороны ворот находились люди, которые обрушивали на нас удары кулаками и хлестали плетками.

Терпя все удары, люди в колпаках держались друг за друга и окровавленной вереницей брели молча и понуро.

В этот момент из громкоговорителей, развешанных по деревьям, раздалась мелодия «Интернационала». Моментально «красные охранники» и активисты побежали в сторону здания коммуны.

Прибывший из Урумчи военный представитель Сай Тун недоуменно воскликнул:

– Что это? Кто приказал? Немедленно прекратить!

Однако никто его не слушал. Музыка играла до самого окончания. Видя это, я в душе была рада такому

противостоянию. И осознание того, что у них не было единства, придало мне сил и уверенности.

Тем временем, продолжались попытки вырвать меня из рядов избиваемых и разобраться со мной окончательно. Меня пытались схватить за руки, однако, я крепко вцепилась в человека, шедшего впереди, и не выпускала его одежду. Если им удавалось расцепить одну мою руку, я еще крепче старалась уцепиться второй.

Шедшие за мной напирали, и я чуть было не упала. Однако, устояла на ногах, и это спасло мне жизнь. Действительно, пока не придет твой смертный час, ты все стерпишь, и через все пройдешь!

Я даже сама была удивлена тому, что во мне было столько сил. Ведь несколько человек пытались отцепить мои руки, но им это не удалось. Совершенно ясно, что Всевышний дает нам эти силы.

Как только мы миновали ворота, человек, в одежду которого я ухватилась, оглянулся. Им оказался директор начальной школы Акан. Мне стало неудобно, и я разжала руки.

Однако не успела я пройти и четырех шагов, как люди, сопровождавшие нас по обе стороны, набросились на меня, вырвали из вереницы и принялись избивать. Я упала, и хотя предпринимала попытки подняться, мне это не удалось. Ноги словно отказали. Зато мое тело испытывало удары более десятка башмаков.

Избивавшие меня люди требовали, чтобы я поднялась. Однако это было не в моих силах. Я сама хотела встать, эта мысль была у меня все время. Однако я не могла.

Вырвавшись на открытое пространство, люди спасались как могли. Часть молодых людей побежала в

сторону гор. Те, кто мог передвигаться, заковыляли к воде. Они с жадностью пили воду из арыка.

Вновь слышались голоса из громкоговорителя. На этот раз был отдан приказ остановить и вернуть бегущих.

Конные хунвейбины, размахивая флагами, обгоняли бегущих в горы, и приказывали им вернуться.

Избивавшие меня продолжали требовать, чтобы я поднялась. Я делала попытки, но не могла.

Конные хунвейбины, подскاکав к нам, приказали избивавшим меня людям вернуться на площадку.

Вдруг ко мне подошли два человека и попытались помочь мне подняться. Я крепко схватилась за протянутые руки. Они помогли мне подняться, а сами спешно направились в сторону площадки. В душе я поблагодарила этих людей за помощь.

Делать было нечего, и я медленно передвигаясь, заковыляла в сторону площади. Чтобы не упасть, я опиралась на людей, идущих в том же направлении. Не все они были рады этому. Проходившая женщина-казашка пробурчала, что не желает еще больших проблем из-за меня. Она грубо оттолкнула меня. Я присмотрелась, и узнала в ней Зикан. Это была старшая дочь Мукажана. Сегодня вся их семья подверглась суровой критике и издевательствам.

Мне показалось странным то, что она набросилась на меня с упреками. Медленно возвращаясь, я всю дорогу просила Аллаха оказать поддержку. Я была готова умереть, но умереть достойно, и с именем Аллаха на устах.

Когда мы вернулись на складскую площадку, то увидели, что она была очищена от раненных и избитых людей. Успели уже даже смыть кровь, которой пропиталась эта земля.

Я была поражена, недоумевая, куда дели столько людей.

Подвергавшихся критике людей вновь вернули на площадку и построили у стола, где сидело начальство. Первым выступил Сай Тун. Во время его выступления, неожиданно ко мне подбежал сын Дуйсенбая – Калиола, и словно хищник, вцепился в мои волосы. Сильно ударив по спине, он разорвал мою одежду. Я схватилась за людей, стоявших рядом. Тем временем, стоявший несколько в стороне хунвейбин Кабдалкак, подбежав, присоединился к Калиоле. Он еще больше разорвав мою одежду, бросил кусок кофты на землю.

Стоявший впереди меня учитель Галым оглянулся и осуждающе посмотрел на них.

Этот взгляд имел раздражающие последствия. Оставив меня, они набросились на Галыма.

Учитель Галым не устоял на ногах, и упал. Дело в том, что он прихрамывал на правую ногу, которая не сгибалась. Кроме того, когда сегодня на него надевали колпак, он оказал сопротивление. За это ему на шею намотали провод, и заставив согнуться, привязали второй конец провода к ногам, ниже колен. От этого у него затекли ноги, и когда те двое накинулись на него, учитель Галым не устоял на ногах.

Стоявшие рядом Норила и еще один человек, ухватив его за руки, помогли подняться.

По видимому, устав издеваться над беззащитными людьми, хунвейбины постепенно сбавили риторику. Их возгласы стали все тише, и наконец, раздалась команда, чтобы «классовые враги вышли вон!»

У меня не было никаких сил. Я даже не была уверена, что смогу выйти за ворота. Пока я сделала первые шаги, вокруг меня уже никого не было. Я посмотрела в сторону ворот. Недалеко от них собрались все, кто

подвергался критике. Они стояли, крепко ухватившись друг за друга, пряча головы в складки одежды того, кто находился впереди. Их невозможно было оторвать друг от друга.

Работавшие со мной старики, на которых раньше всех были надеты колпаки, стали подзывать меня к себе, освобождая место в середине плотной группы измученных людей.

Только я попыталась подойти к ним, как поступила команда выводить нас, не допуская при этом, чтобы вновь собравшаяся взбешенная толпа приближалась к нам.

Толпа, между тем, была настроена крайне злобно и враждебно. Они готовы были просто растерзать нас. К тому же я осознала, что краска на лице осталась только у меня.

Конные хунвейбины окружили нас кольцом и начали выводить со складского двора. Однако некоторые, наиболее ретивые и жестокие люди из толпы, прорывались сквозь конный заслон и наносили по нам ощутимые удары.

Мы уже почти вышли из площадки у склада, как увидели, что по направлению к нам конные хунвейбины гонят двух людей: мужчину и женщину. Женщина плакала и умоляла не бить ее плеткой. Она говорила, что никакой она не классовый враг, что она тоже пролетарского происхождения. Однако ее никто не слушал, и к ударам сопровождавших ее хунвейбинов добавились оплеухи со стороны людей из толпы.

В результате, женщина не выдержала и упала прямо на дороге. Пригнавшие ее «красные охранники» возбужденно кричали о том, что они оба – и женщина и мужчина пытались бежать, и их догнали уже на горных склонах.

Тем временем, нас предупредили, что мы должны через час собраться перед зданием коммуны, и объявили, что пока «критика» приостановлена, и мы должны будем вновь приступить к работе.

Кое-как я дошла до дома. При виде меня, обе мои сестренки – и Гайша, и Фирдавс разрыдались. Я механически посмотрела в зеркало. Вид у меня был просто ужасен. Лицо вымазано краской, волосы растрепанны и местами вырваны пучками. Одежда изодрана, сама припухшая от ударов. На всем теле кровоподтеки, царапины и ссадины.

Невольно я сравнила себя теперешнюю с той, которая была до начала «критики». Это были два разных человека. Мне было горько и больно, однако я сумела взять себя в руки. Я была рада тому, что сумела остаться живой. Ведь были и те, кто не выдержал издевательств. Я чувствовала, что сам факт того, что я осталась жива, означает, что я победила!

Вся в крови, не переставала плакать Хажия-Бану. Умывшись и немного придя в себя, мы с Хажия-Бану вдвоем выпили большой чайник чая.

Все мое тело болело и я решила полежать хотя бы полчаса. Но я чувствовала, что не смогу пойти на работу. Я даже попросила Гайшу пойти и предупредить, что я заболела.

Однако Гайша не успела даже выйти из дома, как подошли несколько хунвейбинов, и потребовали, чтобы я вышла на работу. Все мои возражения грубо были отвергнуты ими. Они настаивали, ссылаясь на приказ начальника отряда.

С огромным усилием я встала, и вынуждена была последовать за ними.

Работать пришлось под злобными взглядами кадровых работников и активистов. Мы вновь переносили

землю в носилках, а Кадыр-бек с семьей, Нокта, Дилмурат, Азат, Дойса-бай с семьей, Калиола, Кани, Канагат, Кабдал не просто наблюдали за нами, а не упускали случая больно ударить плетками.

Но мы опасались не их, а стоящих в ряд хунвейбинов. Их удары были очень опасными. Проходя рядом с ними, я опасалась худшего. Ведь удар можно было ожидать в любую минуту.

Вдруг я услышала вскрик, и обернувшись, увидела, как один из «красных охранников» с силой ударил по лицу Амира.

Я испугалась, что ему выбили глаз. К счастью, этого не случилось. Тем не менее, ругательства и окрики хунвейбинов продолжались.

Вдруг к нам стали приближаться Оразан и два сына старика Мадяра. С ними были еще два парня. Они несли носилки, лопаты, ломы. Когда они сравнялись со мной, приведшая их группа хунвейбинов удивленно воскликнула:

– Смотри-ка, а она не сдохла!

– Да, крепкой оказалась!

Совсем юный «красный охранник», глядя на нас, пригрозил:

– Не радуйтесь! Скоро вновь начнется «критика контрреволюционеров», и вас ждет участь вашего отца Мадяра. Мы вас закопаем!

Мы продолжали работать. Я нагружала носилки, когда ко мне подбежали Кабдалкак и сын Дойса-бая Калиола, и вырвали у меня из рук лопату.

Однако останавливаться было нельзя, и я принялась насыпать землю в носилки руками. Но Кабдалкак обрушился на меня и стал избивать. Вскоре к нему примкнули еще несколько молодых негодяев. Не знаю, чтобы со мной было, если бы Амир буквально не вырвал меня из их рук.

Этот ужасный день подошел к концу. Изнуренная работой и избиениями, я еле держалась на ногах. Все мое тело было в синяках и кровоподтеках. Воспитанная в семье, где на меня никогда не поднимали руку, сегодня я испытала такую жестокость, что мне показалось, что я не выдержу. Однако я смогла все это превозмочь.

В полночь поступила команда прекратить работу. Мы уже собирались возвращаться по домам, как вдруг кто-то с силой ударил меня в спину. Не удержавшись на ногах, я упала ничком, повалив еще несколько человек. Едва придя в себя, я увидела, что это был Салык.

Я попыталась подняться, но не смогла. У меня потемнело в глазах и я потеряла сознание. Не знаю, сколько прошло времени, помню только, что несколько человек помогли мне подняться, и поддерживая, довели до дома.

Всю ночь я не могла уснуть. На протяжении месяца у меня не проходила сильная боль, сковавшая все мое тело.

19 МАЯ 1968 ГОДА

Постоянные побои дали о себе знать. У меня опухло лицо, кожа стала какой-то серой, одним словом, я превратилась в другого человека. Я даже не могла нормально причесать волосы, так как это причиняло нестерпимую боль. Сами волосы выпадали пучками.

Кое как я несла один конец носилок. Не прекращаясь, шел дождь, и вся моя одежда намокла. Сегодня было не так как вчера. Сегодня «красные охранники» не проявляли вчерашней жестокости.

Мы приводили в порядок площадку у склада, готовя

место для повторного собрания по «критике» деятельности контрреволюционеров.

Углы этой площадки мать Кабдалкака превратила в отхожее место. У нас забрали лопаты и другие инструменты, и заставили собирать руками человеческие испражнения.

До обеда работали под дождем. Затем стали появляться люди из других отрядов. Прильнув к воротам, они выкрикивали имена своих родственников, на которых были надеты колпаки, и которые находились под надзором. Если кому-то удавалось найти своего сына, мужа, или брата, они мокли под дождем и плакали, называя только имя близкого человека.

Сегодняшний наплыв родственников объяснялся тем, что часть бежавшей вчера в горы молодежи сумела скрыться, и даже конные хунвейбины не смогли их обнаружить. Так вот эти молодые люди и сообщили в окрестные населенные пункты, что у складов происходит избиение и даже убийство людей, на которых были надеты колпаки.

Родственники эти людей, не выдержав неизвестности, и желая знать, живы или нет их близкие, и поспешили за много километров к складам у здания коммуны.

Сумевшие же бежать молодые люди, скрываясь неделю в горах, вскоре сами вернулись.

Избитых вчера, и оставшихся лежать без сознания людей, слово животных выволокли за территорию склада, в район женской уборной, и бросили там.

Но даже там их не оставили в покое. Подростки тринадцати-четырнадцати лет продолжали пинать безжизненные тела.

В этот момент Мадяр-молла очнулся и попросил пить. Один из малолетних подонков влил ему в рот набран-

ной из туалета мочи. Бедный старик вновь потерял сознание и умер.

Несколько человек, и в их числе сыновья Мадяр-моллы, на носилках унесли бедного старика и похоронили его у подножия горы.

Остальных тяжелораненых увезли родственники по своим отрядам.

Лю Жунн, которого привезли в отряд, скончался там.

Кайлара, не подававшего признаки жизни уже в дороге, повезли прямоиком на кладбище. Выбежавшая навстречу процессии его жена, желая проститься с мужем, прильнула к его груди. Внезапно, женщина прошептала, что слышит биение сердца мужа. Немедленно все повернули назад. Через сутки он очнулся.

Якуп-ахун неделю лежал дома. К несчастью, он не выжил. Вообще, Якуп-ахун поплатился жизнью за сына. Его сын – Курбан бежал, и за это убили его отца. Сам Курбан тайно навестил умиравшего отца, и узнал о том, кто его избивал, и кто пострадал больше всех. Однако на похороны отца он приехать не мог.

Бибиш-ханум была женой атамана Бекмитова. Хамидула-хажи Бекмитов был одним из первых, кто приехал из Татарстана в Восточный Туркестан. Он устроился в Урумчи. В связи с тем, что он был лекарем и кузнецом одновременно, люди называли его «знахарь хажи». Благодаря своей профессии врача, Хамидула-хажи был известен далеко в округе.

Однажды Советский консул в Урумчи насильно мобилизовал в Царскую армию трех сыновей Хамидулы-хажи. Все трое: Абдулкадыр, Абдурахман, Абдухалик были отправлены на фронт. Они все проявили храбрость, а Абдурахман стал даже атаманом, то есть получил офицерское звание. После этого, все его стали называть не иначе, как «атаман».

Все трое вернулись с войны здоровыми и невредимыми. В честь их приезда, отец пригласил большое количество гостей, где читали суры из Корана и подавали различную еду.

Абдурахман Бекмитов, или Атаман-абзи, не желая больше отправляться на войну, переехал из Урумчи в Нансан, где и прожил остаток жизни. А его жена Бабиш и сыновья были объявлены «богатеями-скотоводами». На них надели колпаки и подвергли «критике с пристрастием».

Бабиш было более шестидесяти лет от роду. Колпак ей надели на старую кастрюлю, предварительно нахлобучив ее на голову женщины. Кастрюля впиалась в кожу головы, и кровь текла ручьем. От потери крови, Бабиш потеряла сознание. В таком состоянии ее и привезли в отряд.

Ее младший сын Хамит сумел бежать в горы. Две недели он скрывался, а затем был вынужден вернуться.

Остальных тяжелораненых положили в ряд в зале расположения Головного отряда.

Ночью внезапно исчез лежавший без памяти Абдулхамид. Его искали до утра как люди из коммуны, так и хунвейбины, однако, так и не нашли.

Абдулхамид был братом Салика, работавшего переводчиком в коммуне. Когда он работал на животноводческой ферме в районе «Западная гора», к нему обратились близкие друзья, которым необходимо было купить с десятков лошадей. Естественно, Абдулхамид помог им.

Оказывается, примерно тридцать человек, и в их числе друзья Абдулхамида, намеревались бежать в Советский Союз. И для этого им и понадобились лошади. Однако их планы раскрылись, и все они были схвачены.

Хотя Абдулхамиду и не было известно о намерении его друзей бежать, он был арестован за то, что продал им лошадей. Его обвинили «контрреволюционером», и надев на него колпак, приговорили к принудительному труду под общественным надзором.

Вчера его страшно избивали, но несмотря на это, он сумел сегодня ночью бежать. За ночь поисков его так и не нашли.

Мажид-абзи, страшно избитый, в бессознательном состоянии был выброшен за складской забор. Его подобрал сын Азиз, который с трудом смог принести отца домой. Только через месяц Мажид-абзи сумел поправиться.

По словам Мадии, Мадяр-молла был ее отчим. Она выросла у него на руках. Мадяр-молла, отправляясь на «критику» 18 мая, совершил омовение, до утра молился, и уже выходя из дома, прощаясь с женой, сказал, что он уже не вернется. По его словам было ясно, что он предчувствовал скорую смерть.

18 мая этого восьмидесяти трехлетнего старца убили за то, что он был мullah, за то, что не отказался от нашей священной религии.

Мы продолжали работать. Одни носилки несли Болтай и Сарижорга. Глядя на них, я была потрясена. Лица этих людей были неузнаваемы. У Балтая вместо щек были обнаженные куски мяса, а Сарижорга весь превратился в сплошной синяк. Судя по их взглядам, я тоже выглядела ужасно.

Не успели мы перекинуться и парой слов, как хунвейбины направились к нам. Поспешно, мы продолжали работу.

Сарижорга был татарин, приехавшим из Советского Союза заниматься животноводством. Его настоящее имя было Ахмад Заки, но за рыжие волосы,

быстрый шаг, рост, его прозвали Сарижорга (рыжий иноходец).

До последнего времени никто не знал, что его зовут Ахмад Заки. После «критики» Сарижорга буквально истек кровью. Без сознания он лежал несколько часов.

Утром 20 мая, все разошлись по своим отрядам. Я также вернулась в отряд по формовке кирпичей. С утра до вечера я на ручной тачке подвозила глину для формовщиков. Работа была тяжелая. Более того, дорога была ухабистая, и груженная глиной тачка передвигалась с трудом.

Мы – находившиеся под общественным надзором, постоянно сталкивались не просто с жестоким, но унижающим человеческое достоинство, отношением. Всякий мог обругать нас, придаться ко любой мелочи.

В эти дни я чувствовала себя очень плохо. Мало того, что я простыла и постоянно кашляла, у меня болела вся левая сторона. Во время «критики» кто-то сильно ударил меня в левый бок. С тех пор, боль не проходила. Она лишь немного заглушалась, а потом вновь возрастала.

Не имея возможности терпеть ее, я пошла к врачу нашего отряда. Мне пришлось ждать, так как он был занят. Наконец, когда настала моя очередь, врач по имени Саркитбек, отказался лечить меня.

– Я получил указание не лечить тех, кто подвергся «критике». Поэтому, я не буду тебя даже осматривать, – сказал он грубо.

Между тем кашель не прекращался. Да и бок сильно беспокоил.

Однако Саркитбек сказал, как отрезал:

– Даже если ты будешь умирать, я не возьмусь тебя лечить!

Его слова были хуже удара, так как наши семьи

раньше были очень близки. Жена Саркитбека – Мазия была для моих родителей словно родная дочь. Даже их свадьбу во многом организовали мои родители. Поэтому я была поражена, что будучи почти родственниками, теперь, в комнате, где не было никого кроме нас, он отказался оказать мне первую помощь.

Расстроенная, я вышла из кабинета Саркитбека. Не успела я сделать и нескольких шагов, как увидела, что мне навстречу шел врач У Син.

– Что с тобой? Заболела?

Я рассказала все без утайки.

У Син завел меня в свой кабинет, послушал, поставил диагноз, выписал необходимые лекарства, и уже затем предупредил, что мне эти лекарства не дадут, а потому, он все рецепты выписал на имя Гайши. Гайша же и должна была прийти и забрать лекарства.

– Пей их в течение месяца. Конечно же, надо бы пролечиться в больнице, но такой возможности нет, – заключил У Син.

У Син закончил Медицинский институт в Сычуани. По направлению он приехал в Нансан. А я училась в Медицинском институте Восточного Туркестана. Однако, мы считали друг друга сокурсниками, потому что учились в одно время. Мы уважали друг друга. Во всем Нансане только У Син не изменил ко мне своего отношения после всех произошедших со мной событий.

Возвращаясь от врача, я подумала о том, что Саркитбек был представителем моего народа. У нас один язык, одна религия, одна родина. У Син – китаец из далекой китайской провинции. У него другой язык, другая религия. В принципе, Саркитбек должен быть ближе мне. Именно он должен был помочь мне. Однако, вышло все наоборот...

Дома оказались Гайша, Фирдавс, Хажия-Бану. Руки у Хажия-Бану опухли, и Гайша пыталась втирать в них какую-то мазь.

Хажия-Бану, страдая от боли, рассказала, что ее обвинили в национализме. Она рассказала, что она никакая не националистка. Просто выгораживая себя, начальник отряда Канагат, имевший с ней дела, решил подставить Хажию-Бану.

Рассказывая эту историю, Хажия-Бану, не переставая, плакала.

Я попыталась успокоить ее, но у меня это плохо получалось. Понимая, что надо переменить тему разговора, и отвлечь ее от ее личных переживаний, я спросила:

– Во время собрания, на котором нас подвергли критике, я видела Гаригулла-ака. Его тоже обвинили в контрреволюционной деятельности. Вы не знаете, в чем его-то вина?

– Его сильно избили. Я слышала, он потерял много крови. Не знаю, что сейчас с ним. А насчет твоего вопроса, так это старая история. В 1959 году, когда была компания «Всем народом ухватиться за сталь», люди голодали. Кто-то задал чисто риторический вопрос: – «А что сейчас ест председатель Мао Цзедун?» И Гаригулла-ака, якобы, ответил пословицей: – «Правитель сыт – живот отъел, а до рабов ему нет дел!» И вот, по прошествии девяти лет, ему припомнили его слова.

В этот момент вошли Гайша и братишка Садик. Гайша уходила за лекарством.

Фирдавс от радости аж вскочила. Она подбежала к Садику и обняла его.

– Как ты приехал один?

– София посадила меня на машину. Так что приехал без проблем, – гордо отвечал братишка.

По словам Садика, точно такие же события, кото-

рые имели место 18 мая, произошли и в Урумчи. Многих людей убивали прямо на рабочем месте. Затем их отвозили домой и сообщали родственникам, что они, якобы, покончили жизнь самоубийством. И хотя были видны следы насильственной смерти, никто не смел возражать.

18 мая жестокому избиению подвергся и мой дядя, старший брат моего отца – Заки.

Дядя Заки был видным, солидным человеком. Люди уважали его. Я никогда не слышала, чтобы он повышал голос. Люди называли его Заки тихий.

Дядя Заки окончил татарскую школу. Затем он учился в медресе, то есть имел и религиозные знания. Довелось ему учиться и в китайской школе. Кроме того, он закончил и бухгалтерские курсы.

Дядя Заки пять раз в день читал намаз и знал наизусть многие суры из Корана.

В 1933 году, когда к власти в Восточном Туркестане пришел Шен Шицай, была создана первая судоходная коммерческая организация и организована речная торговля с границей.

Директором предприятия был назначен Бурхан Шахиди, заместителем директора – Тун Бао (по национальности, сибо), начальник торгового департамента – Закир Абдишев, главный паромщик – Хансан Бурнаш, заместитель главного паромщика – Гатавулла.

Главным бухгалтером был Заки Валиев, бухгалтера: Хамид, Ахад Валиевы.

Являясь одним из основателей речного торгового судоходства, дядя Заки Валиев проработал в этой сфере до 1968 года, то есть почти тридцать шесть лет.

Кроме того, дядя Заки совместно с моим отцом – Салихом Валиевым, организовали бухгалтерские курсы, которые на протяжении многих лет окончили многие

люди, ставшие впоследствии ведущими специалистами в бухгалтерской сфере.

И теперь, дядя Заки подвергался тяжелой «критике», обвиненный в следовании по капиталистическому пути.

18 мая, моя сестренка София, работавшая на фабрике по производству басмы, не выдержала душераздирающих криков, доносившихся из соседнего с фабрикой здания, где проходило собрание с «критикой». Она поспешно ушла домой.

Рассказав об услышанном домашним, София повторяла, что в числе критикуемых был и дядя Заки.

Вместе с мамой София побежали в направление к месту собрания. Вдруг они увидели медленно бредущего дядю, который страшно избитый кое-как возвращался домой.

После этого, на протяжении долгого времени дядя Заки лечился в больнице.

Услышав этот рассказ Садика, мы все страшно расстроились.

1 ИЮНЯ 1968 ГОДА

Я работала на формовке кирпича. Внезапно начальник отряда Кажай отвел меня к площадке у складских помещений. С десятков парней-казахов месили там глину вот уже на протяжении недели.

Отправив их, Кажай приказал мне одной заниматься этим делом. Причем я должна была, выполнив работу десяти человек, обеспечить сырьем формовщиков.

Я огляделась. Кое-где глина лежала сухая, где-то ее уже коснулась вода. Одним словом, работа предстояла тяжелая. Я огляделась, и увидев резиновые сапоги, вдруг вспомнила слова Саду.

Это было в апреле 1967 года. Стояла еще прохладная погода. Глина покрылась корочкой льда. Я, прежде чем вступить в замел, смазала ноги гусиным жиром, так как с детства я знала, что это – первое лекарство от холода.

Тем не менее, я вся продрогла. Однако делать было нечего, приходилось терпеть.

Вскоре мне в помощь прислали из Головного отряда семь парней. Они вступили в замес, однако, через десять-пятнадцать минут выскочили, не вытерпев холода. Тогда они еще удивлялись моей выносливости.

Один из них, по имени Саду, сказав, что он сходит за резиновыми сапогами, направился тогда в Головной отряд.

Вернувшись через полчаса, Саду принес семь пар сапог.

– Я до хрипоты спорил из-за тебя с начальником Головного отряда Кадыр-беком. Просил сапоги для тебя. Но он отказал. Сказал, что таким контрреволюционерам, как ты, сапоги не положены.

Я, молча вновь вступила в холодную глину.

Сколько тонн этой глины я перемесила? Сколько перетаскала? Сколько изготовила саманных кирпичей? Совершенно точно, что больше каждого из работавших рядом. Ведь мне пришлось работать ежедневно на два часа больше их. Если обычная норма была в триста кирпичей в день, то я иной раз отливала до тысячи семисот. То есть, выполняли норму пяти-шести человек. А сколько перетаскала бетонного раствора? Тяжелейшие ведра с раствором специально заставляли таскать меня, хотя рядом было много мужчин. Эти ведра были так тяжелы, что иногда ломались пополам коромысла. Никто не приходил на помощь. Напротив, наблюдавшие хунвейбины подталкивали, требуя работать быстрее.

По словам Саду я поняла, что они вознамерились просто изничтожить меня.

После обеда в зале здания коммуны вновь было собрание. Работая на замесе, я лишь слышала крики, и с опаской посматривала в сторону клуба. Часа через два, начальник отряда Кажай подвел ко мне Нурилю – жену бывшего заместителя секретаря парткома нашей коммуны Умар-бека.

– С сегодняшнего дня она будет работать с тобой. Как и ты – также и сверхустановленное время!

Высказав еще несколько угрожающих слов, он удалился.

Нуриля плакала, не переставая. Ее лицо было опухшим от побоев, а левый глаз вообще заплыл.

По ее словам, ее избивал Кажай. Очень сильно избили и ее мужа – Умар-бека. Его били и Кажай, и Кадырбек, и Кабдал.

Даже в этой ситуации, мне стало жаль Нурилю. Я была просто поражена изменяющемуся миру.

– Посидите, отдохните. Если кто-то появится, тогда начнете работать, – сказала я ей, а сама продолжала месить глину.

Я еще раз убедилась в могуществе и силе Аллаха.

Мне вспомнилось, что когда я только вышла из тюрьмы, мои родители, боясь, что меня отправят на работу в «Бин Туан» (военизированный строительно-производственный корпус), письменно обратились с заявлением к заместителю секретаря парткома нашей коммуны Умар-беку, чтобы оставить меня работать в коммуне.

Он тогда категорически возражал, говоря о том, что злостным контрреволюционерам не место в коммуне.

И только благодаря решению, принятому на более высоком уровне, меня оставили в коммуне, надев, правда, колпак, то есть взяв под общественный надзор.

И вот, некогда всемогущий Умар-бек, 18 мая подвергся «критике», а сегодня его жена работает вместе со мной на замесе глины.

Разве думали они, что их жизнь так круто переменится?

Умар-бек, после проведенной «критики с пристрастием» болел почти два года, но так и не поправился. Он умер, а секретарь парткома – китаец по национальности, который работал вместе с ним, продолжал работать и дальше. К нему не было никаких претензий.

**КОММУНА НОМЕР ДВА
«ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР».
ЛАГЕРЬ ГОЛОВНОГО ОТРЯДА,
РАССЧИТАННЫЙ НА
СЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ПРЕСТУПНИКОВ.**

Сегодня 21 июня. Был прекрасный летний день. С детства я любовалась природой Нансана, зелеными окрестными холмами, цветением растений, пением птиц. Вот и сейчас, увидев, как «красные охранники» скрылись в конторе коммуны, немного отвлекшись от работы, я, опираясь о лопату, наслаждалась щебечущими звуками птиц.

Вдруг эту природную гармонию нарушили крики. Все пригляделись и увидели, как четверо конных на аркане волочат по земле человека.

В страхе все незамедлительно приступили к работе.

Тем временем, конные, подскакав к нам, бросили свою жертву. Мы думали, что он был мертв. К нашему удивлению, человек вскоре встал, отряхнулся, и как ни в чем не бывало, взял лопату и приступил к работе.

Нам это показалось невероятным. Оразан, узнавший в новоприбывшем Абдулхамида, вопросительно уставился на него.

Мы все знали, что после 18 мая Абдулхамиду удалось бежать, однако понятия не имели, где он мог скрываться так долго.

– Ты где был? – с просил наконец Оразан.

– Прятался в «Сари чока», у дяди Абдулхайри. Он меня укрыл в подвале. Там было хорошо, пока все же не обнаружили.

– И что, они всю дорогу из «Сари чока» волочили тебя по земле.

– Да нет, – усмехнулся Абдулхамид. – При людях, действительно, волочили. А на безлюдье я скакал с ними на лошади.

Оразан разочарованно пробурчал:

– Мы то считали тебя чуть ли не героем, образованным и умным человеком. А ты какой-то легкомысленный аферист. Посмотри на Суюнгуль. Она хоть и девушка, а оказалась мужественней и храбрее тебя. Испытала побоев и издевательств, уж точно, больше. Но не сдалась, не пошла на сделку с совестью. Уж лучше бы ты не бегал, как заяц, а умер, оказав сопротивление!

Было видно, что эти слова задели Абдулхамида, и он как-то даже съежился.

После обеда мне выпало работать вместе с Марией. Мы на носилках таскали глину.

Вдруг Мария тревожно произнесла:

– Что-то у меня дергается правое веко.

– Если правое, значит, к хорошему! – засмеялась я.

– Откуда? Нам теперь хорошего ждать не приходится! У меня и раньше веко дергалось. Особенно, когда

понервничаю. А чаще – после восемнадцатого мая, когда всю нашу семью подвергли «критике». Тогда взбесившаяся молодежь жестоко избила нас.

Мария замолчала, но уже через несколько мгновений продолжила:

– Знаешь ли ты, Суюнгуль, что в Головном отряде был такой неказистый человечек с собачьими глазами?

– Да, конечно, – ответила я, действительно, вспомнив Кайлара, глаза которого напоминали собачьи.

– Так вот, когда нас подвергали мучениям и издевательствам, мою красавицу дочь принуждали к тому, чтобы она вышла за него замуж.

Глаза Марии наполнились слезами. Не обращая на них внимания, она продолжила:

– Они говорили, что Кайлар пролетарского происхождения, а потому мы должны быть счастливы, что наша дочь выйдет за него замуж. При том, они угрожали, что в случае отказа, у нас будут очень большие проблемы. В случае же согласия, разрешение на брак оформят в течении одного дня. Короче говоря, они испробовали все методы. Однако дочь не соглашалась. Наши мучители стали избивать всех: и нас – ее родителей, и ее саму, и даже нашего малолетнего сына. Но дочь, все равно, не согласилась. Мой муж Болтай после этого слег с многочисленными ушибами и кровоподтеками. А у меня с того дня постоянно дергается веко.

РАБОТА В «КЫЗЫЛ САЕ». 22 ИЮНЯ

Всех, на кого были надеты колпаки, отправили на строительство дороги в «Кызыл Сай» (Красный овраг). Наш отряд передислоцировали туда 23 июня. Нас четверых, а именно, меня, Мукажана, Шугаифа и Мажида-абзи, сопровождали туда четверо вооруженных всадника. Расстояния от Нансана до «Кызыл Сая» было значительным. На грузовике следовало двигаться в течение двух часов. Мы же пошли напрямик, через перевалы.

На месте уже были размещены отряды «Красное знамя» и «Тянь-Шань».

Когда мы проходили через расположение этих отрядов, наши охранники показательно кричали на нас и стегали плетками. Естественно, все находившиеся под надзором люди из этих отрядов, видели это. Я так понимала, что это был наглядный урок для них.

Мы шли весь день, и лишь к вечеру пришли в «Кызыл Сай». Нас разместили в юртах. В связи с тем, что ужина не осталось, мы лишь попили холодной воды.

Дорога вымотала меня, однако до сна было еще далеко. Нас согнали в юрту. В центре ее усадили Оразака, за ним всех нас. И началась очередная проработка, то есть «критика».

Сначала Оразаку что-то внушали, а затем принялись избивать. Его мучители, как обычно, требовали его признать всю свою вину и покаяться. Хотя и они, да и сам Оразак не знали, в чем именно следует каяться.

В это время в юрту вбежало несколько хунвейбинов, встревожено произнесая:

– Опять пришли вчерашние люди! Говорят, если не прекратите побои, мы разгоним вас!

Все, кроме нас, выбежали из юрты. Мы были в недоумении.

Вскоре, вошел один из них, и приказал идти спать. Посреди юрты остался лежать весь измаранный в крови, Оразак.

С утра мы начали работу в «Кызыл Сае». Она заключалась в выравнивании полотна дороги сразу же после моста. Работа была тяжелая. Нам следовало ломami, кирками, лопатами, отбивать щебень и таскать его к дороге. Было жарко, да к тому же и опасно, так как в горах было много пауков, скорпионов и змей.

Ближе к полудню, внезапно, откуда-то из ущелья появились всадники. Их было двенадцать человек. Остановив лошадей невдалеке от нас, они, не спешиваясь, стали наблюдать за нашей работой.

Мы были удивлены появлением здесь этих людей. Хунвейбины, тем временем, подбежали к ним и поздоровались.

На протяжении долгого времени они оставались там, наблюдая за нами. Мне показалось, что больше всех они изучают меня. Мне это было неприятно, так как эти взгляды мне надоели в Нансане, а здесь, в безлюдном месте, они вообще раздражали.

Однако, со временем, я почувствовала, что это были скорее доброжелательные, а не враждебные взгляды.

После обеда Оразан спросил:

– Ты знаешь этих людей?

– Нет, впервые вижу.

– А они, похоже, знают тебя. Конечно, возможно, они тебя выделили, так как ты одна здесь девушка среди мужчин. Но, знаешь, это те люди, которые вчера потребовали от хунвейбинов, чтобы прекратили избиения.

Так что, нам, в любом случае, они скорее друзья, чем враги. Они уже появляются здесь третий день. Иначе, уже бы многих похоронили в «Кызыл Сае».

В наши обязанности, кроме всего прочего, входило и собирать для кухни хворост. В связи с тем, что местность была скалистая, деревьев было мало, мне пришлось, в поисках дров, удалиться от юрт довольно далеко. Вдруг мне послышался голос молодой девушки, поющей песню на казахском языке. Осторожно шагая на голос, я увидела трех человек, которые согнувшись, сидя, укрывшись плащами, слушали радио. Это были хунвейбины, и слушали они советское радио. Передача велась из Казахстана для жителей Восточного Туркестана. В то время за прослушивание советского радио неминуемо полагался арест и тюремное заключение.

Заметив меня, «красные охранники» испугались. Однако, сделав вид, что я их не увидела, я, повернувшись, потихоньку пошла назад.

Я была удивлена тем, что, оказывается, и хунвейбины тайно слушают радио враждебного в то время Китая, Советского Союза.

В «Кызыл Сае» мы проработали около месяца.

НАДЕЖДА ЛАГЕРЯ В «АДЫР АРЫСЬ». 15 ИЮЛЯ

После «Кызыл Сая» нас направили на уборку пшеницы в «Адыр Арысь». Естественно, мы направились пешком, с вещами, через перевал. Подгоняемые вооруженными всадниками, мы обессиленные, прибыли на место лишь глубоким вечером.

Мужчин разместили на дворе тракторной станции, женщин в каком-то сарае. Из женщин были, кроме

меня, Мария и две китаянки, которых обвинили в помещичьем происхождении. Кое-как наведя порядок, мы разложили свои матрацы.

Ничего не ев в течение целого дня, здесь мы не обнаружили не только еды, но и воды.

Желая хотя бы выспаться, мы направились в свой сарай.

Было еще темно, когда нас всех разбудили голоса хунвейбинов, требовавшие немедленно выходить на работу.

Кое-как проснувшись, в темноте одевшись и захватив необходимые вещи, мы спешно выбегали строить-ся.

Едва мы успели образовать нестройные ряды, как нас погнали в поле. Идти надо было достаточно далеко. «Красные охранники» все время подгоняли нас, избивая плетками отстававших. А отставали, в основном, старики. Мне хотелось попросить хунвейбинов, чтобы не трогали их, до того мне было жалко стариков, однако это бы лишь еще больше осложнило ситуацию. Поэтому, я шепотом обратилась к шагавшей в первых рядах молодежи, чтобы они сбавили шаг. Однако Оразан сурово одернул меня:

– Думай о себе. Старикам мы все равно не поможем!

Прибыв в поле, мы приступили к жатве. Для меня это было привычным делом, и вскоре я полностью отдалась работе. Мне даже показалось, что я работала лучше всех.

К десяти часам объявили перерыв на завтрак. Мы должны были спуститься в лощину, чтобы принять пищу.

За завтраком, я увидела опухшие лица стариков, и поняла, что это были следы от плеток, удары которых обрушивались на них в течение всего времени следования.

Вдруг мой взгляд упал на лежавшего в стороне скрюченного человека. На мой вопрос, сидевший рядом Жорсун пояснил, что это Оразак, которого несмотря на то, что он сильно болел, заставили выйти на работу.

Время завтрака пролетело незаметно. Нас вновь стали гнать на работу. Захватив не съеденный кусок хлеба и спрятав в мешочек кружку, я направилась наверх, так как пшеничное поле было на холме.

Я старалась подниматься как можно быстрее. И хотя я была одной из первых, меня все же достал удар камчой. Мне стало жаль тех, кто в силу возраста и слабости, отставал. Ведь их, должно быть, нещадно хлестали жестокие хунвейбины. Во всяком случае, по всей округе раздавались крики и стоны.

Наверху, на холме, нас уже ожидал секретарь парткома Головного отряда Кабдал. Он приказал привести к нему «ревизионистов-контрреволюционеров». Два хунвейбина, расталкивая людей, подбежали к нам, и подвели к раскладывающемуся столу, за которым сидел Кабдал.

Одновременно толпа, как по команде, начала выкрикивать лозунги о необходимости уничтожить всех «врагов народа», к которым как раз-то и причислялись «ревизионисты» и «контрреволюционеры».

Кабдал встал из-за стола и подошел к Кирабаю.

– Ты – Кирабай, надев халат муллы, отравлял народ религиозной пропагандой. Осознаешь ли ты свое преступление? Ты – враг народа и враг коммунизма!

После этого началась проработка.

Кабдал был внешне очень неприятным типом. А его речи, вообще, вызывали отвращение. Он стал инструктировать собравшихся о том, как надо поступать с классовыми врагами.

После этого нас по одному вызывали и каждого заставляли нацепить на одежду ленты, на которых были написаны наши преступления.

При этом строго предупредили, что мы не должны снимать их ни в коем случае. Так на моей ленте было написано, что я, Суюнгуль – ярая контрреволюционерка.

Кроме меня, ленты с надписями дали китайцам, работавшим со мной, на которых еще раньше меня, надели колпаки, обвинив в помещичьем происхождении. Кроме нас, ленты раздали казахам: Жиденше и Ахмеду – зятю Патиhi. Ахмеду ленту обязали носить за то, что во время Гоминдана он был офицером.

Взяв ленты, я вернулась на свое место. В этот момент Кирабай потерял сознание. Подбежавшие два хунвейбина, за ноги выволокли его на край поля.

Мне стало жаль этого шестидесятилетнего человека. Он был умным, обходительным, образованным, скромным. Его глаза излучали какой-то благородный свет.

Придя в себя, Кирабай с трудом встал и подошел ко мне.

– Что со мной случилось? – произнес он слабым голосом.

– Вы потеряли сознание.

Вновь прозвенел звонок, возвещающий о том, что надо приступать к работе. Я прикрепила к своей одежде ленту. Видя удручающее состояние Ахмеда, тем не менее, пошутила:

– Хотите, прикреплю ленту и вам?

Он недовольно замахал руками, явно демонстрируя, что не прикрепит ее.

– У нас нет выбора. Нужно прикрепить! – убеждала я его. – Вы ведь много видели в жизни. Пройдет и это время. Ведь, кроме смерти – все остальное проходящее.

Произнеся эти слова, я отошла в сторону. Ахмед остался, в задумчивости опустив голову.

После обеда пришли несколько хунвейбинов и увели Ахмеда и Абдулхамида в здание коммуны на очередное собрание по «критике их контрреволюционной деятельности».

На следующий день Ахмед не появился на работе. Абдулхамид работал со всеми. Я спросила об Ахмеме у Жорсуна.

– Он теперь никогда не будет работать, – ответил Жорсун.

Я была удивлена этим ответом. Жорсун, тем временем, пояснил, что направляясь на собрание, Ахмед захотел повидать детей. Однако теща не показала их ему, так как у Ахмеда были проблемы с женой. Турсын, его жена, ушла к другому, а теща присматривала за детьми. В таком подавленном состоянии, Ахмед отправился на собрание, где его «критиковали» с пристрастием.

По словам Жорсуна, уже после собрания, Ахмед направился в конюшню и повесился там. Сегодня утром его похоронили.

Я вспомнила его вчерашнее подавленное состояние. Мне подумалось, что с учетом семейных неурядиц, Ахмед просто морально сломался.

Вместе с тем, меня не покидало чувство, что Ахмеда просто убили на собрании, но семье сообщили, что он кончил жизнь самоубийством.

20 ИЮЛЯ

Утром к столовой привезли десять стариков. Нас же отправили в поле на жатву. Мы подумали, что поле далеко, и потому стариков пожалели, и оставили косить траву у столовой.

Работа была тяжелая. Пот перемешивался с пылью. Было невыносимо жарко. Однако работавшие рядом со мной были одеты в кожаные одежды. Даже штаны у них были из овечьей кожи.

– Вам не жарко? – поинтересовалась я.

Они рассмеялись:

– Нет, мы привычные. Нам хорошо когда жарко.

В это время конные хунвейбины, подскакав, обрушили на нас град ударов плетьюми.

Только они отскакали, как я услышала:

– К тому же, наша одежда защищает нас от ударов. Попробуй-ка, почувствуй плеть на голом теле!

Больше мы уже не говорили, опасаясь гнева наблюдавших за нами охранников.

Вечером, возвращаясь с поля, мы слышали душевраздирающие крики, раздававшиеся со стороны оврага. Я почувствовала беду. Все, кто был рядом со мной, также всполошились.

Спустившись в овраг, мы увидели страшную картину. Бригадир Кани, выстроив в ряд утрешних стариков, заставил встать их на колени. Прохаживаясь вдоль этого живого ряда, он нещадно избивал их, не пропуская никого.

Возраст стариков колебался от шестидесяти пяти до восьмидесяти лет. Среди них был и муж моей тети – Мажид-абзи. Как выяснилось, их заставили месить глину и формовать саманные кирпичи. В силу возраста, никто из них не справился с нормой, которая была определена в триста кирпичей на человека. За это их и наказывали.

Когда экзекуция закончилась, я подошла к беднякам.

– Лучше бы нам умереть, – причитали старики.

Я понимала, что не в силах была сделать что-нибудь для них. Тем не менее, я постаралась успокоить несчастных.

Вот в таком положении мы провели на жатве целый месяц. Затем всем объявили, что отряды будут возвращаться. Люди предвкушали радость.

Но только не мы. Ибо те, на кого были надеты колпаки, то есть те, кто был осужден по политическим статьям, направлялись на продолжение жатвы в распоряжение Четвертого отряда.

Сопровождаемые вооруженными автоматами бойцами «народно-освободительной армий», мы преодолели расстояние в тридцать километров. По дороге, проходя через населенные пункты, мы подвергались оскорблениям, беспочвенным нападкам со стороны местного населения. Ведь в их глазах мы были «врагами народа».

Вечером прибыв на место, мы направились в поле, чтобы поработать до ужина. Вернулись мы лишь когда совершенно стемнело.

Мужчин разместили на складе. Женщин направили в пропахшую машинным маслом тракторную мастерскую.

Кое-как наведя порядок, мы расположились на ночлег. Нас охраняли восемь «красных охранников». Более жестоких я не встречала. Ибрай, Капар, Комар, Шаймардан и остальные, ни в чем не уступали своему начальнику Кани.

Страшно устав, мы уже хотели ложиться, но тут пришла новая напасть. Сорок-пятьдесят малолеток, столпившись возле тракторной мастерской, громко стали ругать нас последними словами. Они не стеснялись, а затем начали кидать в окно пороховые фейерверки, а затем и камни. Женщины были в панике, в то время как наши охранники никак не реагировали. Нам даже показалось, что они негласно одобряли действия тринадцатилетних подростков.

Те притихли, лишь когда, уже довольно поздно, кто-то все же на них прикрикнул.

Однако такое безобразие повторялось изо дня в день. Всегда после полуночи, именно во время, когда мы выбивались из сил после работы, и нам следовало хоть немного отдохнуть.

Не выдержав, как-то вечером я пожаловалась непосредственно начальнику отряда Малолетки ушли и больше не появлялись.

22 АВГУСТА

Взяв положенный мне обед, я вернулась к месту ночлега. Вдруг, в глубине тракторной мастерской, из небольшой комнатухи раздались стоны. Я их отчетливо услышала, а потому подошла к комнатке и заглянула внутрь. Я увидела лежащего человека, хотя в углу были сложены матрацы, по меньшей мере, десяти человек.

Приглядевшись, я узнала в больном старике Мажид-абзи. Мне стало ясно, что стариков перевели сюда, а Мажид-абзи тяжело заболел.

Поздоровавшись с ним, и расспросив о самочувствии, я поняла, что его необходимо забрать отсюда. Я пообещала бедняге, что найду возможность сообщить его сыну Азизу, чтобы он приехал, и отвез отца в больницу.

Пообещать то я пообещала, но понятия не имела, как это можно реально осуществить. На мое счастье, только выйдя из тракторной мастерской, я увидела сестренку Закию, которая приехала навестить меня. Она приехала со своим ребенком, которому было всего несколько месяцев от рода.

Разумеется, я была очень рада увидеть сестру. Тем не менее, я отругала ее за то, что она привезла малень-

кого ребенка. К несчастью, мы смогли поговорить лишь минут пятнадцать, так как мне надо было выходить на работу. Но я рассказала ей о Мажиде-абзи. Закия по-видалась со стариком, и пообещала сообщить Азизу.

Действительно, на следующий день, ближе к вечеру, приехал Азиз и увез отца. Прощаясь, я посоветовала увезти Мажида-абзи подальше от этих мест. Такая возможность была, потому что лишь я и две китаянки из отряда «Тянь-Шань», пусть формально, но были осуждены по политическим статьям. То есть, только на нас официально надели колпаки «контрреволюционеров».

На всех остальных колпаки были одеты, даже формально, незаконно. Например, Мажит-абзи был крепким «середняком». Однако его называли «кулаком», и конфисковали весь скот и имущество. Единственное, что у него оставалось, так это рубленый дом, состоявший из трех комнат. Из-за этого дома на него и надели колпак «капиталиста». Но это было незаконно.

24 АВГУСТА

Меня оставили в столовой, чтобы я помогала при кухне. Столовая находилась на холме, и в мои обязанности входило таскать воду для хозяйственных нужд. После завтрака я должна была выкопать и привести в ручной тачке четыре большие посуды картошки.

Я надеялась, что в столовой мне будет немного легче. Однако я ошиблась, так как ко мне был приставлен Шаймардан, который следил за каждым моим шагом, и постоянно подгонял меня.

Вообще, с переходом в Четвертый отряд, роль «красных охранников» повысилась. Они чувствовали себя большими начальниками не только потому, что были

вооружены, и функционально были выше даже начальников отрядов и тем более, бригад. Им выдали специальную форму, они ездили на лошадях. То есть, во всем подчеркивалось их превосходство.

Видя это, многие девушки делали им прозрачные намеки, и вскоре стало ясно, что практически все хунвейбины, вплоть до их начальника Кани, не прочь поддаться женским хитростям.

В последнее время я даже заметила, что и мой персональный охранник Шаймардан нашел себе развязную красотку.

Поднимаясь как-то после обеда на холм к столовой, толкая из последних сил груженную картошкой тачку, я молила Аллаха, чтобы только не остановиться. В этом случае, тачка могла скатиться вниз и покалечить меня.

С невероятными усилиями я все же вкатила тачку. У столовой как-раз находились Шаймардан со своей подругой. Едва я отвернулась, чтобы передохнуть, как эта девица, громко смеясь, бесстыдно взобралась на тачку.

Мне стало невероятно обидно. Шаймардан, видя это, прикрикнул. Лишь после этого, она спрыгнула на землю.

А мне предстояло пересыпать картошку в тазы, и почистить ее, подготовив для варки.

После работы я возвращалась, выбившись из сил.

3 СЕНТЯБРЯ

После обеда, когда я спускалась за водой к бетонному арыку, с большой дороги приблизились два всадника. Они остановились недалеко от меня. Всадники о чем-то говорили между собой, и мне показалось, что они говорят обо мне. Тем более, они все время поглядывали в мою сторону.

Когда я в последний раз спустилась к арыку, они стали поить лошадей в непосредственной близости. Так как это был бетонный арык, то воду я могла набирать только в определенном месте.

Едва я попыталась зачерпнуть воду в ведро, один из них, посмотрев по сторонам, произнес:

– Суюнгуль, мы специально приехали сюда, чтобы встретиться с вами. Мы вас приветствуем от имени членов Организации «Восточный Туркестан». Мы всегда вспоминаем вас с огромным уважением. Народ знает о вас. Вы отважная дочь нашего народа.

Эти слова взволновали меня. Я была безмерно счастлива тем, что люди меня знают. Я была горда тем, что мы боролись не зря, что существует Организация «Восточный Туркестан». Мне хотелось кричать об этом.

Вместе с тем, во мне было сомнение относительно этих людей. Ведь могли же ко мне подослать провокаторов, чтобы выведать какие-то секреты.

Тем временем, показался Шаймардан. Он направился в нашу сторону. Заметив это, я улыбнувшись, спешно набрала воды и поспешила к столовой.

Всадники прождали меня еще с полчаса, надеясь, что я вернусь. Затем они вскочили на своих лошадей и поскакали в сторону большой дороги.

Через день работа в Четвертом отряде была завершена. Нам приказали собирать вещи. Многие обрадовались, что вскоре предстоит вернуться домой. Однако этого не случилось. Уже через полчаса поступил приказ продолжить работу в Шестом отряде.

Погрузив вещи на прицеп трактора, мы отправились пешком в направлении нового места дислокации в сопровождении вооруженных охранников.

Мы шли довольно долго. Все молчали, и были слышны лишь звуки шагов семидесяти пяти человек.

Оразан, шедший рядом со мной, шепотом говорил:

– Посмотри на закат. Как красиво. Но жаль, что солнце нас покидает.

– Почему жаль? Ведь, чем быстрее наступит закат, тем меньше будем работать.

– Не обманывайся. Работать придется даже в потемках.

Не успел Оразан произнести эти слова, как подсказал Ибрай и хлестанул Оразана плетью по спине. Я тоже ожидала удар, однако, плеть опустилась на одного из стариков, шедших передо мной.

Мы прошли через перевал западнее Урумчи, и вскоре свернули на проселочную дорогу. Подскакавший всадник повел нас непосредственно на поле.

Мы работали пока крошечная тьма не окутала окрестности.

На жатве я находилась несколько дней, а затем меня вновь перевели в столовую. Здесь работа было тяжелее, чем на жатве. Ведь нужно было непрерывно таскать воду издалека. Кроме того, чистить картошку и мыть ее в холодной воде.

В последние дни из города прибыли грузовики за картошкой. Весь отряд занимался сбором и погрузкой урожая картофеля.

Начальник отряд лично подгонял нас, мотивируя тем, что картофель необходимо убрать до наступления дождей.

В помощь нам были привезены даже на автобусах люди из города. Помню, как-то в числе женщин, приехавших на автобусе, была одна уйгурка. В самый разгар работы, когда люди бегали с ведрами, раздался какой-то шум и женские крики. Как оказалось, охрана избивала эту уйгурку. Наши все работали молча, не вмешиваясь. Тем не менее, и наши получали удары

плетками, которыми орудовали «красные охранники». Что же конкретно вызвало конфликт с уйгуркой – никто толком не знал.

Шел сильный дождь. Тем не менее, мы загрузили картофелем семь грузовиков.

На следующий день эта женщина была переведена на работу с нами, так как ее официально объявили как находящуюся под общественным надзором. При этом добавили, что после работы она будет подвергнута «критике».

Когда мы вышли в поле, эта женщина оказалась рядом со мной. Лишь только охрана отошла несколько в сторону, она обратилась ко мне:

– Вы уйгурка?

Улыбнувшись, я ответила:

– Вообще-то я татарка, но можете считать, что мы принадлежим к одной нации.

– Почему вы здесь? Вы такая молодая!

– Я училась в Медицинском институте. Была арестована за участие в подпольной организации. Сидела в тюрьме. После отбытия срока, направлена на принудительные работы в коммуну. Работаю в режиме общественного надзора.

– Какой ужас! Вы ведь такая молодая! – запричитала она.

– А что случилось с вами? – поинтересовалась я в свою очередь.

– Сестренка, говорят, беда приходит незаметно. Я была в городе, у сестры. Когда я собиралась назад, сестра положила мне в корзину немного мяса, масла, яиц, лепешек и овощей. Я уже подходила к дому, когда увидела, что всех, проживающих на нашей улице, мобилизуют на сбор картофеля. Впопыхах, вывалив принесенные продукты, я схватила корзину и выбежа-

ла к автобусу. Уже здесь, в поле, высыпая картошку в грузовик, я и не заметила, как со дна корзины выпала газета. Оказывается, укладывая для меня продукты, сестра постелила ее на дно корзины. Так вот, эта газета выпала, и охранники увидели ее. Как назло, в газете был напечатан большой портрет Мао Цзедуна. Прутья корзины впились в газету, и естественно, проткнули ее в нескольких местах. Увидевшие это «красные охранники» тут же закричали, что «эта контрреволюционерка намеренно выколола глаза председателю Мао Цзедуну». Разве же мне это надо? Я даже и знать не знала об этой газете! Но, повторяю, беда приходит неожиданно.

Женщина замолчала, а потом вдруг спросила:

– Сколько времени вы уже здесь?

– Больше пяти лет.

– Я восхищаюсь вами. В таких условиях прожить пять лет, не каждый выдержит! Да поможет вам Аллах! Глядя на вас, и я становлюсь сильнее.

– Как вас зовут? – спросила я, тронутая ее словами.

– Пашахан, а вас?

– Суюнгуль.

– Какое красивое имя, – произнесла она, но тут мы увидели, что к нам приближались охранники. Замолчав, мы продолжили работу.

25 СЕНТЯБРЯ

На двух тракторах с прицепами мы возвращались в Головной отряд. По дороге, проезжая через населенные пункты, «красные охранники», как правило, уходили пить чай. Мы оставались одни. Удивительно, но если раньше местное население ругало нас последними словами, а часто норовило и ударить, то сейчас все из-

менилось. Нас уже никто не ругал, а иногда даже нам давали напиться.

Мне лично несколько раз предлагали воду, и даже кефир. Я отказывалась, прося передать это старикам, которые, действительно, хотели пить. Я была удивлена тем, что несмотря на то, что у меня на груди и на спине были прикреплены ленты с надписью «Я – контрреволюционерка Суюнгуль», люди не боясь, подходили ко мне и предлагали молоко, и даже горячий чай. Некоторые из тех, кто подходил ко мне, говорили, что знакомы с моими родителями. Все это навело меня на мысль, что ситуация в целом изменилась.

Еще до захода солнца мы добрались до Головного отряда. Трактор остановился возле зала собраний.

К нам подошел начальник «красных охранников», и произнес:

– Без разрешения, по домам никто не уходит! Всем сложить свои пожитки в углу зала. Затем отправитесь в столовую.

Я расстроилась тем, что домой нельзя было идти. Еще большее огорчение доставило то обстоятельство, что не разрешили свидания со мной моим сестренкам и братишкам, которые намеревались приехать.

Семьдесят человек разместили в зале Головного отряда. Прямо на входе в зал, слева, расположились мы четвером: я, Мария, и две женщины – китаянки.

Мужчины расстелили матрацы по всей длине зала, в три ряда.

После наступления темноты, в зал ввели какого-то старика вместе с двадцатилетним сыном. Затем закрыли двери снаружи на большой амбарный замок. Большинство легли спать, но были и те, кто сидя, вполголоса беседовали.

Вошедшие последними старик со своим сыном не

имели даже матрацев. Они растерянно оглядывались по сторонам.

Нам – четверым женщинам, также было не совсем удобно находиться в одном помещении с мужчинами. Не раздеваясь, а лишь разувшись, я залезла под одеяло.

Тем временем, старик с сыном зашептались о чем-то и пристально поглядывали в нашу сторону.

– Эй вы, сарты, откуда вы? – спросил Оразан.

– Что он говорит? Мы его не понимаем! – ответил старик.

Оразан попросил меня, чтобы я спросила их по-уйгурски.

Я исполнила его просьбу.

На мой вопрос, старик ответил:

– Мы из Кашгара. Приехали в поисках работы. Мы слышали, что здесь нужны рабочие руки на жатве. Вот мы и приехали. Не знаем почему, нас сразу же арестовали. Целый день мы работали, не разгибая спины. А вечером нас загнали сюда. Нам ничего не говорили, ни о чем не спрашивали. Вообще, какие-то странные здесь люди, когда им говоришь, – они не понимают!

Оразан, словно бы обидевшись на слова старика-кашгарца, недовольно пробурчал:

– Ну ты и даешь! Какая здесь тебе работа, когда дармовых работников, таких как мы, здесь полным-полно!? Если ищешь проблем, – тогда конечно, добро пожаловать!

Старик почувствовал злость в словах Оразана, и обращаясь ко мне, спросил:

– Что это за люди такие?

Я не успела ответить, как Оразан воскликнул:

– Эй ты – глупый сарт! Известно, какие мы люди! Все терпим унижения и побои. Что, не видел что ли, замок на двери? Мы – согнанные со всех сторон преступники!

Старик спокойно произнес:

– Дочка, что он говорит? Я не понял.

– Здесь находятся люди, которых обвиняют в совершении преступлений. Все отбывают наказание в форме принудительных работ под общественным надзором. Поэтому нас и заперли.

– Дочка, что же это такое? – испугался старик, – вас, что, так и держат взаперти?

Он хотел было что-то сказать еще, но Оразан перебил его.

– Если хочешь выбраться отсюда, то действуй. Будешь молчать – на тебя тоже наденут колпак.

Сказав это, Оразан встал со своего места и направился к двери. Он принялся стучать в дверь, зовя охранников. Одновременно, напутствовал старика, внушая ему, что нужно все объяснить, и в случае, если старика с сыном отпустят, уезжать в свои родные края и больше не возвращаться в Урумчи.

– Здесь полно наших безработных, и тебе ничего не светит! – заключил Оразан.

Старик, казалось, понял всю серьезность положения. Он весь задрожал. Было видно, что и его сын изрядно испугался.

Примерно через полчаса пришли охранники, и выслушав историю старика и его сына уже в нашем изложении, увели его с собой. При этом они сказали, что заперли кашгарцев потому, что не понимали того, что те говорили. Мы поняли, что их теперь, наверняка, отпустят.

Ночью всех разбудили старики, которым необходимо было выйти по нужде. Они стучали в дверь, попробовали открыть ставни окон, но не получалось и никто не пришел.

Другого выхода не было, и старикам пришлось справлять нужду в одном из углов зала.

Укрывшись с головой одеялом, я постаралась уснуть, лишь бы отрешиться от того, что происходило вокруг.

Однако уснуть мне не удалось. Тяжелые мысли одолевали меня. Я думала об этих стариках, которые несколько месяцев ведут такую жизнь. Они уже давно не мылись, были грязны и неопрятны. И в то же самое время, их нельзя было обвинять, так как их поставили в такое положение.

На протяжении трех дней в Головном отряде происходила генеральная уборка в связи с предстоящими Октябрьскими праздниками. 28 сентября нас повезли в район Тожан. Там в местности «Имин тобьяк», «Зия тобьяк», мы занимались заготовкой сена на зиму. Местные жители приняли нас на удивление хорошо. Нам – четверым женщинам выделили отдельную комнату. Скрытно, чтобы не видели охранники, давали нам чай с молоком, вареную картошку, и даже запеченные на углях лепешки. Принесшая чай была добродушная женщина примерно пятидесяти лет. Он вдруг сказала мне:

– Это место под названием «Зия тобьяк» – родина старшего брата твоего деда. Он всем запомнился как добрый, помогавший людям, человек. Он тесно общался с моим дедом.

Она часто приходила, и когда «красных охранников» не было поблизости, разговаривала с нами.

Другие также относились к нам хорошо. К сожалению, мы оставались в этих местах недолго.

Неделю мы находились в «Зия тобьяк», неделю в «Имин тобьяк». Таким образом, через пятнадцать дней мы возвращались в Головной отряд. Ранее, нам говорили, что мы останемся там на зиму. Вследствие этого, мы взяли с собой теплые вещи и одеяла. А теперь мы вынуждены были нести все это через высокогорные перевалы. Причем по горным тропам нам предстояло продвигаться

пешком. Тяжелая ноша, дальняя дорога давали о себе знать. Мы шли гуськом по узкой горной тропинке.

С трудом взобравшись на самую вершину перевала, я вдруг споткнулась, поскользнулась, и вместе с вещами начала сползать к обрыву, возвышающемуся на высоте в тридцать-сорок метров над рекой. Мелькнула мысль, что если я сорвусь с этой высоты, то, несомненно, погибну. Внизу текла бурная горная река, из которой виднелись валуны. Сбросить вещи было невозможно. Одним словом, положение было критическое. Никто мне не мог помочь, так как все сами еле передвигались по тропинке, и у каждого была своя ноша.

Не прошло и нескольких мгновений, как я скатилась к обрыву. Мне стало страшно. Пытаясь не упасть с обрыва в реку, я делала попытки зацепиться хоть за что-нибудь. Наконец мне удалось схватить какой-то кустик. Почти одновременно, под ногой ощутила камень. Я благодарила Аллаха за то, что смогла остановить падение.

Вскоре подошли Жорсун и китаянка Лао Ма. Они протянули мне руки и помогли выбраться на тропу. Я поняла, что была на грани смерти.

На перевале нас ждали два грузовика и несколько подвод. Погрузив на них вещи, мы сами спустились к Головному отряду. Уставшие, голодные, мы вновь разместились в зале Головного отряда.

На следующее утро нас с Марией направили на строительство арки поперек дороги. Предполагалось, что на этой арке будут написаны изречения Мао Цзедуна. Весь день мы занимались тем, что таскали кирпичи и складывали их вдоль дороги.

Однако нам не давали спокойно работать. Пятнадцати-семнадцатилетние подростки преследовали нас. Они набирали в бумажные листки сухую землю и мел-

кие камешки, сворачивали все это в кульки и кидали в нас. На лету кульки раскрывались, и камни вперемешку с землей, обрушивались на наши головы. Пыль забивалась в глаза, нос и рот.

Мария от обиды начала плакать. Я успокаивала ее, как могла:

– Старайся не подавать виду, не реагировать. Только тогда они отстанут, – говорила я ей. – И перестань плакать! Если по каждому такому случаю расстраиваться – слез не напасешься!

Целый день подростки не унимались. Однако после обеда их стало меньше.

Издавека я видела наш дом. И вдруг мои братишки и сестренки показались у ворот дома. Мне захотелось побежать к ним, обнять и расцеловать. Ведь я так соскучилась. Однако я могла лишь помахать им рукой, так как следившие за каждым нашим движением «красные охранники» тут же подбегали, и угрожая, заставляли продолжать работу.

Мужчины работали, сравнительно недалеко от нас. Они занимались замесом глины у конторы Головного отряда. Вдруг оттуда послышался какой-то крик. Карауливший нас хунвейбин побежал туда. Воспользовавшись этим, мои сестренки Гайша и Закия подошли ко мне.

– Я видела, как ребята бросали в вас камни, – с дрожью в голосе произнесла Закия. – Вам ведь и так не просто, а еще они... Я так переживала за вас.

– Что поделать? Остается только терпеть! – ответила я.

– А знаешь, хочу сообщить тебе радостную весть! – вдруг переменившимся голосом продолжила Закия. – Вчера к нам зашел сосед. Ну ты его знаешь – Усан. Так вот он слышал, как Советское радио, которое вещает из Узбекистана, подготовило передачу про вас с Са-

жидой. Радио сообщало, что вы находитесь в тюрьме ради свободы Родины. Что вы подвергаетесь тяжелым испытаниям, что занимаетесь тяжелым физическим трудом. По радио говорили, что вы готовы на все ради народа. И народ знает о вас и гордится вами.

Конечно, слова Закии тронули меня. Я почувствовала прилив душевных сил.

Стоя в очереди за обедом, я бросила взгляд на шею стоявшего впереди Кайлара. От увиденного, я даже вздрогнула. Каждая складка его одежды в районе шеи буквально кишела вшами. Я была уверена, что вши поселились не только в области шеи, но по всему его телу.

Вскрикнув от увиденного, я рассказала окружающим. Конечно, это было ужасно. Но, с другой стороны, мы не могли ничего поделать. Хорошо еще, что Кайлар, в его возрасте, может работать. Наверное, другой бы не вытерпел таких условий.

Тем не менее, что-то надо было предпринимать. Я подозвала охранявшего нас хунвейбина и показала ему на блох, которые открыто бегали по бедному Кайлару.

Однако тот только выругался и отошел.

Между тем, мы рискнули просить начальника отряда.

– Пускай Кайлар хотя бы съездит домой, помоемся, поменяет белье. Ведь это же невыносимо терпеть! – убеждали мы его.

В результате, он согласился. Как раз в том направлении должна была ехать подвода.

Кайлар, обрадованный разрешением, не стал даже обедать и побежал в сторону готовой тронуться телеги.

– Чем так мучиться, лучше уж умереть, – пробурчал кто-то ему вслед

– О чем ты говоришь? Наоборот, в его возрасте жизнь кажется такой сладкой! – возразил кто-то другой.

Через день Кайлар вернулся. Он был чистеньким, опрятно одетым, и своим видом совсем не напоминал недавнего завшивевшего, отчаявшегося старика. Он был благодарен мне, а его жена, увидев меня, расплакалась.

20 ОКТЯБРЯ

Пробыв пять дней в Головном отряде, мы перешли на работу в район Чавчизи на рытье канала.

Погрузив вещи на подводу, сами пешком перешли через перевал и прибыли на место, когда уже стемнело. Нас всех разместили в огромном деревянном помещении, больше похожем на какой-то склад.

Мы занимались рытьем канала, при помощи которого вода насосами будет подниматься в горы.

Каждое утро нас будил отвратительный, визжащий голос. Все в страхе поспешно одевались и спешили добраться до места работы. Отстававших охранники подгоняли плетками. Как правило, это были старики, которым трудно было подниматься по склону. Часто хунвейбины садились верхом на относительно крепких заключенных и заставляли их поднимать себя в гору.

Так продолжалось изо дня в день. Первым такая участь постигла Оразана. Один из охранников взобрался на него, и подгоняя плетью, заставил поднять наверх по склону.

К старикам же применили другой метод издевательств. Их заставили сбрить усы и бороды.

— Какой позор! — огорчались старики. — Мы теперь стали похожи на женщин.

После работы нас закрывали на амбарный замок. Часто уставших, обессиленных людей избивали, заставляли нагнуться и стоять в такой позе.

Однако нам ничего больше не оставалось, как только терпеть.

В таком положении, терпя издевательства, мы находились два месяца.

Ибрай и Каяр, хотя и были еще совсем молодыми людьми, напоминали собой палачей средневековья. Они и внешне выглядели отталкивающе, производя впечатление, словно бы постоянно жаждали крови.

После работы по строительству канала, нас перебрали на освоение новых земель. Между двумя горами было выбрано огромное поле, на котором мы выкорчевывали деревья, готовя землю для посевов. Целый день вместе с тремя мужчинами, я выкорчевывала громадное дерево. С четырех сторон мы подкопали его. Под корнем находился большой камень. Едва я лопатой сдвинула его из под корневища, как послышался шум падающего дерева. С криками, люди начали разбегаться, и лишь я не успела и оказалась прямо под ним. Не устояв на ногах, я упала навзничь, и дерево обрушилось на меня. Я услышала громкие возгласы, возвещавшие о том, что я погибла. Честно говоря, я и сама уже распрощалась было с жизнью. Однако, с опаской пошевелив руками и ногами, я поняла, что жива. Наверное, это заметили и другие люди. Они подбежали и стали вытаскивать меня из-под густой кроны. Я не чувствовала ни рук, ни ног, хотя они, по какому-то чуду, не были даже поломаны.

Люди обрадовались не менее меня. Они стояли плотным кольцом и благодарили Аллаха за то, что он спас меня от неминуемой смерти.

Появившийся «красный охранник» Ибрай вдруг произнес:

— Суюнгуль, Аллах спас тебя. А потому, ты должна пожертвовать ему что-нибудь. Например, отдать свой ужин Оразану.

Все были поражены. Нам не верилось, что Ибрай, который обвинял Кирабая в том, что он «одевшись в религиозные одежды, отравляет сознание народа», сегодня сам вспомнил об Аллахе.

Семнадцатого января нас перевели в распоряжение отряда «Красное знамя». Отряд в то время занимался строительством дороги. Было очень холодно, вокруг лежал снег. Однако не было помещения, куда можно было нас разместить. Поэтому, на склоне горы, в овражке, мы вырыли что-то наподобие большой землянки. Ее длина составляла двадцать метров, ширина два с половиной метра. Перекрыли верх сучьями и ветками, оставив лишь вход и сверху два отверстия для того, чтобы в наше жилище попадал воздух.

Условия были ужасными, ведь на дворе был холодный зимний месяц. У нас не было печки, чтобы согреться и поэтому пришлось спать не только в одежде, но и в обуви. И тем не менее, к утру у нас у всех буквально зуб на зуб не попадал от холода. К тому же, одеяла были легкими, и старики не могли уснуть ночи напролет. Однако от работы никто не освобождал, и потому, холод, тяжелая работа и бессонные ночи превратились для нас в настоящую пытку.

Не выдержав таких условий, вернувшись в один из таких дней в землянку, Наурыз-ага, скончался. Он и раньше жаловался мне на то, что не в силах терпеть такую жизнь, и для него было бы лучше, если бы смерть забрала быстрее. Он тяжело болел, работал с трудом, и вот теперь, умер.

Несколько человек подняли безжизненное тело Наурыз-аги, и без всякой молитвы, положенной при погребении мусульманина, похоронили его в расщелине в горах.

Да простит его прегрешения Всемогущий Аллах! А мы будим помнить покойного. Аминь!

27 ФЕВРАЛЯ

Строящаяся нами дорога достигла расположенного в горах животноводческого отряда. Все члены отряда с интересом наблюдали с холма за тем, как мы работаем. Это лишь подзадоривало наших мучителей – «красных охранников»: Капара, Ибрая, Комара. Они, без всякой причины, сыпали ударами плетей по работавшим людям. При этом ругали нас последними словами.

Шокаш, видя все это, вполголоса сказал, что они хотят покрасоваться. К несчастью, услышавший эти слова один из хунвейбинов так огрел его плеткой, что он не удержался на ногах и упал. Подбежавший Капар принялся пинать лежавшего Шокаша.

Не выдержав душераздирающих криков Шокаша, мы с Закарией подбежали и попытались помочь ему подняться. Однако, несмотря на все наши усилия, Шокаш, схватившись за поясницу, так и не смог встать.

Охранники, тем временем, принялись избивать молодёжь. Они жестоко хлестали плетками. Очень сильно пострадали Сакен, Мажи, Жорсун. Я видела, что когда удар обрушился на Оразана, его лицо переменилось от гнева, и под скулами заскрежетали зубы.

Лишь только хунвейбины немного отошли, Оразан принялся ругать тех, кто наблюдал за избиением. В основном это были девушки.

– Все из-за них! Ведь эти мучители хотят покрасоваться перед ними! – возмущался он.

Обида за беспочвенные избиения сохранялась еще долго. А для Шокаша это забава охранников закончилась трагически. Он так и не смог поправиться и в конце марта скончался.

Второго марта нас вновь перебросили в отряд «Тянь-

Шань», где мы занимались рытьем канала для подачи воды. Там большинство стариков, не выдержав условий жизни, начали болеть.

Как-то во время обеда, я сидела с кружкой воды и пресной лепешкой, как вдруг заметила, что недалеко сидят Инса-ага со своим сыном. Настроение у них было явно подавленным. На глазах у Инса-ага были слезы. Его сын сидел, уткнувшись взглядом в одну точку.

Я поняла, что у них апатия, что они не выдерживают такой жизни. Подойдя к ним, я постаралась успокоить их. Другие также поддержали меня.

Однако теперь всех расстроил Сарижорга. Он, с дрожью в голосе рассказал, что всю жизнь занимался скотоводством. Хотя у него и не было больших отар овец, все же нескольких он растил и холил. К несчастью, и этих нескольких овец у него забрали, а самого его отправили на принудительные работы.

После этого рассказа, остальные старики также стали причитать и сожалеть о своем нынешнем состоянии, вспоминая о том, что у них у всех раньше была скотина, хозяйство, а теперь все это исчезло благодаря новым порядкам.

Я слушала стариков, и мне было жаль их. Многие из них тяжело болели, так как вынуждены были работать впроголодь при любых погодных условиях.

К несчастью, практически никого из них я уже больше не встречала, так как многие, вернувшись из отряда, в течении года умерли.

Когда я вернулась домой, то узнала, что всю нашу семью переселили в распоряжение Производственно-строительного корпуса. Начальником этой специализированной структуры был Ма Энчин, который хорошо знал моего отца. Он был дунганином, или китайским мусульманином. Он вырос в Восточном Туркестане, а

потому, свободно владел уйгурским и казахским языками. Даже внешне он походил на представителей местных национальностей, так как был высокий ростом, с большими глазами. Во время земельной реформы, он вместе с моим отцом, принимал участие в обязательных политзанятиях.

Переведя нашу семью в распоряжение подчиненного ему отряда, Ма Энчин поставил ее на довольствие по нормам, положенным в этой структуре. То есть, наша семья стала получать уголь, дрова, продукты, в том числе, мясо, масло. А также и денежное довольствие. То есть, материальное обеспечение у нас значительно улучшилось.

Ведь последние два года мы сильно нуждались. Четверо в нашей семье получала талоны на питание, а шестерым в таких талонах было отказано. У нас не было даже денег, чтобы купить соль, масло, керосин, да даже и спичек. Зимой мерзли от холода. Все, что можно было продать, мама продала. Кроме того, мама с моей сестренкой Софией занимались вышиванием. Все, что они успевали вышить за целый день, также шло на продажу. Даже мой четырнадцатилетний братишка Садик устроился на тяжелую работу кочегара поезда.

Как-то утром, намереваясь разжечь очаг, я не нашла спичек. Они закончились, а у нас не было средств, чтобы купить их. Я была в отчаянии, ведь, до этого дня, мы, хотя и нуждались, но ни у кого ничего не просили. Мы всегда старались выходить из сложного положения сами, не вваливая свою нужду на плечи других.

До прихода китайских коммунистов, наша семья считалась не самой бедной. После оккупации Восточного Туркестана, китайское правительство обязало каждую семью выделить определенную сумму денег на строительство дороги. Наша большая семья, включая

семьи двух отцовских братьев, сдало более тысячи баранов, около ста лошадей, большое количество коров.

Тем не менее, в 1959 году, провозгласив политику социалистических преобразований, в один день у нас конфисковали огромное подворье, где могли безбедно жить тридцать две семьи.

Оставшиеся после сдачи на строительство дороги скот, забрали в распоряжение коммуны, то есть обобществили.

Считая это недостаточным, после моего освобождения из тюрьмы, надели на меня колпак ревизиониста и контрреволюционера. Вследствие этого, нашу семью называли «семьей черных намерений» и официально навесили на наши ворота табличку с этими словами. Более того, на два года прекратили выплачивать всякого рода пособия, включая хлебные карточки.

Таким образом, они довели нас до такого нищенского состояния, когда в доме не оказалось даже спичек.

Расстроенная, я вышла во двор. Наш пес, бегавший по двору, прильнул к моим ногам и побежал в сторону пустовавшего коровника.

Когда пес был еще щенком, его обнаружила в коровнике София. Она спрятала его и сама выхаживала. Со временем, щенок превратился в огромного пса, который верно служил нам на протяжении многих лет. Он не пускал во двор посторонних, и мы были абсолютно уверены в нем. Поэтому, мы не боялись, что кто-то незамечено войдет во двор даже тогда, когда тайно слушали сообщения радиостанции «Освобождение Родины».

Тем временем, пес вновь прибежал, и вновь, ластаясь, убежал в коровник. Было такое впечатление, что он хочет что-то показать мне.

Я последовала за ним, и вдруг увидела в углу коровника огромную посудину, в которой находилось большое количество сухих коровьих костей.

В обед, когда я вернулась домой, то узнала, что братишка Ахмад сдал эти кости в специальную лавку, и на вырученные полтора юаня купил спичек, сахара и соли.

Таким образом, собака помогла нам в трудную минуту.

На второй день после возвращения домой, начальник отряда Ма Энчин пришел к нам и сообщил, что в коммуны прибыла из центра специальная комиссия. Поэтому необходимо пойти на собрание и потребовать выделение нам продовольственных карточек. По его словам, возможно возмещение невыплаченных норм за два года.

На собрание комиссии пошел братишка Ахмад. Его просьбу удовлетворили и по решению комиссии было решено возместить всю невыплаченную норму.

У меня появилась возможность обследоваться у врачей. Местный врач сообщил, что у меня проблемы с печенью. Он посоветовал обратиться к врачам в Урумчи, и выписал направление.

Уже в больнице я встретила Зохру – дочь старика Ахмада, с которыми я сидела в лагере в Шийгоби. После того, как Зохра вышла из заключения, она искала меня, и найдя, помогала лекарствами в то время, когда я лежала в больнице. Я по сей день благодарна ей за ее доброту.

В больнице я пробыла полтора месяца. Затем мне следовало ежедневно в течении месяца приходить на лечение в дневном стационаре.

Мне необходимо было встретиться с Айим Азизи, которая была ректором нашего института в период моей учебы там. Однако оказалось, что она в отпуске. Я решилась пойти к ней домой. Для этого я направилась в квартал, где жили высокопоставленные чиновники.

Охрана меня не пропускала. Однако, я пошла на хитрость. Я сказала, что я ее дальняя родственница из города Чугучака, и что меня зовут Сажиди.

Через полчаса меня пустили внутрь большого здания, похожего на гостиницу. Сопровождающая провела меня по коридору и предложила сесть в холле.

Пока я сидела в кресле, мимо меня прошло несколько человек. Как я поняла, они все были на приеме у Айим Азизи. Возможно, это были ее родственники. Во всяком случае, одну из них я узнала. Это была ее сестренка Турсунай. Она внимательно и недоуменно посмотрела на меня, очевидно не признавая во мне родственницу.

Через некоторое время появилась сама Айим Азизи. Мы поздоровались.

– Извините, но я не узнаю вас, – сказала она. – Вы какая моя родственница?

– Я не родственница. Я бывшая ваша ученица. В 1963 году я училась в Медицинском институте. Перед вашим назначением ректором, я была арестована. Меня зовут Суюнгуль. Я назвалась вашей родственницей, чтобы пройти к вам.

– Да, я вспомнила вас.

Я рассказала Айим Азизи свою историю.

Мы проговорили полтора часа.

Как выяснилось, во время начального периода «культурной революции», ей на шею надели мусорное ведро, надели колпак, и водили в таком виде по улицам.

Выслушав то, что рассказала я, Айим Азизи вызвалась помочь мне.

– Я обращусь к мужу – Сайпидину Азизи, чтобы он похлопотал о письме относительно вас. В среду я буду в институте. Зайдите в ректорат, я передам вам письмо.

На этом мы с ней распрощались.

В среду я появилась в ректорате. Айим Азизи была

одна. Она, как и обещала, передала мне письмо, подписанное Председателем Синьцзян -Уйгурского Автономного района Сайпидином Азизи.

Письмо было адресовано Управлению общественной безопасности Автономного района. В нем содержалась просьба провести дополнительное расследование и на основе принципов справедливости и гуманности, снять все обвинения.

Айим Азизи, вручая мне письмо, выражала уверенность, что подобное ходатайство обязательно окажет мне помощь и сыграет положительную роль в моей судьбе.

Вне себя от радости, я немедленно понесла письмо в Управление общественной безопасности и вручила заведующему Административным отделом. Устно я высказала просьбу о реабилитации.

Заведующим отделом был китаец. Он прочел письмо и сказал:

– Кто бы что бы ни писал, это не играет никакой роли. У них нет никаких прав!

С этими словами он кинул письмо в мою сторону. Оно не долетело и упало на пол. Я была в шоке. Мелькнула мысль, что «теперь вся власть окончательно перешла в их руки, если с письмом Председателя Синьцзян -Уйгурского Автономного района обращаются таким образом».

Молча я подобрала письмо и вышла. Все мои надежды испарились.

Через день я вернулась в Нансан.

Еще через два дня в нашем доме в Урумчи, появилась какая-то женщина, которая, оказывается, искала меня.

Как мне позже рассказали мама и сестренки, эта женщина объяснила, что приехала из Кашгара, и ей

необходимо было встретиться со мной. Она даже намеревалась ехать в Нансан, но мама ее отговорила, сказав, что сейчас лучше не беспокоить меня.

Тем не менее, женщина просила маму передать, что многие кашгарцы помнят и уважают меня. И еще она добавила, что кашгарцы, узнав, что Аблеким оказался предателем, в период «культурной революции» надели на него колпак и подвергли суровой «критике».

Услышав от мамы эти слова, я в душе обрадовалась тому, что наши единомышленники были повсюду.

28 МАРТА 1969 ГОДА

Я возвращалась из больницы после укола, как вдруг увидела группу людей, сопровождавших насмешками какого-то человека, идущего в середине толпы. Заинтересовавшись происходящим, я подошла поближе.

Стоящий рядом со мной высокий, бородатый человек, одетый в мягкие кожаные сапоги, опиравшийся на трость, взглянув на меня, сказал:

– До чего дожились! На своей земле нам нет места. Вынуждены скрываться в пустыне. Этого одичавшего человека поймали в Таримской пустыне. Что только не делают китайцы с нами...О Боже!

После этих слов я попыталась продвинуться поближе к толпе. Однако, толпа свернула на улицу «Объединения» и вскоре быстро удалилась.

Дома, за обедом, мама, как обычно, стала расспрашивать о новостях.

Я рассказала об увиденном.

– Ты говоришь о Жаппар-ахуне, – пояснила мама. – Он родом из Турфана, родственник известного в тех краях человека по имени Асадулла. Сам Жаппар-ахун

был солдатом в армии у Махмута Мухити. После поражения войск Махмута Мухити и его бегства за границу, арестованных по приказу Шен Шицая солдат его армии подвергли жестоким пыткам в тюрьмах и лагерях. Затем их на грузовиках вывезли в пустыни Тарима и Такла-Макана, и расстреляли из пулеметов. Там было несколько сот человек. Сколько точно – никто не знает, ибо тайну о расстрелянных знает лишь пустыня. Расстрелянные лежали на песке, в лужах собственной крови. Ночью, один из них очнулся. Как оказалось, пуля не попала в него, но он потерял сознание оттого, что навалившиеся тела его товарищей лишили его воздуха. Это и был Жаппар-ахун. С трудом выбравшись из-под трупов, Жаппар-ахун попытался найти еще кого-нибудь живого. Но тщетно. Оказавшись один в пустыне, он отполз на некоторое расстояние от места побоища, и увидел невдалеке диких яков. Как ни странно, стадо животных приняло его. Жаппар-ахун питался молоком яков и яйцами пустынных птиц. Со временем он, вместе с яками и дикими верблюдами, уходил все дальше вглубь пустыни Такла-Макан. Одежда истлела, и он прикрывался шкурами животных. Так продолжалось больше тридцати лет. В 1967 году Китайское правительство утвердило план массового переселения в Синьцзян Уйгурский Автономный район этнических китайцев. Кроме того, оно решило исследовать природные богатства этого региона. Для этого были предприняты аэрофотосъемки местности. Один из таких самолетов обнаружил в середине пустыни Такла-Макан стадо яков. И среди этого стада был человек. Немедленно об увиденном сообщили в Пекин, откуда поступило указание взять человека живым, ибо он мог быть иностранным разведчиком. Посланные на поимку Жаппара-ахуна

вертолеты схватили его и отправили в Пекин. Там выяснилось, что он – уйгур. Согласно его просьбе, Жаппара-ахуна вернули в Урумчи, где он и проживал до настоящего времени.

– Откуда вы все это знаете? – спросила я у мамы. – Вы видели этого человека?

– Конечно! Он живет на улице «Объединения». Сосед Зохры. Люди часто навещают его. Мы с Махфузой – женой Имина, тоже зашли к нему, когда были у Зохры. Так Жаппар-ахун сам рассказал нам свою историю.

Отец через оконное стекло взглянул на небо, немного помолчал, и произнес:

– Да, много горя принес Восточному Туркестану палац Шен Шицай. Он уничтожил огромное число людей. Фактически, всю интеллигенцию, образованных людей. Не пощадил и купцов-коммерсантов, религиозных деятелей. Одним словом, всех, кто имел вес в обществе. Даже выпускников «Военной школы», которую сам основал и возглавлял. Пострадали также и студенты, преподаватели институтов. По отношению к арестованным, Шен Шицай приказывал применять бесчеловечные пытки. Людям втыкали иголки под ногти, пытали толом.

Отец тяжело вздохнул, и грустно добавил:

– Лучших людей Восточного Туркестана погубил этот изверг.

Отец замолчал, но тут, словно бы продолжая его рассказ, заговорила мама:

– При Шен Шицае жестоко пострадала семья директора школы Хайдара-абзи. Как известно, Хайдар-абзи был известным историком, писателем, одним словом, одним из видных татарских ученых. Предчувствуя арест, он оставил рукописи своему сыну – восемнадцатилетнему Рустаму. Однако, не выдержав пыток, которым его под-

вергли в тюрьме, сам рассказал об этом. Вскоре, арестовали и Рустама. Молодого восемнадцатилетнего парня замучили насмерть за хранение рукописей отца. Через несколько дней после ареста, его труп передали Татарской мечети города Урумчи. В результате пыток током, глаза у него вылезли из орбит. На теле не было ни одного не поврежденного органа. Все ребра были сломаны. Все это нам рассказала его мать – Зайнап-апа, рыдающая и безутешная. А ведь это была непростая, рядовая семья, ведь Зайнап-апа – сестренка видного политического деятеля Бурхана Шахиди.

В разговор вновь вступил отец:

– Шен Шицай не имел жалости. По его приказу, людей крошили топорами, бросали в колодцы. Многих закапывали в землю живыми. Связанных людей бросали в кузова грузовиков словно мешки с зерном, и вывезя в пустыню, обливали бензином и поджигали. Других расстреливали из пулеметов.

– Моего дядю Хамидулла вот так вот сожгли в пустыне. Эту страшную казнь случайно увидел мальчик – пастух, спрятавшийся за камнями. После того, как палачи ушли, он подбежал к месту экзекуции. Дядя Хамидулла был еще жив. Он назвал свое имя, и не договорив, скончался. От мальчика-пастуха мы и узнали о смерти дяди, – произнесла мама.

– Во времена Шен Шицай даже не отдавали родственникам трупы замученных. Еще хорошо, что Шен Шицай не правил слишком долго. Иначе, представить даже трудно, какие беды бы он навлек на народ, – добавил отец.

Я спросила у отца о Шен Шицае. Мне было важно знать, куда он исчез? Как ему удалось избежать возмездия?

Отец помолчал, а потом сказал:

– О судьбе Шен Шицай ходит много различных слу-

хов. Одни говорили, что жена Сун Ятсена – Сун Чинлин обманом вывезла на самолете Шен Шицая в Пекин и там его арестовали. Другие утверждали, что Шен Шицай умертвил своего собственного братишку, вынул внутренние органы и набил тело награбленными сокровищами. Затем, стремясь сопроводить тело брата, улетел вместе с ним. В любом случае, он остался в истории как палач Восточного Туркестана. Тем не менее, говорят, что и поныне он спокойно живет на Тайване. А если говорить точнее, то Шен Шицай – лишь один из палачей. Фактически, все правители Восточного Туркестана – палачи и мучители народа...

На следующий день меня провести пришел Аблиз-младший. Поговорив о том, о сем, он вдруг произнес:

– Суюнгуль, вы прошли через тяжелые испытания. Но, знайте, что не зря! Сейчас, организации, стремящиеся к освобождению Восточного Туркестана, повсюду. Конечно, они действуют подпольно, но задачи и цели их схожи.

– Аблиз, а вы член такой организации?

– Нет, но я сочувствую им.

– Организуйте мне встречу с членами такой организации!

– Но ведь вы под надзором. Это опасно для вас!

– Но мое желание сильнее любой опасности!

– В таком случае, я скажу Ясину, и он познакомит вас с членами такой организации.

Через несколько дней пришел Ясин. Он сказал, что члены организации сами хотели встретиться со мной. И вот, мы назначили день, когда должна будет состояться встреча с членами подпольной организации «Восточный Туркестан».

Через неделю мы с Ясином пришли в условленное место. По одному подошли два человека. Один был высокий ростом, второй пониже. Высокого звали Малик, и

он работал бригадиром на заводе. Второго звали Каюм. Он был школьным учителем.

Я вкратце рассказала о себе. В ответ я услышала:

– Мы слышали о вас. Наша позиция совпадает с позицией организации, в которой состояли вы. У нас и названия похожи. Наша называется «Организация Восточный Туркестан».

Немного поговорив, мы договорились в ближайшее время встретиться еще раз. Они обещали сообщить точную дату и место встречи через Ясина.

Уже на следующий день Ясин привел меня в небольшой дворик, расположенный недалеко от Второй городской больницы. Войдя во двор, мы прошли в дом. Еще не стемнело. Нам навстречу из второй комнаты вышел Малик и повел нас туда.

Комната была уютная и чистенькая. На полу был постелен ковер. В углу была кровать, на которой были аккуратно сложены ватные одеяла. Низенький стол был покрыт чистой скатертью. У окна, в шкафчике была сложена посуда.

На стуле у окна сидел Каюм. Тепло поздоровавшись, он пригласил меня сесть к столу.

Малик, тем временем, заварил чай, принес четыре пиалы, лепешки и небольшую тарелку с кусковым сахаром.

Мы стали пить чай. Вдруг Малик произнес:

– Суюнгуль, мы приняли решение принять вас в члены нашей организации. Сейчас необходимо пройти все формальности.

С этими словами он взял с полки Священный Коран и протянул мне. Держа руку на Книге, я произнесла клятву, в которой говорила, что вступаю в «Организацию Восточный Туркестан» добровольно. Я клялась не предавать своих товарищей. В случае же, если я не

сдержу своей клятвы, Аллах покарает меня.

Все присутствовавшие поздравили меня.

Я же была просто счастлива, так как наконец-то нашла Организацию, которую искала всю жизнь. Немедленно я спросила о тех обязанностях, которые на меня возлагались в связи с членством.

– Как вернетесь в Нансан, будете заниматься приемом в Организацию новых членов, – ответил Малик.

Я подумала, что не справлюсь. Ведь в Нансане население крайне пассивное. Тем более, я в их глазах – «враг народа».

Тем временем, Малик продолжил:

– Пока мы будем заниматься лишь расширением рядов Организации. Когда Советская армия вступит в Восточный Туркестан чтобы освободить его, мы возьмемся в нее и будем сражаться вместе с ней. Ваше следующее задание вы получите при второй встрече.

Вторая встреча была назначена на субботу 29 июня у моста за Второй городской больницей.

ПЕРВОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ 29 ИЮНЯ (СУББОТА) 1969 ГОДА

Салима-апай позвала нас в гости.

В обед, я, мама, София, Гайша, Закия направились к Салима-апай. Мы так хорошо посидели там. После обеда, я, Сафия и Гайша, сославшись на то, что нам надо сходить на базар, вышли из дома.

Мы направились к мосту у Второй Городской больницы. Так как никого не было, нам пришлось ждать.

Прошло полчаса, но никто не появлялся. Однако почему-то людей на улицах заметно поубавилось. Огля-

деввшись по сторонам, София вдруг тревожно произнесла:

– Почему-то людей нет. И какая-то странная тишина вокруг.

Гайша также заметила резкую перемену. Она испуганно стала озираться. Вскоре не осталось ни одного пешехода. По проспекту на большой скорости стали проезжать тяжелые, крытые брезентом грузовики. Не появлявшиеся ранее в городе вооруженные мотоциклисты стали заполнять улицы.

Почувствовав, что происходит что-то непонятное, я решила возвращаться домой. Проходя мимо больницы, мы увидели одинокого человека с дутаром в руках. Мы обрадовались, что не одни, что еще есть что-то на улице.

Приблизившись к нему, мы увидели, что это Ясин.

– Что происходит? – спросила я его, поздоровавшись.

– Не знаю! Я сам удивлен.

– А почему вы с дутаром? На свадьбу, что ли собрались? – с улыбкой произнесла Гайша.

– Да нет, просто надо было настроить его. Решить сходить в мастерскую. Только вышел, – смотрю, никого не видно на улице. Ничего понять не могу, – ответил Ясин.

Действительно, по тротуару широкого проспекта шагали только мы вчетвером. Так как вокруг была тишина, отчетливо был слышен шум наших шагов. Странно, но город словно вымер.

– По моему, произошло что-то необычное, и лишь мы не в курсе этого, – предположила София.

– Мне страшно. Давайте быстрее пойдем домой, – озираясь по сторонам, проговорила Гайша.

Мы ускорили шаги, но только повернули на перекрестке, как увидели китайских дружинников, у кото-

рых на рукавах были белые повязки. Они задерживали всех прохожих, и на грузовиках увозили их в неизвестном направлении. Лишь взглянув на дружинников, я поняла, что их не меньше, чем сорок-пятьдесят человек.

Не успели мы сообразить, что делать, как к нам подбежали два человека в повязках на рукавах, и грубо приказали встать рядом с нестройной толпой задержанных.

Те, при виде нас, пытались даже шутить. Увидев дутар в руках у Ясина, они насмешливо предположили, что он шел на свадьбу, и попал в самый ее разгар.

Удивленная происходящим, я спросила у стоявшего рядом со мной мужчины:

– Что происходит? Почему нас задержали?

– Военное положение. Они объявили военное положение, – шепотом ответил он.

– Но почему? Ведь что-то должно было произойти?!

Мужчина промолчал, зато кто-то другой ответил:

– Не знаем, сестренка. Причин может быть много!

Постепенно, толпа увеличивалась. Вскоре подъехали два огромных грузовика.

Всех заставили залезть в кузов. Однако, в две машины все не поместились.

Сидя у заднего борта, я увидела мотоциклиста в военной форме, сопровождавший грузовик. Это был молодой парень-уйгур. Я спросила у него:

– Куда нас повезут?

– Сначала в администрацию квартала. А куда потом – они там скажут.

– Но нас отпустят по домам?

– Сегодня останетесь ночевать там

– Но нам надо вернуться домой. У меня больной отец. Если не вернемся, он может умереть.

Произнеся эти слова, я спрыгнула на землю. Моему

примеру последовали София, Гайша, Ясин. Пока подбежали дружинники, все, кто был на грузовике, были уже на земле. Подбежавшие дружинники ссылаясь на приказ, заставили людей вновь взобраться на кузов. Всех, кроме нас четверых.

– У нас больной отец. Он не знает, где мы. В чем мы виноваты? Почему вы задерживаете нас? – сказала я твердым голосом.

В это время на той стороне улицы, где толпились задержанные, нарастал шум. Люди возмущались, и я отчетливо слышала голос Хасанжана-ака, который пререкался с китайскими дружинниками.

Вскоре, подбежавшие военные и дружинники привели всех этих людей к нам.

Как выяснилось, сын Хасанжан-аки, – Иминжан, возле своего дома учился езде на велосипеде. К нему подбежали дружинники и задержали. Малолетние ребяташки, увидев это, стремглав побежали в дом и рассказали обо всем Хасанжану-ака. В это время у него во дворе сидели соседи. Возмущенные услышанным, все вышли на улицу. Однако их всех тут же арестовали. В общей сложности, их оказалось человек тридцать. То есть, фактически, задержали все взрослое население переулка. Лишь малолетних ребяташек оставили на попечение древней старушки.

Не желая слушать никаких объяснений, людей погрузили на грузовики. Тех, кто не поместился, заставили сесть в подъехавший автобус.

Ясин, София, Гайша и я, сели в автобус. В нем уже сидела группа молодых людей, которых арестовали прямо на свадьбе. При виде нас, они радостно захлопали в ладоши. Какой-то парень взял у Ясина дутар и принялся наигрывать мелодию. Сразу же несколько человек запели. Вскоре, весь автобус весело загудел.

Такой веселой гурьбой мы вошли во двор здания

квартирной администрации. Там уже было полно народа. За несколькими столами сидели военные, в специальные тетради, записывавшие прибывающих людей.

Через полчаса прибыли большие крытые грузовики. Всем задержанным приказали сесть в них. Никто не знал, куда их теперь повезут.

Машина, куда сели мы, выехала на проспект «Объединения». Затем она въехала во двор Второй женской средней школы, где я раньше училась. Со дня окончания школы, я там не была. Машина остановилась на площадке за зданием школы.

Стоявшие стройными рядами вооруженные охранники, велели нам построиться также, и таким строем завели нас внутрь здания.

Само здание показалось мне таким родным и близким. Перед моими глазами в мгновение промелькнули школьные годы, учителя, одноклассники, директор школы. Я словно бы вновь услышала звонкий смех моих школьных подруг. Я почувствовала себя свободной, как в годы юности.

Классы стояли пустыми. В них не было парт. Без учащихся, эти классы выглядели как-то сиротливо. Я вновь вспомнила, как когда-то за партами сидели ребята, внимательно слушая объяснения учителя. Мне почудилось, что я продолжаю читать веселые стишки, некогда написанные мелом на школьной доске.

Где эти времена? Где эти одноклассники? Где учителя? Никого и ничего уже нет!

Они все в прошлом, в том времени.

Если вдруг они бы встретили меня случайно на улице, то, наверняка, испугавшись моего политического статуса, сделали бы вид, что мы незнакомы.

А такая красивая, родная всем нам школа превратилась сегодня в место заключения людей.

До самого утра грузовики привозили и привозили

людей. Вскоре все классы, залы обеих этажей заполнились задержанными.

Мужчины до десяти часов наигрывали на дутаре различные мелодии, под которые пели популярные песни.

В одиннадцать, в класс, где находились мы, вошел повар Медицинского института Турахун-устам. Я его сразу узнала. Он так же, лишь взглянув на меня, громко произнес:

– Суюнгуль, сестренка, как ты? Надо же такому случиться – где мы встретились! Когда ты вернулась?

Мы тепло поздоровались, и он продолжил:

– После вашего ареста, меня тоже выгнали с работы. Чтобы прокормить семью, я скитался по городам и селам, и торговал сухофруктами. Вчера вечером я только приехал из Турфана. Пока разгружал сушеный виноград, меня и схватили. Вот привезли сюда. Видишь, невозможно стало даже заниматься простыми вещами. Попробуй, сестренка, только что из Турфана.

С этими словами он насыпал в тюбетейку немного сушеного винограда и протянул мне. Чтобы он не обиделся, я взяла горсточку.

Вдруг послышался громкий плач в углу классной комнаты. С трудом я прошла к плачущей женщине. У нее на руках был ребенок, который, казалось, не подавал признаков жизни.

– Что случилось? – спросила я.

– У ребенка был сильный жар. Я несла его в больницу, а тут подбежали какие-то люди, схватили и привезли нас сюда, – сквозь слезы произнесла женщина. – Не знаю, что и делать.

Я вышла в коридор и объяснила охранявшему нас китайцу, что срочно нужен врач, так как среди нас находится больной ребенок. Вооруженный охранник посмотрел на меня, на женщину, на ребенка, а потом сказал, что приведет врача.

Врача он привел через два часа. Осмотрев ребенка, врач увел с собой и ребенка, и его мать.

Вновь послышался крик. Теперь уже из соседнего класса.

– Что случилось? – спросил мужчина, расположившийся у классной доски. Он обратился к женщине, которая только что вошла.

Та ответила, что в соседнем классе находится беременная. Она кричит, так как у нее сильно болит живот.

Вошедшая следом другая женщина добавила:

– Оказывается, ее задержали по дороге в роддом. Как бы здесь не разродилась!

В этот момент беременная закричала еще громче.

Опасаясь, что она может не успеть в роддом, мужчины начали возмущаться. Они вплотную подступили к вооруженным охранникам, состоявшим сплошь из китайцев, и громко внушали им:

– Что это такое? Почему вы везете эту женщину в роддом? Почему вы ее мучаете? А если ребенок умрет? Или человеческая жизнь для вас ничто?! В чем их вина?

Начался шум. Опасаясь, что могут возникнуть столкновения, вооруженные охранники вынуждены были в срочном порядке отвезти беременную женщину в роддом.

Я стояла у окна, как вдруг ко мне подошла, отталкивая других людей, молодая женщина. Ее глаза покраснели от слез.

– Что с вами? – спросила я ее.

– Сестренка, я не знаю, что мне делать! – заговорила она. Мой муж зарабатывал тем, что собирал хворост и продавал его. Три дня назад он на своей телеге, запряженной ослами, направился в горы. До сих пор его нет. Я так переживаю. У нас два сына. Старшему три года, младшему – год и два месяца. Я не знаю, что слу-

чилось с мужем. А вчера пришли из администрации квартала, где мы живем, и сказали, чтобы я явилась туда. Я подумала, что это дело нескольких минут, и, оставив детей одних, направилась в контору квартальной администрации. Однако они сказали, что у меня нет прописки, а потому, меня следует арестовать. Не отпустив меня домой, они привезли сюда. А малолетние дети остались дома одни. Они пропадут одни, ведь они такие маленькие.

Женщина замолчала, не в силах больше говорить. Слезы ручьями лились по ее щекам.

– Почему же вы оставили детей одних? Почему не взяли с собой?

– Сестренка, у меня ведь нет урумчинской прописки. Я родом из Пичана. Я думала, что учитывая, что дети одни, меня отпустят к ним даже и без прописки. Что же теперь делать?

– А соседи? Они не могут присмотреть за детьми?

– Я ведь закрыла детей на замок.

– Попробуйте рассказать об этом охранникам.

– Но я не говорю по-китайски.

Стоявший рядом с нами какой-то мужчина вызвался перевести ее слова охранникам, которые сплошь были китайцами. Через некоторое время они вернулись.

– Они не хотят ничего и слышать! – возмущенно сказал мужчина. – Говорят, что им дела нет до детей. Сказали, что никуда ее не выпустят.

Затем он повернулся к женщине и попытался ее успокоить:

– Не переживайте, сестренка. Остается только ждать. Ведь все должно выясниться.

Мы стояли в таком месте, что было видно, кто поднимался по школьной коридорной лестнице.

Вот поднялась группа возчиков камней для стройки.

Как выяснилось, они вышли напоить коней, и их всех задержали.

Следом, поднялись аксакалы в чалмах. Оказывается, это были служители мечетей, имамы и их помощники. Их всех арестовали прямо в мечетях. При виде стариков, опиравшихся на трости, все, находившиеся в классе, тяжело вздыхали, взывая к помощи Аллаха.

Начинало светать. Люди с нетерпением ждали рассвета, так как надеялись, что их отпустят.

Я внимательно оглядела всех, кто находился в школе. Тех, кто был в классе или поднимался по школьной лестнице. Среди них не было ни одного китайца или дунганина. В обычные дни на улицах Урумчи каждые двое из трех человек были китайцами. Сейчас их здесь не было. Значит, они все были предупреждены. Более того, когда ходили по домам и проверяли прописку, как ни странно, без прописки не оказалось ни одного китайца. Напротив, хозяева этой земли Восточнотуркестанцы на своей земле не имели прописки, не имели места жительства, не имели работы. Их обвинили в том, что они без определенного места жительства, и арестовав, заполняли ими школы, дома культуры, превращенные в тюрьмы. Следовательно, это введенное Военное положение касалось только представителей местных национальностей. Было очевидно, что китайцы были предупреждены заранее.

Ясин позвал нас на балкон. Мы втроем кое-как пробрались туда. За школьной оградой у металлических ворот толпились родственники задержанных людей. Они выкрикивали их фамилии и имена, и мне это напомнило настоящую тюрьму.

Примерно через двадцать минут после того, как мы вышли на балкон, увидели, что нас пришли искать мама и Махфуза-жена моего дяди. Мы закричали, что

находимся здесь, а жена дяди спросила о Садике и Лати́пе. Так как их не было, мама и тетя Махфуза пошла дальше, искать их в другом месте.

Еще через полчаса брат Ясина принес домовую книгу и показав запись, что Ясин прописан там, добился его освобождения. Ясин, уходя, сообщил мне, что может вытащить и меня, сказав, что я его сестра по имени Рабия Хошур. Это сработало. Мы уже подходили к школьным воротам, как следом за нами прибежали София и Гайша. Оказывается, другие люди помогли им, назвав своими сестрами, у которых имелась прописка.

Тех, у кого не было прописки, ожидала незавидная судьба. Их подвергали допросу, нередко избивали. Многие, не выдержав издевательств, оговаривали сами себя. Иногда такое следствие продолжалось несколько месяцев, и даже лет. Те, кто не имел обоснованного оправдания, ссылался в лагерь по перевоспитанию, который назывался «Новая жизнь». Он обладал печальной известностью и находился в местности Кара-килчин, района Маралбеши, Кашгарской области. Находившиеся там люди были под строжайшим контролем. Они подвергаются принудительным работам под строгим надзором вооруженной охраны.

Отец несказанно обрадовался, увидев, что мы благополучно возвратились домой. Он страшно переживал, что нас могли арестовать и подвергнуть допросам. Немного успокоившись, он строго – настрого приказал нам отправиться в Нансан, чтобы переждать тревожное время.

Мы обедали, когда вдруг появился какой-то паренек. С порога он произнес:

– Меня послала Зохра. Она просила узнать, вышли ли вы? Сама прийти не смогла, так как у нее умерла мать.

Отставив чашки с недопитым чаем, мы все направились в дом к Зохре.

Как мы узнали позже, 29 июня, за время действия Военного положения, только в городе Урумчи было арестовано тридцать две тысячи человек. Тех, кого задерживали на улице, препровождали в школы, дома культуры, театры, стадионы. Часть из них отпустили после того, как родственники показывали документы, подтверждающие наличие прописки.

Те, кто был арестован на предприятиях, заводах, на рабочем месте, были вывезены за город. О них никто не имел никаких сведений.

Мой братишка Садик был задержан и находился на стадионе. Его вытащил оттуда наш сосед Нуржан-ака, который был офицером милиции.

1 ИЮЛЯ 1969 ГОДА

Утром я стояла на остановке в ожидании автобуса. Вдруг я увидела, что бригадирша Гулниса быстрыми шагами направляется ко мне. Я тоже пошла навстречу. Гулниса приветствовала меня, словно была моя близкая подруга.

— Суюнгуль, мы — работники лагеря, принадлежащие к местным национальностям, часто вспоминаем вас с большим уважением. Сейчас все признают, что вы были очень дальновидны. И вообще, вы — гордость народа.

Для меня это было странно слышать. Я не могла понять: говорит ли она искренне, или нет?

Чтобы перевести разговор на другую тему, я спросила:

— А вы куда направились?

— У меня тяжело заболела мама. Она прислала телеграмму. Поэтому я еду к ней, в Аксу. Когда мама была

здорова, я не могла навестить ее. А теперь не знаю, увижу ли ее живой?

– Не переживайте. Если Аллах захочет, то ваша мама поправится! – постаралась я ее успокоить.

В этот момент стали приглашать на посадку пассажиров, отправляющихся в Нансан. Я попрощалась с бригадиршей Гулнисой и направилась к автобусу.

Всю дорогу я размышляла над словами Гулнисы. Мне не верилось, что лагерные охранники могли так думать обо мне.

Если это было правдой, то эта перемена не могла не радовать! Однако, я не верила.

В связи с этим, я вспомнила слова мамы.

В 1966 году против меня были собраны клеветнические материалы и направлены в коммуну. Чтобы убедиться в их правомерности, мама и сестренка София направились в Шибаху и обратились к начальнику отряда из числа кадровых работников местных национальностей. Его звали Барат. Они просили его проверить поступившие против меня материалы. Едва только Барат раскрыл материалы моего дела, как зазвонил телефон, и его куда-то срочно вызвали.

Он поспешно вышел, а мама в раскрытой папке прочитала имена тех, кто написал на меня донос. Это были Сетивалди, Аблеким, Аблят, Ярмухаммад, Халима, Турниса.

Мама была удивлена, так как считала, что все они были моими близкими друзьями. Разумеется, она расстроилась.

В это время вновь зазвонил телефон, и трубку снял прибежавший кадровый работник, китаец по национальности. Он сказал по телефону, «что сегодня необходимо арестовать кадровых работников из числа местных национальностей». Затем он произнес несколько имен, и в их числе, начальник отряда Барат.

Поговорив по телефону, китаец вышел. Вскоре вернулся Барат.

– Кто нибудь звонил? – спросил он.

Мама и София утвердительно кивнули.

Когда Барат спросил, о чем говорил взявший трубку китаец, София, прекрасно знавшая китайский язык, рассказала ему суть разговора. При этом она не забыла сказать, что в числе людей, которых предполагалось арестовать, был и Барат.

Услышав это, Барат поспешно стал собирать материалы, а маме и Софии посоветовал быстрее уезжать отсюда. При этом он сказал, что сейчас не только нет времени изучать материалы, подобные моим, но и вообще стоит вопрос о возможности продолжать работу кадровым работникам из числа местных национальностей.

– Мне необходимо идти, – сказал он и поспешно вышел.

Мама и София видели, как он сел в автомобиль и уехал.

Мне подумалось, что эти межнациональные проблемы напомнили этим кадровым работникам о нас, бывших заключенных.

20 ИЮЛЯ 1969 ГОДА

Сегодня пришла Гайша и сказала, что со мной хочет поговорить Токан-ага.

Когда я лежала в больнице, Токан-ага несколько раз навещал меня. Он был братишкой начальника нашего строительного отряда Кажая. Окончив институт в Восточном Туркестане, он работал в районе Кутуби. Еще до введения Военного положения, он, с двумя другими

людьми, прибыл в Кульджу. Через своих знакомых в Кульджинском областном военкомате, он намеревался помочь отправить меня в Советский Союз. Однако я не согласилась. Так как мой побег негативно отразился бы на положении моих родных. Моих родителей даже могли убить.

Сам же Токан-ага отправился в Кульджу еще до объявления Военного положения.

После слов Гайши, я подумала о том, что очень быстро Токан-ага вернулся.

В полночь прервалась подача электричества, и все погрузилось в кромешную тьму. Я ждала. Вскоре появился и Токан-ага. Мы разговаривали в темноте, не зажигая даже свечей, так как Токан-ага был предельно осторожен. Он опасался, чтобы кто-то посторонний не увидел его. Мои сестры спали во дворе, на деревянном помосте.

— Перед поездкой в Кульджу, я разговаривал о вас с другими членами Организации. Они сказали, что дали вам поручение заниматься приемом новых членов. Я объяснил им ваше положение, и они согласились со мной, что пока вам следует приостановить всякую активную деятельность. Сейчас, когда объявлено Военное положение, многие наши люди арестованы. Очевидно, что среди нас появились предатели. Но Организация жива. Оставшиеся на свободе, продолжают действовать с предельной осторожностью. Нам необходимо выжидать. Нельзя допустить, чтобы здешние люди узнали, что вы состоите в Организации. Иначе у вас будет много проблем.

Через две недели из города приехала София. По ее словам, Каюм через Ясина передал последние новости. Оказывается, Малика арестовали. Большое число руководителей Организации было арестовано, а рядовые

члены писали объяснительные. Каюма самого обязали проходить в школе изучение политической ситуации в русле правительственной политики. По словам Каюма, если Малика будут пытаться, то он может рассказать о других членах. В этом случае, Каюм не уверен, что и он сможет устоять. Следовательно, по словам Каюма, большая беда обрушится на меня. Поэтому, Каюм предупреждал, что временно следует полностью прекратить всякую деятельность Организации.

Услышав это, я страшно расстроилась. Я чувствовала себя так, словно бы потеряла что-то такое, что искала всю жизнь. Мои надежды вмиг испарились. Я поняла, что вновь осталась одна.

Более того, у меня было предчувствие, что меня ожидают еще более тяжелые дни. Я молила Аллаха, чтобы о моем членстве в Организации не узнали местные жители. В противном случае, они могли просто-напросто убить меня. Однако чтобы ни произошло, я твердо решила не нарушать клятву и быть верной своим идеям до конца.

Только сейчас появились первые сведения о людях, арестованных во время объявления Военного положения 29 июня. Часть из них находилась в тюрьмах Урумчи, другие были вывезены за город. По всему Восточному Туркестану были развернуты специальные пункты, как правило, размещенные в школах, на заводах, предприятиях, где людей заставляли писать объяснительные, признаваться и каяться в участии в запрещенной организации.

Как выяснилось, по всему Восточному Туркестану, членами этой Организации было огромное число людей. Например, в коммуне «Красное знамя», находившееся в городе Турфан, лишь бухгалтер и заместитель начальника коммуны не входили в Организацию. Все остальные

были членами Организации “Восточный Туркестан”!

Оказывается, в последнее время, люди, собираясь на улице, принимали клятву кровью о вступлении в Организацию “Восточный Туркестан”.

В апреле 1969 года, две дочери Иминова, намереваясь перейти на территорию Советского Союза, вместе с другими людьми, на машине прибыли в Кульджу. В народе распространились слухи, что они приехали на машине, принадлежащей Управлению общественной безопасности Синьцзен Уйгурского Автономного района, и что их сопровождал специальный человек. Хотя было известно, что вместе с ними в Кульджу прибыло большое количество людей, по какому-то странному стечению обстоятельств, границу смогли перейти лишь две дочери Иминова, а также молодой человек младшей дочери по имени Арслан, и еще крайне ограниченное число людей.

Во время объявления Военного положения 29 июня 1969 года, все те люди, кто приехал вместе с дочерьми Иминова в Кульджу, были арестованы или убиты в городах и селах, в которых они проживали.

Все, кто хоть как-то контактировал с дочерьми Иминова, были арестованы, а некоторые были расстреляны. В числе тех, кто намеревался бежать вместе с ними, был и Ахмад Эгамберди. Он вынужден был оставить жену с двумя детьми и старую, больную мать, и уже добрался до границы. Однако перейти ее ему не удалось. Он был арестован и провел в тюрьме десять лет.

В 1979 году Ахмад Эгамберди вторым браком женился на моей сестренке Закие. Вследствие этого, она вынуждена была остаться в Урумчи, так как в течение последующих четырех лет добивалась получения Ахмадом Эгамберди выездных документов. Мы уже были в Австралии, и со своей стороны, хлопотали перед ав-

стралийским правительством. Кроме того, мы писали прошения о воссоединении семьи в адрес китайского правительства, в Организацию Объединенных Наций. Лишь благодаря этим усилиям, в 1985 году Закие удалось вместе с Ахмадом Эгамберди выехать в Австралию.

В то время вся территория Восточного Туркестана превратилась в большую тюрьму, так как арестованных людей держали в учреждениях, на заводах и фабриках, в школах. Даже в сельской местности людей держали под контролем, применяя к ним положения, аналогичные тем, которые применяют к уголовно наказуемым деяниям.

5 МАРТА 1970 ГОДА

Во Второй городской больнице города Урумчи мне выдали заключение о временной нетрудоспособности. Кроме того, назначили проведение полного обследования у врача каждые три месяца.

В связи с таким состоянием здоровья, я прибыла в город на очередное обследование. Однако не прошло и двух недель, как поступило сообщение о проведении политзанятий в коммуне. Я вынуждена была вернуться в Нансан. Едва я пришла домой, как появился глава специальной комиссии Ян Зорон. Мы все были удивлены его появлением.

Тем временем, он, глядя на меня, произнес:

– Ты должна прийти в контору коммуны. Есть разговор.

Мое сердце тревожно забилося, ибо я подумала, что, возможно, они узнали о моем членстве в Организации.

Едва только он ушел, мы все испытали чувство тревоги от его слов.

Вскоре я направилась в контору. Ян Зорон повел меня в свой кабинет. Он плотно закрыл дверь и сел напротив меня. Глядя на его действия, в моей голове промелькнули различные мысли.

Тем временем, Ян Зорон достал из ящичка стола какую-то тетрадь, и заглядывая в нее, словно бы читая, стал задавать мне вопросы.

Сначала он спросил мое имя, затем, где я училась?

Я отвечала, что училась в Медицинском институте. Там была арестована. В последние годы нахожусь под режимом общественного контроля в составе коммуны на принудительных работах.

– По какой причине ты была арестована? – спросил Ян Зорон.

– За то, что создала организацию для освобождения Восточного Туркестана.

Ян Зорон промолчал, и мне показалось странным, что он не отреагировал на мои слова негативно. Я подумала, что это неспроста, и потому, с удвоенным вниманием слушала каждое его слово.

Тем временем, он оторвал глаза от тетради, и произнес:

– Правда ли, что ты намеревалась организовать людей для бегства в Советский Союз?

Я была шокирована этой клеветой.

– Нет, это не так! У меня не было даже и намерений бежать. Тем более, я опасалась за судьбу своих близких. Да и невозможно бежать большой группе людей. Тем более, организовать их мне – девушке! Нет, у меня не было таких намерений!

Ян Зорон развернул стул спинкой вперед и сел на него, словно бы на лошадь.

– Так, значит, ты и не являешься членом Организации “Восточный Туркестан”?

Сердце мое екнуло. Однако он, не дожидаясь моего ответа, продолжил:

– Если бы я был на твоём месте, я бы молчал. Запомни, если не хочешь говорить, то я больше не буду задавать этот вопрос.

Я была удивлена, ибо, как можно было понимать такие слова?! Мне подумалось, что он применяет какую-то особую тактику допроса. Поэтому, я ответила, что кроме участия в Организации в студенческие годы, больше я ни в какие организации не вступала.

– На тебя имеется большое количество материалов. Если ты и вправду нигде не участвовала, то я все эти материалы сочту недостоверными и уничтожу их, – произнес Ян Зорон.

– Я ещё раз заверила его, что ни в чём таком не принимала участия.

Наш разговор не был похож на допрос. Скорее, это была дружеская беседа. Вскоре он отпустил меня.

Удивлённая всем этим, я даже подумала о том, что, возможно и Ян Зорон являлся членом Организации.

Вернувшись домой, я пересказала суть разговора сестренкам. Они отзывались о Ян Зороне также достаточно хорошо. По их словам, он, в разговоре с ними, хвалил меня.

– В этом человеке есть какой-то секрет, – предположила Гайша. – Может, он хочет, таким образом, разговаривать нас?

– А мне кажется, что он сам – член Организации «Восточный Туркестан».

– Скорее, не «Организации Восточный Туркестан», а Организации «Освобождение Родины», – поправила я Софию. – Хотя и это сомнительно...

АПРЕЛЬ 1970 ГОДА

Вечером мы сидели с сестренками дома и мирно беседовали. Вдруг, дверь открылась, и вошли два вооруженных китайских охранника. Следом появился отец. Вне себя от радости, мы соскочили со своих мест и принялись обнимать отца.

– Вот, привели домой вашего отца! – произнес один из охранников. Через мгновение, они оба удалились.

Мы засыпали отца вопросами. Он положил свои вещи, сел, и лишь после этого начал свой рассказ:

– Я был дома лишь с дочкой Мушараф. Вдруг приехали два вооруженных охранника на мотоцикле с люлькой, и арестовав меня, увезли в Институт нефти. Все помещения института были превращены в камеры и заполнены людьми. Институт стал похож на тюрьму. Меня допрашивали по делу Кабдала, а также по поводу главного бухгалтера Салыка. Я говорил, что не знаю о них ничего. Я им посоветовал вызвать бухгалтеров из района, которые непосредственно работали с Салыком.

Услышав эти слова отца, мы посчитали, что он поступил неправильно. Ведь он прекрасно знал о нарушениях, допущенных Салыком. И по нашему мнению, нужно было отомстить этому человеку, который причинил нашей семье много зла.

Однако отец сказал, что политика – непредсказуемая штука. Если сегодня ты в почете, то завтра, напротив, можешь оказаться в роли преследуемого. Поэтому, лучше всего держаться середины.

Мы – большой дружной семьей пили чай. Вместе с нами был и сын Закии – Шохрат. Мне кажется, он радовался больше всех. Он – радостный и счастливый обнимал своего дедушку.

Как-то в апреле 1970 года я достаточно поздно вернулась с работы домой. Через некоторое время появился сын начальника нашего отряда – Аблимит. Я раньше слышала о нем, но лично знакома не была.

Было заметно, что он волновался. Переминаясь с ноги на ногу, он наконец-то сказал, что хотел бы переговорить со мной.

– Что ж, говори! – ответила я, понятия не имея, о чем может идти речь.

– Меня направил к вам Оразан, – произнес он. – Оразан просит, чтобы все нарушения, которые произошли здесь, вы взяли на себя. Ведь вы и так находитесь под надзором. И потому, таким образом, вы помогли бы избежать ответственности другим.

Я поняла, что меня хотят еще больше подставить.

– Не обижайся, но каждый сам должен отвечать за свои поступки, – сказала я твердым голосом.

Аблимит замялся.

– То же самое и я говорил им, – произнес он.

Немного помолчав, добавил:

– Пожалуйста, никому не говорите, что я был здесь.

– Хорошо, я тебя не видела.

Он быстро ушел, а я задумалась над их бессовестным предложением.

Не прошло и двух недель, как из других отрядов привезли около восьмидесяти человек. Их разместили в здании школы. Всех нас заставили посещать политзанятия, где мы занимались изучением политического курса правительства.

Из женщин была я одна. Все остальные – мужчины. Всех нас подозревали в членстве в организации «Восточный Туркестан».

Меня разместили в одном из классов школы. Вместе со мной жила женщина, которая входила в группу об-

служивания. Ходили слухи, что она встречалась с Ян Зороном, хотя официально они и не были женаты. Я и сама замечала, что они были очень дружны.

Два больших класса выделили под жилые помещения для мужчин. В остальных проходили политзанятия. С утра до позднего вечера, писались объяснительные, проводилась «критика» и «самокритика» ошибочной деятельности. Два-три часа в день обязательно имело место «критика с пристрастием». Постоянным объектом критики был директор начальной школы в Чавчизи, по имени Хамит.

Его обвиняли в том, что в Урумчи он участвовал в заседании подпольной организации. Затем, вернувшись, пытался создать филиал этой организации. Его дело рассматривали каждый день.

Кроме того, рассмотрению подвергались дела мелких групп, персональные дела всех членов этих групп. Например, в нашей группе было сорок человек. Мы обязаны были рассмотреть дело каждого из нас. Однако, ни по одному делу, то есть, ни по одному человеку не было обоснованных фактов.

На третью неделю политзанятий нам объявили, что арестован глава специальной комиссии Ян Зорон. В ту же ночь его увезли в закрытой машине.

Вместо него назначили другого начальника, соответственно, пришедшего с новым составом комиссии.

Судя по разговорам, Ян Зорон был членом партии «Освобождение Родины». Все ее руководители были разоблачены и арестованы.

Члены новой комиссии были отъявленными «левыми». Каждое утро они заставляли нас кланяться портрету Мао Цзедуна, читать стихи, посвященные ему. Сами члены новой комиссии любили часами читать нам нотации.

Однако, в связи с тем, что у них не было никаких доказательств, они не могли что-либо предъявить конкретное.

Как-то войдя в класс для политзанятий, мы увидели прикрепленный к стене огромный лист плотной бумаги, на котором были написаны фамилии семидесяти человек, приговоренных к смертной казни. Оказывается, именно сегодня должна была состояться их казнь. Более шестидесяти человек из этого списка составляли представители местных национальностей, и лишь около десяти были китайцами.

Мы стояли столпившись, читая биографии этих людей, как вошел новый начальник комиссии и обращаясь к нам, произнес:

– Если вы не признаетесь в совершенных преступлениях, то и вас ждет та же участь!

Этот список представлял собой третью волну приговоренных к расстрелу.

Первый список включал в себя девятнадцать человек. Большинство из них были представителями местных национальностей. По их делам прошел показательный суд на площади перед зданием Народного правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района. Всем приговоренным шею сжимала тонкая, еле заметная проволока. От этого, многие умерли от удушья, не дождавшись приговора.

Второй раз судили двадцать девять человек. Их приговаривали к смертной казни, объявив «контрреволюционерами», членами организации «Восточный Туркестан». Это были настоящие патриоты, герои своего народа. Большинство из них было молодыми людьми. Самому младшему – Долкуну Ибрахиму было восемнадцать лет.

После свершения казни, брат Долкуна – Ирек, выкрал труп братишки с безвестного кладбища для преступников, и похоронил его на городском кладбище в Урумчи.

Отец Долкуна – учитель Гани, в начале века переехал из Казани в Турфан. Там он, вместе с Хайдаром Сайрани открыл школу, где и учительствовал. Затем, переехав в Урумчи, продолжил преподавать там. Долгое время он работал в «Восточно-туркестанском институте».

После смерти Долкуна, сердце отца не выдержало, и он вскоре скончался..

Среди этих двадцати девяти расстрелянных был и Хамза, – сын Сидика Зали, жившего в нашей коммуне. Хамзу обвинили в том, что он перевесил портрет Мао Цзедуна. Дело в том, что хунвейбины, ворвавшись в его дом, повесили портрет Мао Цзедуна на стенку, в направлении которой необходимо молиться мусульманину, так как именно это направление показывает на город Мекку, где находится мусульманская святыня-Кааба.

Чтобы не молиться на портрет Мао Цзедуна, Хамза перевесил портрет на другую стенку. За это его обвинили в противодействии Мао Цзедуну и приговорили к расстрелу.

Однако, уже через месяц формулировка обвинения, странным образом, изменилась. Расстрелянных уже не обвиняли в контрреволюционной деятельности и участии в запрещенной организации «Восточный Туркестан».

Теперь их обвиняли в чисто уголовных деяниях, бандизме, грабеже и так далее. Срочно переписали «решение суда» и развесили эти «липовые» постановления во всех людных местах.

Новая комиссия ничего не смогла доказать. Поэтому, бывший главным объектом «критики», директор школы Хамит был оправдан.

Я переживала, что подвергнусь «критике» за участие в организации «Восточный Туркестан», однако этого не произошло.

10 ИЮНЯ 1970 ГОДА

Во время обеда, когда весь отряд направлялся в столовую, я отпросилась, и побежала домой.

Дома находились отец с моим маленьким племянником. Я почувствовала, что отец был не в духе.

– Что-нибудь случилось? – спросила я его.

– Просто нет настроения. Какое-то странное предчувствие. К тому же, недавно к нам во двор забежала соседская курица, которая кукарекала как петух. А это – нехорошая примета. Совсем недавно эта же курица кричала петухом в доме у соседа Мусабека. Через два дня Мусабека, подвергшегося «критике», нашли повешенным в собственном доме. А сегодня та курица пришла к нам.

– Не переживай, ничего не случится, – произнесла я, хотя и у самой на душе было беспокойно.

Мы сели обедать, как услышали шум мотора, и вскоре перед нашими воротами остановился огромный грузовик.

Мы выбежали из дома. В машине сидели жена моего дяди – тетя Махфуза, ее дочери, и еще несколько человек, – их родственники.

Удивленные, мы начали расспрашивать о причине такого приезда.

– Вчера Заки-абзи в бессознательном состоянии привезли с работы. Сегодня он от полученных побоев скончался, – произнесла тетя Махфуза.

Ее слова прозвучали как удар. У меня помутилось в глазах.

Мы все страшно переживали эту печальную новость. Мне вспомнились слова дяди, сказанные при нашей последней встрече:

– Если переменится политика, нам обеим станет намного легче.

К несчастью, он не дожил до этих дней.

Не произнеся больше ни слова, мы закрыли дом на замок, и все сели в кузов грузовика.

В связи с похоронами, меня отпустили с работы на три дня.

Тяжело переживал случившееся отец. Ведь он лишился единственного брата. До этого, мы не видели, чтобы отец плакал. Сейчас, заметив слезы на его глазах, мы были потрясены.

Всю свою жизнь дядя работал в системе торговли. Ему принадлежит большая роль в развитии этой сферы в Восточном Туркестане.

И вот, вместо благодарности за свой труд, дядя подвергся аресту и был зверски замучен.

20 ИЮНЯ 1970 ГОДА

После трехдневных поминок по дяде, я вернулась домой. Через десять дней вернулись также отец и сестренка Фирдавс.

По словам отца, в Урумчи творится что-то невообразимое. Началась новая кампания по высылке кадровых работников на перевоспитание в сельскую местность.

Посредством «культурной революции», китайское правительство сравнительно легко добилося осуществления исторических, для себя, целей.

Провозгласив основной целью «борьбу с антипартийными элементами, идущими по капиталистическому пути», китайцы, фактически, осуществили в Восточном Туркестане замену местного правительства, состоявшего из уйгуров, казахов, и представителей других

местных национальностей, на китайцев. При этом, известные личности из числа местных национальностей, безжалостно уничтожались в тюрьмах и лагерях. Многих отравили, другим в больницах сделали смертоносные инъекции.

Освободившиеся руководящие должности занимали исключительно китайцы.

Таким образом, Восточный Туркестан перешел под фактическое и безраздельное управление китайцев.

Ликвидировав национальную верхушку, китайское правительство приступило к планомерному уничтожению населения. Посредством разворачивания различных кампаний, методом навешивания ярлыков и травливания, у народа были отобраны элементарные человеческие права.

И вот теперь была развернута массовая кампания по перевоспитанию. Со всех городских учреждений, заводов, фабрик, больших и малых предприятий, представители местных национальностей изгонялись в сельскую местность.

Под эту кампанию подпадали не китайцы, а представители местных национальностей, то есть, уйгуры, казахи, киргизы, узбеки, татары, и так далее. При этом, они лишались своего имущества, и вынуждены были налаживать жизнь на голом месте.

Ежедневно, по десять-двадцать грузовиков, совершая неоднократные рейсы, вывозили людей из городов. Среди них не было ни одного китайца.

Эти люди, на своей собственной земле, были лишены всего и подвергались высылке.

Более того, прибыв на новое место, эти люди становились обузой для местных сельских коммун, вызывая у них неприязнь по отношению к приезжим.

Помимо рабочих и служащих, в сельскую местность стали отправлять и студентов.

Китайские студенты, направлявшиеся в село, со временем могли возвращаться в города. Для студентов местных национальностей, такой возможности почти не было, так как они, после выезда, лишались городской прописки, и вынуждены были закрепляться в сельской местности.

Таким образом, Родина осталась без руководства, без истинного хозяина, а народ превратился в заложника такой политики.

Используя сложившуюся ситуацию, китайское правительство начало кампанию по массовому переселению китайцев из Китая в Восточный Туркестан. Для них открылись «ворота рая».

Дома высланных жителей местных национальностей разрушались. На их месте стали возводиться высотные здания, в которых заселяли исключительно китайских переселенцев.

Кроме того, китайских переселенцев стали брать на работу на должности, которые ранее занимали представители местных национальностей, высланные в деревню.

Объясняя тем, что китайские переселенцы направлялись в пограничную зону, их заработная плата была выше, чем у представителей местных национальностей.

Таким образом, быстро стала меняться демографическая ситуация. Восточный Туркестан стал наводняться китайскими переселенцами.

Одновременно, природные богатства Родины местных национальностей, стали вывозиться в собственно Китай. Для этого использовались все виды транспорта, начиная от поездов и самолетов, до трубопроводов.

Следствием всех этих перемен стало то, что началась переписка истории. Китайские власти издают «липовые» книги, в которых утверждается, что Восточный

Туркестан – это испокон веков, китайская земля. Они утверждают, что некитайские национальности Восточного Туркестана прибыли на эту территорию из других стран. Эту теорию они стараются пропагандировать по всему миру.

Во многом, экономический рост Китая обеспечивается именно богатствами Восточного Туркестана.

Под эту волну переселения в деревню попал и муж нашей соседки Зайнуш-апай, по имени Худаберди.

После того, как Худаберди вышел из тюрьмы, два года они жили с Зайнуш-апай очень хорошо. У них родилась сын Гайрат и дочь Раида.

Затем, не знаю по какой причине, они расстались. Зайнуш-апай сама растила двоих детей на ней была и пожилая мать. Она зарабатывала на жизнь вышиванием. В последнее время Зайнуш-апай заболела туберкулезом, и слабела изо дня на день.

Что касается Худаберди, то он женился на молодой женщине, приехавшей с юга Восточного Туркестана и не имевшей городской прописки. Он снимал жилье у Аблиза Мусабая и занимался продажей дынь и арбузов.

Во время кампании по переселению в сельскую местность, Худаберди также оказался включенным в списки.

Испугавшись, что и ее отправят в деревню, его жена написала в суд заявление о расторжение брака. Этот документ она просила перевести на китайский язык сына Аблиза Мусабая, – Ришата. После того, как Ришат перевел заявление, его отнесли в суд.

Узнав об этом, Худаберди был вне себя от ярости. Он попытался уговорить жену забрать заявление, угрожал ей, грозился даже убить. Однако, женщина не согласалась.

В результате, в порыве гнева, Худаберди выхватил свой нож, которым он разрезал арбузы и дыни, и уда-

рив жену, резким движением отрезал ей кончик носа и мочки ушей.

Затем, вне себя от ярости, бросился искать Ришата. Он нашел его в лавке, где тот продавал кобылье молоко.

Не обращая внимание на толпу покупателей, Худаберди выволок молодого человека из лавки, и нанес ему множество ударов ножом.

Люди находились в состоянии шока. Они не могли даже подойти к рассвирепевшему Худаберди.

Он, тем временем, всадил нож в себя, закончив жизнь самоубийством.

Его похоронили на кладбище для преступников. По закону, сначала выстрелили вверх, зачитав мертвому человеку приговор о смертной казни.

Жену Худаберди попытались лечить. Мочки ушей не прижились, зато нос, хоть и оказался кривым, все же восстановился.

Тем не менее, ей не удалось остаться в городе. Сразу после выписки из больницы, ее выслали в деревню.

ФЕВРАЛЬ 1971 ГОДА

Проблемы со здоровьем вынудили меня приехать в город. Я была на приеме у врача, и когда возвратилась в наш урумчинский дом, то следом за мной вошел Саллах-абзи.

Мы поздоровались, и он стал рассказывать о том, что, оказывается, люди меня знают, и часто говорят обо мне. При этом, меня многие представляют как бесстрашную героиню, борющуюся за права простых людей.

Сначала я не поверила Саллаху-абзи, однако он рассказал о нескольких случаях, когда совершенно, каза-

лось бы, незнакомые люди, слышавшие обо мне, приводили меня в пример многим.

Слушая Саллаха-абзи, я вспомнила, как как-то к нам домой пришел Кенжетай. Обычно он обходил нас стороной. Однако, придя в этот раз, робким голосом произнес:

– Я пришел, чтобы попросить у вас прощения. Я – один из тех, кто выполняя приказ, поднял на вас руку. Я поверил в то, что вы «враг народа», и потому, не задумываясь, считая, что органы власти не ошибаются, тупо исполнял то, что от меня требовали.

– Я не обижаюсь, – ответила я тогда. – Но, знай, прежде чем исполнять чью-то волю, сначала надо хотя бы попытаться разобраться в происходящем.

София была недовольна тем, что я простила Кенжетая.

Видя ее недовольство, Кенжетай рассказал о том, что недавно появились какие-то люди, которые пригрозили ему расправой, если он причинит мне хоть какое-то неудобство.

По словам Кенжетая, эти люди даже избили его.

Не слишком веря словам Кенжетая, тем не менее, мы сидели еще довольно долго.

Когда он ушел, я уже стала готовиться ко сну, как в дверь постучали. Увидев пришедших, мама испуганно шепнула, что это были следователи. Как оказалось, они пришли за мной. Мы не могли понять, как они узнали, что я в Урумчи.

Едва я вышла за порог дома, как увидела Марамни-сахан, которая была сестрой Зайнуш, а также Турсун – дочь Закира-абзи. Мне сразу стало все ясно.

Они стояли чуть в стороне, показывая на меня двум китайцам.

– Это она, она самая! – говорили эти прокитайские активистки.

Всем было известно, что они наблюдали за жителями нашего квартала, и способствовали китайским властям, если надо было кого-то арестовать. Они докладывали властям о каждом моем шаге с тех пор, как я вернулась с работы в горах. Когда же нас срочно вызывали на собрания и прочие сборы, эти двое меня постоянно сопровождали. Было ясно, что это они сообщили китайцам о том, что я вернулась в город.

К сожалению, среди нас появилась целая прослойка таких лиц, которые служили опорой китайскому правительству в проведении своей политики. Китайцы руками таких национальных предателей осуществляли свои замыслы. Оголтелые приспешники китайцев дошли даже до того, что разрушили минарет мечети. Они разломали тавуты-погребальные носилки, считая их пережитком прошлого. Даже были случаи, когда они сжигали Священный Коран. В период «культурной революции» наши активисты разрушали мечети. В таких неблагоприятных делах принимали участие представители наших, местных национальностей, а не китайцы.

Разумеется, китайцы наускивали их, но исполнителями были наши. Если бы весь народ воспротивился этой политике, то китайцы не смогли бы ничего сделать. И даже если бы они бесчинствовали сами, это было бы для нас еще лучше, так как сплотило бы народ. Но этого не происходит, так как некоторые наши люди сотрудничают с китайцами.

Пришедшие за мной два китайца препроводили меня к конторе местной администрации. Двор был заполнен людьми. Пройдя сквозь толпу, я вошла в здание.

Сидевшие в помещении кадровые работники смотрели на меня злыми глазами. Лишь только я вошла, они спросили мое имя, адрес проживания, и статью, по которой была осуждена.

Я пыталась объяснить им, что приехала в город по состоянию здоровья, и что завтра я вернусь домой, в Нансан. Однако они меня даже не захотели выслушать. Они начали кричать, чтобы я замолчала.

Делать было нечего, и я молча встала в сторонке.

Лишь через несколько часов, всех, кто толпился во дворе, заставили сесть в грузовики, и приказав не поднимая головы, смотреть в пол кузова, куда-то повезли.

Сидевшие вдоль заднего борта машины автоматчики, пригрозили открывать огонь в случае, если мы даже посмеем поднять голову.

Через какое-то время, машины остановились. Автоматчики спрыгнули на землю и столпились вдоль грузовиков.

Лишь после этого поступила команда и нам. После того, как все оказались возле грузовиков, нас строем повели на широкий двор и построили справа от ворот.

Незаметно я попыталась осмотреться, чтобы узнать, куда нас привезли. На стене здания я увидела надпись, по которой можно было понять, что нас привезли в «школу изобразительного искусства».

Вокруг было темно. Тем временем, стали прибывать автобусы. Людей, находившихся в них, строем заводили внутрь здания. Их сопровождали китайские подростки четырнадцати-пятнадцати лет от роду. Эти ребята вели себя крайне нагло и вызывающе. Они толкали, пинали задержанных, ручными фонариками освещали им лица. Было ясно, что они кого-то искали.

Из какой-то очередной машины, среди остальных, вышли старик со старухой. Ничего не видя в темноте, старуха испуганно спрашивала мужа:

– Куда это нас привезли?

– Не знаю, – отвечал дед.

Как потом выяснилось, старуха практически была

слепой, она ничего не видела. А старик был туг на ухо. Им было далеко за семьдесят, и тем не менее, их тоже задержали эти малолетние китайские подростки.

Людей все привозили и привозили. Мне подумалось, что, наверное, в помещении уже больше нет места. Однако, вновь прибывшие исчезали внутри здания.

По двору сновали вооруженные охранники. Время от времени раздавались какие-то крики, шум, ропот, ругань на китайском языке.

Нас, прибывших на одной машине, было около тридцати человек. Мы не шелохнувшись стояли там, где нам велели стоять. Мне даже показалось, что о нас просто забыли.

Между тем, машины все прибывали, и людей, словно скотину, пиная и толкая, гнали внутрь здания.

Лишь через два часа, проходя мимо нас со стороны здания, какой-то китаец, услышав, как в темноте кто-то кашлянул, удивленно спросил:

– А вы что здесь стоите?

Он подошел поближе и стал внимательно приглядываться к нам. Кто-то ответил:

– Нам сказали стоять здесь.

– Следуйте внутрь!

Произнеся эти слова, он повернулся и сам направился к зданию. Мы пошли за ним.

Мужчин завели в помещение слева от входной двери. Так как я была одна женщина среди них, то я дождалась следующей группы прибывших задержанных. Среди них оказались и женщины. Нас повели в правую дверь. За ней оказался большой зал. Однако людей было явно больше, чем могло нормально разместиться в нем. Это были женщины, нередко с малолетними детьми. Воздух был спертым. К тому же в помещении стояла полутьма. Поэтому, нельзя было увидеть лиц людей.

Вооруженные охранники беспрерывно прохаживались по залу, приказав женщинам сесть на холодный пол. Пробившись в дальний угол зала, я присела там. Вокруг было много женщин с двумя-тремя детьми. Дети хотели спать, они были голодны. К тому же, в помещении было холодно.

Если ребенок начинал громко плакать, то немедленно подбегал вооруженный охранник и пинком ноги пытался его успокоить.

Такое произошло на моих глазах несколько раз. Когда в очередной раз подбежавший китаец пнул ребенка, сидевшая рядом женщина не выдержала:

– Какой ты военный? – закричала она. – В чем вина этого ребенка? Ты что, не знаком с политикой партии?

Не успела она произнести эти слова, как вооруженный охранник, повернувшись к ней, сильно ударил прикладом автомата по голове:

– Вот тебе политика партии! – зло произнес он при этом.

Женщина не успев даже схватиться за голову, упала без сознания.

Плакавший ребенок оцепенел от ужаса.

Видя это, сидевшие невдалеке женщины, разом закричали:

– Ты что, палач? Почему бьешь невинных людей?

Взбешенный охранник принялся и их бить прикладом автомата. Поднялся неимоверный крик. У кого-то было разбито лицо, кто-то схватился за голову. Из открытых ран потекла кровь.

Тем временем, вооруженный охранник направив дуло автомата на беззащитных женщин, заорал:

– Если не успокоитесь, буду стрелять!

Старушки, находившиеся поодаль, принялись успокаивать пострадавших женщин. Они говорили вполголоса, что от тех, кто нас сюда привез, не следует

ожидать ни законности, ни доброты. Поэтому, нужно успокоиться и держать себя в руках, не провоцируя их на еще большую жестокость.

От всего увиденного, мне стало не по себе. Я стала молить Аллаха, чтобы он поскорее прекратил эти унижения народа.

Сидевшие рядом женщины украдкой вытирали слезы. Вскоре в огромном зале наступила полная тишина.

Мы провели всю ночь на холодном, бетонном полу. Бедные дети, словно бы и не замечая лишений, сладко спали.

Найдя недалеко от меня, в углу зала, сложенные пустые картонные коробки, я, стараясь, чтобы охранники не заметили это, потихоньку передала их женщинам с детьми. Конечно, картон не мог согреть, но тем не менее, это была хоть какая-то подстилка.

Не в традициях наших женщин было надевать теплые, ватные брюки. Поэтому практически все они были легко одеты. К счастью, после того, как зал заполнился людьми, входную дверь прикрыли, и холод снаружи особо не пробивался.

С рассветом, тринадцатипятилетние китайские подростки группой вошли в зал, и построив всех женщин и детей, приглядываясь, искали кого-то.

Они вышли из зала только через полтора часа.

В десять часов утра всем раздали по кукурузной булочке. При этом, воду не дали. Мы молча, всухомятку, ели булочку и думали о том, что нас ожидает дальше.

Я познакомилась за эту ночь со многими женщинами. Они с уважением и симпатией отнеслись ко мне. Тех, кто сидел поблизости, я старалась подбодрить, поднять им настроение.

– Сестренка, рядом с вами мы чувствуем себя уверенней, – говорили они.

Мы имели возможность разговаривать более свободно, так как находились в углу зала, и вооруженным охранникам трудно было пробраться к нам. Для этого им надо было перешагивать через большое количество людей, сидящих по всему залу.

Сидевшая рядом со мной Айшамхан-хада, вдруг произнесла:

– Суюнгуль, сестренка, вы обратили внимание на сидящих здесь женщин? Нас так много, но среди нас нет ни одной китаянки. Нам – истинным хозяевам этой земли, нет места на своей родине. Пришлые выгоняют и вытесняют нас. Ведь совершенно ясно, что такая политика дискриминации применяется только по отношению к уйгурам! Однако те, кто беспричинно задерживает, избивает людей – сплошные китайцы! Где уж тут говорить о равенстве.

После этих слов, женщины зашушукались, и поглядев по сторонам, подтверждали слова Айшамхан-хада:

– Действительно, здесь нет ни одной китаянки!

– Вы говорите истинную правду, Айшамхан-хада. Но те, кто занимает руководящие должности, не знают, или не хотят знать об этом. Они думают только о том, как бы не лишиться своего места. А потому, боятся даже вникнуть в проблему. Они считают всех людей, которых задерживают и арестовывают, «преступниками и возмутителями общественного спокойствия». Они очухаются только тогда, когда не китайское население будет вытеснено, и на их место навезут миллионы китайцев, которые, наверняка, отберут их «теплые» места. Но будет уже поздно, – сказала я.

Айшамхан-хада вновь вступила в разговор:

– Совершенно верно, Суюнгуль. Такие как мы – простые люди, пытаются что-то сделать, но у нас нет возможностей, нет власти, нет сил, на которые мы можем

опереться. А те, кто имеет какие-то возможности, не желают ни о чем думать, довольные своей жизнью, не понимая, что вскоре лишатся всех этих условий и благ.

После этих слов, я спросила:

– Айшамхан-хада, а чем вы занимались раньше?

– Я была учительницей в школе. Во время кампании «по исправлению стиля», на меня надели колпак, обвинив в «национализме», и выслали в село. Все имущество конфисковали, и сейчас я существую без определенного места жительства.

Не успела она договорить, как вошла группа примерно из двадцати китайцев-подростков. Они приказали всем нам встать и построиться.

Прохаживаясь вдоль рядов, эти подростки тыкали находившимися у них в руках палками прямо в лица женщин, требуя, чтобы они подняли головы. Было ясно, что они какого-то ищут.

Так и не найдя того, кого они искали, подростки-китайцы удалились.

Мы вновь сели на свои места.

Таким образом, на холодном бетонном полу я провела трое суток. За это время, чего только не нагладелась. И мучения голодных ребятишек, и страдания беременных женщин, и прерывистые крики мужчин, которых избивали в соседнем зале.

На третий день меня случайно увидела соседка Талайхан. Удивленная моим нахождением здесь, она, сообщив, что мои родные ищут меня повсюду, спросила:

– Вы показали им направление в больницу, выданное вам руководством коммуны?

– Оно осталось в другой одежде.

Талайхан приходила, чтобы забрать свою дальнюю родственницу. Она пообещала мне, что сообщит моим родным, и они заберут меня.

Талайхан была женщиной сложной судьбы. Мало того, что ее саму взяли под надзор в связи с тем, что она происходила из семьи помещиков. Пятерых ее красавцев-сыновей под надуманными предложениями арестовали и посадили в тюрьму.

В время обеда меня выпустили, так как стоявшие у ворот мама, сестры София и Гайша, принесли необходимые документы, подтверждавшие мое законное пребывание в Урумчи.

Я же переживала за тех женщин, с которыми провела трое суток в холодном зале.

Учитывая тяжелое время, мама настояла, чтобы я немедленно отправлялась в Нансан. Однако, в связи с тем, что прямого автобуса не было, я решила добраться до дома сестренки Закии, переночевать там, и добраться до Нансана пешком. От дома Закии было уже не так далеко.

К сестренке я пришла, когда они садились ужинать. И Закия, и ее муж Сабит очень обрадовались моему приезду.

После ужина, я прилегла вместе с детьми, и уснула. А Закия с мужем направились на вечернее собрание.

Ночью я проснулась от тревожного шепота. Прислушавшись, я узнала голос сестренки:

– Что же теперь делать?

Ее муж Сабит отвечал:

– Я все расскажу. Иначе нельзя!

– Как же так? Неужели расскажите о всех?

Поняв, что произошло что-то серьезное, я вышла к ним и спросила:

– Что случилось?

– Сегодня на собрании потребовали, чтобы мы все рассказали об организации. Пригрозили, что все знают и сами. И если не рассказать, то нас страшно накажут. Поэтому, нет другого выхода, как рассказать им все.

– Вы что, способны на предательство? – сказала я, не веря услышанному.

– У нас нет другого выхода! – растерянно произнес Сабит.

– Они замучили насмерть Усана, – сына Хошур-ака. А потом объявили, что он покончил жизнь самоубийством.

Я попыталась успокоить Закию и Сабита:

– Вы думаете, что рассказав о других, вы спасетесь сами? Вы ошибаетесь. Во-первых, вы предав остальных, погубите много людей. Во-вторых, вы подпишите приговор и самим себе, так как вас просто обманут. Поймите, что у них нет никаких фактов об организации. Поэтому они и идут на запугивание вас. Напротив, если вы будете молчать, никто не пострадает. Подумайте, прежде чем предпринимать опрометчивые поступки!

Закия и Сабит ушли спать. А мне было не до сна. Однако, уже через полчаса они зашли ко мне в комнату в совершенно другом настроении. Я поняла, что сказанные мной накануне слова возымели действие.

– Прости нас сестра, – заговорила Закия. – Мы просто были напуганы. Ведь Усана жестоко убили. Причем его пытали несколько дней. А когда он скончался, провели собрание, усадив в первый ряд его отца и мать, и уже подвергли «критике» мертвое тело их сына. Объявив, что тот покончил жизнь самоубийством, отдали труп родителям. Никто не решался проводить «самоубийцу» в последний путь. Родители Усана сами обмыли его. По словам его мамы, все кости его были переломаны. Отец с младшими сыновьями похоронил Усана, так как все родственники и соседи боялись даже пойти на кладбище.

Мы просидели почти до утра, и лишь только рассвело, я пешком направилась в Нансан.

ПОСЕЩЕНИЕ ПРИНЦЕМ СИАНУКОМ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА. ФЕВРАЛЬ 1970 ГОДА

После государственного переворота, принц Сианук бежал из страны, и попросил политического убежища в Китае. Его прошение было удовлетворено, и ему предоставили возможность, вместе с женой-француженкой и помощником, по имени Бинну, совершить путешествие по всем провинциям и автономным районам.

Во время прибытия принца Сианука в столицу Восточного Туркестана, город Урумчи, там как раз было объявлено военное положение. Всех подозрительных людей высылали из города. С точки зрения китайских оккупационных властей, такими «подозрительными» людьми были представители местных, коренных национальностей. Поэтому, целью властей была высылка из Урумчи именно представителей некитайских национальностей.

Во время очередного объявления военного положения, высланные за пределы Урумчи ранее, и затем вернувшиеся люди, вновь задерживались и высылались.

В тот вечер в нашем доме в Урумчи оставались только мама с моей младшей сестренкой. Снимавший у нас комнату Нуржан-ака, получил служебное жилье и переехал.

Ночью во все окна дома постучали. Следом, семь человек в масках, одетые в военизированную форму, ворвались в дом.

От испуга, моей сестренке Мушараф стало плохо. Она вся задрожала, и у нее помутилось в глазах.

Мама, пытаясь понять, что происходит, обратилась к ворвавшимся объяснить, чего они хотят, по како-

му праву они врываются ночью, и в чем ее вина, если вина есть вообще?

Тем временем, один из ворвавшихся в дом – высокий, худой человек, по-китайски произнес:

– Тебе нельзя оставаться в городе. Не позже завтрашнего дня ты должна уехать в село.

– На каком основании? – возмутилась мама. – Мы – коренные жители Урумчи. Этот дом построили родители моего мужа. Я сама родилась и выросла в соседнем доме. Мы не какие-то безродные переселенцы. Мы здешние, местные жители.

Тот же человек зло посмотрел на маму и сурово произнес

– Подозрительным людям нельзя оставаться в городе. Вы обязаны покинуть Урумчи!

– Нам говорили, что сельские коммуны – это типичный коммунистический способ существования. Туда забрали все наше имущество, скот. С утра до вечера мы работали в коммуне – строили социализм и коммунизм. Нам говорили, – что это образцовое место. На самом же деле оказалось, что это – своего рода вторая тюрьма, куда отправляют преступников и подозрительных лиц. Хоть убей, но я туда не поеду! Запомни – это наш дом, я никого не выгоняла из него, и ни у кого его не забирала! А вы ворвались и до смерти напугали мою малолетнюю дочь!

После этих слов, которые мама произнесла со слезами на глазах, они несколько более мягким тоном произнесли:

– Отведи завтра дочь в больницу. Лечи ее!

Сестренке стало лучше лишь после недельного лечения в поликлинике.

Начиная с 1967 года мама добивалась прописки в Урумчи. Для этого, пороги каких только учреждений

ей не пришлось обойти. Дошла даже до Председателя правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района Сайпидина Азизи. Он заверил бумагу, подтверждающую перевод моих родителей в городскую коммуны. Однако, несмотря на это, родителей не взяли и туда.

Расстроенная, мама вернулась домой. На мои расспросы она отвечала неохотно.

Между тем, я была рада тому, что ее не взяли в состав коммуны.

– Теперь у нас есть шанс остаться в городе, – произнесла я.

– Это каким же образом? – удивилась мама.

– Отцу необходимо лечение. А раз нас не берут в коммуну, то лечиться он может только в Урумчи.

Со следующего дня мама стала собирать документы, необходимые для того, чтобы отца прикрепить к городской поликлинике. В результате ее хлопот, отец, мама и мои братишки и сестренки получили в Урумчи временную прописку.

ПРИЕЗД В НАНСАН БИНСУ. АПРЕЛЬ 1971 ГОДА

Было половина одиннадцатого вечера. Я уже готовилась ко сну. Вдруг постучали в дверь

София увидела несколько молодых людей, которые сообщили, что меня вызывают в контору коммуны.

В большом зале коммуны находилось около двухсот вооруженных хунвейбинов, которые ходили взад и вперед. Практически все они были казахами.

На стульях сидели несколько человек, и в их числе врач Осман. Мне велели сесть рядом с ними. Около пятидесяти человек караулили нас.

Примерно через полтора часа, покритиковав, всех, кроме Османа-врача и меня, отпустили.

Осман-врач чувствовал себя в одной компании со мной явно неуютно. Он всем своим видом старался показать, что не имеет со мной ничего общего.

Примерно к часу ночи, отпустили и его. Меня же держали до утра. Охранявшие нас пятьдесят вооруженных людей, по прежнему грозно стояли, хотя из охраняемых оставалась я одна. Все остальные хунвейбины разместились на бетонном полу спать. Через два часа их сменили те, кто охранял меня.

Я не понимала, что происходит. Почему, ради одной меня мобилизовали охрану в пятьдесят человек? Неужели я представляла такую опасность?

С такими мыслями я и не заметила, как задремала.

На рассвете, толпа военных вошла в зал.

Начиная с 1969 года, с двенадцати до трех часов ночи, через Нансан проходили колонны военных грузовиков и танки. Они исчезали в горах. Днем их не было, все маневры проходили исключительно ночью.

Люди говорили, что, пробив дорогу в горах, они уходили в сторону Кульджи. Другие утверждали, что через такую плотную цепь гор пробить туннели невозможно. Просто эта военная техника пряталась в специализированных укрытиях на горных склонах.

Командир этих военных, войдя в зал, и увидев полусонных хунвейбинов, строго спросил:

– Что вы здесь делаете?

На ломанном китайском языке один из хунвейбинов ответил:

– Вот, охраняем эту контрреволюционерку.

Военный удивленно посмотрел на меня, и приказал:

– Немедленно отправьте ее домой!

Хунвейбин отвел военного командира в сторону и

что-то долго говорил ему, поглядывая в мою сторону. Наконец, военный громко произнес:

– Отведите ее в отдаленное селение «Топ терак». Возвратиться оттуда она сможет только в конце рабочего дня. Весь день она должна находиться там!

Двое конных вооруженных охранника погнали меня в селение «Топ терак». Вернее, они хотели меня погнать, однако, я шла медленным, размеренным шагом. Я понимала, что меня там ждет тяжелая работа, однако, у меня была справка, что по состоянию здоровья мне воспрещен тяжелый физический труд. За эту справку я была бесконечно благодарна моему сокурснику Ришату, так как она мне очень помогла.

Вооруженные охранники пытались взять меня на испуг, попробовали подталкивать, наезжая лошадьми, уговаривали меня. Однако, уверенная в силе полученного документа, я продолжала идти медленно, зная, что они ничего не смогут со мной сделать.

Наконец, охранники стали уговаривать меня взобраться на лошадь, и, таким образом, ускорить движение. Им был дан приказ, чтобы мы оказались на месте не позже восьми часов утра.

Для них было важно поскорее удалить меня подальше от Нансана, так как ожидался приезд туда помощника принца Сианука – Бинну.

В конце концов, охранникам удалось уговорить меня сесть на лошадь. Я поскакала вперед, оставив их далеко позади, так как они вдвоем сидели на одной лошади.

Целый день мы находились в «Топ теряке». Два хунвейбина неотступно охраняли меня. Лишь поздно ночью мы вернулись в Нансан.

ПРЕТЕНЗИИ ЗИКАН. АПРЕЛЬ 1971 ГОДА

Утром я готовилась отправиться на работу. Вдруг слышала громкий крик какой-то женщины, перемешивавшийся с руганью. Не понимая, что происходит, я вышла на улицу.

Примерно в двадцати-тридцати метрах от нашего дома находилась соседка Зикан, которая на чем свет стоит, ругала меня. Она кричала, что «у контрреволюционерки и скотина – контрреволюционерка».

Я удивленно оглянулась на выбежавших следом сестренек.

Зикан, тем временем, приближалась к нашему дому с явным намерением затеять ссору. Я даже подозревала, что она могла и учинить драку.

– Что с тобой, Зикан? – спросила я, когда она приблизилась.

– Твоя корова сумела отвязать мою и увела ее на хлебное поле. Они потравили много зерна. Твоя корова причинила убытка на сорок юаней. Ты должна заплатить мне эти деньги!

– Послушай, Зикан, но моя корова лежит на привязи. Посмотри сама.

– Так ты еще защищаешь свою корову? Действительно, преступник прикрывает преступника! Мало того, что ты не хочешь платить деньги, так еще и учишь свою корову контрреволюционной деятельности!

Эти ее слова переполнили чашу моего терпения.

– Если я учу свою корову контрреволюционной деятельности, то почему же ты не научила свою революционной сознательности?!

Удивленная, Зикан на мгновение замолкла, а потом зло сказала:

– Я заставляю тебя возместить все мои убытки.

Продолжая ругаться, она удалилась.

Во время подведения годового итога работы, с меня списали шестьдесят трудодней. Их записали на счет Зикан. Хотя несправедливость была очевидной, жаловаться было некому. Мне ведь и так не заплатили ни юаня за семь лет работы в коммуне.

МАЙ 1971 ГОДА

Все ушли на работу. Лишь я отпросилась, так как чувствовала себя не очень хорошо.

В девять часов прибыл автобус из Урумчи. На нем к нам приехали наши хорошие знакомые: основатель Ансамбля песни и танца автономного района Аблимит Садик и его беременная супруга Гулсара.

Я тепло встретила их. За чаем, Аблимит сказал, что Гулсара выразила желание родить именно здесь, так как эти места ей очень нравятся.

Внезапно, со стороны улицы послышались крики соседки Кайнижамал, которая ругала меня на чем свет стоял. Для меня это было привычным явлением. Я не обращала на ее ругательства никакого внимания, так как считала ее слегка помешанной.

Вместе с тем, для Аблимита и его супруги это показалось странным. Они не понимали, почему Кайнижамал беспричинно ругала меня последними словами.

Кайнижамал, тем временем, вбежала к комнате, продолжая ругаться. Причем, в этот раз, свой гнев она обращала не только на меня, но и на братишку Ризу.

– Твой негодный братишка повел моего сына в катакомбы. У контрреволюционеров всегда на уме зло. Так вот он чуть не сжег моему сыну руку! – кричала она.

Не успели мы ничего сообразить, как в дверях появился Риза.

Увидев его, Кайнижамал бросилась его бить. Риза кое-как успел выбежать во двор, однако, там она его и поймала.

Продолжая ругать всю нашу семью, Кайнижамал принялась избивать Ризу.

Выбежав следом за ней, я, с огромным трудом, сумела вырвать братишку из ее рук.

– Эти контрреволюционеры избили меня! – завопила Кайнижамал, направляясь к конторе местной администрации.

Соседи и просто прохожие наблюдали за ней молча и укоризненно.

Не ощущая поддержки, Кайнижамал обрушила ругательства уже на них, обвиняя людей в том, что они на стороне контрреволюционеров.

Между тем, Риза рассказал из-за чего произошел конфликт.

Еще в прошлом году, опасаясь советского военного вторжения, китайское правительство приказало местным жителям рыть в окрестных горах пещеры. В них предполагалось укрываться местным жителям в случае бомбардировок. Сейчас эти пещеры оказались никому не нужными и заброшенными.

– Мы лазили по этим пещерам-землянкам, и нашли какую-то черную жидкость, – рассказывал Риза. – Мы сделали факелы, обмакнули их в жидкость и подожгли. Оказалось, что это нефть. Довольные, мы носились с этими факелами. Неожиданно, капли горячей нефти с факела попали на руку сына Кайнижамал, и он получил ожог.

Я восприняла это спокойно. Ведь два дня назад и сам Риза обжегся таким же образом.

Однако, Аблимита все произошедшее просто шокировало. Напоив Ризу водой, и немного успокоив его, он произнес, обращаясь к жене:

– Твоя идея остаться здесь до рождения ребенка – не совсем удачная. Как видишь, на Суюнгуль и ее семью оказывается страшное давление.

Он повернулся ко мне, и добавил:

– Я бы не выдержал здесь и одного дня!

– Но ситуация сейчас заметно улучшилась, – ответила я.

Тем не менее, после обеда Аблимит с супругой сели в автобус и уехали в Урумчи.

А Кайнижамал продолжала жаловаться властям. Однако, даже там ей сказали, что время беззакония прошло. Теперь все должно решаться по закону.

После этого, она стала возмущаться тем, что и власти перешли на сторону «контрреволюционеров».

Через какое-то время, о ней не стало слышно. Как выяснилось, когда она ходила беременной на десятого ребенка, вдруг внезапно почувствовала себя плохо, и скоропостижно скончалась. Ее дети остались сиротами.

Люди говорили, что не надо желать никому зла. Она хотела моей смерти, а умерла сама.

30 ДЕКАБРЯ 1971 ГОДА

К моему возвращению с работы, из города приехала Гайша. Поздоровавшись, она объявила:

– Со мной приехала та, кого ты не ждешь, но по ком очень сильно скучаешь!

В этот момент на пороге появилась Сажиди.

Я не верила своим глазам! Это действительно была

Сажиды. Мы обнялись, и нашей радости не было предела.

Всю ночь мы рассказывали друг другу о том, что пережили в период после нашего расставания.

Сажиды претерпела очень много. В Чугучаке арестовали ее маму. Издевательствам и избиениям подверглась и сама Сажиды.

Тем не менее, мы были счастливы. Мы, перенеся все трудности, остались живы. И это – благодаря Аллаху, который наделил нас терпением и силой духа.

– Знаешь, Сажиды, а все-таки мы – героини! Ведь мы сумели все превозмочь!

Мы разговаривали до утра, и решили добиваться признания нашей невиновности. Сажиды отправилась в Урумчи уже через три дня.

Я же намеревалась последовать за ней после того, как получу разрешение с работы.

Перед отъездом Сажиды сказала:

– Знаешь, Суюнгуль, я ведь жила в коммуне, где основное население было китайцами. А потому, издевательства «культурной революции» не были там так жестоки.

Я подумала, что и у нас, в тех отрядах, где большинство было китайцев, режим был значительно более мягким.

ЗИМА 1972 ГОДА

Чтобы получить разрешение, прежде всего я обратилась к врачам.

Доктор О Син, напутствовал меня такими словами:

– Чтобы добиться реабилитации, необходимо действовать. Не жди, пока решение спустят сверху. Так

ты только упустишь время. Сейчас политика изменилась, поэтому, можно добиться положительного решения дела. Однако, ты сама должна быть в этом заинтересована и действовать активно.

О Син в свое время закончил Сычуанский медицинский институт. Более трех лет он работал в Нансане по направлению. Он старался помочь людям. Видя во мне представителя одной профессии, хотя мы и учились в разных институтах, он всегда оказывал посильную помощь.

В семидесятые годы, О Син женился в Нансане на китаянке. Вскоре, по работе его перевели в другое место.

Как я слышала, в 1973 году он внезапно умер. Говорили, что он повесился.

В результате почти месячного обсуждения моего дела в Малом отряде, Головном отряде, на уровне коммуны, мне, наконец-то, дали разрешение.

Вне себя от радости, я отправилась в город.

В Урумчи, встретившись с Сажидой, мы направились в Управление общественной безопасности. Сажидда уже дважды была там, на приеме у заведующего отделом приема документов Мусы Исы. Однако, он документы у нее не принял, и даже грубо вытолкнул ее.

В этот раз, уже с нами двумя, он поступил таким же образом.

При виде даже внешне этого неприятного человека, я была почти уверена, что он нам откажет. Тем не менее, я попыталась объяснить ему суть нашего дела. Ведь нас направили в «Лаожао», то есть в лагерь по воспитанию трудом, а при этом наказании, мы имели права на значительные льготы при рассмотрении дела о реабилитации. Он же, в грубой форме пытался навязать нам статус заключенных в «Лаогай», то есть лагерь

по исправлению трудом. Здесь были две большие разницы, так как в «Лаогае» вообще не было у заключенных никаких прав.

Тем не менее, Муса Иса не принял наших документов. Он даже пригрозил посадить нас в тюрьму за то, что мы, оказывается, не исправились, и продолжаем выступать против линии партии.

Возмущенная, я высказала ему, что для нас было бы даже лучше оказаться в тюрьме, чем под надзором.

Это слегка ошарашило Мусу Ису, однако, никак не повлияло на его решение.

Мы попытались обратиться в другие отделы Управления общественной безопасности, однако везде получали отказ. Все мотивировали свои слова тем, что сначала надо пройти через контору Мусы Исы.

Из кулуарных разговоров мы поняли, что все чиновники боятся брать на себя ответственность в делах о реабилитации. Они опасаются пострадать сами в случае, если вдруг опять переменится внутривластическая ситуация.

Ничего не добившись в Управлении общественной безопасности, мы направились в Отдел безопасности Медицинского института. Там нас приняли уйгур Айса Розы и дунганин Лао Ма. Они попросили нас зайти через два дня, а за это время обещали изучить наши материалы. При этом они добавили, что было бы хорошо, если бы на нас не надевали колпак «контрреволюционера», то есть, если бы нас не приговорили к принудительным работам под общественным надзором.

Когда мы пришли через два дня, они приняли нас также хорошо, как и в первый раз.

– Мы изучили ваши материалы. Со стороны Управления общественной безопасности официального колпака – обвинения на вас не одедали. Поэтому, вы имеете

большие шансы на реабилитацию. Необходимо только не останавливаться, и добиваться пересмотра дела, — сказал Айса Рози.

Мы были рады не только таким словам, но и самим фактом, что и чиновники умеют говорить нормально.

Со дня моего приезда в Урумчи прошло уже два месяца, а результатов пока у нас не было никаких.

Мы уже намеревались поехать в места нашего заключения, однако, приехавшая Зохра сказала, что начальники там поменялись, и мы лишь потеряем время.

Тем не менее, мы съездили туда, где сейчас находились наши бригадиры. Но и они не смогли нам помочь.

Делать было нечего, и мы решили вновь вернуться в Медицинский институт, чтобы узнать в Отделе безопасности, что же нам теперь делать.

Едва мы вошли в здание, как нам повстречался Айса Рози. Он сообщил нам, что сам намеревался искать нас, так как в институте работала Специальная комиссия, направленная из Пекина. Айса Рози советовал нам обратиться непосредственно в комиссию.

Поднявшись на последний этаж здания администрации, пройдя по левому коридору, мы достигли крайней двери справа. Постучавшись, вошли в комнату.

В ней находилось два относительно молодых военных китайца. На них была отменно сидящая форма, подчеркивающая выправку.

Внимательно выслушав наше дело, один из военных тут же снял трубку телефона, и четким твердым голосом вызвал Айсу Рози и Лао Ма.

Второй между тем, заговорил:

— Позиция по отношению к студентам была ошибочной. Вместо того, чтобы привлечь их на свою сторону, были приняты меры, которые способствовали их ожесточению.

Вскоре появились Айса Рози и Лао Ма.

Члены комиссии из Пекина поручили им разобраться с нашими делами.

Выйдя из комнаты, Айса Рози довольно произнес:

– Вот теперь мы вам поможем. У нас есть для этого основания в виде поручения Специальной комиссии.

На автобусе мы все – вчетвером направились к зданию архива Управления общественной безопасности.

Там была огромная очередь. Айса Рози и Лао Ма, провели нас внутрь здания. Там также было много народа. Некоторые сидели на корточках, другие теснились вдоль стен.

Попросив нас подождать, Айса Рози и Лао Ма прошли дальше. Вскоре они пригласили и нас. Нельзя сказать, что мы встали во главе очереди, однако, продвинулись относительно близко к двери в большую комнату.

Айса Рози указал на молодого, худого человека, и предупредив, что его зовут Аблиз, и что он будет заниматься нашим вопросом, сказал, что им с Лао Ма необходимо уйти.

– Если возникнут какие-то сложности, вы найдете нас в институте, – добавил он.

Стоя в очереди, каких только историй мы не заслушались.

Какая-то женщина жаловалась, что ее сына убили во время «культурной революции». И она не могла найти никаких документов относительно дела сына. Вскоре ей передали какую-то бумагу, и женщина, вся в слезах, удалилась.

Старик-казах все время твердил, что его, как скотину, поместили клеймом. Очевидно, выслушивая его, Аблиз не совсем поверил в это. Тогда старик приподнял свой чапан, и на его спине многие увидели выжженные китайские иероглифы, означавшие слово «скотовладелец».

При виде этого клейма, Аблиз даже отложил свою ручку, и приблизившись к старику, потрогал его.

Люди находились в шоке. Между тем, в разговор вступил молодой человек, очевидно, сын этого старика.

– Пострадал не только отец. Всю нашу семью подвергли издевательствам. Из-за этого колпака – обвинения, наших детей не берут в школу, мы не имеем права учиться в институтах, нас не берут на работу. Мы даже не можем жениться, так как родители наших невест боятся связываться с такой семьей.

Сев на свое место, Аблиз несколько мгновений молчал, а затем, взяв ручку, принялся что-то быстро писать на листе бумаги.

Вручив исписанный листок старику, он произнес:

– Ага, отнесите это письмо в партком Автономного района. Они вам помогут.

Благодарный старик вместе с сыном направился к выходу.

Стоявшая впереди нас женщина рассказала о том, что она видела своими глазами:

– Я обратилась с заявлением о реабилитации в Кульджинский областной филиал Управления общественной безопасности, – рассказала она. – Передо мной в очереди стоял мужчина средних лет, казах по национальности. Он сопровождал больного отца, а подавал заявление в связи со смертью братишки. По его словам, они жили в Монгол-курят. Братишку обвинили в принадлежности к организации «Восточный Туркестан». Его подвергли страшным пыткам. В частности, перевязали все тело тонким шелковым шнуром. Потом принялись избивать до такой степени, что тело вздулось. В местах, где был шнур, кожа полопалась, и со скальзывала, обнажая мясо. Боль была невыносимой.

Когда изверги попытались вновь связать его, парень не выдержал и умер.

Мы все были в шоке от ее рассказа. Тем временем, Аблиз сказал, что этот мужчина приходил к нему. Он пытался найти архивные материалы, связанные с его братишкой.

– И что стало с его заявлением? – поинтересовалась Сажид.

– Его передали для рассмотрения в суд средней инстанции.

Наконец подошла наша очередь. Аблиз внимательно выслушал нас и взглянул на бумагу, выданную нам в институте.

– Я передам ваши бумаги в Управление общественной безопасности. Они найдут связанные с вами материалы и примут соответствующее решение. К сожалению, в период «культурной революции» многие архивы были утеряны. Однако, я думаю, вопрос можно решить. Нужно только немного подождать. Вы должны будете наведываться и узнавать о продвижении дела.

Поблагодарив Аблиза, мы вышли на улицу.

Через две недели мы вновь вернулись в приемную к Аблизу. Опять пришлось отстоять огромную очередь.

Перед нами в очереди стояла тридцатипяти-сорокалетняя женщина. Она была общительна, улыбающаяся. Рядом с ней стоял угрюмый старик. Женщина что-то вполголоса говорила ему, явно пытаясь поднять его настроение.

Мы подумали, что это был ее отец.

Когда подошла их очередь, женщина стала рассказывать Аблизу свою историю. Нам тоже был слышан ее рассказ.

– Это мой муж. Во время «культурной революции» его арестовали. Меня к нему не допускали. Как-то ночью в

окно дома постучали. Я узнала в пришедшем человеке Ахмад-аку, который работал вместе с моим мужем. Почувствовав неладное, я поспешила открыть дверь, и Ахмад-ака тревожно зашептал, что моего мужа страшно избили, и видя, что он не дышит, приказали закопать его. Когда Ахмад-ака повез тело на кладбище в сопровождении самих убийц, то увидел, что мой муж жив. Не подавая вида, он слегка присыпал место землей, и поспешил к нам, чтобы сообщить об этом. Не помня себя, я разбудила старшего, пятнадцатилетнего сына, и расспросив у Ахмада-ака подробное место, где был закопан муж, поспешила с сыном туда. Ахмад-ака предупредил нас, чтобы ни в коем случае никому не говорили, что это он указал это место. Раскопав полумертвого мужа, мы с сыном целый месяц скрывали его в сарае. Наконец, когда он более-менее поправился, мы решили отправить его к его сестре, в Турфанскую область. Два с половиной года он жил в Турфане, Токсуне, Пичане. Затем вернулся под видом того, что он брат моего мужа. И вот мы здесь, чтобы обрести документы, свидетельствующие, что мой муж жив.

Нам Аблиз сообщил, что передал дела в отдел приема документов Управления общественной безопасности.

– Обратитесь к заведующему отделом Мусе Исе. Теперь он будет заниматься вами, – сказал Аблиз.

Таким образом, со дня наших мытарств по инстанциям, прошло полгода.

За это время дважды за мной приезжали вооруженные охранники. На грузовике они вывесили флаги, транспаранты, портреты Мао Цзедуна.

Однако оба раза начальник районного отделения Управления общественной безопасности Харис-абзи отправлял их назад, заявив, что я вернусь после того, как завершится расследование моего дела.

СЛУЧАЙ С ДРАКОНОМ

Как-то, в очередной раз, придя в кабинет Мусы Исы, я застала там какого-то человека, который протянув лист бумаги, произнес:

– Али Юсуп написал заявление с просьбой восстановить его в должности.

Муса Иса взял заявление, и молча положил его в ящикек стола.

Вернувшись домой, я рассказала об этом родным.

– Меня не покидает чувство непредсказуемости судьбы. Так, допрашивавший нас в свое время Анвар Жакулин, сейчас сам находился в тюрьме. Причем, тяжело болен. Али Юсуп, будучи следователем по нашему делу, снят с должности, – сказала я.

Находившийся в доме гость поддержал меня:

– Я вам расскажу одну притчу, которая напоминает сказанное вами. Сто лет назад, когда войска Якуб-бека Бадавлята вступили в Турфан, некоторые его воины стали приставать к красивым турфанским девушкам. Это вызвало возмущение населения. Однако, вместо того, чтобы мирно уладить конфликт и наказать слишком ретивых воинов, восемь авторитетных турфанских лидеров решили поступить по другому. Они отправили своих доверенных лиц к китайскому императору с просьбой оказать содействие в борьбе против Якуб-бека Бадавлята. Огромное китайское войско сумело выбить уйгуров Якуб-бека Бадавлята из Турфана. После этого, император потребовал прибыть к нему тех восемь человек, кто попросил у него помощи. При этом было объявлено, что их наградят. Когда же они прибыли, то не получили награды. Император сказал им, что они пригласили иностранцев, чтобы расправиться

со своими единоверцами. И не было гарантии, что в случае опасности, они не призовут на помощь других, чтобы выбить уже войска китайского императора. Поэтому, по распоряжению императора, они были повешены как предатели собственного народа.

Этот гость был сыном отцовского хорошего знакомого. Они еще долго сидели и вспоминали прошлое. Когда они вспомнили о брате нашего гостя, по имени Жамихун, и истории, которая с ним произошла, то я не поверила им. Однако, мама подтверждала их рассказ.

А говорили они о том, что в марте 1939 года над городом пролетало какое-то невиданное раньше существо. Это не было птицей, потому что имело огромные размеры. Это не было аэропланом, потому что казалось живым. Оно заволокло все небо, на некоторое время замерло, а потом улетело. Всем показалось, что это был огромный дракон.

Через несколько лет, когда Жамихун в составе правительственных войск отправился на поимки «Османа-бандита», то ему пришлось заночевать в горах. Найдя какое-то строение, он забрался туда. Ночью он проснулся оттого, что ощутил себя так, словно бы находится внутри чего-то странного. Под утро, осмотревшись, он понял, что это строение представляло собой скелет огромной ящерицы, или дракона. У него только не было головы.

Жамихун сразу же вспомнил рассказы о драконе, пролетавшем над Урумчи в 1939 году.

До июня наши дела с Сажидой все еще не решались. Муса Иса лишь заверил нас, что мы не были осуждены к принудительным работам режимного характера, а приговорены к общественному контролю. То есть, обвинения против нас носили более легкий характер

Отношение к нам со стороны Мусы Исы также резко

переменилось. Если раньше он даже не хотел и разговаривать с нами, то теперь вел себя очень вежливо и учтиво.

Он сообщил нам, что в связи с тем, что у нас оказалась более легкая статья обвинения, то необходимо, чтобы дальнейшее разбирательство нашего дела проходило в более низшей инстанции. Для этого надо отправить наши материалы в районный отдел Управления.

Я сообщила Мусе Исе, что направляюсь туда и могу отвезти бумаги. Однако он не согласился, сказав, что это не положено. Но он заверил меня, что материалы будут на месте через день.

Однако, когда я, в назначенный срок, обратилась в районный отдел Управления общественной безопасности, то начальник, который оказался китайцем, в грубой форме ответил, что материалы поступили, но их он отправил обратно. Он сказал, что так как мы были осуждены решением Управления общественной безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района, то и вопрос о реабилитации должен решаться на этом уровне.

Я была разочарована. Между тем, прошло еще шесть месяцев.

Перед октябрьскими праздниками, то есть очередной годовщиной образования коммунистического Китая, нас предупредили, что вновь могут объявить военное положение и арестовать. Поэтому, нам настоятельно рекомендовали уехать из Урумчи. При этом намекнули, что после праздников можно будет вернуться.

Послушавшись совета, на огромном крытом грузовике, наполненном такими же людьми, ищущими справедливости, мы направились в сторону Турфана.

Ночью в машине было холодно, а среди нас были маленькие дети.

Промучившись в дороге всю ночь, мы прибыли в Турфан. Там у Сажиды жил дядя, а у меня – троюродная сестренка по отцу и дальняя родственница мамы.

Они водили нас к знаменитому Турфанскому минарету, показывали знаменитые виноградники, и чудо творения рук уйгурских дехкан – подземные галереи-каризы, тянущиеся на десятки километров.

Нас также водили по свадьбам.

Мы вернулись в Урумчи только через неделю.

Как и предполагалось, во время октябрьских праздников, когда отмечалось образование КНР, было введено военное положение, и многие местные жители были задержаны.

ОКТЯБРЬ

Как-то вечером мы с Сажидой пошли к ее сестре в Сандуби. В последнее время Сажидка жила там. К нашему приходу, в комнате находился высокий, черноволосый молодой человек с проницательным взглядом больших карих глаз. Сажидка тепло, по дружески поздоровалась с ним.

– Это наш, чугучакский парень. Его зовут Латиф. Он тоже татарин, – сказала Сажидка, знакомя меня с молодым человеком.

Поздоровавшись с ним, я вышла во двор дома. Там была старшая сестра Сажиды – Зайтуна.

Мы беседовали с Зайтуной, когда подошла Сажидка.

– Пока не стемнело, мне надо вернуться, – сказала я.
– Ты же знаешь, они будут волноваться.

– Мы тебя проводим, – произнесла Сажидка.

Вместе с молодым человеком из Чугучака, мы вышли из дома. Сажидка дошла до окраины Сандуби, и сказав,

что она одна не сможет вернуться в темноте, заверила меня, что Латиф проводит меня до Третьей больницы.

Мне было не совсем удобно идти с незнакомым мужчиной. Вероятно, Латиф почувствовал это. Он вел себя так, словно был моим давним знакомым.

– Моя мачеха в период «культурной революции» подорвала в тюрьме свое здоровье. Я перевез ее в Урумчи. Сейчас ей лучше. У меня кроме мачехи и троюродной сестры, больше никого нет. Моя мама умерла в 1960 году из-за неудачно сделанного ей укола. Отец же, в 1969 году, скончался в больнице от рака желудка. Мне было трудно все это пережить. Поэтому я уехал в Чугучак.

Латиф замолчал, и после небольшой паузы, продолжил:

– У меня был единственный брат. Но он уехал в Советский Союз. Родственников же у нас было много. У отца было пять братьев и сестра. У мамы – два брата и сестра. Все они находятся в Союзе. После 1962 года, взаимоотношения двух стран были прерваны. Мы не могли получить никаких известий друг о друге.

Он опять замолчал. Потом, посмотрев на меня, добавил:

– Я очень рад, что познакомился с вами.

Мне показалось, что он говорил искренне. Но я молчала. Лишь еле заметно улыбнулась.

Латиф замедлил шаги, и глядя на меня, тихо, как-то смущенно сказал:

– Честно говоря, я полюбил вас.

Удивленно, я смотрела ему в глаза.

– Я хотел бы, чтобы мы были рядом всю оставшуюся жизнь, – добавил он.

Я не знала что ответить. Все было так быстро и неожиданно.

– Это невозможно. Я была в заключении. На мне колпак преступника, нахожусь под надзором. Для моей свадьбы нет никаких возможностей.

Латиф улыбнулся:

– Я знаю о вас все. И я хочу, чтобы мы все трудности делили поровну. Даже если вас вновь посадят в тюрьму, я отправлюсь туда вместе с вами.

С того дня мы стали встречаться. Он понравился и моим родным. И они дали согласие на нашу свадьбу. Для ее подготовки, Латиф, в декабре отправился в Чугучак. Он намеревался вернуться под новый год. Однако, сумел вернуться лишь в марте.

Дело было в том, что Латифу не давали разрешения на брак, так как я сидела в тюрьме, и потому, считалась неблагонадежной. Лишь с помощью старого знакомого ему удалось добиться получения разрешительного документа.

Свадьба состоялась в апреле. Она прошла очень весело, с соблюдением всех наших обычаев и традиций.

Двадцать девятого апреля я направились в районный Отдел Управления общественной безопасности. Оказалось, что все бумаги на нас пришли, и было принято решение.

Как выяснилось, официального колпака на нас не надевали. А следовательно, режим общественного контроля за нами, аннулировался.

В этот раз я встретила с местным начальником Харисом-абзи.

Едва я вошла, как он воскликнул:

– Радостная весть, получены разъяснения относительно вашего дела, присланные из Управления общественной безопасности Автономного района. Согласно инструкциям, мною уничтожены папки с вашими старыми делами, и теперь работа будет проходить, со-

гласно новым фактам. Пока об этом никому не говорите, но именно это обстоятельство позволило не только снять колпак, но и избавить вас от контроля руководства Нансана. Сейчас они вам уже ничего не смогут сделать. Я поздравляю вас.

Я поблагодарила Хариса-абзи, чьи родители были близко знакомы с моими, поспешила сообщить о радостном событии родным.

В нашей семье, как и в семье Сажиды все были рады, словно наступил какой-то праздник.

В феврале была свадьба и Сажиды. Она вышла замуж за татарского парня, которого звали Рубин Шакиров. Свадьба также прошла весело и с размахом. Она тоже была счастлива. Сейчас Сажида готовится стать матерью. Если Аллах захочет, у нее к концу года родится ребенок.

Двадцать третьего мая мы направились в Чугучак. Закия, Латиф и я, на машине, за рулем которой находился знакомый Латифа – Сагит, останавливаясь в дороге в городах и селах, через три дня добрались до Чугучака.

Природа в тех местах была так прекрасна, что мне хотелось остаться там на несколько дней. Однако Латиф торопил, говоря, что нас уже заждались домашние.

Чугучак был небольшим одноэтажным городком. На этом фоне выделялось здание в несколько этажей, принадлежащее Хасанбаю Жанишиву. Хорошие дороги в Чугучаке также практически отсутствовали. С наступлением темноты, на существующих кривых улочках, людей было мало и вокруг было тихо.

Наконец мы выехали на улицу «Освобождения» и машина остановилась возле дома номер один.

Со двора дома вышли около десятка человек. После того, как мы поздоровались с ними, все под звуки гар-

мони, направились к дому Латифа, который располагался немного далее.

Родные, друзья, знакомые и даже соседи, сопровождали нас. У самого дома нас встретила троюродная сестра Латифа – Разия-апай. От радости, у нее на глазах поблескивали слезы. Под продолжающиеся звуки гармонии, Разия-апай повела меня в дом. Во дворе на нас посыпался дождь из конфет и лепестков цветов.

У самого порога была расстелена белая ткань, на которую я должна была наступить. Согласно обычаю, после этого, эту двухметровую ткань разорвали на куски.

Дом, состоявший из двух больших комнат, наполнился людьми. За накрытыми столами гости сидели достаточно долго.

Муж Разии-апай, – Самат-абзи был человеком религиозным и мягким по натуре. Он пять раз в день читал намаз.

У них было два сына и дочь, которые росли воспитанными, хорошими детьми. Старшая дочь – Мокаш, готовилась для поступления в Медицинский институт. Сын Жаггар, после окончания средней школы, дня «приобщения к новому стилю воспитания», был направлен в городскую коммуну. Младший сын Рифат учился в школе.

Разию-апай и всю ее семью я воспринимала как своих самых близких людей.

С Латифом у нас все было хорошо. Мы понимали друг друга, помогали и поддерживали в трудную минуту. Одним словом, мы были не просто любящими супругами, но и стали друг для друга верными друзьями.

Мне очень понравились жители Чугучака. Они были открыты душой, и им было чуждо чувство зависти.

Среди наших соседей были уйгуры, казахи, татары, дунгане, и китайцы. Удивительно, но чугучакцы вы-

работали свой, ни на какой другой не похожий язык. Между собой они разговаривали на этом языке. В течение двух недель, я познакомилась со всеми своими ближними и дальними соседями.

Вскоре у нас с Латифом родился сын. Мы называли его Азат. Еще до его рождения, мой отец сказал, что если родится сын, чтобы мы называли его «Азат», так как нет ничего важнее и выше, чем быть свободным и независимым. А слово «Азат» как раз и означает «Свобода».

Поэтому, отец написал письмо, в котором страстно желал, чтобы внука называли «Азат», что символизировало бы так необходимую нашему народу, нашей родине, свободу.

Когда Азату было два с половиной года, у нас родилась дочь Кафия. День рождения дочери был, наверное, самым счастливым днем в жизни моей и Латифа.

Слава Аллаху, наши дети выросли здоровыми, умными, красивыми и воспитанными.

В 1975 году я спросила у Латифа о том, почему их семья не уехала в Советский Союз после трагических событий в Чугучаке в 1962 году?

По словам Латифа, первые беженцы появились в мае 1962 года. Они направились через границу ничего не взяв с собой. Они даже не успели съесть готовый обед, так и оставшийся на кухнях их домов.

Однако еще пятого апреля, братишка Сажиды – Обул-Гайри двинулся в путь с целой группой своих сверстников.

После того, когда стало ясно, что они не вернуться, десятого апреля к границе потянулась другая группа, в которой находился дядя Сажиды – Мансур.

Двадцатого-двадцать пятого апреля, люди уже шли открыто и большими группами.

Видя такое положение дел, правительство областно-

го уровня выступило с заявлением, распорядившись задерживать прорывающихся к границе людей.

Была развернута пропаганда, согласно которой людей призывали не переходить границу, ибо в Советском Союзе их не примут и вернут обратно.

Одновременно через разъезжающие специальные машины с громкоговорителями, убеждали людей, в случае их отъезда, забирать с собой не только предметы первой необходимости, но, по возможности, все, что только можно. Многих даже подвозили до границы специально выделенные машины.

По словам Латифа, когда основная масса людей все же решила идти, то они брали с собой все. Впереди телег и подвод гнали скотину, домашнюю птицу. Другими словами, люди переселялись надолго, может быть, навсегда.

Расстояние до границы составляло всего семь километров. Но его люди преодолевали целый день, так как дороги были забиты гужевым транспортом и пешими людьми.

Когда уже перешли границу, то выяснилось, что людей, решившихся оставить родные места, было много. Во всяком случае, не меньше, чем сорок-пятьдесят тысяч человек.

– Через три дня отец решил вернуться, чтобы забрать жену, нашу мачеху, – продолжил свой рассказ Латиф. – После смерти мамы, отец женился на женщине из городка Тули. Она работала в больнице, и в связи с проблемами с документами, не смогла уехать со всеми. Так вот, чтобы ее забрать, отец вынужден был вернуться. Мне не захотелось оставлять его одного, и я поехал с ним. А брат остался в Союзе.

Латиф замолчал, заново переживая прошедшее, и затем продолжил говорить:

– Сначала все было нормально. Ведя на поводу запасную лошадь для мачехи, мы благополучно добрались до Дербилжина. Однако там обнаружили, что за нами следят. Отец решил двигаться в открытую, по большой дороге. Он резонно полагал, что если мы будем скрываться, то нас скорее арестуют. Тем не менее, едва мы добрались до дома, как приехавшие следом сотрудники Управления общественной безопасности запретили нам уезжать. Меня временно устроили на работу на мукомольный завод. Они в ультимативной форме сказали, что мы не имеем права до особого распоряжения, уехать в Чугучак. Тридцатого апреля границу закрыли. Лишь в мае нам разрешили вернуться в Чугучак.

Латиф опять замолчал. Я тоже не перебивала его.

– Когда мы вернулись, Чугучак словно бы вымер. Людей практически не было. Мне стало грустно, – продолжил Латиф. – Даже наш трехкомнатный деревянный дом казался каким-то сиротливым. Во всем Чугучаке, кроме тринадцати семей татар, да живших возле «Синего моста» уйгуров, казахов и дунган, никого не осталось. Еще было несколько семей в районе «Черного холма». Улицы были пустынные. Моя троюродная сестра Разия постоянно сидела дома, боясь выходить на безлюдную улицу. Такое подавленное настроение было у всех, кто остался в городе. Однако мы старались помогать друг другу, делились последним, что у нас было. В особо тяжелую ситуацию попали студенты, обучавшиеся в Урумчи. Китайское правительство всячески поощряло их отъезд в Советский Союз. Однако то ли закончилась квота приема, то ли это был хитроумный план китайцев, но границу закрыли, и эти молодые люди оказались отдалены и от своих родных, ушедших в Союз, и от высшего образования, так как их отчислили из институтов и университетов. Дело для них закон-

чилось тем, что они были высланы в город Шихацзе, в распоряжение «Бинтуана» – производственно-строительного корпуса.

Латиф вновь прервал свой печальный рассказ. Через несколько минут, он продолжил говорить:

– Вскоре, в город Чугучак стали переселять китайцев из собственно Китая. Их стали размещать в дома тех, кто уехал в Советский Союз. Так как, все имущество уехавших перешло в распоряжение государства. Переселившиеся китайцы стали обмазывать деревянные, рубленые дома глиной, закладывать большие, светлые окна домов, оставляя небольшие оконца. Они вырубили все деревья в садах и на их месте организовали огороды, выращивая для своего пропитания овощи. Напротив нашего дома был большой сад, принадлежавший Тажи Османбаю. Этот садовый участок разделили между собой десять семей китайских переселенцев. Выращивая овощи, все десять семей вскоре разбогатели. В то время я работал на тракторном заводе. Постепенно, жизнь налаживалась. Однако, с наступлением «культурной революции» наше положение ухудшилось, так как беды этой политической кампании в большей степени обрушились именно на местные народы, а не на китайцев. Нас обвиняли в том, что мы – советские агенты, специально оставленные здесь. Контору завода превратили в пыточную. Вбив в плоскую палку мелкие гвозди, избивали этой палкой. Так, одна из наших родственниц, по имени Мунавар, до того пострадала от этих избиений, что попала в больницу. Таким же пыткам подверглась и Разия Алиева. Жизнь была ужасной. Работая по восемь часов в день на тракторном заводе, мы перестали получать зарплату. В эти дни произошло событие, о котором долго говорили все. Приговоренный к трем годам тюрьмы в связи с событиями 1962

года, Ибрай, был страшно избит. Его избили так, что он потерял рассудок. В специализированной больнице к нему была приставлена круглосуточная охрана. Однако, по странному стечению обстоятельств, Ибраю удалось бежать. И через какое-то время он выступил с обличительной речью по советскому радио. Он обвинял китайские власти, упомянув, в частности, тебя, Суюнгуль, и Сажиду. До сих пор никто не может понять, как ему удалось сбежать, тем более, что его, оказывается, привязывали к кровати.

Латиф вновь замолчал. Но он уже не выглядел таким печальным. Кашлянув, он продолжил:

– Примерно в то же время, из Чугучака словно бы испарилось несколько семей. Причем, они забрали с собой все имущество. Первыми ушли Хадича и ее старшая сестра Хамида.

Когда Латиф назвал имя Хадича, я вспомнила, что это была та самая Хадича, которая встречалась с Аблекимом. Она сыграла большую отрицательную роль во время нашего ареста.

Латиф, между тем, продолжил:

– Хамида не хотела оставлять сестренку одну, поэтому решила ждать ее возвращения из Корлы. Дело в том, что Хадича, после окончания учебы, была направлена в город Корла. Однако там она вышла замуж за китайца, который не имел ни образования, ни нормальной работы. Рождение у них ребенка переполнило чашу терпения Хамиды. Она отреклась от сестренки, и в одну ночь перебралась вместе со своей семьей в Советский Союз. После того, как, таким образом, исчезло восемь семей, было организовано следствие. По обвинению в пособничестве при незаконном переходе границы, были арестованы Мухаммад Карим и Рахматулла. В октябре 1968 года им обоим дали по семнадцать лет

заклучения и отправили в лагерь в окрестностях реки Тарим. Вскоре пришла еще одна ошеломляющая новость. Распространились слухи, что в Советский Союз бежал начальник областного департамента Управления общественной безопасности Рози Таир. Поговаривали, что это он организовал побег Ибрая.

Снова замолчав, Латиф тяжело вздохнул, словно бы собираясь сказать что-то страшное.

– В 1969 году меня намеревались отправить в ссылку в распоряжение «Бинтуана» в городе Шихацзе, – продолжил Латиф. – Однако, положение отца было критическим. У него был рак желудка. Мачеха также болела. Поэтому, отец пошел на завод и стал уговаривать начальство, чтобы меня не направляли так далеко в связи с его тяжелой болезнью. По видимому, не было никаких оснований высылать меня. Во всяком, случае, мне разрешено было остаться в городе. 1 октября 1969 года отец скончался.

Было видно, что Латиф и сейчас тяжело переживал смерть отца. Он замолчал на несколько мгновений, но справившись с собой, продолжил:

– Меня перевели в кузнечный цех. После тяжелой работы проводили еще и политзанятия, заставляя писать объяснительные. Многие друзья отвернулись от нас. Кроме того, после смерти отца, в подавленном настроении находилась и мачеха. У не развивалась психическая болезнь. Ее на работе также заставляли писать бесконечные объяснительные. Как-то придя домой во время обеда, я увидел страшный беспорядок как во дворе, так и в самом доме. Окна и двери были настежь раскрыты, по двору разгуливали куры. Я не понимал, что происходит, но тут прибежал Хамид-сын Мархаба-апай. Он сообщил, что Муслиму-апай, то есть мою мачеху, в одной нижней рубаше волокут в конто-

ру квартальной администрации. Ее избивали, рвали на ней волосы. Ничего не понимая, я побежал в контору. Там я увидел, что мою бедную мачеху привязали к стулу и какие-то молодые подонки хлещут ее по щекам. Я попытался заступиться за пожилую женщину, но меня оттолкнули, и строго прикрикнули, чтобы я не смел заступаться за предательницу и преступницу, которая шла в сторону границы. Никакие слова не могли их убедить, что она всего лишь больна нервной болезнью. Напротив, они продолжали избивать ее. Меня схватили несколько человек и выкинули на улицу из здания конторы. На следующий день мачеху посадили в тюрьму. Я отнес ей необходимые вещи, и регулярно приносил передачи. Вместе с ней, в одной камере, сидела Мунавар – родственница Разии-апай. Лишь через год мачеху освободили, дав направление в психиатрическую больницу. Я повез ее в Урумчи. Там она находилась немногим больше года.

Латиф вновь замолчал. Я с нетерпением ждала продолжения его рассказа. Вскоре он заговорил:

– В то время, один из наших родственников Ахметхан-абзи, во сне увидел, что с неба упала молния и сожгла все портреты и памятники Мао Цзедунa. Не в силах сдержаться, Ахметхан-абзи рассказал свой сон ближайшим соседям. Причем, он посчитал уместным объяснить этот сон. По его мнению, скоро должны наступить новые времена, так как, согласно сну, Мао Цзедун должен оставить власть. Едва Ахметхан-абзи дошел до своего дома, как его уже ждали сотрудники Управления общественной безопасности. Избив бедного Ахметхана-абзи, они надели на него наручники и увезли с собой. Как вскоре выяснилось, за виденный сон и его интерпретацию, ему присудили десять лет лагерей. Одновременно, все его имущество, включая

дом и сад было конфисковано, а его семья выслана в город Шихо. На месте сада вскоре построили общежитие для семей сотрудников областного департамента Управления общественной безопасности. Отсидев десять лет, Ахметхан-абзи вернулся в родные места, но вскоре скончался от рака желудка. Почти сразу же после него, от ожогов умер его младший сын Идсин. Старший сын Надир также скоропостижно скончался, не успев обзавестись семьей. Не выдержав всех этих испытаний, умерла и их мать, жена Ахметхана-абзи, – Гаффа-апай. Вот так из-за сна была уничтожена целая семья.

Латиф замолчал. В этот раз молчание длилось довольно долго. Наконец, он произнес:

– «Культурная революция» принесла всем нам так много горя. Нет ни одной семьи, которая бы не пострадала. Наш красивейший Чугучак погрузился в печаль. Он превратился в китайский провинциальный городок. Повсюду видишь только китайцев. Раньше по всему Чугучаку разносилось благоухание роз, а теперь, только и чувствуем вонь китайских приправ.

Слушая эти слова Латифа, я вспомнила то, что мне рассказывали об одном приграничном случае периода «культурной революции». Как-то к нам приехала из Монгол-кура, что находится недалеко от Кульджи, Махмуда-хада, которая была сестренкой Махфузы-апай, – жены моего дяди.

В то время муж Махмуды-хады – Юсуп работал в Монгол-кура главным ветеринарным врачом.

Махмуда рассказала, что как-то утром она обнаружила, что практически все ее соседи, большинство жителей квартала, уехали. Примерно, это было пятьдесят семей. Она подумала, что они бежали в Советский Союз, так как в то время многие поступали таким об-

разом. Граница была рядом, да и кроме того, два государства связывала общая река.

Однако, уже через три дня, Махмуда вновь увидела свою соседку. Да и другие жители вернулись в свои дома, словно бы они никуда и не уезжали.

На удивленные расспросы Махмуды, соседка отвечала, что, действительно, они все перешли границу, надеясь, что советские власти помогут им, зная, какие трудности испытывают местные жители от политики китайских властей. Однако, все оказалось не так, как предполагали люди. Пограничники не пропускали их вглубь советской территории. Они требовали от бедных беженцев вернуться назад, так как граница закрыта.

Соседка Махмуды рассказала, что как они ни просили, говоря, что в случае возвращения их ждет наказание и, возможно даже, и смерть, пограничники были непреклонны.

Видя, однако, что люди не успокаиваются, пограничники сообщили, что их повезут в Алма-Ату. Всех несчастных посадили в огромные самосвалы, в которых перевозят уголь. Но они все равно были рады, так как думали, что избавились от китайского гнета.

К несчастью, сколько они не смотрели вокруг и вперед, надеясь увидеть многоэтажные здания большого города, ничего не было видно. Их просто повозили по округе, чтобы сбить волнение и напор отчаявшихся людей, а затем вновь привезли к границе и выгрузили, подняв кузова самосвалов.

Тем не менее, люди пытались вновь прорвать оцепление и бежать вглубь советской территории. Однако, пограничники получили приказ натравить на людей служебных собак. Страдая от укусов собак и теснимые вооруженными советскими пограничниками, люди вынуждены были бежать назад. Одного старика и ре-

бенка собаки загрызли насмерть. Многие попрыгали в воду реки. При этом, некоторые утонули в ее бурных водах.

Как бы то ни было, люди, претерпев неимоверные трудности, вернулись по домам. Все поняли, что кроме них самих, никто им не поможет. Вместе с тем, они с огромной опаской ждали наказания со стороны китайского правительства. Однако, китайская администрация применила хитрость, ловко манипулируя настроениями людей. Она не стала их наказывать, а напротив, уверяло их в том, что в отличие от советских властей, китайское правительство всегда оказывает помощь и поддержку своим гражданам.

Позже мы узнали, как сложилась судьба тех, кто все же сумел остаться в Советском Союзе. Их обыскивали уже сразу же после перехода границы. При этом, нередко забирали ценные вещи. Затем их отправляли в малолюдные места, где они занимались выпасом скота. Нередко детей разлучали с родителями и отдавали в «Детские дома».

Лишь по истечении нескольких лет им разрешили селиться в городах. Также разрешили воссоединиться со своими детьми.

Брат Латифа три года жил в горах, пася овец. Лишь после того, как он женился и обзавелся тремя детьми, сумел уехать в Ташкент.

ЛЕТО 1976 ГОДА

После обеда Латиф решил поспать с полчаса. Приехавшие недавно из Урумчи мои родители также отдыхали. Я сидела на кухне с Азатом на руках.

Вдруг, на весь город громко заиграла траурная музыка.

Не понимая, что происходит, я вышла на улицу. Там – никого. Подойдя к соседнему дому, где жила Кулиман, я заглянула внутрь двора. Там тоже все было тихо. Вдруг, сноха Кулимана – Гулсум, находившаяся у дверей дома, увидела меня.

– Что произошло? – спросила я ее.

Улыбаясь, Гулсум подошла ко мне, и оглянувшись по сторонам, произнесла:

– Мао Цзедун умер.

– Туда ему и дорога! – сказала я.

Гулсум, прикрывая улыбку ладонью, добавила:

– А наши плачут, намереваясь держать траур. Перерыли весь дом, чтобы найти черную материю для того, чтобы повязать на руку.

Я вернулась домой. Вскоре пришла сама Кулиман.

– Слышали, умер Мао Цзедун, – произнесла она. – У тебя нет черной материи. Наш хочет повязку носить на руке в знак траура!

Некоторые люди, выйдя на улицу, плакали навзрыд.

Через два дня, в день похорон Мао Цзедуна, все собрались на Народной площади, и провели траурный митинг. В тот день было жарко. Возможно из-за жары, а может, потому что, действительно, сильно переживали, но некоторые из присутствующих на площади, попадали в обморок. Машины скорой помощи увозили их в больницу.

В 1977 году, после того, как я вернулась в Урумчи, примерно через две недели к нам домой пришел какой-то человек и сообщил, что меня вызывают в контору квартальной администрации.

Естественно, домашние всполошились.

Между тем, когда я вошла в здание конторы, там сидели две женщины и один мужчина.

Они сообщили, что занимаются выяснением дела, имевшего место в Средней школе №5.

Я насторожилась, так как в этой школе работал Каюм. Я подумала, что они будут расследовать факты, касающиеся нашей Организации.

Так и произошло. Они потребовали от меня рассказать о моих взаимоотношениях с Каюмом и о нашем участии в Организации.

– Я понятия не имею о том, что вы спрашиваете! Я не знакома ни с каким Каюмом! – отвечала я. – Вероятно, вы хотите втянуть меня в какую-то аферу.

Они удивленно посмотрели друг на друга.

– Но он сказал, что знает вас, – наконец произнес мужчина.

– В таком случае, устройте нам очную ставку, – не сдавалась я.

Немного помолчав, они сообщили мне, что продолжат расследование, и в случае необходимости, вновь встретятся со мной.

После того, как мы переехали в город, София и Гайша устроились на работу именно в эту школу.

По прошествии какого-то времени, директор школы Якуп обратился к Гайше:

– Оказывается, вы – сестренка Суюнгуль!? Один из учителей нашей школы, по имени Каюм, в период, когда проходило следствие об организации «Восточный Туркестан», показал, что членом этой организации была и ваша сестра. Я и раньше много слышал о вашей сестре. Она ведь даже сидела в тюрьме из-за участия в подобной организации. Как мне помнится, даже была учредителем Организации «Восточный Туркестан». Я знаю и о том, чем она занималась после освобождения из заключения. Понимая, что материалы, переданные следствию Каюмом, могут серьезно навредить вашей сестре, я уничтожил их. А Каюма, к которому я испытываю чувства брезгливости за его

предательство, я направил на исправление в село, где он пасет свиней.

Во время праздника «Хейта», этот человек приходил к нам домой.

ЗИМА 1978 ГОДА

Латиф уехал в Урумчи, чтобы показаться врачам. Вскоре стали расползаться слухи о том, что Советское правительство планирует напасть на Восточный Туркестан. Не прошло много времени, как эти слухи стали обретать реальные очертания. Началась подготовка для эвакуации людей из приграничного Чугучака. Для организации эвакуации назначались специальные люди из каждого учреждения.

С места работы Латифа ко мне пришли несколько человек. Они заявили, что в связи с отсутствием Латифа, я должна буду позаботиться об эвакуации семьи. При этом они спросили, нужна ли мне какая-нибудь помощь?

– У меня маленькие дети. При этих холодах я не могу никуда ехать. Мне нужно дождаться Латифа! – ответила я.

Между тем, подготовка к войне приняла массовый характер. Все учреждения налаживали эвакуацию своих сотрудников и членов их семей. В городках Тули, Дорбилжин люди делали запасы продуктов на случай войны. Китайцы в массовом порядке начали уезжать в китайские провинции. В соседней с нами коммуне, один китаец, захватив с собой двоих старших из семи своих детей, остальных бросил на произвол судьбы. Многие кадровые работники из числа китайцев, поспешно отправляли в собственно Китай, своих детей. Часть китайцев, не имевших возможности уехать, за-

дабривали своих соседей из числа местных национальностей подарками, и просили, в случае агрессии извне, спрятать их и не выдавать советским солдатам.

Я также, на всякий случай, сшила детям теплую одежду. Швейная машинка была в доме у Разии-апай. Она также шила теплые вещи. Мы долго говорили о возможной войне. Разия-апай рассказала, что и в период «Революции трех округов», она также шила теплые рукавицы.

– Практически все жители Чугучака принимали участие в «Революции трех округов», – рассказывала Разия-апай. – Молодежь: и парни, и девушки, все, как один, ушли на фронт. А пожилые, и те, у кого на руках были малолетние дети, разбившись на бригады, обшивали, стирали одежду, пришивали пуговицы, гладили, одним словом, обеспечивали амуницией своих воевавших детей, братьев и сестер. Другие бригады выпекали хлеб. Старики на подводах везли все необходимое на фронт. Тогда мы все были едины. Несмотря на национальность, все местные, коренные жители, с нетерпением ждали и приближали победу над гоминдановскими китайцами.

Вот и сейчас все ожидали начала войны. Однако, эти ожидания были напрасными. Советский Союз не решился отправить свои войска. Войны не было.

В 1978 году Латиф отправился в одну из пригородных коммун. Вернувшись, он попросил меня рассказать историю дунганского паренька по имени Хусан, которого в 1973 году забрали в армию из Нансана. Оказывается, его родители были из Чугучака, и по словам Латифа, он встретился с ними в коммуне.

– Да, я помню эту историю, – ответила я. – Мне самой о ней рассказали. В то время в горах рядом с Нансаном располагались воинские части. В своем подавляющем

большинстве они состояли из китайцев, приехавших в Восточный Туркестан из китайских провинций. То есть, это даже не были местные китайцы. В одну из таких частей направили служить четырех мусульман. Трое из них были представителями местных тюркских национальностей, а один – дунганин. С самого начала службы, эти четыре мусульманина заявили, что им из религиозных соображений нельзя есть свинину. Поэтому, они попросили организовать им отдельное питание. Однако, мало того, что им отказали, но и заставляли питаться вместе со всеми, издеваясь и унижая их религиозные чувства и человеческое достоинство. Как-то ночью, стоя на посту во время дежурства, этот солдат-дунганин, которого звали Хусан, собрал все оружие, и занес его в складское помещение. После этого, захватив несколько автоматных рожков с патронами, он ворвался в помещение, где спали офицеры, и расстрелял их всех. Затем, вбежав в казарму, принялся расстреливать солдат. Отступая, он забаррикадировался на складе, и никого не подпуская к себе, убил огромное число китайских солдат. Прибывшее подкрепление из соседних частей, предпринимало атаки, но не могло достать Хусана, укрывшегося на складе. Местные жители, услышав непрекращающуюся автоматную стрельбу, подумали, что началась война, и побежали в горы. Хусан, тем временем, уничтожил большое количество китайцев. Была даже попытка направить к нему остальных троих мусульман, чтобы они уговорили его прекратить стрельбу, однако Хусан посоветовал им уйти, иначе под пули попадут и они. В результате, когда у него не осталось патронов, Хусан подорвал себя гранатой. Только после его смерти ворвавшиеся на склад солдаты, тыкали в мертвое тело Хусана штык-ножами автоматов до тех пор, пока оно не превратилось в месиво. Число

убитых Хусаном китайцев было огромно. Раненым не хватало места не только в госпитале, но и во всех подсобных помещениях.

Я замолчала, а потом добавила:

— О Хусане мне рассказала сестренка Фирдавс. По ее словам, многие считали его героем. Другие же, напротив, проклинали его.

В Чугучак, как и, наверное, в другие города, после двадцати-двадцатипятилетней отсидки в лагерях Тарима, возвращались бывшие заключенные. Проведя по четверть века в суровых условиях тюрьмы, они все превратились в больных стариков.

Люди старались хоть чем-то помочь им, ведь у них ничего не было, так как все их имущество было конфисковано. Родные и близкие этих людей, после их ареста, бежали в Советский Союз, а им самим за все время принудительных работ, практически не заплатили денег. Поэтому, кто мог, старался предоставить этим людям хоть какое-то жилье, ибо государство бросило их на произвол судьбы.

Как-то мы направились с Латифом на базар. Следом за нами шел какой-то пьяный человек, громко ругавший последними словами китайскую коммунистическую партию и Мао Цзедуна.

Латиф, оглянувшись, узнал в пьяном человеке своего знакомого Хайруллу, который отбыв двадцать пять лет в лагерях в долине реки Тарим, вернулся в город.

В молодости, Хайрулла отличался умом, энергией, и уже в семнадцать лет работал бухгалтером в крупном торговом учреждении.

Однако, найдя какие-то нарушения в его работе, Хайруллу осудили на длительный срок заключения. Все имущество Хайруллы конфисковали, а родителей выслали.

Вскоре обвинение сняли, как недоказанное. Половину суммы распроданного имущества вернули родителям. Однако, самого Хайрулла не оправдали.

В результате, его родители были вынуждены уехать в Советский Союз.

Хайрулле было восемнадцать лет, когда он попал в тюрьму. Сейчас ему было сорок три. Однако он выглядел глубоким стариком, кое-как передвигающимся при помощи трости.

Подождав, пока он подойдет к нам, Латиф поздоровался с ним. Хайрулла ответил на приветствие, а потом вновь принялся ругать китайцев.

Латиф попытался предупредить его, чтобы он не ругался так громко.

– Хайрулла, ты отсидел двадцать пять лет. Будь осторожен. Ведь если тебя вновь арестуют, то ты можешь и погибнуть.

Хайрулла посмотрел на Латифа, и произнес:

– Я только и жду этого. Пускай меня вновь арестуют! Что у меня осталось? Родителей нет. Жены и детей нет. Нет ни братьев, ни сестер. Нет ни дома, ни работы. Нет и денег, нет и здоровья! Ничего у меня нет! Для чего же мне жить? И все это – из-за этих китайцев. Это они все отняли у меня, это они разрушили мою жизнь...

Услышав эти слова, мне так захотелось хоть чем-то помочь Хайрулле. Но я была бессильна.

Когда мы пришли домой, Самат-абзи вдруг сказал:

– Слышали, из лагеря вернулся Хусейн-гармонист? Я сходил к нему, проведаль. Уж очень он постарел. Да и здоровье уже не то. В районе «Черного холма» жил один старик. Так вот, Хусейн-гармонист поселился у него в домике. Я позвал его на завтра в гости. Как он играет на гармонии! Таких, наверное, больше нет!

Не успел Самат-абзи закончить, как в дверях появился Жаггар. Снимая пальто, он сказал:

– Сегодня в районе «Черного холма» чья-то лошадь понесла и телега раздавила Хусейна-гармониста. Его подняли и перенесли в домик, где он жил.

– Он жив? Как переехала его телега? – воскликнул Самат-абзи.

– Жив, но говорят, у него переломан позвоночник.

Наутро пришло известие, что Хусейн-гармонист скончался.

Какая же это трагедия, – отсидеть двадцать пять лет в тюрьме, освободиться, вернуться домой, в Чугучак, и через неделю, умереть...

С юности, Хусейн-гармонист был душой компании. Однако, он пристрастился к вину. Именно это ему и вменили в вину, и отправили в лагерь. Его семья задумала уехать в Советский Союз. Они неоднократно обращались к властям, чтобы разрешили забрать и Хусейна. Однако им было в этом отказано. В результате, они были вынуждены оставить его и уехать сами. А он двадцать пять лет провел в лагерях, в пустыне.

И это всего лишь одна трагическая судьба. А сколько таких безвинных людей погибло в заключении?! У которых в результате ложных обвинений разрушились семьи, надежды, сама жизнь! Вот как в одном только маленьком Чугучаке люди переживают, настоящую трагедию безвинно пострадавшим...

1978 ГОД

Пришла моя урумчинская сестренка Гайша. Она посоветовала нам уехать в Австралию.

По ее словам, сидевшие вместе со мной в тюрьме Сагит-абзи и Газраил Абид, оказывается, перебрались туда. Они написали письмо, которое пришло на наш

урумчинский адрес. В нем они приглашали нас в Австралию, беря на себя оформление всех бумаг для получения визы.

Услышав об этом, все родственники пришли к выводу, что нужно воспользоваться этим предложением. Для того чтобы узнать мое с Латифом мнение, они и направили к нам Гайшу.

Латиф был сторонником отъезда. Я же была против. Я считала, что мы не должны покидать свою родину, свой народ, и уезжать в незнакомые края. Ведь налаживать новую жизнь в другой стране будет не просто. Языка мы не знаем, больших денег у нас нет.

Латиф и Гайша, напротив, каждый день доказывали мне, что уезжать просто необходимо. Ведь с меня еще окончательно не были сняты все обвинения, я находилась под надзором. Мне выдан документ, что я могу проживать в приграничном Чугучаке только шесть месяцев. Причем, регулярно у меня проверяют наличие этого документа. Проверяющие могут заявиться даже глубокой ночью. По истечении этих шести месяцев, я должна была следующие шесть месяцев находиться в Урумчи. Лишь после этого, имела право вновь вернуться в Чугучак. Или же Латифу будет запрещено жить в Урумчи. Если же я не буду жить в Урумчи, а уеду в другой город, то меня могут лишить прописки. Таким образом, на протяжении семи лет, я поочередно по полгода жила то в Урумчи, то в Чугучаке. Более того, я замучилась искать работу. С огромным трудом нашла работу дворника. Позвонила в отдел безопасности Медицинского института, чтобы предупредить их, но они огорчили меня, сказав, что мне нельзя там работать. В связи с тем, что я находилась под надзором местной администрации, мне разрешено было заниматься только черной работой с окладом не более тридцати юаней

в месяц. Я не хотела ради этих тридцати юаней унижаться и просить местную администрацию помогать мне в поисках работы.

– Видишь, здесь в твоей жизни не будет улучшений, – говорили Гайша с Латифом. – Почему же ты упираешься? Или ты надеешься? Все родственники переживают за тебя. Ведь и мы хотим уехать ради тебя.

Эти слова заставили и меня задуматься. Я не верила, что там я смогу радикально улучшить свою жизнь. Но и здесь было мало надежды что-либо изменить.

Однако сейчас мир не знает правды о ситуации в Восточном Туркестане. Возможно, эмигрировав в Австралию, я смогу обратиться в ООН или к Исламским странам с просьбой обратить большее внимание на положение моей родины. Кроме того, возможно в Австралии мне удастся написать воспоминания и, опубликовав их, также заинтересовать мировое сообщество нарушением прав нации и человека в Восточном Туркестане.

Размышляя таким образом, я согласилась уехать. Услышав это, Гайша и Латиф очень обрадовались.

Мы заполнили анкету, подготовили фотографии. Примерно через месяц Гайша вернулась в Урумчи. А я осталась в Чугучаке, живя в ожидании предстоящих жизненных перемен.

МАЙ 1979 ГОДА

Мы находились в гостях вместе с сокурсниками. Я услышала, как врачи, работавшие в родильном отделении, вполголоса беседовали между собой.

– Так ты нашла какую-то причину? – спросила одна из них, поглядывая по сторонам.

– Не бойся, никого рядом нет! – успокоила ее Адалят.

– Тебе повезло. Повышенное давление. А я не могла ничего придумать. Придется подмасливать, – произнесла Карима.

– Я так и сделала. И решила вопрос. В понедельник, по болезни буду оформлять пенсию.

Ничего не поняв из их диалога, я удивленно смотрела на них.

– Суюнгуль, ты счастливая. Думала о благе народа, за это и страдала! – произнесла Карима. – Потому народ уважает и любит тебя. Вот ты сейчас удивляешься нашим словам. А ведь нас мучает совесть. Поэтому мы и уходим с этой проклятой работы. По большому счету, мы – убийцы. Ведь мы вынуждены умерщвлять новорожденных детей. Каждому врачу ежедневно вменяют в обязанность умерщвлять не менее одного младенца. Если получится больше, то этот врач получает премию. Но квоту выполнить нужно обязательно! За этим строго следят.

Эти слова шокировали меня.

– А куда смотрят родители младенцев?

– В родильное отделение мужчин не пускают. Они ждут на улице. А женщины, в первые минуты после родов, не в силах уделять внимание ребенку, так как они сами едва приходят в себя. Именно первые мгновения после родов – самое удобное время для умерщвления новорожденного. Достаточно сделать один укол, и можно записывать, что ребенок родился мертвым. Однако совесть мучает нас. Мы не спим ночами. Именно поэтому, не достигнув и сорока лет, мы спешим выйти на пенсию. Приказ на умерщвление младенцев поступает сверху. Его нельзя не выполнить. В противном случае следуют суровые меры наказания. Если не выполнить квоту, то тебя обвинят в противодействии властям, и тогда заставят умертвить не одного, а всех родивши-

еся за день младенцев. Поэтому, единственный выход – уволиться, и не принимать участие в этих убийствах, – ответила полная, рыжеватая Халима. Было заметно, что она чувствовала себя виноватой, ибо глаза ее наполнились слезами.

– Вы умерщвляете и детей национальных меньшинств?

– Мы не смотрим на национальность. Убиваем всех, лишь бы выполнить квоту.

– А родители, что, не требуют объяснений? Не выясняют причин смерти ребенка?

На этот раз ответила худенькая, черноглазая Карима:

– Нет. Да и что они могут доказать? Они молча забирают мертвого ребенка и уходят.

Эти слова оставили тяжелое впечатление. Ведь совершенно ясно, что, таким образом, власти осуществляют на будущее поколение скрытую атаку, переходящую в геноцид. Ведь родина, страна, без нации – это просто территория. Таким образом, нашу Родину хотят превратить в землю без коренного народа.

Я подумала о том, что ситуация очень тяжелая. Ведь с уходом с работы нескольких врачей, эта политика поощряемого государством убийства не прекратится...

ИЮНЬ

Мы приехали в городок Тули. Водитель, остановив машину, пошел обедать в ближайшую столовую. Я с ребенком и следовавшие в Дорбилжин женщины, разговаривали, ожидая водителя.

Вдруг, в окно машины, я увидела шедшего по улице Камал-бека. По видимому, он тоже заметил меня, ибо направился в нашу сторону.

Я вышла из автомобиля и мы поздоровались как хорошие знакомые.

– Мы часто думали о том, как вы с Сажидой пережили грозные годы «культурной революции», – произнес Камал-бек.

– Было всякое, – ответила я. – Ну а вы то как?

– Да уж пришлось испытать горя. Сначала меня отправили в коммуну. Там, практически, каждый день избивали, подвергая «критике» с пристрастием. Затем отправили в тюрьму. Снова вернули в коммуну. Когда я находился там, моя жена должна была родить. Так, после родов, ей отказали в медицинской помощи на том основании, что она жена «контрреволюционера». Она истекла кровью и умерла.

Камал-бек на мгновение замолчал, а потом продолжил:

– Услышав об этом, у меня что-то случилось с головой. Потом мне объяснили, что от полученного шока, начала развиваться нервная болезнь, приводящая к сумасшествию. В общем, шестеро детей, фактически, стали сиротами.

Он опять замолчал. Я тоже молчала.

– Лечился я достаточно долго, – продолжил Камал-бек. – Ну, а уже после этого, меня, вроде бы, оставили в покое.

Мы разговаривали продолжительное время. Когда уже прощались, Камал-бек печально произнес:

– Мы – казахи, – наивный и доверчивый народ. Ведь беды, которые обрушились на нас, во многом реализованы нашими же руками. Но я не в обиде на земляков. Просто я понял, что народу нужно избавляться от такой наивности и доверчивости.

1980 ГОД

Мы получили визу для поездки в Австралию. Только после этого я осознала, насколько тяжело оставить все: землю, где ты родился, друзей, с которыми вырос, родных, наконец, народ, и отправиться в путь. Мне вновь не захотелось уезжать.

Латиф, занимавшийся продажей дома, наконец-то сумел найти приемлемый вариант. Дело было в том, что наш добротный дом, решением властей, оценивался в очень маленькую сумму. Это произошло потому, что в оценку входил сам дом, в то время как сад, огород, и окрестная земля считались собственностью государства.

Тем не менее, Латиф сумел продать дом по более – менее устраивающей нас цене, хотя это и заняло достаточно много времени.

Продав дом в Чугучаке, мы переехали в Урумчи.

В день нашего отъезда, чугучакские родственники – Разия-апай, Самат-абзи, а также знакомые и соседи, пришли проводить нас. Прощание было тяжелым. У нас на глазах не просыхали слезы.

Через два дня после переезда в Урумчи, к нам домой пришли мужчина и женщина. Они представились работниками Суда средней инстанции.

– Вы – Суюнгуль, подвергшаяся аресту в 1963 году в связи с созданием подпольной Организации? – спросила женщина.

– Да, – ответила я, ожидая продолжения разговора.

– Сейчас происходят значительные изменения в государственной политике. Вышло постановление, согласно которому пересматриваются дела политических преступников. Многие, кто был осужден вместе с вами, написали заявления в Суд средней инстанции с прось-

бой о пересмотре их дел. Мы как раз и занимаемся этим вопросом. Нам нужно задать вам несколько вопросов. Скажите, материалы Организации хранились у вас?

– Да.

– Что именно из этих материалов изъяли у вас сотрудники Управления общественной безопасности?

– Школьный учебник, изданный в 1949 году в Ташкенте.

Удивленно переглянувшись, они продолжили задавать вопросы.

– А почему забрали эту книгу?

– Наверное потому, что последняя часть книги посвящена истории Восточного Туркестана до 1912 года.

Работники суда вновь переглянулись.

– Еще какие материалы вы им передали?

– Больше никаких.

– Это правда?

– Конечно. Сотрудники Управления проводили у меня дома обыск, но ничего не нашли.

– Что ж, – произнес мужчина, – если так, то это облегчает дело.

Перед уходом, они сообщили, что в последнее время многие осужденные – бывшие студенты Медицинского института, выпущены из тюрьмы, и сейчас находятся под общественным надзором. Однако есть трудности для их полной реабилитации, ибо все их дела переданы в распоряжение Управления общественной безопасности.

По их словам, с моим делом ситуация лучше, так как отсутствуют вещественные доказательства моей вины.

– Одним из тех, кто написал заявление о реабилитации в Суд средней инстанции, был Аблиз. В связи с тем, что его срок еще не был завершен, он находится в лагере. Если мы направим ему бумагу о реабилита-

ции, он может вернуться через две недели, – произнес мужчина. – А почему вы, после выхода из тюрьмы, не написали в адрес Суда средней инстанции, заявление с просьбой о реабилитации?

– Если бы я написала заявление, и оно было бы переслано в Нансан, меня могли просто убить. Так как нас осудило Управление общественной безопасности, оно и должно было нас реабилитировать. Однако на протяжении четырнадцати лет я не могла добиться от них не то, что реабилитации, но и нормального ответа. Со мной обращались хуже, чем с бездомной собакой. Поэтому, я вынуждена уехать в Австралию.

Больше молчавшая женщина переспросила:

– Вы хотите уехать в Австралию?

– Да, все формальности с документами завершены. Надеемся вскоре уехать.

Мужчина лишь произнес:

– Значит, вы уже решили...

Через две недели меня вызвали в Суд средней инстанции. Там мне сообщили, что всех заключенных, арестованных в Медицинском институте, было решено реабилитировать и вернуть из лагерей. Нам же с Сажидой они посоветовали настойчиво добиваться реабилитации в Управлении общественной безопасности. По словам работников Суда средней инстанции, на их запросы по нашему делу, сотрудники Управления общественной безопасности отвечали отказом.

Нам ничего не оставалось, как самим вновь обивать пороги Управления общественной безопасности.

Однако сдвигов не было. В течение восемнадцати лет не добившись положительных результатов, я решила уехать даже без справки о реабилитации.

Впоследствии я узнала, что Сажиду все же реабилитировали по истечении двух лет.

Вместе с тем, Сажидида, после того, как она родила дочь Раиду, претерпела огромные трудности. У нее были серьезные проблемы с пропиской. В конце концов, ее супруг перешел на работу в город Карамай. Лишь после этого, Сажиду прописали к мужу, и они вернулись в Урумчи.

В Карамае Сажидида работа в школе при Нефтяном управлении. Затем она перешла на работу в школу при Восточно-туркестанском Институте нефти. Позже она стала директором школы и оттуда вышла на пенсию.

Кали вернулся из Чагантокая. Он добивался реабилитации казахских студентов. С ним мы общались до самого моего отъезда. Однако, о Какане и Кобене не было никаких известий.

Действительно, через две недели, из лагеря в бассейне реки Тарим, вернулся Аблиз. Уже на следующий день мы встретились.

Аблиз мало изменился. Во всяком случае, он выглядел лучше других заключенных. Он рассказал историю своего побега. О ней я уже знала. Вернувшись добровольно, он сумел устроиться лагерным врачом.

Через неделю после возвращения из лагеря, Аблиз уехал в город Кульджу, чтобы повидаться с родными. Вернувшись из Кульджи, он все время был с нами. Лишь за неделю до моего отъезда, Аблиз, попрощавшись, вновь уехал в Кульджу с намерением жениться там.

Перед отъездом я встретила с сокурсниками. В основном это были казахские студенты, а также Ахмад-ака и Гопур.

Гопур изменился мало, однако встретил меня он очень холодно. Ахмад-ака постарел, но и его общение со мной ограничилось лишь тем, что он поздоровался, и отошел в сторону.

Заметив это, казахские сокурсники стали упрекать их.

– Вы должны быть благодарны Суюнгуль. Ведь если бы и она передала материалы в Управление общественной безопасности, как с нами поступил Атлишбек, вам бы было гораздо труднее, – произнес Орунбай.

Выйдя оттуда, я направилась в комнату Студенческого совета. Там я встретила Гопур-акой и Рахим-акой. Они сообщили мне, что теперь все будет хорошо. Мне зачтут в стаж восемнадцать лет тюрем и лагерей. Заработная плата будет как и у всех.

– Мы были не правы. И я прошу у вас прощения, – сказал Гупур-ака в конце беседы.

Я не поверила своим ушам.

– Не извиняйтесь, – произнесла я. – Просто, было бы хорошо, если все люди признавали истину.

– Наверное, вы правы, – сказал он.

Немного помолчав, добавил:

– Теперь все будет хорошо. Может быть, не поедете?

– Если бы это было год назад, я бы не уезжала. А сейчас уже поздно.

Гопур-ака проводил меня до автобуса. Я видела, что он стоял и смотрел вслед, пока автобус не превратился в точку.

В автобусе я задумалась над словами Гопур-ака. Я поняла, что он тоже изменился.

Мне вспомнилась история Обулкаси́ма, который учился на нашем курсе. У него заболело ухо. Местные врачи не могли его вылечить и посоветовали отправиться в Шанхай, где были надлежащие специалисты. Однако руководство института отказало Обулкасиму в поездке.

В это самое время, кто-то расколол унитаз в мужском туалете. Подозрение пало на Обулкаси́ма, которого обвинили в том, что он, обидевшись на отказ в поездке в Шанхай, таким образом отомстил администрации института.

Его осудили к трем годам заключения.

Вскоре, однако, выяснилось, что унитаз расколол не Обулкасим. Это сделали Савут и Алтунбек. Они признались в этом сами, так как совершили это деяние по неосторожности, а не специально.

Тем не менее, Обулкасим отбыл в заключении три полных года. И больше всех на его осуждении настаивал Гопур-ака.

А сегодняшний Гопур-ака – совершенно другой человек!

Я поняла, что «культурная революция» круто изменила его кругозор, его понимание жизни.

Тридцатого сентября мы провели с теми, кто пришел попрощаться. Люди были из Кульджи, Чугучака, Турфана. Народу было много, молодежь пела песни под звуки гармони. Пришли знакомые, друзья, соседи.

Когда в машину усаживали больного отца, все вышли на улицу. Мы обошли дом, сад, и попрощались с ними. Было такое чувство, что и они плакали вместе с нами.

Все расселись в машины и отправились на вокзал. Все вокруг казалось таким родным и близким. Мы не могли насытиться красотой родной земли.

Хотя играла гармонь, люди пели, но на душе была тяжесть расставания.

Мы приехали на вокзал. Оставался час времени до прибытия поезда. На вокзале было много народа. Молодежь продолжала играть на гармони и петь песни.

Появились учителя и школьники из школы, где учились Гайша и София. В руках у детей были пряники. Тепло прощаясь, они даже читали стихи.

Подожли работники транспортной милиции. Узнав в чем дело, они были удивлены количеством провожающих.

В этот момент подошел поезд. Вновь прощаясь, мы еле успели сесть в вагон.

Не успев выйти из вагона, с нами до следующей станции уехали провожающие: наши родственники Маннап-абзи и Мухаммад-Сеит-ака, а также два подростка, которые были друзьями моего братишки Ризы.

Когда мы доехали до Сияпула, наступила темнота. В вагоне было грязно, витали какие-то запахи, в коридоре было полно людей.

Мы разговаривали до полуночи. Меня потянуло в сон. Вдруг, раздался голос Ахмада:

– Вставайте, светает! Смотрите, наши горы – горы Танритаг сопровождали нас до этих мест. А теперь они прощаются, ведь они остаются, а мы уезжаем. Они словно бы хотят удержать нас!

Мне показалось, что его глаза наполнились слезами.

Я смотрела на горный хребет, который, действительно, напоминал мать, на плечах которой был белоснежный платок. Она, словно бы раскинув руки, расставаясь со своими детьми, безудержно рыдала...

Мы все, не отрывая глаз от вагонного стекла, с щемящим сердцем прощались с Родиной, с нашей родной и единственной землей...

А поезд мчался, словно бы боясь, что его могут поймать и заставить остановиться.

Куда приведет нас судьба? Что нас ждет впереди? Да пошлет нам Аллах счастливые дни!

Судьба распоряжалась нами. Мы вынуждены были оставить свою единственную, прекрасную Родину.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Тюрьма.....	8
Торжественное выпускное собрание.....	17
Движение по «исправлению стиля».....	18
Движение по выплавке руды.....	23
Голодные годы.....	32
Январь 1961 года. Период каникул.....	48
Июнь 1961 года.....	50
28 Августа 1961 года.....	55
Искания. Ноябрь 1961 года.....	57
Декабрь 1961 года.....	60
31 Декабря 1961 года.....	63
Создание организации «Трудовая народная партия Восточного Туркестана». 5 февраля 1962 года.....	66
Август.....	82
Ноябрь 1962 года.....	86
12 Декабря.....	90
30 Марта.....	99
10 Апреля.....	103
13 Апреля.....	106
15 Апреля. Понедельник.....	107
16 Апреля.....	109
17 Апреля.....	110
18 Апреля.....	118
19 Апреля.....	128
20 Апреля.....	130
21 Апреля. Воскресенье.....	135
22 Апреля. Понедельник.....	136
23 Апреля.....	143
29 Апреля. Понедельник.....	144

Тюремная жизнь 30 апреля.....	150
Праздник «Курбан Хейт» в тюрьме 4 мая 1963 года...	154
9 Мая 1963 года.....	156
18 Мая.....	160
22 Мая.....	161
25 Мая.....	161
28 Мая.....	162
10 Июня.....	163
5 Июля.....	165
8 Июля.....	166
9 Июля.....	167
Арест молодых Аблиза и Зуннуна 13 июля 1963 года.	
Суббота.....	172
14 Июля. Воскресенье.....	173
17 Июля. Среда (Не найденное письмо).....	175
20 Июля. Суббота. Кофта Турнисы.....	177
28 Июля. Воскресенье.....	179
Ссылка в Шийгоби.....	180
Избиение Ваном Сажиды.....	192
Интриги Махинура.....	196
Пещеры по дороге на Лой Саго 15 сентября.	
Вторник.....	200
18 Сентября.....	202
Приезд мамы и брата Сажиды 20 сентября.....	203
15 Октября.....	206
Трагедия Патигуль 20 октября.....	207
Встреча со студентами, арестованными в 1962 году	
26 октября. Суббота.....	209
28 Октября. Понедельник.....	210
Рассказ Имханам.....	213
Обмороженные ноги Айшам 31 декабря. Суббота.....	231
21 Марта. Суббота.....	232
Время уборки урожая 25 июня 1964 года. Четверг....	234
3 Августа.....	236

Низложение бывших членов Национальной Армии Восточно-Туркестанской Республики 24 августа.....	237
Трагическая жизнь Исмаила 27 сентября.....	238
Прибытие комиссии. 25 сентября.....	241
Переезд мужского отряда. 4 октября.....	243
Поимка кабана.....	244
Переезд женского отряда в Шабаху. 23 февраля.....	246
Шабаху.....	248
Рождение Желила. 28 февраля.....	249
Не зарегистрированный Желил. 11 марта.....	251
Стычка между китайцами и представителями местных национальностей. 13 марта.....	252
15 Марта.....	255
Встреча со старым знакомым отца Ма Жинтаном. 26 марта.....	257
Арест артистки Марпу 24 апреля.....	258
25 Апреля.....	261
Конец срока заключения Сажиды. 29 апреля. Четверг.....	263
Отправка на поселение в местность Кара-Килчин, района Маралбеши, Кашгарской области.....	265
Письмо, пришедшее из Кара-Килчина. 26 июля.....	267
Отъезд Сажиды. 20 сентября.....	268
Арест Сопсун. 15 ноября.....	269
Бегство братьев. 6 декабря.....	273
Страдания Хажар-буви. 17 марта.....	275
Третья годовщина моего ареста. 29 апреля. Пятница.....	281
Заключение под контроль управления общественной безопасности. 1966 год. 12 мая. Четверг.....	283
15 Мая.....	287
16 Мая.....	287
Начало культурной революции. 18 мая.....	292
10 Августа.....	297

15 Августа.....	298
29 Сентября.....	302
11 Ноября.....	304
Обвинения и разбой периода культурной революции	
19 ноября.....	305
Шествие людей с деревянными дощечками на шеях.	
30 ноября.....	312
3 Декабря.....	316
Спор с революционерами. 31 декабря.....	318
1967 год. Январь.....	321
Атомный взрыв, произведенный в Нансане в апреле	
1967 года.....	322
История о трех машинах. 17 апреля 1967 года.....	323
Собрание борьбы, имевшее место в головном отряде.	
15 июня 1967 года.....	326
29 Июня 1967 года.....	329
Работа в «Красном овраге». 1 сентября 1967 года.....	331
5 Октября 1967 года.....	335
3 Декабря.....	340
21 Марта 1968 года.....	342
13 Апреля 1968 года.....	345
28 Апреля 1968 года.....	348
Арест Рашиды 12 мая.....	354
17 Мая 1968 года.....	356
Кровавое побоище 18 мая 1968 года.....	359
19 Мая 1968 года.....	374
11 Июня 1968 года.....	383
Коммуна номер 2 «Восточный ветер». Лагерь головного	
отряда, рассчитанный на семьдесят восемь	
преступников.....	386
Работа в «Кызыл Сае». 22 июня.....	389
Надежда лагеря в «Адир Арыси». 15 июля.....	391
20 Июля.....	395
22 Августа.....	398

24 Августа.....	399
3 Сентября.....	400
25 Сентября.....	404
20 Октября.....	412
27 Февраля.....	415
28 Марта 1969 года.....	422
Первое объявление военного положения 29 июня (суббота) 1969 года.....	428
1 Июля 1969 года.....	438
20 Июля 1969 года.....	440
5 Марта 1970 года.....	444
Апрель 1970 года.....	447
10 Июня 1970 года.....	452
20 Июня 1970 года.....	453
Февраль 1971 года.....	457
Посещение принцем Сиануком Восточного Туркестана. Февраль 1970 года.....	468
Приезд в Нансан Бинну. Апрель 1971 года.....	470
Претензии Зикан. Апрель 1971 года.....	473
Май 1971 года.....	474
30 Декабря 1971 года.....	476
Зима 1972 года.....	477
Случай с драконом.....	485
Октябрь.....	488
Лето 1976 года.....	502
Зима 1978 года.....	505
1978 год.....	510
Май 1979 года.....	512
Июнь.....	514
1980 год.....	516

Суюнгуль Чанышева

ЗЕМЛЯ, ОМЫТАЯ СЛЕЗАМИ

Перевел с уйгурского языка: Хуршид АЛЬШАХ

Верстка: Зульфия СУЛТАНОВА

Дизайн: Хуршида ИЗИМОВА

Подписано в печать 07.11.2014 г.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 33

Тираж 1000 экз.

Издательский дом “МИР”.

г. Алматы, ул. Жибек Жолы, 64, оф. 3

(уг. ул. Ш. Валиханова)

Тел./факс: +7 (727) 273-39-89,

+7 (727) 328-12-66.

22000c

20

5

